

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
МЕЖКАФЕДРАЛЬНЫЙ СЛОВАРНЫЙ КАБИНЕТ  
им. проф. Б. А. Ларина

# СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

*Издается с 1969 года*

В ы п у с к 12

*Межвузовский сборник*

Отв. редактор проф. А. С. Герд

УДК 800.87  
ББК 81.2Рус-67я5  
С28

Редакционная коллегия: д-р филол. наук проф. А. С. Герд (отв. редактор, С.-Петербург), д-р филол. наук проф. Л. А. Ивашко (С.-Петербург), канд. филол. наук доц. И. С. Лутовинова (С.-Петербург), канд. филол. наук доц. Л. П. Михайлова (Петрозаводск), д-р филол. наук проф. С. А. Мызников (С.-Петербург).

Ответственный секретарь: канд. филол. наук Е. В. Пурицкая (С.-Петербург)

Редакционный совет: д-р филол. наук проф. Н. В. Богданова (С.-Петербург), д-р филол. наук проф. В. В. Колесов (С.-Петербург), канд. филол. наук доц. Н. В. Маркова (Петрозаводск), д-р филол. наук проф. И. И. Муллонен (Петрозаводск), д-р филол. наук проф. Е. А. Нефедова (Москва), д-р филол. наук проф. Н. С. Сергиева (Сыктывкар), д-р филол. наук проф. Г. В. Судаков (Вологда), д-р филол. наук проф. О. А. Черепанова (С.-Петербург).

Рецензент: канд. филол. наук доц. А. Л. Мирецкий (С.-Петерб. гос. ун-т)

*Печатается по постановлению  
Редакционно-издательского совета  
филологического факультета  
С.-Петербургского государственного университета*

**Севернорусские говоры.** Вып. 12: межвуз. сб. / отв. ред.  
С28 А. С. Герд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. — 259 с.

Сборник (вып. 11 вышел в 2010 г.) продолжает традиции сборника «Слово в народных говорах Русского Севера», издававшегося под редакцией Б. А. Ларина. За прошедшие годы у сборника сложился прочный коллектив авторов от Петербурга до Мурманска, Вологды, Кирова, Новгорода, Петрозаводска, Пскова. И сегодня авторитет, признание и нестарение сборнику приносят тематическое единство, стабильность названия, оформления, авторский коллектив, свежесть материалов и идей.

Для филологов-русистов, финно-угроведов, диалектологов, этнографов.

**ББК 81.2Рус-67я5**

© С.-Петербургский  
государственный  
университет, 2012

## «РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ» А. А. ШАХМАТОВА — НАШИ ЗАДАЧИ И НАШИ ВОЗМОЖНОСТИ

*Аннотация.* Статья представляет собой отклик на публикацию книги А. А. Шахматова «Русская диалектология» (СПб., 2010). Идеи Шахматова рассматриваются в свете мнений географов начала XX в. и современных исследователей XXI в., уточняются задачи исторической диалектологии.

*Ключевые слова:* А. Шахматов, Б. Ларин, история языка, диалектология, география.

В 2010 г. благодаря титаническому труду, начатому в конце 1930-х годов Б. А. Лариным и самоотверженно завершеному спустя 70 с лишним лет в наши дни И. С. Лутовиновой, опубликован наконец курс лекций А. А. Шахматова «Русская диалектология». Настоящая статья — не отзыв рецензента, а попытка еще раз взглянуть на взгляды Шахматова с позиции науки XXI в.

При всей многогранности Шахматова как ученого (историк языка, археограф, специалист по грамматике современного языка, лексикограф) основным, что его влекло на протяжении десятилетий, оставалась история языка и историческая диалектология. Именно это стремление и увидел Б. А. Ларин в статье «Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи», которая вместе с Предисловием И. С. Лутовиновой открывает книгу.

Курс лекций Шахматова и по духу, и по воплощению — это очерк восточнославянской исторической диалектологии.

Публикация курса лекций Шахматова «Русская диалектология», переиздание в этой же книге его работы «Древнейшие судьбы русского племени», а также капитальные работы «Очерк древнейшего

периода в истории русского языка», «Введение в курс истории русского языка» дают весьма полное представление о взглядах Шахматова на диалектологию и в особенности на историческую диалектологию<sup>1</sup>.

Б. А. Ларин пишет в упомянутой статье: «...пока у нас нет своего нового теоретического курса исторической диалектологии, нам надо изучать, обдумывать, проверять и в известной части принимать положение акад. А. А. Шахматова, именно те из них, какие наиболее основательно и убедительно аргументированы <...> Рассмотрим его определение диалектологии <...> “Диалектологию можно признать одной из этнографических дисциплин. Этнография того или иного племени будет неполной и недостаточной, если она не примет во внимание диалектологии. Диалектолог, естественно, озирается (!) на выводы этнографии, на другие, привлекаемые им области, характерные для изучаемого населения в его материальном и духовном укладе; диалектологу интересно и важно поставить свои выводы, основанные на языковых признаках, поставить их в связь с выводами, вытекающими из других этнографических выводов”. Такое определение, конечно, неприемлемо для нынешних диалектологов, фанатически замыкающихся в кругу фонетических и грамматических наблюдений, а им следовало бы внять голосу А. А. Шахматова. Это определение явно осуждает бедность содержания <...> “Опыта русской диалектологии” акад. А. И. Соболевского, где языковой материал ни в какой степени не соотнесен с этнографическими данными. Но этому определению отвечают работы таких, например, последователей А. А. Шахматова, как Д. К. Зеленин, С. А. Еремин, С. А. Копорский, Н. П. Гринкова, Б. Л. Богородский, Г. Г. Мельниченко»<sup>2</sup>.

«Он [Шахматов в курсе «Русская диалектология» — А. Г.] в полной мере оценил и как никто до него сумел использовать *сравнительный метод в диалектологии*.

---

<sup>1</sup> Шахматов А. А. 1) Русская диалектология. СПб., 2010; 2) Введение в курс истории русского языка. СПб., 1916; 3) Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1915; 4) Очерк древнейшего периода в истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии / под ред. В. Ягича. Вып. 11. Пг., 1915. Этот труд объемом в 386 страниц содержит не только перечень всех фонетических особенностей общеславянского и общерусского праязыков, но и специальный VI отдел — древнерусские наречия.

<sup>2</sup> См.: Ларин Б. А. Филологическое наследие: сб. статей. СПб., 2003. С. 263.

В курсе он говорит так:

“Диалектология изучает *взаимные отношения* сложившихся в пределах того или иного языка говоров, характеризует особенности этих говоров и анализирует их, если это возможно, *с точки зрения их диалектного же происхождения*. Таким образом, в изучение диалектологии необходимо вводится историко-сравнительный элемент”.

Так акад. А. А. Шахматов открыл глубокий исторический простор диалектологии, — не до XIV в. как времени “рождения” русских диалектов, а до исходных диалектов индоевропейской эпохи<sup>3</sup>.

Многое из того, о чем говорил и писал А. А. Шахматов, остается актуальным и сегодня. Это его идеи о том, что история русских диалектов, изучаемая вместе с политической историей русского государства — ключ к истории русского народа, о роли миграций и колонизаций, о влиянии языка городских центров, таких как Киев, Москва, о месте заимствования в языке и культуре.

Прежде чем перейти к анализу идей Шахматова в свете современной науки, остановимся на некоторых комментариях Б. А. Ларина, приведенных в изданном курсе лекций Шахматова. Это вступительная статья Б. А. Ларина «От редактора» (с. 16–26).

Эти комментарии нужно читать в историческом контексте того времени, когда они писались — в конце 30-х годов XX столетия. Это были годы отрицания теории праязыка и буржуазного индоевропейского языкознания в целом, годы торжества идей яфетического языкознания, палеонтологии речи и теории Н. Я. Марра — о происхождении всех языков из четырех элементов SAL, BER, ROŠ и ION, годы сумбурного и хаотического увлечения гипотезами без их доказательства. Именно в свете сказанного и следует читать такие отступления Б. А. Ларина: «Идеи о многообразном развитии языков, о конкретных исторических путях и судьбах отдельных диалектов, о тесной связи русского языка с другими языками, о глубокой их исторической близости — эти и другие идеи нашего времени заставили русистов совсем иными глазами смотреть на давно известные факты, заставили отойти от многих положений дореволюционной лингвистики, прежде всего — от идеи праязыка и его генеалогии».

---

<sup>3</sup> Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка в курсе лекций акад. Шахматова и наши современные задачи // Шахматов А. А. Русская диалектология. С. 13.

ческого разветвления на умножающиеся диалекты. Приверженцы теории праязыка в диалектах видели одну из самых поздних формаций, возникших путем распада прежде всего единых “общеславянских”, “общегерманских”, “общерусских” и тому подобных “общезыковых”. Правда, идея “живой старины” мирно уживалась с этой праязыковой концепцией, но именно потому, что эту “старину” в диалектах считали поздним историческим явлением, обусловленным относительно недавним отставанием культуры крестьян (на протяжении только последних трех-четырёх столетий). В последней (якобы социологической) перелицовке эта концепция звучала так: крестьянские диалекты — продукт феодальной эпохи. Работа Ф.Энгельса о франкском диалекте и работы акад. Марра обосновали другой взгляд.

В своих методологических принципах советское языкознание отошло от догматов младограмматической школы, какими руководствовался А. А. Шахматов. Наиболее важным и интересным, с нашей точки зрения, является расширение курса диалектологии постановкой вопроса о происхождении русских племен и наречий.

Исходные этнические и лингвистические единицы — а их было много, и они были разнородны — содержали разрозненные элементы будущих языковых единств, содержали скорее зародыши будущих языковых схождений в рассеянном виде и потому они не должны теоретически обобщаться в понятие “пранарода” и “праязыка”, хотя бы мы и признали их как исходные» (с. 18–27).

Вряд ли стоит сомневаться в том, что приведенные комментарии Б. А. Ларина — дань той эпохе, когда не только в стенах Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, не только в Ленинграде, но и в далеком Самарканде и Ташкенте писать иначе было нельзя (вспомним Е. Д. Поливанова).

Конечно, сегодня, в начале XXI в. мы должны рассматривать взгляды Шахматова в строго историческом контексте того времени, когда он читал свои лекции.

С тех пор ровно за сто лет такие науки, как археология, география, социология, достигли исключительных результатов.

Появились и оформились такие научные направления, как теория этногенеза, историческая география, гуманитарная география, историческое музыковедение, выросли и развились по существу новые дисциплины — этнология, картография гуманитарных наук.

В целом концепция А. А. Шахматова отличается исключительной стройностью всего построения, и все же Шахматов недостаточно учитывал достижения исторической географии и археологии того времени.

Уже в 10-е годы XX в. и позднее стали появляться новые работы географов о расселении славян<sup>4</sup>. Начиная с 1899 г., том за томом под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского выходило в свет уникальное этно-ориентированное энциклопедическое издание «Россия», издание, по своему типу и характеру непревзойденное и сегодня, спустя 100 лет<sup>5</sup>.

Еще в 1910 г. В. П. Семёнов-Тян-Шанский в своей работе «Город и деревня» подробно развивает идеи статьи Шахматова «Южные поселения вятичей» о том, что вятичи Повести временных лет при своем продвижении с запада заняли не бассейн Оки, а бассейн Дона, откуда и были впоследствии вытеснены половцами<sup>6</sup>.

В 1915 г. появилась статья В. П. Семёнова-Тян-Шанского «Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян». Статья представляла собой благожелательный комментарий географа к прекрасному труду Шахматова<sup>7</sup>.

По мнению В. П. Семёнова-Тян-Шанского, прочная многовековая земледельческая колонизация ищет удобных почв, не слишком трудных для обработки, и подходящих географических условий.

Для первобытного земледельческого населения в Европейской России, по естественным условиям, существовало четыре таких полосы, идущих с юго-запада на северо-восток: 1–2) мелкорасчлененная, холмистая, высокая, сухая, подзолисто-суглинистая, мелкоозерная полоса более новых конечных морен великого оледенения, тянущаяся из южной части Восточной Пруссии на Вильну и сред-

---

<sup>4</sup> Любавский М. К. Историческая география России в связи с ее колонизацией. М., 1909; Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910.

<sup>5</sup> Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В. П. Семенова. Т. I. СПб., 1899. В 1913 г. вышел т. 19. В 1914 — т. 5 (последний, тома выходили не по порядку).

<sup>6</sup> Семёнов-Тян-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России // Записки Рос. географ. об-ва. СПб., 1910. Т. X, вып. 2; Шахматов А. А. Южные поселения вятичей // Изв. Имп. Академии наук. 1907. № 16.

<sup>7</sup> Семёнов-Тян-Шанский В. П. 1) Географические соображения о расселении человечества в Евразии и о прародине славян // Землеведение. 1916. Т. XXIII; 2) Антропографическая заметка по поводу книги А. А. Шахматова «Очерк древнейшего периода в истории русского языка».

нее течение Западной Двины и здесь разветвляющуюся на две — полосу, идущую на Псков–Лугу–Новгород, и 3) полосу, идущую на Полоцк–Торопец–Валдай; более крупнорасчлененная, холмистая, высокая, сухая, также подзолисто-суглинистая полоса более старых конечных морен великого оледенения, почти без озер, идущая на Келец–Сандомир–Дмитров–Романово–Борисоглебск–Данилов; 4) полоса сухой возвышенной лесополосы с переходными почвами от чернозема (с которым первобытному человеку, по несовершенству земледельческих приемов, было не справиться) к суглинкам; эта полоса тянется от Дубна на Житомир, Киев, Чернигов, Новгород Северский, Болхов, Тулу, Рязань. Вот естественные полосы мирного земледельческого внедрения литовцев (балтийцев) и славян в Европейской России. Из них моренные подверглись более раннему внедрению, чем лесостепная полоса. А так как литовское внедрение предшествовало славянскому, то оно так и не успело добраться до лесостепной полосы, будучи перерезано славянским на путях к ней.

По всем этим причинам, по мнению В. П. Семёнова-Тян-Шанского, нельзя принять и теорию Шахматова о первой прародине славян у Балтийского моря.

Не касаясь сейчас подробнее этой весьма интересной концепции автора о расселении народов либо в соответствии с физико-географическими областями, либо в итоге завоеваний, отметим здесь, что уже в этой статье В. П. Семёнов-Тян-Шанский несколько раз подчеркивает, что не следует переоценивать данных языка для выяснения вопросов о прародине племен и территориальных продвижений<sup>8</sup>. И далее автор говорит о том, что необходим полный комплекс филологических, археологических, исторических, естественных и экономических данных. Весьма показательны, что редакция журнала «Землеведение», главным редактором которого был известный московский географ Анучин, посчитала нужным поместить к этой статье примечание, в котором говорилось, что историю происхождения племен нельзя выяснить, не зная их физический тип и бытовые особенности.

Здесь надо сказать, что в те годы В. П. Семёнов-Тян-Шанский тесно и благожелательно сотрудничал с Шахматовым в Русском географическом обществе, и, конечно, Шахматов знал эти статьи, но характерно, что, по-видимому, в печати на них не откликнулся.

---

<sup>8</sup> Семёнов-Тян-Шанский В. П. Географические соображения...

Достаточно полистать последние издания по исторической географии, чтобы увидеть, как далеко она ушла вперед со времен М. К. Любавского, С. К. Кузнецова, С. М. Середонина, А. Л. Спицина. На наших глазах активно развивается новое направление — гуманитарная география, широко использующая диалектные данные<sup>9</sup>.

К настоящему времени стало очевидно, что если этнография — это родная сестра диалектологии, то следующие по степени ближайшего родства дисциплины — это археология и физическая антропология. Посмотрим на те задачи которые ставил перед исторической диалектологией Шахматов. Б. А. Ларин, который располагал рукописями А. А. Шахматова, пишет:

«В курсе 1910/11 уч. года А. А. Шахматов так определяет свои задачи:

- 1) выяснить процесс выделения русского племени из общеславянской семьи языков и рассмотреть вопрос о первоначальной родине русского племени;
- 2) проследить историю расселения древних русских племен, выделявшихся из одного общего племени;
- 3) изложить историю *первого объединения* распавшихся племен при образовании *Киевского государства*;
- 4) выяснить причины *распадения этой державы* и проследить те новые группировки населения, которые вызывались тогда действовавшими причинами;
- 5) указать на этнографические основания и главные политические факторы, приведшие к созданию *новых политических организаций* в разных местах русской территории;
- 6) определить ход *колонизации ближайших областей*, проведенной государственной власти тех или иных политических организаций;

---

<sup>9</sup> Теория, методы, и инновации в исторической географии: материалы III Междунар. конф. СПб., 2007; Историческая география на рубеже веков: сборник науч. трудов к 80-летию со дня рождения В. С. Жекулина (1929–1989). СПб., 2010 (здесь же см. библиографию трудов В. С. Жекулина); Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений. Географическая интерпретация диалектных образов. СПб., 2007; Гуманитарная география. Вып. 1. М., 2004; Глобальные и региональные проблемы исторической географии: материалы IV Междунар. конф. по ист. географии, г. Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2011 г. СПб., 2011.

7) проследить историю *роста Москвы* и создания великорусского государства, определившего состав и границы великорусской народности;

8) изложить историю *литовско-русского государства* и установить его значение для образования *белорусской народности*;

9) углубиться в вопросы *колониационной политики Московского государства*;

10) выяснить историю колониационных движений *малорусского племени*<sup>10</sup>.

Следует, однако, признать, что в свете достижений современных гуманитарных и естественных наук задачи эти усилиями только историков языка и диалектологов выполнить невозможно.

В 70–90-е годы XX в. группой петербургских филологов, археологов, этнографов были разработаны принципы нового направления — регионалистики, ориентированного на комплексную историю этногенеза и древнейшую историю региона<sup>11</sup>. Регионалистика авторами рассматривается как комплексная синтезирующая гуманитарная дисциплина, изучающая процессы деятельности и существования человека (человеческих коллективов) и создаваемой им культуры во взаимодействии с окружающей средой в пределах компактного географического пространства, «региона».

Регион как целое может рассматриваться в различных аспектах (физико-географическом, историко-культурном, антропологическом и др.). В целях гуманитарного исследования используется понятие «историко-культурная зона» (ИКЗ) — это операционное понятие теоретико-методологического аппарата регионалистики. Регионалистика — это своего рода макродисциплина, которая оперирует обобщенными, итоговыми результатами специализированных исследований, выполненных в русле отраслевых гуманитарных дисциплин, таких как археология, антропология, этнография, лингвистика, история, география и др.

Основные операциональные рабочие единицы регионалистики — только две: границы и ареал, или ИКЗ.

---

<sup>10</sup> Ларин Б. А. Историческая диалектология русского языка... С. 14.

<sup>11</sup> Герд А. С., Булкин В. А., Лебедев Г. С., Седых В. Н. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. СПб., 1999; Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / под. ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001.

Реконструкция культурно-исторических типов как самостоятельная типологическая операция — основной элемент процедуры восстановления ИКЗ в целом. Потенциал ИКЗ как ее итоговая операционная характеристика может быть рассмотрен как сумма различных хронологически относительно синхронных наиболее общих типов, выделяемых по конкретным материалам таких наук, как археология (тип археологической культуры), языковедение (тип языкового строя), антропология (антропологический тип населения), этнография (тип традиционной бытовой или духовной культуры, ландшафтно-хозяйственный стереотип), музыковедение, фольклористика, психология, политическая история (где также могут и должны быть выделены типы границ, походов, миграций), геоморфология, климатология (тип климата) физическая география (тип ландшафта), экономическая география (типы хозяйственно-производственных связей), биология (типы животных, растений).

ИКЗ представляет собою сумму культурно-исторических типов (КИТ), различных по своему качеству. КИТ — научная абстракция, но абстракция, вобравшая в себя отличительные черты реального состояния ареала, его наполнение в определенный исторический период. КИТ — элемент сложных систем, где факты одних наук коррелируют с данными других наук. За словами стоят вещи, за вещами — люди с их антропологическим обликом, языком, традиционной бытовой культурой и социальной ментальностью.

Никаких строгих лингвистических критериев и признаков выделения кривичей, словен, вятичей или полян нет. Одновременно ни одно из племен Повести временных лет, будь то предположительно племена славянские или чудские, не может быть строго и обоснованно соотнесено ни с одним конкретным славянским или прибалтийско-финским диалектом. В частности, и историческая диалектология как дисциплина чисто лингвистическая восстанавливает не историю формирования лингвистического ландшафта или племен, обитавших на нем, а только историю диалекта как формы существования языка.

В аспекте исторической диалектологии мы можем говорить только о том, что в ареале той или иной ИКЗ в определенную эпоху развиваются такие-то языковые признаки. Сумма этих признаков в границах ИКЗ и выделяет старый диалект. Так, ареальное членение диалектов лишь намечает пути становления диалекта, анализ

его связи с другими диалектами, прокладывает пути к истории формирования диалекта.

Никакие археологические, этнографические или языковые факты нельзя привязать к племенам дописьменной поры.

За последние десятилетия произошло уточнение предмета исторической географии. Основная цель исторической географии — описание взаимодействия человека и географической среды, влияние ландшафта на человека и человека на ландшафт.

В регионалистике в центре внимания не человек в природе, а формирование древнейших ИКЗ, их демогенез и этногенез.

Историческая география чаще всего исходит из современных ландшафтов; регионалистика — из реконструкции ИКЗ, которые ей удалось восстановить с древнейших времен. Проблема интерпретации ареала, его характеристики, его эволюции в разные исторические периоды — задачи уже отдельных наук.

В частности, отношения между диалектологией и исторической географией косвенные и опосредованные. Носитель диалекта — человек, но сам диалект непосредственно ни на ландшафт, ни на климат, ни на фауну, ни на флору не влияет. На диалект влияют только соседние языки в лице их носителей. Таким образом, и природа, и ее освоение человеком, и бытовые особенности соседей влияют на тот или иной диалект только опосредованно, через их язык, через междиалектные контакты.

В целом лингвистические материалы и публикации последних лет полностью подтвердили мысли и выводы Шахматова о том, что восточные славяне заняли левый берег Днепра, отсюда они направились в Северное Поднепровье и завладели истоками Западной Двины, Ловати, Великой и Волги. Так выделилась северная ветвь общерусской семьи, а отсюда они двинулись к Ильменю, на Волхов и Ладожское озеро. Севернорусская группа создается в результате оформления союза племен новгородских словен, кривичей, чуди, мери, вепсов, муромы. Как и полагал Шахматов, ключ к разгадке истории первичных русских диалектов лежит в среднем Поднепровье.

Не касаясь в этой статье многих работ по исторической диалектологии, отметим только, что задачами собственно исторической диалектологии выступают следующие.

1. История и происхождение фонетических, грамматических явлений и слов диалекта.

2. Язык памятников региональной письменности.
3. Определение междиалектных связей конкретного диалекта с другими языками и диалектами.
4. Установление географии, ареала, территории диалекта в тот или иной отдельно взятый исторический период<sup>12</sup>.

В статье «От редактора. Вступительная статья» Б. А. Ларин дал краткий очерк состояния русской диалектологии на конец 30-х годов XX в.

Сегодня, спустя 80 лет, именно диалектология представляет в распоряжение других наук уникальный фонд региональных словарей, атласов, монографий, тематических сборников и статей по самым различным ареалам России.

Итак, выше были оговорены возможности лингвистов, диалектологов. В остальном наши задачи остаются, в принципе, теми же, как и в последние 50 лет — проведение тщательных записей всех типов диалектов и речи индивидов с использованием всех новых видов технических средств.

---

<sup>12</sup> *Филин Ф. П.* 1) Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962; 2) Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972; *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991; *Герд А. С.* Очерк исторической диалектологии Верхней Руси (История ландшафта). СПб., 2001.

## ДИАЛЕКТНЫЙ ПОДКОРПУС НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ДИАЛЕКТА

*Аннотация.* В статье рассматриваются возможности использования Диалектного подкорпуса Национального корпуса русского языка для изучения изменения диалектов и функционирования общерусских слов в диалектной речи; на материалах подкорпуса прослеживаются некоторые особенности употребления лексики в народной речи на примере слов, входящих в лексико-семантическое поле «говорение».

*Ключевые слова:* лексикология, диалектология, Национальный корпус русского языка.

Национальный корпус русского языка (НКРЯ) — это информационно-справочная система, основанная на собрании русских текстов в электронной форме, адаптированная для исследований и поиска. Корпус включает различные подкорпусы, в том числе Диалектный подкорпус. Основная задача Национального корпуса русского языка — это грамматическая разметка текста, и соответственно основные результаты наблюдений над лексикой касаются грамматических особенностей диалекта. Однако поскольку грамматические диалектные явления зачастую неотделимы от явлений лексических, создатели Корпуса используют пометы *diallex* «диалектная лексема» и *dialmorph* «диалектная морфология». Эти две пометы позволяют задавать два различных типа поиска — по диалектным лексемам (например, при составлении словарей), и по диалектным грамматическим явлениям (например, при составлении грамматических описаний). При этом в качестве диалектных фиксируются и просторечные лексемы, встретившиеся в диалектных текстах (помета *просторечное* в корпусе не используется), а также

лексемы с нерегулярными изменениями в корне (типа *Рождество*, *Паска*, *обижаться*, т. е. диалектные варианты слов литературного языка). Кроме того, в случае затруднения интерпретации грамматических явлений составители следуют лексической стратегии разметки, т. е. постулируют новые лексемы (диалектные), а не новые правила грамматики (например: форма с *дедушкой* маркируется как диалектная лексема *дедушко*). Информация о значении той или иной лексемы записывается в поле «комментарий»<sup>1</sup>.

НКРЯ дает возможности также и семантического поиска, однако семантическая разметка разработана только в основном подкорпусе, Диалектный подкорпус семантически не размечен и семантическую выборку нужно делать вручную.

Объем Диалектного подкорпуса невелик: 197 документов, 20 273 предложения, 194 283 слова, записанных в 21 регионе России (в Архангельской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Кировской, Костромской, Курской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской областях, а также в Забайкалье и Карелии) (для сравнения — объем основного корпуса 48 978 документов, 14 711 345 предложений, примерно 176 млн слов). Но все же почти 200 тыс. вхождений — это число, с которым можно работать статистически.

На условия поиска diallex система выдает 121 документ, 539 вхождений. Но это не значит, что оставшиеся 57 документов — не диалектные тексты. В них или употребляется исключительно общерусская лексика, или диалектная лексика не получила соответствующей разметки. В качестве примера возьмем текст из Диалектологического подкорпуса: *«Вот они собрались на гору, Илья сказал, что пойдёте на гору, заколите тельца, костёр сделали, канаву сделали кругом, **камень туды наклали**, чтобы никуда огонь не ушёл, и вот потом собрались ихние пророки, пейсят, чѐловек, и Илья **тожо**, вот Илья сказал, что ну вот молитесь бует Богу»*

---

<sup>1</sup> *Летучий А. Б.* 1) Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М., 2005. С. 215–232; 2) Диалектный корпус: состав и особенности разметки // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 114–128; *Качинская И. Б.* Корпус диалектных текстов в национальном корпусе русского языка: состояние и перспективы // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) — 2009. СПб., 2009. С. 57–68.

[Религия. Жизнь Христа [Архангельская область, 2007]. В этом тексте помету diallex имеют лексемы **каменьё, туды, наклали, тожо**, а лексема **телец** такой пометы не имеет (поскольку входит в словарь литературного языка, но там она имеет помету книжн. и устар., в основном употребляется в сочетании **золотой телец** — Ушаков IV, 671; БАС XV, 222; МАС IV, 349). Между тем она характерна для говоров в значении ‘молодой бык, бычок 2–3 лет’ (Даль IV, 396). Пример из того же текста: «Кормили людей. Они **тельца** зарезали и тожо вот, в печку котёл спустили, и всё, сделали там да... намыли и всё, стали варить» (тж. **телица** ‘молодая корова, от 2 до 3 лет’, напр., Даль IV, 396; БАС IV, 223, имеет помету обл.). Иногда лексическое явление трактуется как морфологическое, например, глагол *поговореть* размечен как *поговорить*, т. е. литературный «Ну вот поговорила тут она с нам, договор заключили, указала, сколько часов мне работать у её: шесть часов» [Вологодская область, 1971], глагол *проздравлять* как *поздравлять*, в качестве литературных слов зачастую размечены семантические диалектизмы, например, *мириться* ‘заключать договор в свадебном обряде’: «Нет, свадьбу завели. Пошли мириться туда оцут три целовека. Туда мириться сошли, а там порат недовольны этим делом, запросили восемь килограмм рыбы. Полнуда рыбы. Это ловци были. Ну, цёо за невесту, цёо» [Свадьба и жизнь в браке [деревня Климовская Коношского района Архангельской области, 1970]]. В то же время в разряд диалектной иногда попадает и разговорная лексика — существительное *учкомбинат* имеет помету diallex: «организовали курсы тут при своём заводе / вот идите в учкомбинат / и учитесь» [Вологодская область, 1986].

Для наблюдений над лексической динамикой говоров продуктивным оказался хронологический поиск в Диалектном подкорпусе, т. е. поиск по году записи. Поскольку все записи диалектной речи полевые, год записи показывает реальное функционирование той или иной лексемы в говоре.

Самый ранний год записи из имеющихся в Подкорпусе — 1947 г., и он соответствует началу активных экспедиционных обследований диалектов. Оказалось удобным разделить весь период диалектологических записей на десятилетия, таким образом было выделено шесть периодов (см. таблицу).

**Частотность диалектной лексики по десятилетиям (по данным Диалектного подкорпуса НКРЯ)**

	Периоды					
	1	2	3	4	5	6
Национальный корпус русского языка (Диалектный подкорпус)	1947–1957	1958–1968	1969–1979	1980–1990	1991–2001	2002–2010
	4	9	10	22	127	25
Документы (общее количество)	86	707	805	960	15344	2852
В них: предложения слова (вхождения)	672	6990	15320	10570	137814	24102
Документы по запросу diallex (общее количество)	4	9	10	21	123	24
В них: diallex вхождения	50	281	527	464	6 414	1 082
Процент диалектных слов (от общего количества вхождений)	7,4	4,0	3,4	4,3	4,6	4,2
Diallex лемм (разы)	38	75	83	111	758	148
Diallex словоформ (разы)	39	83	84	119	913	142
Слова, входящие в лексико-семантическое поле «Говорение»	9	16	35	25	83	28
из них: диалектные слова	2 (22)	6 (26)	4 (11)	7 (28)	15 (18)	7 (25)

Примечание. В скобках указано процентное содержание диалектных слов.

Далее по каждому периоду производилась выборка текстов хронологически и по запросу diallex. Например, по периоду 1 (1947–1957) было найдено 4 документа общим объемом 86 предложений, 672 слова. Это тексты, записанные в Архангельской, Вологодской и Псковской областях, темы — народная мифология («Девки и баба-яга»), жизнь, быт (Старые дома), война. По запросу diallex подкорпус выдал 4 документа, 50 вхождений. Распределились они так: 1947 г. — 1 текст, 13 примеров; 1955 г. — 1 текст, 8 примеров; 1957 г. — 2 текста, 14 примеров.

Количественное распределение документов по десятилетиям объясняется прежде всего методикой полевых записей. Как мы видим, наибольшее число документов — 127 — приходится на период 5, т.е. 1991–2001 гг. Это период активного использования звукозаписывающей техники в экспедициях, так как в подкорпусе размещены прежде всего связные тексты длиной хотя бы 6 предложений, а для фиксации такого текста нужен магнитофон (небольшое число текстов с 2002 г. объясняется, очевидно, тем, что записи этих лет еще находятся в обработке). Таким образом, НКРЯ — не только зеркало языка, но и зеркало состояния науки о языке, диалектологии.

Что же касается доли диалектной лексики в речи носителей говоров, то ее процент был подсчитан как отношение диалектных вхождений к общему числу вхождений в каждый из периодов. Результаты очень показательны. В период 1 диалектная лексика составляет почти 7,4%, т.е. употребляется активно. Однако в период 2 (конец 1950–1960-е годы) — это начало «размывания» диалектов (4%), связанное с восстановлением школьного образования на селе, развитием средств массовой информации, радиофикацией села, началом миграции крестьян в города и растущей популярностью городской культуры. Интересно, что зафиксированный в этот период процент диалектной лексики сохраняется в течение всех последующих периодов, в том числе и в наши дни (период 3 — 3,4%; период 4 — 4,3; период 5 — 4,6; период 6 — 4,2%), и даже для такого высокого количества употреблений, как в периоде 5, все равно доля диалектной лексики та же. Из этого можно сделать вывод, что русские народные говоры сохраняются, не исчезают, раз жива такая яркая черта говоров, как диалектная лексика.

Однако это общие данные, а характер, особенности функционирования диалектной лексики в тестах различаются в зависимо-

сти от периода, тематики и жанровой принадлежности текста (в некоторые периоды выложены фольклорные тексты, напр., песни), от региона записи и т. д. Я проследила некоторые особенности употребления лексики в народной речи на примере слов, входящих в лексико-семантическое поле (ЛСП) «говорение».

Лексика говорения — наиболее частотная в текстах этой жанровой принадлежности, поскольку диалектные записи представляют собой беседу с информантом и чаще всего это нарративы, включающие большое количество косвенной речи. Поэтому «лидеры» по частотности — глаголы *говорить, сказать, звать, называть, называться, спрашивать, отвечать*, т. е. лексика, маркирующая сообщение информации, двустороннюю коммуникацию и наименование. По нашим наблюдениям, доля диалектной лексики среди лексики ЛСП «говорение» за малым исключением остается примерно одинаковой: от 22 до 28% (см. таблицу), а основные изменения касаются семантики речевой лексики. В первые периоды диалектные лексемы — это, в основном, слова, отражающие акустические характеристики речи: *скричать* ‘закричать’: «*Олёксей, Олёксей! / Никак не слышу. Взяла да и скрицала во всю моготу, что: Нюрка, тогда и проснуласе*» [Дурной сон [деревня Верхопаденьга Шенкурского района Архангельской области, 1957]]; *ляпать* ‘говорить на диалекте’: «*Раньше ляпали, много ляпали, розговор был такой старинный, давнышний, каменный*» [О жизни [Архангельская область, 1994]]; *шуметь* ‘кричать’: «*сторожова жена. Вот шумить: “Андрюшка! Скорей / вот они / бабы!” Мы бегём / а она за нами*» [О жизни [Деулино, Рязанская область, 1961]]; *мыкать* ‘произносить неразборчиво’: «*Мы говорим: “Отчи наши”. — “иже иси” — “иже иси” — “На небеси” — На небеси”. Да. Ну всё прочтаем, он говорить и мы за следом. “Ну кто у вас?” Ага. Ну я иногда прочту, а сестра мыкает, мыкает*» [Рассказ Миньковой о жизни. Часть 9 [Волгоградская область, 1999]].

В более поздние периоды 5 и 6 чаще встречается лексика, обозначающая ритуальные речевые действия (*молитва, молиться, дьячить* ‘вести службу, петь и читать богослужебные тексты’, *ворожить, приворожить, отворожить, благословить, покаяться* и др.). Например, глагол *благословить* встречается в диалектном подкорпусе 36 раз, из них 35 раз в периоде 5, и 1 раз в периоде 2. Причем если в периоде 5, т. е. в 1990-е годы, глагол употребляется в личных формах: «*Как Господь кому пособит. Кому как благословит. Если,*

говорят, что сужено на роду, так то исполнится на веку» [Часовня [Архангельская область, 1996]]; «а я взяла икону, их иконой **благословила** обоих» [Свадебные обычаи. Часть 1 [Архангельская область, 1996]], то в периоде 2 — только в формуле перед началом нового дела: «Она знаешь шука... Я раз с Митькей пошла как раз новый бредень взяла Господи **благослови!**» [Деулино, Рязанская область, 1961].

Еще одна важнейшая возможность, которую предоставляет диалектный подкорпус, — это возможность наблюдать функционирование общерусских слов в диалектной речи. Сегодня диалектологи все большее внимание уделяют общерусскому слову в диалекте<sup>2</sup>, такая лексика находит место и в диалектных словарях, но поиск по словарю придется вести вручную. Диалектный же подкорпус НКРЯ позволяет мгновенно получить контексты с общерусскими словами и еще раз убедиться в том, что в народной речи так называемые литературные слова имеют свои семантические, стилистические особенности.

Проследим важнейшее для ЛСП «говорение» существительное слово. По запросу из Диалектного подкорпуса выдано 126 вхождений. Для говоров характерно употребление этого существительного в значении ‘магическая формула, способная оказать какое-то воздействие, заговор или молитва’ (часто во множественном числе слова, хотя есть и в единственном). В основном зафиксировано на Севере (Архангельская, Вологодская область), хотя есть записи, сделанные в Брянской области: «Слова, да вот... коров-то вот... от звирия, звиерь ведь ходит, это, в поскотину-то. Надо, чтобы звиерь не трогал скота, дак вот эти таки слова знали» [Обычаи, связанные с выгоном скотины [Архангельская область, 2001]]; «“А клоп клопа ест, треи давитси!” — вот это слово» [Обычаи. Дом и посуда [Архангельская область, 1999]]; «Э... заговор есть заговор есть даже слова. Слова это немножко так вот слов шесть» [Рассказ Бородавки о работе [Брянская область, 1985]]. «Дак вот женищина ходит через пороги, не лёжит, как в больнице, на столе, женищина рожает, а ходит через пороги, вот и приговаривает сама-то про себя: “Матушка Соломония, возьми ключи золотые, открой роды

---

<sup>2</sup> См., напр.: Нефедова Е.А. Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А.Ларина. Л: сб. статей / отв. ред. А.С.Герд, Е.В.Пурицкая. СПб., 2010.

косяные, там, рабе Божьей Марье”. Вот ходит женщина эти слова, эту молитву, и, значит, эта матушка Соломония помогает в родах» [Обычаи и народные названия [Архангельская область, 1997]].

Зафиксировано также устойчивое сочетание *давать слова* ‘произносить магические формулы с определенной целью’: «Короче говоря, она слова даёт, та старушка, она выводит ёго, на путь направляет вот этими словами как-то» [Здоровье и лечение [Архангельская область, 1998]]; «У меня вот один раз заболели дак я две ночи не спала, ревела, ревела, а мне и сказали вот пойдди, там такие два километра, старушка у нас была, она, говорят, слова дала» [Святочные гадания. Часть 1 [Архангельская область, 1993]].

Существительное *слово* в значении «обещание» употребляется в народной речи и во множественном числе (хотя в словаре литературного языка имеет помету только ед.): «Я теперь смело вытью и скажу: “Я всё свои слова сдержал”» [Разговорочка [село Парахино Гусь-Хрустального района Владимирской области, 2004]].

Таковы наблюдения над лексической динамикой русских говоров по материалам Диалектного подкорпуса с имеющимися на сегодняшний день возможностями поиска. В перспективе у создателей значительно расширить тематическую метатекстовую разметку, а также предоставить пользователю возможность просматривать словник встретившихся в текстах лексем, организованный: 1) в прямом алфавитном порядке, 2) обратном алфавитном порядке, 3) с индексом частотности. При этом пользователь, создав свой корпус (по команде «создать подкорпус»), сможет ограничить словник интересующими его географическими границами наречий / областей / районов. Планируется предоставить пользователю словарь-конкорданс диалектизмов (с «рабочими» толкованиями, вытекающими из значения слова в зафиксированных контекстах).

Итак, НКРЯ можно успешно использовать для изучения закономерностей развития языка. Как пишет один из создателей Корпуса, «одна из наиболее интересных задач, которую можно решать именно с помощью Корпуса, — это наблюдения над динамикой развития языка <...> Это вызывает к жизни фактически новое направление — своего рода «микроисторическую лингвистику», в центре внимания которой находятся не глобальные изменения в истории языка, а изменения менее масштабные, занимающие десятилетия

(для истории языка это чрезвычайно маленький срок)»<sup>3</sup>. Кроме того, Корпус интересно использовать для наблюдений над развитием науки о языке.

#### СОКРАЩЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. IV. М.; Л., 1955; Т. XV. М.; Л., 1963.
- Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М., 1978.
- МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева: 2-е изд. М., 1981–1984. Т. IV. М., 1984.
- Ушаков — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка: в 4 т. М., 1935–1940. Т. IV. М., 1940.

---

<sup>3</sup> *Плунгян В. А.* Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. С. 19.

**ИНГЕРМАНЛАНДСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗОНА  
В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ BALTISKA FOGDERÄKENSKAPEP)**

*Аннотация.* В статье рассматривается вопрос, касающийся административно-территориального деления территории между р. Наровой и Ладожским озером в 80-е годы XVI в. В качестве источников привлекаются новые документы, не известные большому кругу историков и топонимистов, — документы собрания «Baltiska fogderäkenskaper», которое хранится в Государственном архиве Швеции (Стокгольм). В частности, особое внимание уделяется изменению структуры названий погостов Водской пятины, их границ, формированию новой административной единицы внутри шведского государства — Ингерманландии — в период с 1583 по 1590 г. Дополнительным материалом служат королевские грамоты, письма, инструкции, в которых анализируется главным образом содержание титула шведского короля Юхана III. Все результаты подкреплены богатым топонимическим материалом.

*Ключевые слова:* топонимика, названия погостов, административно-территориальное деление, историко-культурная зона, Ингерманландия, Водская пятина.

Настоящая статья представляет собой продолжение топонимических исследований, которые выполнялись в период с 2006 по 2010 г. в русле диссертационной работы о разработке лингвокартографического компонента для автоматизированной топонимической базы данных Ингерманландии. Осенью 2010 г. диссертация была защищена<sup>1</sup>.

В период с сентября 2010 г. по март 2011 г. проводились работы в Государственном архиве Швеции, где были обнаружены новые

---

<sup>1</sup> *Дмитриев А. В.* Лингвистически ориентированный картографический компонент автоматизированной топонимической базы данных Ингерманландии: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.

© А. В. Дмитриев, 2012

материалы для исследования топонимии Ингерманландии. На сегодняшний момент мы имеем некоторые результаты в ходе анализа этих источников.

Коллекция «Baltiska fogderäkenskaper» («Балтийские налоговые отчеты фогтов»)<sup>2</sup> сформировалась из поземельной документации, которая велась в конце XVI — начале XVII в. в городах северо-запада Новгородской и севера Псковской земель, а также Прибалтики.

Документы, представленные в коллекции, можно было бы условно назвать «писцовыми книгами», однако хорошо известно, что общая традиция ведения так называемых шведских *jordböcker* («писцовых книг»), *landsböcker* («поземельных книг») сложилась после подписания Столбовского мира 1617 г.<sup>3</sup> Коллекцию «Baltiska fogderäkenskaper», скорее, можно назвать ежегодными кадастровыми отчетами, регистрирующими как социально-политическую, так и хозяйственно-экономическую жизнь в восточнобалтийских землях Швеции в этот период.

Впервые собрание было систематизировано и каталогизировано Арне Фошселем (Arne Forssell) в 1920-е годы<sup>4</sup>. Большая часть документов этого собрания прежде входила в составленную Э. Мальмстеном небольшую серию (Malmstens serie) под названием «Baltiska cameralia», а также в фонд «Livonica».

Сегодня коллекция «Baltiska fogderäkenskaper» юридически — часть Каммар-архива за описью 514, хотя фактически это собрание представляет собой отдельную коллекцию в составе Государствен-

---

<sup>2</sup> Термин «räkenskap» имеет два значения: 1) «отчет», «баланс» (т. е. экономический); 2) «отчет» (в действиях). Первое значение действительно тогда, когда термин употреблен во множественном числе (см.: Миланова Д. Э. Шведско-русский словарь. 63 500 слов. С приложением краткого грамматического очерка, составленного доктором филологических наук С. С. Масловой-Лошанской: 5-е стереотип. изд. М., 1985. С. 473).

<sup>3</sup> Кстати, самая первая писцовая книга по Ингерманландии (изданная Археографической комиссией в 1859 г. в Санкт-Петербурге под названием «Jordböcker öfver Ingermanland»), в действительности была *landsboken*, т. е. «поземельной книгой». Оригинал этой книги находится в Государственном архиве Швеции.

<sup>4</sup> Эта опись составлена в двух томах под названием «Baltiska fogderäkenskaper» и выступает под общим шифром SE/RA/5142. Карл Арне Фошсель (1887–1974) — шведский историк, политик и архивариус. В 1922 г. он был назначен первым помощником Самуэля Класона, главного архивариуса Государственного архива (1916–1925).

ного архива, поскольку известно, что Каммар-архива больше нет, так как он был объединен с Государственным архивом еще в 1922 г.<sup>5</sup>

Дела коллекции систематизированы прежде всего по характеру документов, которые делятся на так называемые мантальные росписи (шв. *mantalslängd*)<sup>6</sup>, скат-регистры (шв. *skattereregister*)<sup>7</sup>, квитанции (шв. *kvittens*)<sup>8</sup>, а также прочие хозяйственные документы, связанные со сбором налогов. Кроме того, в собрании присутствует довольно значительный массив писем Понтуса Делагарди, адресованных королю Швеции, а также копий королевских писем.

Часть коллекции происходит из русских городов-крепостей. Хронологически эта часть распадается на два периода: 1) период между Ливонской войной и Тявзинским мирным договором (преимущественно 1582–1589 гг.); 2) период новгородско-шведской администрации (преимущественно 1610–1623 гг.).

Большинство документов — на шведском языке, однако есть также документы на русском языке и несколько документов на французском языке. Русская документация собрания была в свое время изучена историком А. А. Селиным. По его мнению, уникальность русских документов коллекции состоит в том, что они — единственные, происходящие с этой территории, занятой шведами между Плюсским перемирием 1583 г. и началом русско-шведской войны 1590–1595 гг., а также в период между 1611 и 1617 гг.<sup>9</sup>

---

<sup>5</sup> Каммар-архив, или архив административно-служебной документации, существовал до 1922 г. как организационно независимый архив, который сформировался из документации, относящейся к Королевской палате, *Kungliga Kammarkaren* (примерно с 1540 г.) и позже к Камер-коллегии, *Kammarkollegium* (примерно с 1630 г.).

<sup>6</sup> Термин имеет два значения: 1) надел земли (определяющий размер налогообложения); 2) список налогоплательщиков (*Миланова Д. Э.* Шведско-русский словарь... С. 356). В документации, о которой идет речь, этот термин употребляется только во втором значении. Поэтому при анализе мантальных росписей трудно судить о составе всего крестьянского населения территории.

<sup>7</sup> Термин имеет значение «обложенная налогом земля» (там же. С. 502). «Скат-регистры» — это регистрация сбора налога с «заселенной» земли, т. е. если эта земля — не пустоши, не пашня. Эти сведения даются, как правило, вместе с мантальными росписями.

<sup>8</sup> Квитанции — это материалы повседневной финансовой документации.

<sup>9</sup> *Селин А. А.* 1) Новые материалы по истории Ижорского плато // Междунар. конф. «Культура — сотрудничество: Прекрасное ведет нас через все мосты». Тезисы конференции. Извара, 2002. С. 5–9; 2) Новые источники по истории Гдова и Гдовского уезда конца XVI — начала XVII веков // Археология и история Пскова и Псковской земли 2001–2002. Псков, 2003. С. 143–150.

Некоторые документы собрания «Baltiska fogderäkenskaper» привлекались в ходе написания двухтомного труда о новгородском оккупационном архиве («Ockupationsarkivet från Novgorod»). Этот труд вышел в Швеции в 2010 г. под редакцией профессоров Института славистики Стокгольмского университета<sup>10</sup>.

Это собрание — ценнейший источник по изучению исторической географии, истории, топонимики Северо-Запада. При этом целенаправленного топонимического анализа материалов коллекции не проводилось.

Как известно, при изучении топонимии Ингерманландии, да и соседних территорий, составляющих Русский Север, привлекались самые разные документы. К ним, безусловно, можно отнести русские писцовые книги XVI в., шведские писцовые книги и карты XVII в., а также прочие материалы, как допетровские, так и более поздние.

Последняя писцовая книга, дающая сведения по всем уездам и погостам Водской пятины, была составлена в 1568–1569 гг. В годы окончания Ливонской войны, а именно в 1581–1582 гг., идет составление очередной писцовой книги Водской пятины, которая не была окончена по той причине, что к концу 1581 г. все южное побережье Финского залива вместе с крепостями Ям, Ивангород и Копорье оказалось занято шведами. И в этой писцовой книге поэтому отсутствуют те уезды и погосты, которые очутились под контролем шведской администрации, а это фактически вся Ингерманландия.

Отсюда следует, что долгое время период между Плюсским перемирием и началом очередной русско-шведской войны 1590–1595 гг. оставался для топонимистов неисследованным, поскольку русская писцовая документация в этот период не осуществлялась, а необходимый массив шведских документов обнаружен не был.

Сейчас, когда такие шведские документы найдены, можно говорить о формировании новой фактологической основы, которая заполнит образовавшийся пробел и прольет свет на важные исторические, географические и топонимические процессы, проходившие в Ингерманландии в период с 1583 по 1590 г.

В настоящей статье мы рассмотрим политико-административный аспект, который, как известно, напрямую влияет на развитие топонимических систем.

---

<sup>10</sup> Löffstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Series I. Stockholm, 2005; Series II. Stockholm, 2009.

На основе анализа документов, представленных в фондах с 415 по 423 собрания «Baltiska fogderäkenskaper», нами были выявлены некоторые особенности в административно-территориальном устройстве территории, занятой шведами в 1583–1590 гг. Новообразованная административно-территориальная система в основном базировалась на московской системе, но имела и кардинальные отличия.

Первое отличие — переименования прежних русских административно-территориальных единиц на единицы, традиционные для шведской административной системы.

Во-первых, вместо русского понятия «уезд» было введено шведское понятие *län* («лен»), что, кстати, не совсем точно семантически отражало суть прежнего русского термина: слово *län* соотносится с русским словом «губерния», «округ», а для русского понятия «уезд» в шведском языке есть свой эквивалент — *härad* («хэрод»). Соответственно Копорский, Ямской и Ивангородский уезды были переименованы в *Koporje län* (Копорский лен), *Jamagorods län* (Ямской лен) и *Ivangorods län* (Ивангородский лен).

Во-вторых, вместо русского понятия «погост» было введено шведское понятие *soken* («сокен»), что означает «приход» и семантически соответствует русскому слову «погост», т. е. отражает, как и погост, церковную систему разделения территории<sup>11</sup>.

В-третьих, шведские писцы и фогты произвели серьезные изменения в названиях русских погостов: вместо двусоставного названия появилось односоставное. В одной из работ шведского филолога П. Амбросиани рассматриваются названия древнерусских погостов Водской пятины. Он проанализировал структуру всех названий и выделил, таким образом, структурные типы, по которым «построены» хоронимы. Их оказалось всего 5. Автор при-

---

<sup>11</sup> Интересно отметить, что сегодня в литературе везде употребляется термин «лен», а шведские лютеранские приходы называются приходами. Однако возникает вопрос: почему в одном случае мы сохраняем шведский термин, транслитерируя его на русский язык, а в другом — нет? При этом следует обратить внимание, что сказать «Копорская губерния» или «Ямская губерния» применительно к шведскому периоду владения Ингерманландией — это как-то необычно, точнее, неправильно; все-таки мы привыкли к более чем двухсотлетней традиции наименования этих единиц — «Копорский лен», «Ямской лен» и т. д. Поэтому, сохраняя традиционное использование термина «лен», мы предлагаем сохранить и другие шведские термины — «сокен», «хэрод», для соблюдения единообразия передачи шведских понятий в русском языке.

шел к выводу, что при шведах названия русских погостов утратили компонент, указывающий на соотношение этого погоста с конкретным именем православного святого<sup>12</sup>.

Это утверждение верифицируется и другими примерами. Из табл. 1 явствует, что названия русских погостов действительно были изменены за счет усечения этого компонента, что отразилось на структуре практически всех названий.

Таблица 1. Соотношения древнерусских и шведских названий погостов

Древнерусские названия погостов до начала 1580-х годов Водской пятины*	Шведские названия новых сокенов на 1583 год**
Воздвиженской Опольской в Чуди п.	Opolitzschi sn
Никольской Ястребинской п.	Jasterbinschi sn
Богородицкой Врудской п.	Wrudschi sn
Ямское Окологородье	Jamschi sn
Никольской Толдожской в Чуди п.	Toldotschi sn
Егорьевской Радшинской п.	Ratzinschi sn
Григорьевской Леешской п.	Grigorovschi sn
Каргальской п.	Kargalschi sn
Ильинской Замозской в Бегуницах п.	Samoschi sn
Покровской Дятелинской п.	Dätilinschi sn
Дмитревской Кипенской п.	Kipenschi sn
Богородицкой Дягиленской п.	Dägilinschi sn
Никольской Суйдовской п.	Svidetschi sn
Никольской Грезневской п.	Grisenschi sn
Спасской Орлинской п.	Orlinschi sn
Егорьевской Вздылицкой п.	Fsdilitschi sn
Спасской Зарецкой п.	Saretschi sn
Покровской Озеретцкой п.	Oseretschi sn

Примечание. п. — погост; sn — сокен.

Источники: \* Названия даны по: *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб., 1853.

\*\* Названия даны по: *Almqvist J. A.* Den civila localförvaltningen i Sverige 1523–1630: med särskild hänsyn till den kamerala indelninge. Del. II. Stockholm, 1919–1922. S. 657–688.

<sup>12</sup> *Амбросиани П.* Историческая топонимика Новгородской земли: названия погостов Водской пятины // Swedish Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists (Ohrid, 10–16 September 2008). Umeå, 2009. P. 9–18.

Второе отличие — изменение границ бывших уездов в связи с внутренней реорганизацией бывших погостов<sup>13</sup>.

1. *Ямской и Копорский лены.*

В первых отчетах по Ямскому и Копорскому ленам за 1583 год зафиксированы следующие случаи (табл. 2).

Во-первых, Егорьевский Ратчинский погост (*Ratzinschi socken*) перешел полностью под контроль Ямского лена, тогда как, согласно русским писцовым книгам, этот погост делили Копорский и Ямской уезды.

Во-вторых, бывшее восточное Ямское Окологородье стало называться Ямским соконом (*Jamschi socken*), что вывело эту единицу из разряда прикрепостной земли и ввело в разряд приходской. Таким образом, бывшее Ямское Окологородье в 1583 г. получило статус прихода<sup>14</sup>.

В-третьих, бывшие Никольский Ястребинский (*Jasterbinschi socken*) и Богородицкий Врудский (*Wrudschi socken*) погосты отошли к Ямскому лену. Из неизменных в Ямском лене остались бывший Воздвиженский Опольевский в Чуди погост (*Opolitzschi socken*) и Никольский Толдожский в Чуди погост (*Toldotschi socken*).

В-четвертых, если до 1580-х годов в Копорском уезде присутствовало только деление на погосты, то с 1583 г. он стал иметь, помимо соконов, внутреннее деление на так называемые хэроды (от шв. *härad* 'уезд'). Таких хэродов было два — Ингерманландский

---

<sup>13</sup> На рис. 2 показаны все эти изменения. Для удобства можно сверять текстовый и картографический материалы, приводимые в статье.

<sup>14</sup> В XV в. были образованы так называемые округа: Заверяжье, Поозерье, Околорусье, Порховское Окологородье, Ямское Окологородье, Ивангородское Окологородье. Эти округа были «сконструированы» из земель погостов самими писцами, которые работали в конце XV в. в этих местностях, причем названия округов не имели ничего общего с названиями находившихся в них погостов, но при этом хорошо указывали на свое географическое расположение: Заверяжье — за р. Веряжей; Поозерье — вокруг озера Ильмень; Околорусье, Порховское Окологородье, Ямское Окологородье и Ивангородское Окологородье — соответственно, около городов Русы, Порхова, Ямы и Ивангорода. Однако мало того, что Ямское Окологородье возникло вопреки существовавшей погостной системе, эту единицу еще «делили» две пятины: одна часть Ямского Окологородья находилась в составе Водской пятины (по правому берегу р. Луга), другая была подконтрольна Шелонской (по левому берегу р. Луга), поэтому они соответственно носили названия «восточное Ямское Окологородье» и «западное Ямское Окологородье». Однако при шведах, после 1583 г., это деление исчезло, и все Ямское Окологородье стало называться *Jamschi socken*. Очевидно, что это отразилось и на составе населенных пунктов.

(*Ingermanlands härad*) и Водский (*Wätzschi härad*), иначе они назывались еще доменами (от шв. *fögderi*).

Таблица 2. Реорганизация административно-территориальной системы в 1583–1590 гг.

Состав русских уездов до начала 1580-х годов	Состав шведских ленов в 1583–1590 гг.	
<b>Ямской уезд</b>	<b>Ямской лен</b>	
Ямское Окологородье (1)	Ямской сокен (1)	
Никольской Толдожской в Чуди погост (2)	Толдожский с. (2)	
Егорьевской Радшинской п. (3)	Ратчинский с. (3)	
Воздвиженской Опольской в Чуди п. (4)	Опольевский с. (4)	
-----	Ястербинский с. (17)	
	Врудский с. (18)	
	<b>Копорский лен</b>	
<b>Копорский уезд</b>	<b><i>Ингерманландский Хэрод (=Ингерманландия)</i></b>	<b><i>Водский Хэрод (=Водская пяттина)</i></b>
Егорьевской Радшинской п. (3)	Каргальский с. (5)	Озерецкий с. (9)
Каргальской п. (5)	Замошский с. (6)	Дягиленский с. (10)
Ильинской Замозской в Бегунцах п. (6)	Дятилинский с. (7)	Суйдовский с. (11)
Покровской Дятелинской п. (7)	Кипенской с. (8)	Гризенский с. (12)
Дмитревской Кипенской п. (8)	-----	Григорьевский с. (13)
Покровской Озеретцкой п. (9)		Вздылицкий с. (14)
Богородицкой Дягиленской п. (10)		Зарецкий с. (15)
Никольской Суйдовской п. (11)		Орлинский с. (16)
Никольской Грезневской п. (12)		
Григорьевской Леешской п. (13)		
Егорьевской Вздылицкой п. (14)		
Спасской Зарецкой п. (15)		
Спасской Орлинской п. (16)		
Никольской Ястребинской п. (17)		
Богородицкой Врудской п. (18)		-----

Примечание. Для упрощения задачи поиска соответствий можно соотнести цифры, указанные в скобках при хоронимах в левом и правом столбцах.

Согласно отчетам по Копорскому лену за 1583 г., к Ингерманландскому хэроду относились четыре бывших погоста — Дмитриевский Кипинский (*Kipenschi socken*), Ильинский Замошский (*Samoschi socken*), Каргальский (*Kargalschi socken*) и Покровский Дятелинский (*Dättilinschi socken*).

К Водскому хэроду отошли оставшиеся восемь бывших погостов — Никольский Грезневский (*Grisenschi socken*), Покровский Озерецкий (*Oseretzschis socken*), Никольский Суйдовский (*Svidetschi socken*), Спасский Орлинский (*Orlinschi socken*), Спасский Зарецкий (*Saretschi socken*), Григорьевский Леешский (*Grigorovschi socken*), Богородицкий Дягиленский (*Dägilinschi socken*), Егорьевский Взылицкий (*Fsdilitschi socken*).

В качестве дополнения к сказанному могут служить заголовки некоторых документов собрания «*Baltiska fogderäkenskapen*», в которых обнаруживаются явные признаки дифференциации шведских административно-территориальных единиц — Водской пятины и Ингерманландии (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение русских и шведских заголовков документов собрания «*Baltiska fogderäkenskapen*»

№ п.п.	Документы	Перевод
1	“Jacob Bertilsons Rächenskap för 4 Sochner i <i>Inggermanland Wtj Coporie Slottz Lhän</i> pro anno 1583”	«Отчет Якоба Бертилсона по 4 приходам в Ингерманландии Копорского лена за 1583 год»
2	“Greger Claessons Rechenschap för — 8 Sochner vdj <i>Watzskj fougderj j Copporia Slottz Lhänn</i> p: Anno 1583”	«Отчет Грегера Клосона по 8 приходам в Водском домене Копорского лена за 1583 год»
3	“Jacob Bertilssons Reckenskap för Arliga Rentan aff 4 Sochnner wdi <i>Inggermanlandh j Coporie Länn</i> Pro Anno 1584”	«Отчет Якоба Бертилсона по ежегодному налогу в 4 приходях в Ингерманландии Копорского лена»
4	“Årlige Rentan Aff <i>Inggermanland</i> pro anno 1584”	«Ежегодный налог по Ингерманландии за 1584 год»
5	“Gregers Claesons Reckenskap för 8 Sochner vdj <i>Wätzkj heredi i Coporie län</i> , pro anno 1584”	«Отчет Грегера Клосона по 8 приходам в Водском хэроде Копорского лена за 1584 год»

№ п.п.	Документы	Перевод
6	“Jacob Bertilsons Räckenskap för fyre Sochner aff <i>Jngermanland vti Coporie Län i Rydzland</i> Pro Anno 1585”	«Отчет Якоба Бертилсона по 4 приходам в <i>Ингерманландии Копорского лена</i> в России за 1585 год»
7	“Lengden på Skatterna och Mantalet aff fyre Sochner vti <i>Jngermanlandh</i> pro Anno 1585”	«Налоговая и мантальная роспись по 4 приходам в <i>Ингерманландии</i> за 1585 год»
8	“Gregers Claesons Rekening för 8 Sochner vdi <i>Wotzskj fougderj i Coporie Slotzlän</i> pro Ano 1585”	«Отчет Грегера Клосона по 8 приходам в <i>Водском домене Копорского лена</i> за 1585 год»
9	“Jacob Bertilsons Reckenskap för — 12 Sochner aff <i>Jngermanland och Wotzschj Vti Coporie Län vti Rydzlandh</i> Pro Anno 1586”	«Отчет Якоба Бертилсона по 12 приходам в <i>Ингерманландии и Водском</i> (видимо, хэроде?) <i>Копорского лена</i> в России за 1586 год»
10	“Lengden på Hakalanden och Mantalet aff — 12 Sochner vti <i>Jngermanland och Wotzchi</i> Anno 86 Jacob Bertilsons Räkenskap aff <i>Jngermanland och Wotzskj fougderj Wdi Caporia Länn</i> Pro Anno 1586”	«Налоговая и мантальная роспись по 12 приходам <i>Ингерманландии и Водского</i> (видимо, хэроде?) за 1586 год. Отчет Якоба Бертилсона по <i>Ингерманландии и Водскому домону Копорского лена</i> за 1586 год»
11	“Jacop Bertilsons Reckenskap för — 12 Sochner aff <i>Jngermanlandh och Wotschi vti Caporie Lhänn vti Rydzlanndh</i> Pro Anno 1587”	«Отчет Якоба Бертилсона по 12 приходам в <i>Ингерманландии и Водском</i> (видимо, хэроде?) в <i>России</i> за 1587 год»
12	“Årlige Renttann wdi Coporiae Lhänn aff <i>Jngermanlandh och Wotzski fougderj</i> Pro Anno 1587”	«Ежегодный налог в <i>Копорском лене</i> по <i>Ингерманландии и Водскому домону</i> за 1587 год»
13	“Årlige Renttan och Manttaledt i <i>Coporiae lhän aff Jngermann och Votzski fougderj</i> Pro Anno 1589”	«Ежегодный налог и мантальная роспись в <i>Копорском лене Ингерманландии и Водского домена</i> »
14	“Jacob Bertilsons Räkenskap för — 12 Sokner i <i>Coporie Slätz Lähn i Jngermanland och Wotzske petjüns fougderj</i> pro Anno 1589”	«Отчет Якоба Бертилсона по 12 приходам <i>Копорского лена</i> в <i>Ингерманландии и Водской пятины домене</i> за 1589 год»

## 2. Ивангородский лен

Особого внимания требует рассмотрение Ивангородского лена, в котором в период с 1581 по 1583 г. произошли еще более кардинальные изменения, чем в Копорском и Ямском ленах.

Ивангородский уезд при московской администрации относился полностью к Шелонской пятине, территория которой начиналась у побережья Финского залива (Курголово полуостров), далее проходила между реками Нарова и Луга и уходила далеко на юг, вплоть до среднего течения р. Ловать.

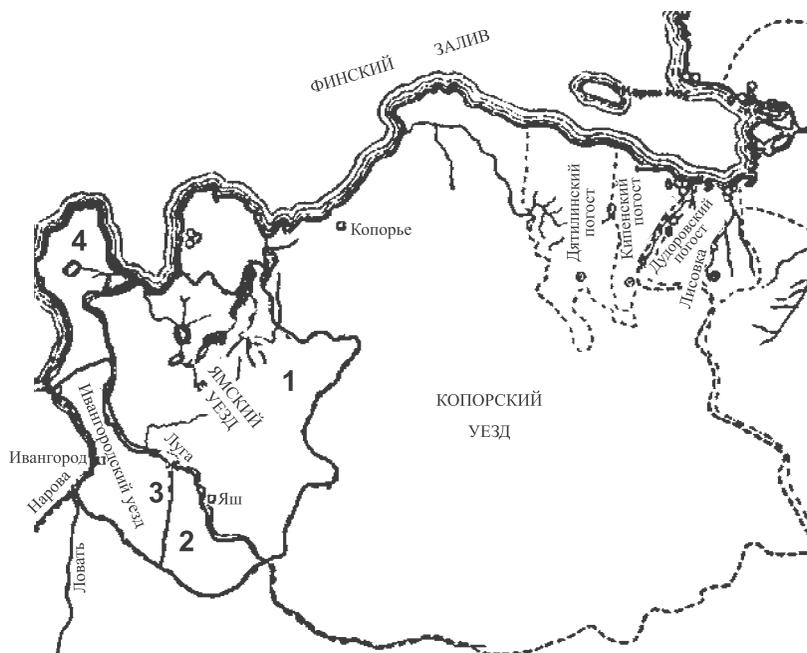


Рис. 1. Картографическая реконструкция на основе карты, составленной И. П. Шаскольским, тех земель, границы которых подверглись изменениям после 1583 г.

1 + 4 — Ямской уезд до начала 1580-х годов; 3 — Ивангородский уезд до начала 1580-х годов; 2 и 4 — западное Ямское Окологородье.

Согласно А. М. Андрияшеву, который в начале XX в. изучал писцовые книги Шелонской пятины, территория Ивангородского уез-

да состояла всего из двух административных единиц: самого Ивангорода и Ивангородского Окологородья, которое было образовано после основания крепости Ивангород из земель Петровского погоста Ямского уезда, т. е. после 1492 г.<sup>15</sup>

Рассмотрим рис. 1. Территория «1+4» — это Ямской уезд до начала 1580-х годов, территория «3» — это Ивангородской уезд до начала 1580-х годов. Территории под цифрами 2 и 4 означают западное Ямское Окологородье. Если восточное Ямское Окологородье, находившееся в Водской пятине, было единой административно-территориальной единицей, то западное Ямское Окологородье имело две части: одна «лежала» на Курголовском полуострове (помечена цифрой 4) и соприкасалась на юге с Ивангородским уездом, вторая часть западного Ямского Окологородья находилась по левую сторону от крепости Ям (помечена цифрой 2).

Изменения заключались в том, что в начале 1580-х годов часть Ямского Окологородья при крепости Ям стала называться вместе с восточным Ямским Окологородьем («лежащим» в Водской пятине) *Jamschi socken* (об этом мы уже говорили), а вторая часть Ямского Окологородья (на Курголовском полуострове) «слилась» с бывшим Ивангородским уездом, и образовалась новая административно-территориальная единица — *Ivangorods län* (Ивангородский лен).

Поскольку сам Ивангородский лен, а также вошедшая в него часть западного Ямского Окологородья не имели при московской власти каких-либо более мелких делений (на погосты), то шведы сами разделили новообразованный Ивангородский лен на шесть соконов: *Åmot socken*, *Zemechi socken*, *Lizina socken*, *Pole socken*, *Åssorna socken*, *Kysomkyla socken*. Пока это все, что мы знаем об административно-территориальном делении Ивангородского лена в начале 1580-х годов. Для локализации всех шести соконов и нанесения их на карту необходим анализ состава населенных пунктов в этих соконах. Эти данные позволят оценить политико-административное состояние тех земель на начало 1583 года.

Итак, из проанализированного материала мы можем вычленить главные положения.

---

<sup>15</sup> Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. I: Списки селений. М., 1914.

Во-первых, в документах название *Ingermanlands härad* (Ингерманландский хэрод) встречается редко. Более того, из коллекции «*Baltiska fogderäkenskaper*» явно следует, что Ингерманландским хэродом и Ингерманландией называлась одна и та же территория.

Во-вторых, Ингерманландией в период с 1583 по 1590 г. называлась только северная часть Копорского лена, аккумулировавшая земли, лежащие вокруг Копорья, и имевшая выход к Финскому заливу за счет соприкосновения с побережьем северных оконечностей Каргальского и Кипинского соконов. Кроме того, Ингерманландия соответствовала территории проживания сойкинских и хэваских ижор, которые, судя по данным русских писцовых книг XVI в., к 1580-м годам уже освоили бассейны рек Хэваа и Систа и заселили Сойкинский и Курголовский полуострова. В этом отношении Ингерманландия и была Ижорской землей.

В-третьих, южную часть Копорского лена, а именно восемь соконов, шведы называли Водской пятиной. В материалах собрания часто используется название *Wätzschi petin*, которое заменяет собой название *Wätzschi härad*, хотя известно, что в XVI–XVIII вв. территория Водской пятины простиралась от р. Наровы на западе до Ладожского озера на востоке, а на севере доходила до самого оз. Пиелинен (сейчас это озеро *Pielinen* в Финляндии). Кроме того, имеются доказательства того, что Ивангородский лен именовался шведами как Шелонская пятина. Иначе говоря, под Водской и Шелонской пятиной в период с 1583 по 1590 г. понимались вовсе не реальные территории в тех границах, которые они имели в XVI в., а только их части, причем весьма небольшие.

Наиболее удачным подтверждением сказанного может служить содержание титула короля Юхана III. В нем можно встретить слова о том, что он — «Великий князь <...> Водской пятины и Ингерманландии в России» («...*Storfurste till <...> wätzski pettinn och ingermandland vđj rýsland*»). То есть «расшифровкой» этих слов будет: «Великий князь Водского хэрода Копорского лена и Ингерманландского хэрода Копорского лена».

Можно также встретить слова о том, что Юхан III — «Великий князь <...> Ингерманландии и Шелонской пятины в России» («...*Storfurste till <...> Ingermanlandh och Solonskj Pethÿn i Rýdzlandh*»). «Расшифровкой» этих слов будет: «Великий князь Ингерманландского хэрода Копорского лена и Ивангородского лена».

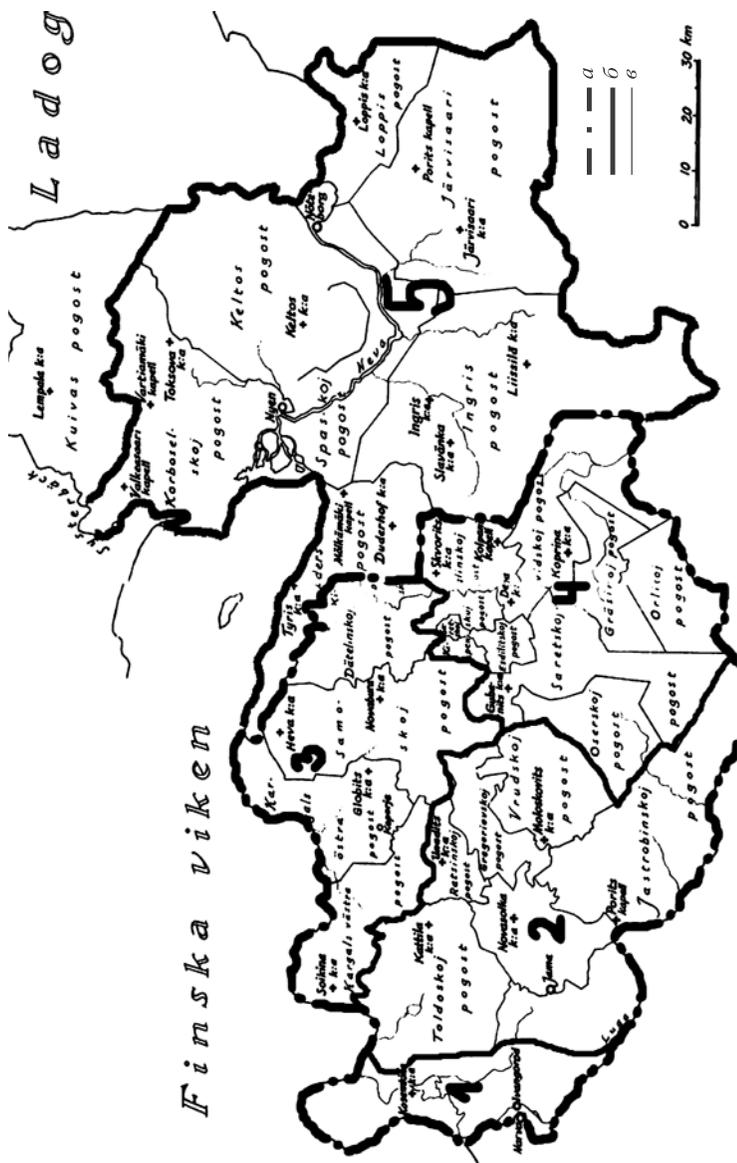


Рис. 2. Схематичное отображение территории, бывшей под шведами с 1593 по 1590 г., и территории, ставшей Интерманландией после 1617 г. За основу взята реконструктивная карта Пентти Папунена 1986 г.  
 а — границы завоеванной территории; б — границы территории, которая «приросла»; в) к завоеванной территории; г — внутренние границы Шелонской пятины (1) Ивангородского лена, Ямского лена (2), Ингерманландии (3) и Водской пятины (4).

В-четвертых, Ямской лен в период с 1583 по 1590 г., видимо, находился в статусе особой административной единицы внутри оккупированной шведами территории, так как Ямской лен не относился ни к Ингерманландии, ни к Водской пятине, ни к Ивангородскому лену, а его упоминание в титуле шведского короля отсутствует.

В-пятых, из выводов 1–4 следует, что оккупированная в 1583–1590 гг. шведами территория не имела единого названия. Утверждение, часто встречаемое в современной исторической и топонимической литературе, о том, что эта территория в период с 1583 по 1590 г. называлась шведами Ингерманландией, неверно.

Мы реконструировали на картографической основе ту территорию, которая в 1583 г. по Плюсскому перемирию отошла Швеции и находилась под шведским господством до 1590 г.

Рассмотрим рис. 2. Пунктирной линией очерчены границы завоеванной территории. Территория под цифрой 1 — это границы Шелонской пятин, или Ивангородского лена. Цифрой 2 помечена территория Ямского лена. Границы Ингерманландии на карте отмечены цифрой 3. Территория Водской пятин помечена цифрой 4.

Кусок под цифрой 5 — это границы той территории, которая «приросла» к территории, обведенной пунктирной линией. Весь этот регион образовался после Столбовского мирного договора 1617 г. и получил название «Ингерманландия».

Таким образом, первоначальное название *Ingermanland*, возникшее в период первой шведской администрации в 1583–1590 гг. и относившееся только к четырем сокемам в Копорском лене (3), после 1617 г. распространилось на весь регион между реками Нарова и Нева (1+2+3+4+5).

#### СПИСОК ПРИВЛЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ ИЗ СОБРАНИЯ «BALTISKA FOGDERÄKENSKAPE»

1. Albrecht Westermans Rechenskap för — 6 Sochnar vdi Jamagårådz Lan p:o ano 1586 // RA/5142/F.418/1586:2. № 19.
2. Albrecktt Westermans Rackenscap för — 6 Sochner Vdi Jamagårådzt Lann Pro Anno 1585 // RA/5142/F.418/1585:10. № 17.
3. Albricht Westermans Räkenscap för — 6 Sochner vthi Jamagorotz Lähn pro anno 1589 // RA/5142/F.418/1589:2. № 26.

4. Albricht Westermans Rechenskap For — 3 Sochnar Vdi Jamagårådtz Län pro Anno 1587 // RA/5142/F.418/1587:10. № 21.
5. Albricht Westermans Reckenchap För — 6 Sochnar vdi Jammagårådtz Lhenn Pro anno 1588 // RA/5142/F.418/1588:7. № 24.
6. Årliga Rättann eller Opbördz Register för Jffwane Gåröttz länn Pro Anno 1582 // RA/5142/F.415/1582:5.
7. Bertil Matzsons Reckenskap för Opbörd Och vtgiffitt på Jwannegoråt samt Besatte och obesatte hakelandh. Pro Anno 1586 // RA/5142/F.415/1586:7. № 7.
8. Bertill Matzsonns Reckenskap för Opbörd och vtgiffitt på Jwannegårod Slott Sampt Besatte och Ödes hakelandh. Pro Anno 1585 // RA/5142/F.415/1585:7. № 5.
9. Greger Claessons Rechenskap för — 8 Sochner vdÿ Watzskÿ fougderÿ ÿ Copporia Slottz Lhänn p: Anno 1583 // RA/5142/F.423. № 37.
10. Gregers Claesons Reckenskap för 8 Sochner vdi Wotzskÿ fougderÿ i Coporie Slotzlän pro Ano 1585 // RA/5142/F.423. № 39.
11. Gregers Claesons Reckenskap för 8 Sochner vdÿ Wätzkÿ heredit i Coporie län, pro anno 1584 // RA/5142/F.423. № 38.
12. Jacob Bertilsons Räckenskap för 4 Sochner i Ingermanland Wtÿ Coporie Slottz Lhän pro anno 1583 // RA/5142/F.422/1583:3. № 26.
13. Jacob Bertilsons Räckenskap för fyre Sochner aff Ingermanland vti Coporie Läen i Rydzland Pro Anno 1585 // RA/5142/F.422/1585:12. № 30.
14. Jacob Bertilsons Reckenskap för — 12 Sochner aff Ingermanland och Wotzschÿ Vti Coporie Län vti Rydzlandh Pro Anno 1586 // RA/5142/F.422/1586:3. № 32.
15. Jacob Bertilßons Räckenskap för — 12 Sokner i Coporie Slätz Lähn i Ingermanland och Wotzke petÿns fögderÿ pro Anno 1589 // RA/5142/F.422/1589:1. № 36.
16. Jacob Bertilßons Reckenskap för Arliga Rentan aff 4 Sochnner wdi Ingermanlandh ÿ Coporie Länn Pro Anno 1584 // RA/5142/F.422/1584:7. № 28.
17. Jacob Persons Reÿgenn Register opå Jffuanegoråz Länn, emott olaff larß:n öffuer anuwardett then 9 Januarÿ Ano 90 // RA/5142/F.415/1588-1589. № 9.
18. Jacop Bertilsons Reckenskap för — 12 Sochner aff Ingermanlandh och Wotzchi vti Caporie Lhänn vti Rydzlandh Pro Anno 1587 // RA/5142/F.422/1587:6. № 34.
19. Mantalet Och Jordetalet Wedh frÿth och ödhe wdhi Jwanegorodz Län pro Anno 1584 // RA/5142/F.415/1584:2.
20. Peder Jonsons Reckenskap för — 3 Sochnar vti Jamagårådtz Län pro Anno 1587 // RA/5142/F.419/1587:10. № 22.
21. Per Jonsons Reckenskap för — 6 Sochnar vdi Jamgårådtz Lhen pro anno 1583 // RA/5142/F.418/1583:5. № 14.

22. Per Jonsons Rechenskap för — 3 Sochnar vdi Jamgårådtz Läenn pro anno 1584 // RA/5142/F.418/1584:3. № 15.

23. Per Olsons Reckensckap för — 3 sochnar vdi Jammagaradtz lhenn pro anno 1584 // RA/5142/F.419/1584:3. № 16.

#### ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

24. 1582 den 17 Sept: Konungh Johans förmähningz schriff till the Nougordiske, № 3 // RA / Militaria (M 1276:1). Handlingar rörande ryska kriget 1570–1595. Öppna brev från Johan III (1570–1582).

25. Instruktion för P.de la Gardie, Herman Fleming, Göran Boje och Carl Henriksson Horn, ang. kriget; dat. Stockholm dtn 18 Juni 1581 // Handlingar rörande Scandinaviens historia. Del. 36. Stockholm, 1855. S.272–285.

26. Kongl. Maj:ts instruktion för Peder Bagge såsom anförare för ett krigståg till Hvita Hafvet; Stockholm den 18 Juli 1590 // Handlingar rörande Scandinaviens historia. Del. 38. Stockholm, 1857. S.92–95.

27. P. de la Gardie till hertig Carl om Jamagorods intagande och Kopories belägring; Jamagorod d. 7 Oct. 1581 // Handlingar rörande Scandinaviens historia. Del. 36. Stockholm, 1855. S.285–290.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

RA — Riksarkivet

F. — фонд

## СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТИПЫ КОНКРЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТСУБСТАНТИВОВ)

*Аннотация.* В статье рассматриваются вопросы диалектного словообразования, в центре внимания находится функционирование подсистемы суффиксальных отсубстантивов с конкретной семантикой в смоленских говорах. Описание частной словообразовательной системы дается через словообразовательные типы, при этом устанавливаются составляющие диалектного словообразовательного типа и его специфика.

*Ключевые слова:* диалектология, смоленские говоры, словообразовательный тип.

Словообразовательный тип (СТ) признается языковедами почти единогласно важнейшей единицей словообразовательной системы, единицей, собственно формирующей и упорядочивающей систему, и в таком качестве давно и плодотворно исследуется в отечественном языкознании. Специфика функционирования СТ как в общерусском языке, так и в частных диалектных подсистемах давно была в центре внимания исследователей<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Азарх Ю. С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000; *Араева Л. А.* Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (На материале русских говоров): дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 1994; *Герд А. С.* Спорные вопросы славянского регионального словообразования // Псковские говоры. Псков, 1979. С. 43–58.

Проблемы словообразования в смоленских говорах отражены также в работах: *Бояринова Л. З.* Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица женского пола в говорах Смоленской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; *Граве Л. В.* Словообразующие и формообразующие глагольные приставки в диалектной лексике говора д. Буды Рославльского района Смоленской области // Учен. зап. Смоленск. гос. пед. ун-та. 1964.

© Е. С. Лунькова, 2012

Описание словообразовательной структуры мотивированных существительных в смоленских говорах в синхронном аспекте может проводиться посредством объединения их в отдельные словообразовательные типы с последующим описанием.

При анализе диалектных СТ в смоленских говорах представляется целесообразным сохранить составляющие, принятые при описании типов общерусского языка и других групп говоров: указание форманта, его словообразовательного значения, словообразовательных характеристик мотивирующих слов, морфонологических явлений. Добавить же можно элементы, определяющие диалектную специфику СТ посредством характеристики свойств форманта и мотивирующей основы: для диалектного форманта устанавливается наличие тождественного словообразовательного средства в общерусском языке, при этом отмечается совпадение или несовпадение словообразовательного значения; к словообразовательным характеристикам мотивирующей основы добавляется указание на ее диалектный или общенародный характер. Существительные, устанавливающие словообразовательные отношения не с одним, а с несколькими мотивирующими, обладают множественной словообразовательной структурой и описываются в нескольких типах. Таким образом, под диалектным словообразовательным типом понимается абстрактная единица, выводимая на основании общности частеречной принадлежности мотивирующего слова, семантических отношений мотивирующего и мотивированного, а также тождественного форманта, и включающая минимально три слова.

Описание СТ в смоленских говорах проводится по следующей схеме:

- 1) указание форманта;
- 2) общее словообразовательное значение форманта, его частные разновидности (если выделяются);
- 3) словообразовательные характеристики мотивирующего слова: мотивированность или немотивированность мотивирующей основы, принадлежность ее говорам или общерусскому языку;

---

Вып. 13, ч. 1; Коломонова О. Н. Словообразовательные гнезда глаголов движения в смоленских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009; Лунькова Е. С. Словообразовательная и морфемная система смоленских говоров: сравнительно-сопоставительный анализ. Смоленск, 2007; Щебникова В. А. Суффиксальное словообразование имен существительных-наименований лиц мужского пола в смоленских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1973.

4) морфонологические явления в типе: чередования, усечения, наращения, наложения.

Наиболее значимые с точки зрения формальной представленности и структурно-семантического взаимодействия в словообразовательной системе смоленских говоров — суффиксальные СТ отсубстантивной деривации.

В смоленских говорах функционирует 63 суффиксальных отсубстантивных СТ, объединяющих мотивированные существительные с конкретно-предметной семантикой (в типы не включаются наименования лиц и натурфактов). Эта разновидность производной диалектной лексики — самая распространенная и включает в общей сложности около 1400 мотивированных слов, что составляет более 25% от общего количества мотивированных диалектных существительных со значением «артефакты» (указанной семантикой обладают примерно 5500 слов, исследование проводилось по материалам «Словаря смоленских говоров»<sup>2</sup> и картотеки этого словаря). Не входят в суффиксальные СТ, но функционируют в сфере диалектной отсубстантивной деривации 220 слов; из них 138 — единичные образования, а 82 слова объединяются попарно и имеют общий формант, но не образуют типов.

Типы отсубстантивной деривации в смоленских говорах имеют мутационное и модификационное словообразовательные значения (СЗ). Мутационное СЗ — общее для всех СТ и формулируется следующим образом: «предмет, характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом», или в более общем виде — «носитель предметного признака».

Модификационное СЗ в сфере отсубстантивной деривации конкретно-предметных диалектных существительных включает следующие семантические составляющие:

- «предмет, похожий по внешнему виду или по функции на то, что названо мотивирующим словом» (например, *ведерник* ‘чугун вместимостью в ведро’, *окошник* ‘венок’);
- «часть от целого» (*дорничина* ‘тонкая дощечка’, тогда как *дорница* ‘дранка’, *заборина* ‘одно бревно забора’, *красина* ‘бусина’ от *краси* ‘бусы’);
- «целое по части» (слово *ковнерка* называет рубаху-косоворотку, мотивировано существительным *ковнерь* ‘воротник’; *колёска* называет самодельную коляску для детей);

<sup>2</sup> Словарь смоленских говоров. Т. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

- «синоним мотивирующего слова» (*галдарейка*, как и *галдарея* ‘крыльцо с навесом перед входом’, *подвалка* и *подвал* ‘погреб’)<sup>3</sup>;
- в отдельных случаях имеет место субъективно-оценочное значение (например, *гнидник* — о верхней одежде, *мерлужник* — о неубранном помещении при мотивации словом *мерлога* ‘свиной хлев’).

Словообразовательная семантика полностью совпадает в общерусском языке и в смоленских говорах сравнительно в небольшом количестве случаев, а именно у 10 типов с формантами *-j(a)*, *-атник*, *-арь*, *-ек*, *-ин(a)*, *-ищ(e)*, *-ник*, *-нищ(a)*, *-овник*, *-онк(a)*. Примечательно, что среди этих суффиксов встречаются в равной мере как регулярные словообразовательные средства, так и нерегулярные для смоленских говоров форманты. Например, суффикс *-ник* — регулярный, который выделяется среди прочих в словах *ржищник* ‘ржище’, *рульник* ‘кулеш из кислого теста’, *ситник* ‘сито’, *цепник* ‘жердь для просушки снопов’, а также регулярный суффикс *-ин(a)* в словах *тычинина* ‘кол из тына’, *ферьязина* ‘одно плечико сарафана’ (сам сарафан называется *ферьязь*), *цепина* ‘ручка молотильного цепа’. Регулярный суффикс *-ищ(e)* выделяется у существительных *вилище*, *грабелище*, *метлище*, которые называют рукояти предметов, обозначенных мотивирующими словами. В качестве примера нерегулярных формантов могут выступать следующие: *-j(a)* (*вотробья* ‘отруби’, *ночевья* ‘два горшочка, скрепленных общей ручкой’; *-атник* (в словах *бычатник*, *гусятник*, *козятник*, *свинятник*, *утятник*, называющих помещения для животных и птиц), *-арь* (*дегтарь* ‘дегтярница’, *кубарь* ‘глиняный горшок’, *ушарь* ‘ушат’).

Отсубстантивы, функционирующие в смоленских говорах, обнаруживают тенденцию, характерную, по-видимому, для сферы диалектного словообразования в целом: по мере расширения границ диалектного СТ и усиления взаимодействия с другими, часто синонимичными типами, наблюдается расшатывание ядерного элемента СЗ в типе и отмечается возникновение новых значений.

Так, по разным показателям словообразовательная семантика не совпадает с кодифицированным русским языком у 53 диалект-

<sup>3</sup> В некоторых случаях этот тип значения выделяется достаточно условно, поскольку имеет место десемантизация суффикса.

ных СТ. Различия в сфере употребления типов в смоленских говорах и в общерусском языке имеют место в следующих случаях.

Расширяют словообразовательную семантику в смоленских говорах форманты *-j(e)*, *-арк(а)*, *-ашк(а)*, *-ик*, *-ик(и)*, *-инк(а)*, *-к(а)*, *-к(о)*, *-няк*, *-ок*, *-очк(а)*, *-ушк(а)*, *-чик*, поскольку в сфере диалектного использования эти суффиксы обладают не только модификационной семантикой, как в общерусском языке, но и мутационной. К примеру, слова *горохвинье*, *гуменье*, *стожарье* с формантом *-j(e)* обозначают пространства (*горохвинье* и *гуменье* называют места, где раньше располагались соответственно посадки гороха и гумно; существительное *стожарье* называет площадку под стог при мотивирующем *стожар* ‘жердь, вокруг которой укладывался стог’); слова *овчарка*, *свинарка*, *хомутарка* с суффиксом *-арк(а)* — это названия сельскохозяйственных построек, причем если первые два существительных конкретизируют общую сему «хлев» через отсылку к мотивирующим названиям животных, то *хомутарка* конкретизирует через неодушевленный предмет и называет часть конюшни, предназначенную для хранения упряжи.

Иного рода несовпадения, связанные с отличиями в выражении как мутационной, так и модификационной семантики, отмечаются у следующих суффиксов:

*-овк(а)* (в общерусском языке слова с этим формантом называют действие или состояние, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом, а не конкретные предметы, тогда как в смоленских говорах *березовка*, *липовка*, *осиновка* — наименования посуды по материалу);

*-ец* (совпадает модификационное СЗ, отличается мутационное: в общерусском языке формант используется для наименования лиц, но не предметов, а в смоленских говорах встречаем *дубец* ‘прут’, *елец* ‘сучковатая ель, используемая как борона’, *липец* ‘липовый мед’);

*-ач* и *-н(я)* (формант *-н(я)* в общерусском языке используется лишь для наименования вместилищ, а формант *-ач* функционирует с мутационным значением для наименования лиц или животных и с модификационным для обозначения собирательности; в смоленских говорах у обоих формантов последовательно представлены и мутационное, и модификационное значения — мутационное, например, у слов *горожня*, которое обозначает загон для скота и образовано от *горожа* ‘изгородь, забор’, *грабельня* ‘рукоять граблей’,

*кошевня* ‘плетеный кузов для саней’, а *кошева* ‘широкие и глубокие сани’, *пенькач* ‘приспособление для обработки льна и конопли’; модификационное значение подобия обнаруживается у существительного *рогач* ‘ухват’);

-*анк(а)* и -*ух(а)* (совпадает мутационное СЗ, в говорах шире представлено модификационное, поскольку в общерусском языке отмечено лишь модификационное значение женскости; в смоленских говорах *колдобянка* и *ряшанка* называют предметы посуды, подобные мотивирующим — соответственно бочонок и ушат; существительные *гарцуха*, *глазуха*, *целкуха* также обладают модификационным значением подобия и называют соответственно бутыл, гороховую кашу и вареную целиком картофелину);

-*онок* и -*ул(я)* (в говорах исключено значение стилистической модификации, к примеру, *горшонок* ‘горшок’ и *шалоник* ‘платок/шаль’ без дополнительных коннотаций; *скибуля* ‘ломоть’, от слова *скиба* с тем же значением, *коробуля* ‘колыбель для младенца’).

Суффиксы -*ак*, -*ан*, -*евин(а)*, -*иц(а)*, -*овин(а)*, -*овищ(е)*, -*овн(я)* имеют в смоленских говорах мутационное и модификационное СЗ, а в общерусском языке — лишь мутационное значение. Суффикс -*ох(а)* отличается специализированным мутационным СЗ в говорах, тогда как в общерусском языке, наоборот, обладает узкой модификационной семантикой (диалектные существительные *брындёха*, *заборнёха*, *заборчёха* называют праздничные женские рубахи и образованы соответственно от слов *брында* и *заборка* ‘оборки’).

Необходимо отметить, что изменения в словообразовательной семантике имеют место не только в диалектных типах с высокой регулярностью, например, с формантами -*еиц*, -*н(я)*, -*анк(а)* (около 30 слов в каждом), но и в типах, сформированных из минимального количества слов, а именно трех (например, типы с формантами -*онок*, -*ул(я)*) — эти обстоятельства подтверждают самостоятельный характер формирования СЗ в смоленских говорах и исключают прямую зависимость возникновения новых элементов в словообразовательной семантике лишь от количественных показателей, обусловленных регулярностью того или иного диалектного типа.

Особую группу формантов, отсутствующих в сфере отсубстантивной деривации в общерусском языке, составляют две группы диалектных аффиксов: 1) форманты -*к(и)*, -*ель*, -*еник*, -*енник*, -*ил(а)*, -*иц(а)* (общерусский язык предполагает их использование в достаточно узкой области отглагольной деривации) и 2) суффикс

-овик (встречается лишь в отадъективной деривации) — совокупно 7 формантов. Очевидно, что все эти форманты — носители нового СЗ по сравнению с общерусским языком и свидетельствуют о тенденции к расширению границ номинативной системы смоленских говоров.

Необходимо указать еще одну группу диалектных СТ, отличающихся от аналогичных типов в общерусском языке не по качественным, а по количественным показателям, и закрепляющих в связи с этим заданный вид словообразовательной семантики. Эмпирически регулярны диалектные СТ с формантами *-ень* (24 производных с мутационным и модификационным значением, среди них, например, *оборень* ‘лыко, которое вставляется по краям лаптя’, *ручень* ‘горсть, пучок’, *улень* ‘улей’, *хрестень* ‘верх стога’); *-ин(ы)* (10 производных с модификационным СЗ, в том числе *козлины* ‘передняя верхняя часть русской печи от чела до потолка’, *кривулины* ‘телега для перевозки бревен’, *крошины* ‘ясли для овец’, *моталины* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’); *-иц(ы)* (всего 7 слов с мутационным СЗ, в том числе *дровицы* ‘мелко поколотые дрова’, *лавицы* ‘деревянная скамейка, лавка’, *мыльицы* ‘очень густое картофельное или гороховое пюре’); *-ейк(а)*, *-ениц(а)* (по три производных в каждом типе обнаруживают как модификационное, так и мутационное СЗ: *доробейка* ‘короб, лукошко из лыка или бересты’, *куртейка* ‘теплый жилет на меху’, *лозейка* ‘корзина, плетенная из лозовых прутьев’; во втором случае *масленица* ‘маслобойка’, *ниченица* ‘нитки для производства ткани’, *столеница* ‘крышка стола’). В общерусском языке указанные форманты отмечаются в единичных образованиях *слизень*, *именины*, *святыцы*, *шубейка* и *свояченица*.

В некотором роде уникальны и не находят соответствий в общерусском языке следующие диалектные форманты, которые можно разделить по степени регулярности:

1) суффикс *-аник* — самый регулярный из собственно диалектных суффиксов и встречается в 11 существительных: *амшаник* ‘постройка, утепленная мхом’, *берестяник* и *берещаник* ‘обувь из бересты’, *водяник* ‘сосуд’, *гречаник* ‘печеное изделие из гречневой муки’, *коряник* ‘улей’, *лапшаник* ‘суп из лапши’, *листяник* ‘корка хлеба’, *ольханик* ‘стол из ольхи’, *сусяник* ‘лепешка на сусле’, *ушаник* ‘ушат’;

2) суффикс *-атк(а)* наблюдается в пяти производных словах: *грибатка* 'керосиновая лампа без стекла', *палятка* 'небольшой глиняный горшочек', *кисчатка*, *перстятка* и *перщатка* — названия перчаток; суффикс *-ник(и)* также отмечен в пяти случаях: *борники* 'передняя часть лаптей', *двоешники* 'два горшочка с общей ручкой', *мыльники* 'толченый картофель с растопленным маслом', *содники* 'печенье с добавлением соды', *сподники* 'кальсоны';

3) нерегулярные форманты, встречающиеся в четырех словах, следующие: *-евник* (*иржевник* 'поле, с которого убрали рожь', *лапшевник* 'суп из лапши', *овощевник* 'плетень для защиты от ветра', *сажевник* 'углубление в печи для саж'), *-ешк(а)* (*балдаवेशка* 'трость с набалдашником', *доробешка* 'лукошко', *ручешка* 'горсть льна', *торбешка* 'мешочек'), *-н(о)* (*грабельно* 'рукоять граблей', *гузно* 'нижняя часть снопа', *оглобельно* 'деревце для оглобель', *судно* 'ведро'), *-нищ(е)* (*вильнище* 'рукоять вил', *грабельнище* 'рукоять граблей', *зубильнище* 'инструмент для заточки серпов', *картофьялнище* 'поле, с которого убрали картофель'), *-овј(е)* (*косовъе* 'древко косы', *луговъе* 'непаханая земля', *ноговъе* 'место на кровати для ног', *пуговъе* 'рукоять кнута');

4) наименее регулярны форманты в типах, представленных минимальным количеством слов, а именно тремя: *-ак(и)* (*бубаки*, *бубляки*, *бульбяки* 'сваренный целиком картофель'), *-анк(и)* (*дробянки* 'круглой формы салазки из старого решета', *дровянки* 'дровни', *козырянки* 'легкие узорные сани с крутыми полозьями'), *-арок* (*овчарок* 'хлев для овец', *свинарок* 'свинарник', *хлеварок* 'хлев').

Таким образом, специфически диалектных всего 11 формантов, которые встречаются в общей сложности в 50 словах. Каждый из формантов обладает мутационным или модификационным значением, некоторые объединяют оба типа.

В целом можно отметить богатство и вариативность словообразовательной семантики производных существительных в смоленских говорах, обилие разнообразных лексико-словообразовательных значений, которые еще ожидают своего описания. Однако нужно оговориться, что выделение частных лексико-словообразовательных значений в говорах должно быть типизировано и ограничивается, во-первых, контекстуальной семантикой форманта, который может быть вариантным, во-вторых, типом номинации, отраженным в семантике мотивирующего.

Существенной особенностью, отличающей диалектный СТ от общерусского, выступает установление мотивационных связей для производных существительных не только в общерусском языке, но и обязательно в отдельной системе говоров. Характер этих связей, а также сопутствующий учет структуры мотивирующей основы также могут быть отражены в описании диалектного типа.

Мотивирующие основы, используемые в сфере отсубстантивной деривации в смоленских говорах, — непроизводные и производные, общерусские и собственно диалектные. Количество тех или иных основ и их структурные особенности, безусловно, определяют специфику диалектного СТ. Однако больший интерес в описании структурной специфики диалектных мотивационных связей представляют форманты, ведь часто именно они не только и есть носители особого диалектного словообразовательного значения, но и наглядно демонстрируют ограничения в сочетаемости с мотивирующими основами. Эти ограничения могут быть объяснены, в свою очередь, соображениями как семантического, так и собственно структурного порядка.

Среди инвентаря диалектных формантов отдельно стоят те, которые обнаруживают предельно широкие сочетаемостные возможности и могут свободно присоединяться к любым основам — производным и непроизводным, общерусским (литературным) и собственно диалектным. Очевидно, такая свобода в комбинаторике может объясняться как необходимостью выражения регулярной словообразовательной семантики, так и наличием особых, прототипических для сознания носителей говоров словообразовательных моделей, которые формируются регулярными, повторяющимися словообразовательными отношениями (что немаловажно для устной формы бытования говоров) и используют регулярно встречающиеся суффиксы. Не случайно свободное сочетание форманта с производными и непроизводными литературными и такими же диалектными мотивирующими основами встречается у 13 регулярных и относительно регулярных типов с суффиксами *-j(e)*, *-ень*, *-ец*, *-ик*, *-ин(a)*, *-иц(a)*, *-ищ(e)*, *-к(a)*, *-ник*, *-нищ(a)*, *-овк(a)*, *-ок*, *-ушк(a)*.

Ограничения в сочетаемости форманта и производящей основы наблюдаются у мотивированных существительных во всех остальных случаях, следовательно, так или иначе затрагивают 50 диалект-

ных типов. Эти типы целесообразно разделить на несколько групп по видам комбинаторных ограничений.

Так, испытывают незначительные ограничения в сочетаемости и свободно соединяются с производными /непроизводными литературными и только непроизводными диалектными основами суффиксы *-ек* и *-ель*; сочетаются с производными/непроизводными литературными и производными диалектными основами суффиксы *-ник(и)* и *-ц(а)*.

Механизм сочетаемости, обратный тому, что был описан выше, — с непроизводными литературными и непроизводными / производными диалектными основами наблюдается несколько шире: в 11 типах с суффиксами *-j(a)*, *-ак*, *-ашк(a)*, *-ешк(a)*, *-ин(ы)*, *-к(и)*, *-н(я)*, *-ник(и)*, *-ох(a)*, *-ух(a)*, *-чик*.

Иные ограничения в сочетаемости мотивирующей основы и форманта наблюдаются в следующих случаях. Сочетание только с непроизводными основами, независимо от их принадлежности, представлено в 22 типах с суффиксами *-ан*, *-аник*, *-анк(a)*, *-анк(и)*, *-арк(a)*, *-атк(a)*, *-ач*, *-евин(a)*, *-ейк(a)*, *-еник*, *-енник*, *-инк(a)*, *-н(о)*, *-овин(a)*, *-овищ(e)*, *-овj(e)*, *-овн(я)*, *-овник*, *-онк(a)*, *-очк(a)*, *-ул(я)*, *-ц(ы)*. Сочетаются только с литературными основами разной сложности форманты *-к(о)*, *-нищ(e)*; более узкая сочетаемость с литературными непроизводными основами наблюдается у нерегулярных формантов *-арь*, *-арок*, *-атник*, *-евник*, *-ениц(a)*, *-няк*, *-овик*, *-онок*.

Узкая сочетаемость исключительно с диалектными непроизводными основами наблюдается в СТ с аффиксами *-ак(и)* (*бубаки*, *бубляки*, *бульбаки* 'вареный целиком картофель', от *бульба*) и *-ил(a)* (*груздила* 'удила', образовано от *грузды* с тем же значением, *драбила* 'решетка для укрепления бортов воза', тогда как *драба* 'боковая стенка телеги в виде решетки и собственно телега такого типа', *кутила* 'лавка, стоящая в переднем углу', или *куте*) и может быть объяснена структурной и семантической нерегулярностью этих моделей.

Примечателен тот факт, что в отсубстантивной диалектной подсистеме не встретилось сочетаний форманта только с производными основами, независимо от их принадлежности к общерусскому языку или смоленским говорам, что объясняется общей тенденцией использовать для номинации достаточно прозрачные в структурном отношении слова.

В абсолютных цифрах характер производности в отсубстантивной суффиксальной подсистеме конкретных существительных в смоленских говорах можно описать следующим образом: в типах используется 1401 производящая основа, где

- совокупно производных основ — 293, или около 21% от общего числа производящих; из них производных литературных — 61, или 4%; производных диалектных — 232, или около 17%;
- совокупно непроизводных основ — 1108, или около 79% от общего числа производящих, из них непроизводных литературных — 652, или около 47%, непроизводных диалектных — 456, или более 32%.

Следующая составляющая в описании диалектного типа напрямую связана с характером отношений мотивирующей основы и форманта и относится к сфере морфонологии.

Морфонологические процессы в сфере отсубстантивной диалектной деривации происходят в 58 типах и представлены чередованиями согласных и гласных, чередованиями групп звуков, а также наращением и усечением мотивирующих основ. Следует сразу оговориться, что морфонологические явления в смоленских говорах проходят по тем же законам и в тех же позициях, что и в общерусском языке, что определенным образом свидетельствует о системности положения частной диалектной системы в общерусском языке.

Свободны от морфонологических процессов лишь 5 нерегулярных типов с формантами *-ач*, *-овик*, *-овј(е)*, *-овищ(е)* и *-ул(я)*. Во всех остальных СТ в той или иной мере присутствуют морфонологические явления.

Большое количество изменений, происходящих на морфемном шве в диалектном отсубстантивном словообразовании, объясняется как регулярностью присоединения отдельных формантов, так и активностью процессов номинации, известные противоречия которых снимаются формальными морфонологическими способами.

Форманты диалектных СТ присоединяются преимущественно к финалям основы, оканчивающимся сочетаниями «гласная + сонорная согласная», «гласная+несонорная согласная», «согласная + согласная».

Морфонологические явления в типах отсубстантивных суффиксальных существительных преимущественно представляют собой различные виды чередований и усечений:

- смягчение парных твердых согласных мотивирующих основ — самый распространенный вид преобразования финалей в описываемой деривационной подсистеме и наблюдается в 36 типах; обратное — отверждение парных мягких согласных — менее распространено и наблюдается в девяти типах;
- чередования с заднеязычными относительно регулярны и встречаются со следующей частотностью: к//ч (18 типов), г//ж (13 типов), х//ш (12 типов);
- чередование аффрикат /ц//ч/ — также относительно регулярный процесс и имеет место в восьми СТ;
- нерегулярны чередования /к//ш/, /ст//щ/, /к//т/, /т//ч/, встречающиеся в ограниченном (менее пяти) количестве СТ;
- чередования гласных менее распространены, нежели чередования согласных, они реализуются преимущественно в корнях слов и представлены следующими видами: /e//o/, /o//a/, /a//y/, /a//e/, /a//o/, /e//a/, /o//y/, а также /o/ с нулем звука, /a/ с нулем звука, нуль звука с /e/ и с /o/; самым распространенным здесь можно считать чередование /o/ с нулем звука, которое имеет место в 15 типах; все остальные чередования можно отнести к нерегулярным;
- усечение финалей мотивирующих основ — относительно распространенное явление для отсубстантивных суффиксальных образований и представлено следующими видами: усечение финали /j/ в 11 типах, /к/ — в 10 типах;
- в качестве нерегулярного морфонологического явления выступает усечение сочетаний с согласными /ен/ и /ок/ — каждое в трех типах, /ан/, /иц/ и /ниц/ — в двух типах;
- наращения, как и усечения мотивирующих основ, не характерны для суффиксальных СТ отсубстантивной деривационной подсистемы смоленских говоров и встречаются в отдельных единичных случаях.

Таким образом, подсистема СТ суффиксальных отсубстантивов в смоленских говорах характеризуется совпадением базовых со-

ставляющих типа с общерусским языком: у мотивированных диалектных существительных выделяется мутационная и модификационная словообразовательная семантика, мотивирующие основы вступают в структурные отношения с определенными формантами, морфонологическая комбинаторика повторяет общерусскую; в то же время постоянно имеют место отличия в каждом из элементов, формирующих тип, причем особенно ярко это проявляется в словообразовательной семантике и в отношениях мотивирующих основ с формантами. Все это свидетельствует о постоянном развитии частной диалектной подсистемы.

Результаты исследования суффиксальных отсубстантивных существительных, иллюстрирующие изменения, которые протекают в диалектных СТ, можно представить в виде таблицы.

**Характеристика отсубстантивных словообразовательных типов  
в смоленских говорах**

Формант	Совпадение с общерусским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Модификационное словообразовательное значение	Мутационное словообразовательное значение	Мотивированное	Немотивированное	Литературное	Диалектное	
-к(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	289
-ник	+	+	+	+	+	+	+	164
-ин(а)	+	+	+	+	+	+	+	129
-ок	+/-	+	+	+	+	+	+	100
-ниц(а)	+	+	+	+	+	+	+	70
-ик	+/-	+	+	+	+	+	+	62
-овк(а)	-	+	+	+	+	+	+	45
-ищ(е)	+	+	+	+	+	+	+	44
-иц(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	38
-к(и)	-	+	+	+	+	+	+	31
-ец	-	+	+	+	+	+	+	30
-j(е)	-	-	+	+	+	+	+	27

Форманг	Совпадение с общерусским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Модификационное словообразовательное значение	Мутационное словообразовательное значение	Мотивированное	Немотивированное	Литературное	Диалектное	
-н(я)	-	+	+	+	+	+	+	27
-анк(а)	+/-	+	+	-	+	+	+	26
-ень	-	+	+	+	+	+	+	24
-ушк(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	19
-ак	+/-	+	+	+	+	+	+	14
-овник	+	-	+	-	+	+	+	13
-ек	+	+	-	+	+	+	+	12
-аник	-	+	+	-	+	+	+	11
-инк(а)	-	+	+	-	+	+	+	11
-онк(а)	+	+	+	-	+	+	+	10
-ин(ы)	-	-	+	+	+	+	+	10
-овн(я)	+/-	+	+	-	+	+	+	10
-арк(а)	-	+	+	-	+	+	+	9
-ашк(а)	-	+	+	+	+	+	+	9
-чик	-	+	+	+	+	+	+	9
-очк(а)	-	+	+	-	+	+	+	8
-ух(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	8
-ан	-	+	+	-	+	+	+	7
-ц(ы)	+/-	+	-	-	+	+	+	7
-атник	+	-	+	-	+	+	-	6
-ель	-	+	+	+	+	+	+	6
-еник	-	-	+	-	+	+	+	6
-ик(и)	+/-	+	+	+	+	+	+	6
-овин(а)	+/-	+	+	-	+	+	+	6
-атк(а)	-	-	+	-	+	+	+	5
-к(о)	+/-	+	+	+	+	+	-	5

Форманг	Совпадение с общерусским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Модификационное словообразовательное значение	Мутационное словообразовательное значение	Мотивированное	Немотивированное	Литературное	Диалектное	
-ник(и)	-	+	+	+	+	+	+	5
-ач	+/-	+	+	-	+	+	+	4
-евин(а)	-	-	+	-	+	+	-	4
-евник	-	-	+	-	+	+	-	4
-ешк(а)	-	+	+	+	+	+	+	4
-н(о)	-	+	+	-	+	+	+	4
-нищ(е)	-	+	+	+	+	+	-	4
-няк	-	+	+	-	+	+	-	4
-овик	-	-	+	-	+	+	-	4
-овј(е)	-	-	+	-	+	+	+	4
-ох(а)	-	-	+	+	+	+	+	4
-ј(а) (мн.ч)	+/-	+	-	+	+	+	+	3
-ак(и)	-	-	+	-	+	-	+	3
-анк(и)	-	+	-	-	+	+	+	3
-арок	-	+	+	-	+	+	-	3
-арь	+/-	+	+	-	+	+	-	3
-ейк(а)	+/-	+	+	-	+	+	+	3
-ениц(а)	-	+	+	-	+	+	-	3
-енник	-	+	+	+	+	+	+	3
-ил(а)	-	+	+	-	+	-	+	3
-овищ(е)	+/-	+	+	-	+	+	+	3
-онок	+/-	+	-	-	+	+	-	3
-ул(я)	+/-	+	-	-	+	+	+	3
-ц(а)	-	-	+	+	+	+	+	3

## СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕСТОИМЕНИЙ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ

*Аннотация.* В статье на большом фактическом материале рассматривается словообразовательный потенциал местоимений в вологодских говорах. Характеризуются неморфемные и морфемные способы словообразования слов различных частей речи, образованных от местоимений.

*Ключевые слова:* вологодские говоры, словообразовательный потенциал, местоимения.

Местоимения в вологодских говорах обладают большим словообразовательным потенциалом. Тем не менее эта подсистема общей словообразовательной системы вологодских говоров не была предметом специального рассмотрения. Отместоименные производные слова образуются как неморфемными — морфолого-синтаксическим и лексико-синтаксическим, так и морфемными способами. Цель статьи — описать все возможные типы словообразования отместоименных слов в рассматриваемых говорах. Основным источником фактического материала послужил «Словарь вологодских говоров» в 12 выпусках<sup>1</sup>.

### 1. МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ОТМЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

1.1. **Адвербиализация местоимений:** *вовсю* ‘совсем, совершенно’ *Трудящийся он, а она заругала его вовсю; докаме* ‘пока’ *Светло на улице? — Докаме ещё светло; доколя* ‘до каких пор’ *Доколя ты будёшь на роботу-ту ходить?; докуль* ‘до того места’ *Вот, девки,*

<sup>1</sup> Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / ред. Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда, 1983–2007 (в тексте СВГ, год, вып., стр.).

© Л. Г. Яцкевич, 2012

докуль моё-то косить-то; **другомя** и **другоми** 'иным образом, по-другому' Другомя сделай этот стул; 'в другой раз, вторично' Дай-ко вицей, другомя не будет баловаться; **завсе** 'всегда, постоянно' Мишка зимой завсё почту носиу, помогау почтальонши; 'в будни, не в праздничные дни' Надо купить ему рубаху, чтобы завсё-то носить.; **иное** 'иногда' А иное приедут и не обрыбляцо; **накой** 'зачем' Накой тебе эта гармошка, всё равно ты не играешь?; **наособе** 'особо, отдельно' Леонид не любит шти. Я уж всегда ему варю наособе, в другом штяницкё, маленькём; **особе** 'в стороне от других, отдельно' Мы всё вмистя да вмистя, а ён всё особе собирает ягоды; **начто** и **начто** 'зачем, с какой целью' На нитки-те и не гляжу, уронила на пол дак, начто на них и глядеть; Начто коты-те мне принесла? Лето же теперь; **незачто** 'попусту, зря, бесполезно' Люся говорит, что прошла её жись незачто. А кто доволен-то?; **неколько** 'совсем' Я несколько не знаю ничего; Мы про него несколько не знали; **непочто** 'незачем, нет надобности, не нужно' Да и в лес-то седни идти непочто; **ничтото** 'напрасно, впустую' Да ничтото я и наговорила вам, деўки; **откель** 'откуда' Не знаю, откель это и пришло; **отколя** 'откуда' Вы сами-то отколя родом?; **откуля** 'откуда' Откуля баушка-то ваша?; **оттель** 'оттуда, из того места' В Вологду поедут, дак оттель и навезут всего; **оттоли** 'оттуда, из того места' Ак оттоли едут на выходные. Тот. Маныл.; **оттоля** 'оттуда, из того места' Погляжу в окно, а он уж идёт оттоля, из-за озера; **покой** 'зачем' Покой, милой, везёшь свежего мяса? У нас ишишо солёного много; **посия** 'до сих пор' И дружок уехал, посия неизвестно где; **почём** 'зачем, с какой целью, для чего' Почём я молоко понесу?; **почто, пошто** и **поштё** 'зачем, с какой целью, для чего' Да вы деўки, пошто суды-то приехали?; 'почему, по какой причине' Павлик, ты пошто плачешь-то?; **почто-то** и **поштё-то** 'почему-то, по какой-то неизвестной причине' Поштё-то картошка на гребне всегда лучше; **сей** 'сегодня' Сей три стога сметали да вчерась два; **такома** 'так, таким образом' И ругаюсь со всеми такома; **сколь** и **скель** 'насколько, как' Лика, сколь быстро траву-то косой спазгнула!; **эсто'ль, эстуль, эстолько** 'так долго' Ну-ко эсто'ль жила, а не могла научиться половики ткать. Чего ты эстолько топишь?

1.2. **Адъективация местоимений:** **иной** 'будущий, предстоящий' На иной год племянка в гости приедет из города. Парень-от на иной год в школу пойдёт. Мне бы симечка найти, я бы на иной год посияла. На иной неделе гости приедут; **некакой** 'плохой, не-

качественный' Жили-то они небогато, дом-то у них некакой был, никакого богатства. Да не бери моду-то у неё, некая она у неё, мне не нравится. Некакой хлеб теперь пекётся; **ничто** 'довольно хороший, сносный' Так-то здоровье у меня ничто. Остовом-то она ничто, а так неприглядная.

1.3. **Переход местоимений в частицы:** **коли** 'неужели, разве' Коли они с деньгами приехали?; **начто** и **нащё** 'разве, неужели, что ли' Зимой начто провожали его? Рупь начто килограмм рыба-то? Нащё ты приедешь, а не Ольга? Нащё дёвка виновата, а не бригадир?; **этого** 'заполняет паузу при затруднении говорящего выразить свою мысль, подобрать нужное слово' Я дак, этого, картовинкой заем. Можёт, из гобца огурия солёного достану ишо. Ишут. Для чего старо мяско наваливашь? Я лучше, этого, Машино возьму. Ишут.

1.4. **Переход местоимений в союзы:** **кое ... кое** 'то ли ... то ли' Вся усталая, вся дряхлая: кое годы, кое работаю вноги; **Коли** 'союз условный, если' Коли жалко, так надо читать. Я на тракторе буду, а коли возьмут, в Сахарово поеду на комбайн; 'союз разделительный, то ли... то ли, либо... либо, или' Коли быў, коли нет. Не знаю, где она: коли коров доит, коли на поле работает; **покаме** 'пока' Покаме я топлю баню, вы до магазина добежите; **покуль и покуля** 'пока' Покуль я жива, дак и иконы будут стоять. Покуль в лес-от ходила, внучок-то мой все картины изорваў; **почто, пошто** и **поштё** 'в знач. союза причины и цели в придаточных предложениях' Не знаю, пошто они в магазин пошли.

1.5. **Переход местоимений в модальные слова:** **всяко** 'пожалуй, возможно, вероятно' Всяко, это вчера оса меня саднула. Дак, всяко, и я не буду поливать. Ноне, всяко, нету ему шестидесяти. Всяко, теперь хватит верёвки-то. Пойду схожу к девкам, всяко, уж пришли; **начто** 'навверное, вероятно, может быть' Девкам, начто, и варить-то не в чем. Это, начто, свои овцы-то, чужие не легли бы у ворот. Тебе, наштё, лет девятнадцать — двадцать уже есть? Вы во вторник, нащё, уедете?

1.6. **Переход местоимений в слова категории состояния:** **ничто** 'безразлично, все равно' А мне ничто, придёт ли, нет ли.

## 2. ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ

На базе словосочетаний, включающих в свой состав местоимения, образуются слова также с дейктической семантикой.

2.1. **Образование местоимений:** *вон эдакий* → *вонедакий* ая, ое, пределит. мест. ‘вон такой’ *Вонедакая* девка выросла (СВГ 1983: Вып. 1, с. 82). *Вон этот* → *вонетот* ‘вон этот’ *Вонетот* завеньгаў, я и уронила. *Вон* за *вонетим* домом её изба. В *вонетой* комнате сидим. *Вонетим* всё отдам (там же).

2.2. **Образование наречий:** *в та поре* → *втапоре* ‘в ту пору, в то время, тогда’ *Втапоре* всё не так было. *Втапоре* и у нас уже корова была; *коево дни* → *коеводни* и *коеводня* ‘вчера, на днях, недавно’ *Коёводни* обступилась, *сегодня* нога болит. *Коёводни* письмо пришло от внука с армии, тужит больно по нам. *Коеводня* мы ходили в кино: в соседнюю деревню; ‘давно’ *Коёводни* он присылал письмо; *кова дни* → *ковадни* ‘вчера, на днях, недавно’ *Вот* *ковадни* этот поросёнок здесь бёгаў. *Ковадни* оса парнёчка шибко ткнула; ‘давно’ *Ой*, *ковадни* дома не был, забыл и дорожку-то!; *по сего дни* → *поседни*, *посидни*, *посидне* и *посёдня* ‘недавно, несколько дней тому назад’ *Поседни* приходила к нам. *Поседни* сусед у меня был. *Посидни* приезжал, щас опять уехал. *Посидне* картошку-то обрывали. Он *посёдня* забегаў к нам намалёшко; *сего года* → *севогода* ‘в этом году’ *Севогода* внучка пойдёт в первый класс. *Лонись* новины катили, в *севогода* уже лён в рост вымахал; *сей год* → *сейгод*, *сегод* и *сёгод* ‘в этом году’ *Рыбы-то* *сейгод* много. *Сирень* не цвела *сейгод*, и *рябины* нет. *Яблони* были, а *сегод* все помёрзли. *Сёгод* у ей короушка справно доит. *Сегод* в болоте столькоросло колосовиков. *Лонись* мы там не косили, а *сегод* решили скосить; *сей дни* → *сейдни*, *седни* ‘сегодня’ *На* *сенокос* я *сейдни* не пойду: спина что-то заболела; *сей ночи* → *сеночи* ‘прошлой ночью’ *Вот* пойду *сеночи* на ферму. *Мне* *сеночи* поди жарко будет не пече-то. *Лягу* на диван, как некто не ляжет; *того годы* → *товогоды* ‘в тот год’ *Ещё* *товогоды* разорелися, како *товку* нету от вас. *Товогоды* не дёржали они в *хлевушке-то*; *того дни* → *тогодни* ‘в тот день’ *И* муж-от мой *товодни* помер; *тойпоры* ‘в ту пору, в тот момент’ *Тойпоры* меня дома-то не было, *вот* и не углядела. За *сеном* пошёў, а они *тойпоры* уехали.

### 3. MORFEMНЫЕ СПОСОБЫ

3.1. **Суффиксация.** 3.1.1. **Образование местоимений:** притяжательных: *его* → *евонный*, ая, ое ‘ему принадлежащий; его’ *Это* ведь *евонный* пиджак-то, *смотри* не *надевай* его. *Ник*. *Осин*. (СВГ 1985: Вып. 2, с. 70); *её* → *еённый*, *ейный*, ая, ое, ‘ей принадлежащий; её’

Это ведь еённий дом-от, вот здесь она и живёт; *чей* → *чейный*, 'обозначает вопрос о принадлежности кого-, чего-либо кому-либо, чей' *На чейной оне лодке едут?*; 'обозначает вопрос: из какой семьи?' *Чейной ты, паренёк? Не пади, катко тутока* (СВГ 2007: Вып. 12, с. 24); *чей* → *чейный*, 'обозначает вопрос о принадлежности кого-, чего-либо кому-либо, чей' *На чейной оне лодке едут?*; 'обозначает вопрос: из какой семьи?' *Чейной ты, паренёк? Не пади, катко тутока* (СВГ 2007: Вып. 12, с. 24).

Этот же процесс протекает и у определительных местоимений: *всякий* → *всяковский*, ая, ое, мест, определит. 'всякий, разный, всевозможный' *Юбки-то клеточный с косою оборкою, всяковский* (СВГ 1983: Вып. 1, с. 87); *иной* → *инакий*, ая, ое 'другой, иной' *Один сапог такой, другой инакой* (СВГ 1987: Вып. 3, с. 18); *такой* → *таковский*:  $\diamond$  *Таковский и был*. 'о том, кто заслуживает наказания' *Нецего жалеть: такоська и была. Он попал в беду, такоський и был* (СВГ 2005: Вып. 11, с. 5); *сам* → *саменький*, ая, ое. *сам*, 'собственной персоной (при личных местоимениях)' *Я говорю, а он саменький и сидит* (СВГ 2002: Вып. 9, с. 88); *такой* → *таконький*, ая, ое 'соответствующий свойствам, о которых идёт речь, такой.' *Она не вредная, эта ласка, высотой такая — сантиметров пятнадцать, а долиной таконькая — сантиметров двадцать* (СВГ 2005: Вып. 11, с. 5); *эдакий* → *эдаконький*, ая, ое, мест. 'употребляется для выделения, подчеркивания качества, свойства' *Она от матери эдаконькая малюжэцька осталась* (СВГ 2007: Вып. 12, с. 120); *экий* → *эконький*, ая, ое, мест. 'употребляется для выделения, подчеркивания качества, свойства' *Щенка принесли эконького махонького Берёзка-то эконькая большая вышалела* (СВГ 2007: Вып. 12, с. 121).

В повести В.И.Белова «Привычное дело», в которой часто встречаются диалектные слова родного писателю харовского говора, употребляется уменьшительно-ласкательная форма дательного падежа местоимений «я» — *мне* → *мнешеньки*: *Ступала по одорожной тропе да хлопала по бедру: «Охти мнешеньки, охти мнешеньки! Благодарь-то ... погодушка-то...»<sup>2</sup>.*

3.1.2. **Образование существительных:** *другой* → *друган* 'пиво, брага или квас, приготовленные на повторно использованном сусле' *Друган тоже с хмелем. Иногда и он хорош, и друганом напоят, да*

<sup>2</sup> Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / автор-составитель Л. Г. Яцкевич; науч. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2004.

добро. *Сегодня пива нет, я вас друганом угошшу. До чего друган-от у вас хороши!*; **другик** ‘сарафан’ Раньше широкие другики носили; **ничего** → **ничевуха** 1. ‘беспутный, ветренный человек’ А ведь *ницевухой жить всю жизнь веселей*; ‘неопытный, неумелый человек’ *Нецевух эдаких нас набирали на трактор*; **ничего** → **ничевуха** 2. ‘неудачно, плохо испеченный пирог, хлеб’ *Опётъ ведь у меня ничевухи вышили*; ‘суп, приготовленный из молока, яиц, картофеля и муки’ *Сварила ничевухи, да ведь вы истъ не будете. Мати сварила ничевуху скусную*; **ничего** → **ничевуха** 3 ‘о малом количестве чего-либо’ *Год робишь, робишь, а ничевуху и заработаешь. Пошли мы раз одежду менять, наменяли ничевуху*; **сам** → **самец** (об. мн. **самцы**) ‘стропила, опора для устройства кровли, два бруса, соединенные верхними концами под углом, а нижними упирающиеся в стену здания’ *Стропила ещё самцами зовут, а если одно бревно заменить надо, дак скажут: самец заменить надо. Весь самец затыкала, ишобы снег не попадау на повить. Пошто забрался на самый-то самец*; ‘один из краёв скамейки’ *На сомец-то не садись, упадешь ненароком, двигайся, скамейка-то большая, всем места хватит*; **сам** → **самик** ‘самец’ *Воуќ да и всё, кака разлица — самик или самуха. Самик-от у тетерева глухой, поляш называется*; **сам** → **самуха** ‘самка’ *Воуќ да и всё, кака разлица — самик или самуха*; **собе** → **собь** ‘участок земли, выделяемый из общего семейного надела семьи одному из ее членов (дочери, снохе), а также молодоженам и обрабатываемый ими самостоятельно’ *Собь-то у тебя велика ли? Небось, больше, чем у мене?*

3.2. **Конфигкация.** Префиксально-суффиксальным способом от притяжательного местоимения **свой** образуются глагол **присвоить** ‘приручить’ *Ты присвоишь кошку-то, дак она и уйдёт с тобой*. Префиксально-суффиксально-постфиксальным способом от этого же местоимения образуется глагол: **присвоиться** ‘прожив некоторое время, привыкнуть к какой-либо обстановке, обжиться’ *А дедушке с бабушкой жаль: только парнёк присвоился, а его опеть увезут*.

#### 4. СЛОЖЕНИЕ

4.1. **Образование наречий:** **другоряд** ‘в другой раз, вторично’ *Другоряд пошла и застала её дома. Другоряд зайду уж я к тебе. Баб. Выс.*; **инде-где** ‘кое-где’ *Инде-где цветки есть. Уж больно поздно, только инде-где светился огонёк. Морковка взошла инде-где.*

4.2. Сложением основ в сочетании с суффиксацией образованы прилагательные: **сам здоровый** → **самоздравный** ‘капризный, своенравный, упрямый’ *Больно ты самоздравная, тебе не угодишь; сам родиться* → **самородный** ‘цельный, сделанный из одного куска, не сколоченный’ *Прялки были не из частей, а самородные, у меня самородная прялка была. Дупля-то как лукошко, только самородная она. У нас на дворе есть самородная мялка-то. ‘цельнокроенный’ У самородной-то рукавицы палец не приставной, у голицы — приставной; ‘свой, домашнего приготовления’ Ешьте, ешьте, масло-то у меня самородноё; самородовый ‘никем не сеянный, отродившийся сам’ *Вот самородовый клевер, дак он много даёт; сам любить* → **самолюбный** ‘эгоистичный’ *Самолюбный народ сейчас, сам себе только; сего года* → **сегодний** и **сегодний** ‘относящийся к текущему году’ *Не сегоднюю зиму в Череповце была, а ту зиму. Сегоднее лето тёплое, хорошее, хлебушка-то много народится; то делать* → **тодельный** ‘умелый, искусный, рукодельный, мастеровой’ *Ой, тодильная девушка, говорят: всё умиёт, руководильница. Деўка-та тодильная: ницего из рук не валится. Он мастер-то тодельный, умеет хорошо работать; ‘толковый, сообразительный’ Тодильный человек на все руки мастер: и на ум, и на работу, да такой тоУковый, что диву даёссе! Тодильная деУка-то была, она всё на свите умела да и разумела. По тому, как говорит, дак тодильный человек, а как дела будет делать — неизвестно; ‘знающий дело, способный к серьезному делу, разумный, дельный’ Он у нас тодельный человек, всё с гумагами возитчё; ‘трудолюбивый, работающий’ Бабы-то все тодильныё в деревне жили, со всем управлялись. Вот баба-то тодильная была: и шила, и вышивала, и кропала; исполнительный, соблюдающий во всем порядок, аккуратный’ Ох, уж он и тодильный, работающий. За какую работу ни возьмётся, всё у него в руках горит, всё сделает; ‘такой, как следует, хороший’ Огурцы у меня выросли не экие тодильные, как у Кати. Хоть и большая семья, а дома всегда всё тодильно; ‘сделанный так, как надо, хороший, красивый’ Как на кукоУке всё тодильно. Платье тодильное, как раз впору; ‘такой, которым хорошо, приятно пользоваться, удобный, ладный’ У меня дак экая тодильная швейка-то! Уж до того ловко ёй работать. А в магазинах-то стоят горшоцки, дак и у нас делали; ну, можёт, не столь тодильные, можёт, где и бочок кривой, но красивые. Уж до того элаки мостки-ти тодильные да ловкие Максим сделал! Такие грабли тодельные Игорь сделал; ‘соответствующий чему-**

либо, приспособленный для чего-либо' *Шибко тодельна одѣжа-то у тебя: не больно жарко, и овод меньше кусать будѣт. Горшок-от тодельный для масла. У Пашки там в лесу дровенники наделаны тодельные, так теперь и возит дрова, и хватает на зиму; 'такой, который отвечает каким-либо требованиям, условиям, годный для чего-либо; подходящий' Ты тодельный за коровой-то бегать. Я не самый тодельный для этой работы. Это занятие тодельное для тебя; 'статный, стройный, хорошо сложенный' А коли парень тодильный, дак так его и назовѣшь. Вон какой тодильный парнѣк-то идѣт.*

4.3. **Образование существительных.** а) Сложением основ: *другой данный* → *другодан* 'пиво, брага или квас, приготовленные на повторно использованном сусле' *Гли-ко, другодану-ту на праздник-от наделала, и не выпить будет; другая изба* → *другоизба* 'изба соседа; чужая, не своя изба' *Паранечка ушла в дружозьбу за молоком. Вануха всё в дружозьбу по решето ходила. Шла мимо, гляжу — а дружозьба-то закрыта; 'каждая из двух частей деревенского дома, состоящего из зимней и летней избы, по отношению к другой части' А вон другоизьба — иди да живи. Там прохладно и мух нет; сама воля* → *самоволь* 'непослушный ребёнок' *Ну и внучок у меня был, самоволь, даже деда не слушает. Такого самоволя вырастили; сам есть* → *самоед* 'щука' *Самоеды маленьких шурят съедают; сам знать* → *самознай* 'высокомерный человек, зазнайка' *У нас дилектор вон какой самознай; сам тесать* → *самотѣс* 'окорѣнное при помощи топора бревно, идущее на строительство' *Из самотѣса-то раньше много домов было. Тут в деревне есть дома без доски, самотѣсом сделаны.*

б) Очень продуктивно образование сложных существительных с помощью местоимения *сам* в сочетании с суффиксацией<sup>3</sup>: *сам брать* → *самобралка* 'эгоистка, выбирающая себе лучший кусок' *Самобралка была, всё отдельно от мужа ела; сам окрутить* → *самокрутка* 'девушка, вышедшая замуж без согласия родителей' *Я-то не самокрутка была; сам лаять* → *самолайка* 'собака, лаю-

<sup>3</sup> Кибрик А. Е. Связанные употребления САМ (системно-когнитивный анализ) // Русистика. Славистика. Индоевропейстика: сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996. С. 494–509; Кириллова Е. А. Сложные слова с первоэлементом сам-/само- в современных вологодских говорах // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи: сб. статей / науч. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2006. С. 185–190.

щая попусту, пустолайка' Экая самолайка; **сам молотить** → **самолотка** 'молотилка' Самолотка у меня хоть и не ражая, а всё ж своя была; **сам прясть** → **самопрядка** 'прялка, приспособление для ручного прядения, приводимое в движение ножной педалью' Раньше лён быстро на самопрядках пряли, теперь иногда шерсть прядут. Очень редко самопрядку где встретишь, большая редкость; **сам родиться** → **самородка** 'случайно не выкопанная осенью картофелина, взошедшая весной' Много самородки-то в полях прорастает; **сам садиться** → **самосадка** 'курица, которая сама садится высиживать снесённые ею яйца' Самосадка иной раз тайно и наносит, сама и сядет, потом, глишь, целое стадо за ней. Батько траву скосил, как посмотрели, а там самосадка; **сам собирать** → **самосборка** 'жатка' А потом самосборки были, это уж в первые годы после революции, снопы невязанные выбрасывала.

Подобным способом образованы также следующие слова: **самосброска**, **самоседка**, **самоседок**, **самоходка**.

4.4. **Образование глаголов: сам рука** → **саморучить** 'делать без разрешения' Наш рассердиуё, что он саморучит; **то дело** → **то делить** 'делать при помощи каких-либо инструментов, приспособлений, изготавливать' Раньше я половики-то тодилила Последний глагол обладает дейктическим значением. На этот тип слов лингвисты уже обращали внимание. Так, Г.В. Федюнева в ряде статей рассматривает употребление в северо-восточных русских говорах местоименных слов особого типа — «местоглаголий»<sup>4</sup>, или, по терминологии других исследователей, дейктических глаголов<sup>5</sup>.

Таким образом, рассмотренный материал, представленный «Словарем вологодских говоров», свидетельствует о значительной активности местоимений в образовании слов различных частей речи.

<sup>4</sup> Федюнева Г.В. 1) «Местоглаголие» в северо-восточных русских говорах // Изв. Рос. Академии наук. Сер. литературы и языка. 2011. Т. 70, № 1. С. 58–62; 2) О статусе «местоглаголия» в языке // Вопросы языкознания. 2011. № 2. С. 89–96.

<sup>5</sup> Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М., 1998.

## АРХАНГЕЛЬСКИЕ ПУТИ-ДОРОГИ

Русские — «движущийся этнос с самосознанием оседлого. С одной стороны, оседлость — один из базовых элементов его самосознания, формировавшегося в условиях многовекового противостояния кочевой степи <...> С другой стороны, процесс формирования русского этноса шел на фоне постоянных передвижений»<sup>1</sup>.

*Аннотация.* В статье на материале архангельских говоров рассматривается семантическое поле 'дорога': определяются семантические признаки разномотивированных номинаций дорог, характеризуется семантический потенциал лексем *дорога, путь, волок*, проявляющийся в их производных метонимических и метафорических значениях, раскрываются мифопоэтические представления о пути и дороге.

*Ключевые слова:* структура семантического поля 'дорога', семантика, сочетаемость.

Путь и дорога — сакральные локусы, имеющие многозначную семантику и функции. Дорога — это не просто полоса земли, по которой осуществляется передвижение в пространстве, это то «место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами», «мифологически "нечистое" место, служащее для удаления вредных и опасных объектов, для совершения лечебных, продуцирующих и вредоносных магических действий»<sup>2</sup>. В свадебном, крестильном и похоронном обрядах

<sup>1</sup> Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 9.

<sup>2</sup> Левкиевская Е. Е. ДОРОГА // Славянские древности. Этнолингвистические исследования. М., 1989. Т. 2. С. 125.

© М. С. Картышева, Е. А. Нефедова, 2012

особое значение имеет выбор дороги, по которой следовало ехать, так как дорога в народном сознании соотносилась с жизненным путем или путем покойника в загробный мир.

Путь — это «образ связи между двумя отмеченными точками пространства»<sup>3</sup>. Путь всегда труден, преодоление пути — преодоление трудностей, т.е. подвиг. Начало пути — это небо, гора, дворец и т.д., а конец пути — цель движения или препятствие, преодолев которое, герой достигнет своей цели. Существует путь в нижний мир, ему противостоит путь вверх, на небо. Путь вверх или вниз совершает только душа человека. «Во многих мифопоэтических и религиозных традициях мифологема пути выступает метафорически, как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), как некий свод правил, закон, учение» (например, в Библии — Путь Господа, Завета, жизни, мудрости, праведности и т.д.)<sup>4</sup>.

Мифопоэтические представления о пути и дороге в значительной степени сохранились и до наших дней, что нашло отражение в словоупотреблении соответствующих лексем.

Предметом исследования статьи выступает семантическое поле 'дорога', единицы которого обладают гиперсемой 'локализация в пространстве'. В работе использованы материалы картотеки Архангельского областного словаря (АОС) (в ее бумажном и компьютерном вариантах) и 1–13 вып. этого словаря<sup>5</sup>.

Дорога — универсальная форма организации пространства. Однако само понятие пространства неоднозначно. Пространство — это прежде всего «среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми пустота»<sup>6</sup>, а пространственные отношения относятся к наиболее фундаментальным отношениям, осваиваемым человеком. Пространственная локализация — одна из важнейших характеристик диалекта как территориально ограниченного варианта национального языка, и есть все основания предполагать существование

<sup>3</sup> *Топоров В. Н.* ПУТЬ. ПРОСТРАНСТВО // Мифы народов мира. 1982. Т. 2. С. 352.

<sup>4</sup> Там же. С. 353.

<sup>5</sup> Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–13. М., 1980–2010 (издание продолжающееся).

<sup>6</sup> *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка // Изв. Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1997. Т. 56, № 3. С. 26.

различий в локализации лексем поля на территории изучаемых говоров. И наконец, в лингвистике используется понятие языкового пространства, часть которого составляет семантическое поле 'дорога'.

В характере освоения человеком окружающего пространства, в номинациях размера, формы, других свойств предметов, пространство заполняющих, в определениях расстояния между предметами через соматические номинации проявляется антропоцентричность картины мира, отражаемой в языке (ср. арх. в *глазях* 'поблизости, рядом', *глаза не встают* — 'о необъятном пространстве').

Дороги — это важная часть освоенного человеком пространства. Они представляют собой базовый элемент культуры народа. В работах по исследованию дороги рассматривается образ дороги в свадебном и погребальном обрядах, устанавливается место пути в фольклорной модели мира, описывается традиционная «культура дороги»<sup>7</sup>. В литературоведческих работах анализируется мотив, образ дороги в художественном тексте<sup>8</sup>. В исследовании Л. В. Куркиной рассмотрены семантические и морфологические закономерности, определившие формирование и развитие этой семантической группы<sup>9</sup>, в статье Н. Д. Арутюновой описывается семантика слов *дорога* и *путь*<sup>10</sup>.

---

<sup>7</sup> См.: *Невская Л. Г.* Семантика дороги и смежные представления в погребальном обряде // Структура текста. М., 1980; *Чистяков В. А.* Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях 19–20 вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982; *Топоров В. Н.* ПУТЬ. ПРОСТРАНСТВО; *Левкиевская Е. Е.* ДОРОГА. Т. 2; *Невская Л. Г., Николаева Т. М., Седакова И. А., Цивьян Т. В.* Концепт пути в фольклорной модели мира (от Балтии до Балкан) // Славянское языкознание. XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998; *Гусева Е. В.* Культурная единица «дорога»: атрибутивно-семантические свойства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2001; *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.

<sup>8</sup> См.: *Кольцова Ю. Н.* Концепт пути в произведении Н. С. Лескова «Очарованный странник» // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 2; *Бронская Л. И.* Мотив пути в автобиографической повести И. С. Шмелева «Богомолье» // Вестник Ставропольск. ун-та. 1998. Вып. 15.

<sup>9</sup> *Куркина Л. В.* Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских говорах // Этимология 1968. М., 1971.

<sup>10</sup> *Арутюнова Н. Д.* Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999; см. также: *Колесникова Е. И.* Функционирование общерусских лексем ПУТЬ и ДОРОГА в архангельских говорах

Исследование, проведенное на материале архангельских говоров, показало высокую дифференцированность семантического пространства 'дороги' в архангельских говорах. По мнению А. А. Уфимцевой, наличие большого количества наименований дорог сопряжено «с опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания»<sup>11</sup>.

I. Ядро поля образует значение 'полоса земли, служащая для проезда или ходьбы, представленное лексемами *дорóга* и *путь*: *Это óддых — в лесе ходитъ, у нас не заблудисся, везьдѣ дорóги надѣланы да вѣхи. Мѣжду сѣлами тóжэ путіи есть.*

II. В говорах отмечены частные обозначения дорог, образующие центр поля. Эти обозначения образуют группы с общим семантическим признаком (СП), который в большинстве случаев закреплён в их внутренней форме.

1. Номинации с СП 'тип передвижения'.

'Дорога, служащая для ходьбы, пешеходная дорога' — *проходная, проходная, ходовая, пешеходная дорóга, пешеход: Там была проходная дорóга до óзера. Нѣту проходных дорóк, не ходят по болóту лѣтом; По ходовой дорóге ѣхали: много машин было, не мы одни. Ты в ростанки не сворáчивай, иди по ходовой дорóге — дорóга машинна, ширóка! А тут тóжэ избá малá, выходитъ-то на большу-то ходову-то дорóгу. Там не йиздят на тракторе ф Корáль-от, дорóшка-то пешеходная. Пешехот — это дорóшка пѣшом ходят. 'Дорога, служащая для проезда на транспорте': ездóвая, ежáвая, ежáлая, ежáмая, ежáланая, проездная, проезжая дорóга — Ак вот там, это, тринáць-ть километров дѣк у нас настояиша дорóга, ездóвая, а там-то оне так ходят, такá дорóшка, тропинка лесом. Не нáдо ходить на ежжáвую дорóгу, на проежжую. Большá дорóга ширóкá, ежжáлая. Дорóга ежжáма,*

---

// Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов междунар. конф. 2006; Микитченко Е. С. О ментальных репрезентациях (представлениях) синонимов *путь* и *дорога* // I Междунар. конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность»: сб. тезисов. М., 2001; Михайлова Н. Э. Семантическое поле «путь» в Синодальном переводе Евангелия от Матфея (в сопоставлении с греческим и латинским текстами) // Вопросы истории и источниковедения русского языка. Рязань, 1998.

<sup>11</sup> Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 8.

тра́кторна. Пошли́ на ежжа́лану дорóгу, не мо́жэм вййти. Это проезна́ дорóга до Пушлахту. Та дорóга сторóнная щита́еца, а зьдэсь прое́жжая.

Дороги, служащие для проезда на транспорте, различаются также по типу транспорта, для которого предназначена дорога. 'Дорога для езды на конях' — ко́нная, ко́нская дорóга, гужевая́ дорóга, лошади́нная дорóга, ко́нный путь, ко́нная ледя́нка. Ко́нна дорóга, неширо́ка: Лёт де́сять наза́д дорóга ко́нская была́. С Мезэни был ко́нный пúть зимой́, не середине́ дорóги была́ избу́шка, там жы́л ку́шник, у нево́ был чай. Бы́ли ко́нные ледя́нки места́ми. Гужевая́ — ну на лоша́дях, та́ жэ тропи́на, то́лько для лошаде́й. Ни одны́, ни одну́ ло́шадь не фстрéтили, лошади́на дорóга была́ другая́. 'Дорога для проезда на санях' — са́нная дорóга, са́нный путь, са́нник: Са́нна дорóга была́, не́ было машы́н. Вэнюшка, така́ то́лько дорóшка са́нная, на лоша́дях э́здили. Потóм са́нным пúтём на лоша́дях возы́ли. А от вы́рупки, зна́ете, са́нник куды́ выежжа́ли. 'Дорога для проезда на телегах' — теле́жная дорóга, теле́жница: Дорóга одна́ теле́жна дорóга была́. А та́м уш настоя́щая дорóга, теле́жница. Дорóга больша́я, према́я теле́жница. По не́й теле́ги э́здят. 'Дорога для проезда на тракторе' — тра́кторная дорóга: Тра́кторна дорóга, большу́щая. По теле́жной мол дорóге поежжа́й, не по тра́кторной. 'Дорога для проезда на автомобиле' — маши́нная дорóга: Мо́жэт, и до зимы́ проведу́т маши́нну дорóгу.

## 2. Номинации с СП 'назначение'.

'Дорога, предназначенная для перевозки почты' — почто́вая дорóга, почтовы́к: Почту́ возы́ли на коня́х, почто́вые дорóги называ́лись. Зьдэсь у нас назади́, за больша́к — почто́вык, больша́я дорóга ра́ньшэ зва́ли, сосна́ в основно́м, ли́ственничный лёс. 'Охотничья тропа в лесу, на которой ставятся ловушки для ловли птиц и зверей' — пúтичная дорóга, пúтик, пúтина, тропá: Была́ пúтисьна дорóга, пúтиком зва́ли. Было́ пúтик тут вы́ставлён, ловы́ли тут пúтицу. Молоды́м ходил по пúтине́ — это́ охотничья́ тропá. Клепцы́ ста́вят по трóпам<sup>12</sup>. 'Лесная дорога, прорубленная для вывоза заготовленного леса, сена' — во́лок: Во́лок бы́л поедеш на сенокóс, так рубя́т в лесу́ дорóгу. Лёс-от таска́ют дак дорóгу-от во́локом зову́т. 'Выгороженная дорога, служащая для прохо-

<sup>12</sup> Выслеживание по следу зверя описывается с помощью глагола *тропить*: По следу́ мо́жно тропи́ть, это́ ну́жно учи́ца. Э́та стали тропи́ть дорóшку.

да скота на пастбище’ — *у́лицá, у́лка, разу́лица, трóпка, скóтская дорóга, скóтская тропи́нка, корóвья дорóга, корóвья тропá: Улицы по ту́ стóрону огорóт и огорóт, штóбы скотина не ходила. С той стóроны огорóд да з друго́й, то у́лка щита́еца. Розу́лица од дере́вни до запóлька; Скóт ходит по тём жэ дорóгам по трóпкам. Ско́цка дорóга* — дорóга, котóрую скóт протоптáл. *Ско́цка тропи́нка. Вы́ по корóвьевей дорóге идите́ фсё тудá, по этóй рё́лке. Прóсто на вы́пасе — назывáли корóвья тропá, там ры́жыки росли́. ‘Дорога, по котóрой ходят олени́ стада’ — оле́нная (оле́нья) дорóга, оле́нья тропá: Фсё идú Михее́фский руце́й ищю́, оле́нну дорóгу ищю́. Оле́нья дорóга назывáеца. Оле́нья тропá* прошла, оле́ни тóжэ ходят тропи́.

3. Номинации дороги с СП ‘характер покрытия’.

‘Дорога, мощеная бревнами’ — *бáлочная, лежнёвая, лёгковáя дорóга, мостовáя, дере́вянная дорóга, дере́вяшка, лежнёвка: Бáлошна дорóга* — *рáньшэ по бáлкам возили́ лес. Вы́стелют, вы́стелют в лесу́, вóт тебе́ и лежнёвая дорóга. Бревна́ три́-четы́ре, штóп маши́на моглá проходить, так лежнёва дорóга — лежнёфка. А телёжница — дере́вянна дорóга, не вяско́ мёсто, мо́жно прое́хать на телёге. А дорóга дере́вяшка рáньшэ назывáлась. Тут прое́жжая дорóга, тут мостовáя. Она́ бáлосьна, лёхковá дорóга, как ледя́нка — таки́ повóрины, жэрдьё, попере́кь они́ кладу́це. ‘Дорога, покрытая льдом’<sup>13</sup> — ледя́ная, ледя́ночная, ледóвая дорóга, ледя́нка: Былá ледя́ная дорóга пострóена, кáтышы зьдэла́ны. Лёс по ледя́ночной дорóге возили́. Ледя́нку полива́ли, зака́тывали, полóзья наре́зали и вот возили́ по этóй ледя́нке лёс. ‘Дорога, покрытая асфáльтовой массой’ — асфáльтовая дорóга, асфáльт, асфáльтка: Я побрелá тудá, на асфáльтову дорóгу вы́шла. Там дóm к асфáльту — тóже сидéла на безрабóтице. Никовó нёт по этóй дорóге, фсё по асфáльтке. ‘Дорога, с бетонным покрытием’ — бето́нка: Пойдём вон тáм по бето́нке, повернём на лёву́ ру́ку. ‘Укатанная продолжительной ездой, ходьбой, гладкая дорога’ — то́рная, наторённая дорóга: А зимóй — дак то́рная дорóга. Торна́ дорóга, дак уш э́здыт и э́здыт. А э́дак торна́ дорóга* прямо к озёру. Наторёно, натори-

<sup>13</sup> В зимнее время дорога заливается водой и используется, как правило, для вывоза срубленного леса к месту сплава.

ли. Там **дорóшка наторёная**. Последняя номинация относится не столько к идентифицирующему, сколько к оценочному типу.

4. Номинации дорог с СП 'время использования'.

'Дорога, используемая в летнее время' — **лётная дорóга, лётник**: Она зимником не ходит, **лётной дорóгой** ходит. А **лётник** — дорóшка сухá. 'Дорога, используемая в зимнее время' — **зимняя** (зимняя), **зимничная** дорога, **зимний** путь, **зимник**, **зимарь**: По **зимней дорóге**-то можно, когда озёра стáнут — тогда **зимник**, а по лётной дорóге фсегдá можно. Она по **зимничной дорóге**. В копнáх-то сéно оставляют до **зимнево пути**. Своя-то одéжда была отпрáвлена **зимним** путём. А **зимник** — по лésу дорóга тóлько зимóй. А дорóга зимняя **зимарём** назывáеца. Зимóй по **зимарю** шлá.

Номинация с СП 'время прокладки': 'дорога, построенная при царе' — **цáрская дорóга**: По **цáрской дорóге** пóчту возили, при царе **Николáшэ**-то стрóбили.

5. Номинации дорог с СП 'расположение'.

'Дорога, пересекающая другую дорогу' — **поперéчная дорóга**: А тóт опéть дорóга, она **поперéсная**, дёк по éтой дорóге к ызбушке-то и придёш. 'Перекресток, пересечение двух дорог' — **крестовáя дорóга, перекрёсток, кресты, ростáнные дорóги, рóстáнь** (рóстáни), **ростáнье, ростáнник, развилки**: **Крестовáя дорóга**-то кресьтик, дорóшки прóсто пересекáюца. **Перекрёсток** он и ёсьть **перекрёсток**, ну дорóги крестóм. Другие куды-то на **кресты** ходили, дорóги крестовые. На **розвилках** поверну́лся и фстáл. Мужыки пошли на **ростáнные дорóги**. Две дорóги прикрéциваюца — **ростáнь**. Были гадáния, ходили на **ростáни**, сидели на éтих **ростáнях**. На **ростáнье** ходили на кресты, ходили ворожы́ли. Скажэм, вот тóт дорóга идёт и тóт, так ёто **ростáнник**. 'Дорога, расположенная между другими дорогами' — **серёдо́чная, серёдная дорóга**: Ты ийти по **серёдо́чной дорóге**, уворотил по прáвой дорóге. Пойдём за мáлу дерéвню — вот покоснáя дорóшка да **серёдна дорóшка**. 'Дорога, расположенная в стороне от основной дороги' — **сторонняя, посторóнная, объезднáя дорóга**: Та **дорóга сторонняя** — ф стороне щитáеца. Сторонóй-то дорóга и ёсьть, **сторонняя**, знáчит, по нэй сторонóй обóйти можно. Онí **посторóнней дорóгой** шлí. Ёсьть **обезнáя дорóга**. Раньше чéрез Вёрколу ёздили, а сичяс веть **дорóга**-то **обезнá**. 'Дорога, идущая обычно лесом между населенными пунктами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга' — **волоковáя, волочнáя дорóга, вóлок, тáйбола, плéсо, путина**:

**Волоковую-то доро́гу** пройде́ш, дак фпра́во. Пои́бл я киломе́троф де́вять по **доро́ге по волоцко́ной**. Од дере́вни до дере́вни ле́сом фсе́ на́до иттí — э́то **во́лок**. **Та́йбола** — дли́нна доро́га на Мезе́нь, прое́жжа зимо́й то́лько. Доро́га до́лгая **та́йболой** называ́еца. Од дере́вни до дере́вни называ́ют **плёсо**, а ра́ньшэ стару́хи называ́ли во́лок. Да́льни доро́ги, киломе́троф 15–20 — э́то **плёсо**. **Пути́на** — у на́с э́то во́лок, од дере́вни до дере́вни. ‘Дорога, ведущая в город’ — **горо́дская доро́га**: Говора́т, кла́дбиши́ю по **горо́цко́й доро́ге** бу́дет отве́дено. ‘Дорога, ведущая к монасты́рю’ — **монасты́рка**: Доро́га-то хоро́ша там до **монасты́рки-то** дак, доро́га **монасты́рка** называ́лась, в ро́цию-то. Так по реке́ так и называ́ли ра́ньшэ **монасты́рка** стрóбили о́ни э́ту доро́гу **монасты́рь**. ‘Временная проезжая дорога через лес, лесное болото’ — **Во́рга**, зи́мняя во́рга: **Во́рга** — э́то где́-нибу́дь прору́блен ле́с, он бы́л росци́щен, вот **ы во́рга**, **во́ргу** проци́стити́ на́до. **Во́рга** — ф куста́рнике, в лесу́ како́м, ру́цьи там таки́. Не просе́лочьна доро́га, то́лько се́но выво́зят — **во́рга**, боло́том, боло́то ци́сто. Мо́жно ли по **зимо́ной-то во́ргы**, **во́ргой** называ́еца.

б. Номинации с СП ‘значимость’ — ‘главная, основная дорога’ — **бо́льшая доро́га**, **больша́к**, **большеви́к**, **тра́ктова́я доро́га**, **тракт**, **бугро́вая доро́га**, **гла́вная доро́га**, **основна́я доро́га**: По **бо́льшэй доро́ге**, иттí за **монасты́рь**, та́м по ле́вой ру́ки боло́то. Э́то до **бо́льшэй доро́ги** шэ́сть киломе́троф. Телегра́фные столбы́ де́лаюца на **бо́льшо́й доро́ге**. По **бо́льшо́й доро́ге** маши́ны хо́дят, **транспорти́** фся́кий. Од Борка́ в дру́гую во́лось — э́то **больша́к**, она́ уш **проходна́**. **Большови́ком** а́ли дру́гой доро́гой. Вы́шли на **большови́к**; А по **тра́кту-то**, по **тра́кторной доро́ге** не йёхали. **Бо́льшая доро́га** у на́с **тра́ктом** называ́еца. По **доро́ге-то** по **тра́ктово́й** пойдёш, не заблудисе. Ветъ не **тра́ктовы доро́ги**, на маши́не не прое́деш, не гла́тка доро́га. Доро́га, у на́с **тра́ктова́я доро́га**, с Орха́нгельска на Оне́гу **тра́ктова́я доро́га**. **Бугро́вая доро́га** — гла́вна у на́с. Э́сть **гла́вная доро́га**, а э́сть и прóсто доро́га; **Основа́я доро́га** и в ле́с **тропи́ночька**.

II. Группа значений, связанная с ядром метонимическими отношениями, относится к ближней периферии поля.

1. Кроме специально отведенных полос земли, человек приспособляет другие места для проезда или прохода. Значение ‘место для проезда или прохода куда-нибудь’ развилось в результате десемантизации признака ‘специально отведенное место’: *Не хочу́, итпо́ дрова́ на **доро́ге** валя́лись. То́жэ там **дорóшку** проко́сила (между гря-*

док). *Она спремі дорóшку дэлат, штобы скоряе пробежаць. Пуці нэту, брòдно — ма́ло ле вот та́к, занóсит. Он по моим пу́тjам йёхал ле, я — по ево́нным пу́тjам.*

Дорóга и путь в этом значении часто употребляются соположенно: *Ра́ньшэ (деревня) была́ замечáтельна, а щас пу́ці нэту, дорóги нэту; Та́м не дорóк, не пу́тэй.*

2. Передвигаясь по дороге, человек преодолевает какое-нибудь расстояние. Лексемы *во́лок, дорóга, путь* в сочетании с глаголами движения имеют значение ‘преодолевать большое расстояние’: *Севóдня устáла, во́лок вы́шла. Фсё-таки ты во́лок перешóл, у тебя́ ногá-то и заболéла. Ой, дэфка, кáк ты во́лок перебезгá скóро. Этот во́лок переёхала. Вiш каклю́ди во́лок отишлéпали. Садiсь, ку́шай — дорóгу прошла́. Вот вiш как хорошó, по кру́жэцьке вiпньете, то ли дéло молоцкá — и дорóгу иттi не замёрзнете; Весь пу́ть иттi устáла, вот к бра́ту и зашла́. В форме множ. числа: Вам во́локá не иттi; Хáжывала во́локá-то пешáно.*

На большое расстояние, которое преодолевает путник, указывают также сочетания этих лексем с прилагательными *большóй, дáльний, дóлгий, та́кой, ка́кой*: *Ты на Фомiнск ходiла, дак большóй во́лок перешла́. Большóй во́лок прошóл и устáл; Веть во́лок дáльний. Во́лок-то éтот долгу́щий, да лошáтка-то пристáнет. Во́лок дóлок, нэту ёлок, одьни сóсенки стоя́т, парнэй ма́ло, дéвок мнóго, одни сiтели торчáт (фольк.). Да мне ходiть нельзjá дорóги дáльней, ногáми страдáю. Думáш, я ф сапогáх пойду́ такú дорóгу? А кáк жо, такúю дорóгу схóдите, дэ́к знáеш как промрiтесь? Прошла́зь дак, вóн каку́ дорóгу прошла́. Веть ёдут та́кие дорóги — веть нáдо переночевáть.*

Человек, преодолевший большое расстояние, обычно пешком — *дáл ка́кой-н. путь, сломiл путь, мэрил (намéрил) во́локá*: *Дак ты ка́кой пу́ть сюдá далá, не заблудiлась. Так шчо вóт доку́да пу́ть сломiла, была́ фсё жэ. Да éти во́локá-то мэрила. Ф Пiтер ходiла, во́локá-то мэряла. До товó я éтих во́локóф намéряла.* Экспрессивность подобных выражений определяется их образностью и эмоциональной оценочностью.

3. В семантической структуре поля выделяется значение более отвлеченного характера — ‘возможность проехать, пройти где-нибудь’, которое развилось в результате метонимического переноса от значения ‘место для прохода или проезда куда-нибудь’. Оно реализуется в сочетаниях *без дорóги* ‘в условиях бездорожья,

при отсутствии дороги': Я действительно **без дорóги** бродила. **Без дорóги**, бес фсего́ пешо́чком зимняко́м шёл. Дорóги, путі нет 'нет возможности пройти, проехать': А **там дорóги нёт**, по́пáжы никако́й нёт. Очень когдá большá погóда бывáет — **дорóги нэту**. Там набрóдитесь, травá, тут **нёт путі**.

Согласно обычаю, дорога свадебной процессии перекрывалась с целью получения выкупа у жениха. В говорах этот обычай обозначается с помощью разнообразной глагольной сочетаемости: **горóдить**, **загорóдить**, **закрýить**, **заклáсть** (заложить), **заделáть**, **залáмывать**, **заставля́ть**, **застеня́ть дорóгу**: **Ишиó дорóгу горóдили**, когдá к невесье́те ёдет жэ́них. **Дорóгу загорóдят**, кóни останóвляця, жэ́них выхóдит, дайóт дёнёк. А чéрез трицеты́ре днй́ свáдьба. Раз **дорóгу закрýют** — выкупáй. Буты́лку вóтки или конфёт. Я **дорóгу им заклáла**. **Дорóгу закладýт**, штобы не пройёхали, жэ́рть вы́тенуть. **Цевó-нибу́ть задёрнут** — **мы́** заделали дорóгу. **Залáмывали дорóгу** молоды́м, вы́куп давали. Да **дорóги заставля́ли**, штоп вóтку стáвили. Дру́шки **засы́тня́т дорóгу** — не пуска́ют ф колидóр.

В следующих сочетаниях представление материальной, физической преграды свадебной процессии усложняется образными, метафорическими смыслами — **закрестить**, **закрýить**, **запирáть**, **крепить** дорóгу: **Дорóгу закресы́тили** под горóй. **Дорóги закресы́тят**, буты́лку вы́просят. Инóй рас свáдьбу дéлают, **закрýют дорóгу**, и кóни никак не идýт. **Дорóгу запирáет**, потóм умывáца пойду́т — колóдец вот зáперли у Ониски. По невёсту йёдуд, **дорóгу крепя́т**, так не пропуска́ют, огорóд загорóдили.

4. Передвижение по дороге подразумевает направление передвижения, путь следования. Это значение появилось в результате метонимического переноса от исходного значения: **Пáрни во свою́ дорóгу**, оні в другóю. Как тебе́ **ролка́ть дорóгу**? В фольк.: До порóга — **одна́ дорóга**, а за порóк — **сёмь дорóк**. Лáдно, **дорóга от своего́ порóга**, а язык до Кíева доведёт. Хвáтит, найдёт за порóк-то **дорóгу**. Явзора — дак это дёрэвня на **путі** ф Карпогóры. **Парохóдоф не останáвливали**, **парахóт идёт** сво́йой **путём**, сво́йим **путём**. Значение 'в одну сторону, в один конец' реализуется в условиях ограниченной сочетаемости — **в одну́ дорóгу**: **В одну́ то́лько дорóгу** я пройёздила **полторы́ ты́сечи рублэй**. Далекó ёздить **вóсемь кило́метроф в одну́ дорóгу**, в оди́н конéц; по путі 'в одном и том же направлении с кем-нибудь, чем-нибудь': К Андры́шке каз

звонит, дак это фсё **по путё**, зайдите к ней и объесьнитесь, што рáньшэ ёдете.

Держать путь ‘направляться куда-нибудь’: Ты куда **путь держала**, не ф торговый-то магазин? Зафтра куды **путь дёржыте?**; гонить доро́гу ‘придерживаться нужного направления следования’: Он такой погонный был, крёпко гонил, но́выи ко́ни, хоть и зимой доро́га така хоро́ша, но́вы ить не понима́ют не́сколько доро́гу гонить, а он гонил; спра́вить доро́гу, напра́вить на пу́ть, натака́ть путь (на что-н.). ‘указать направление движения’. Ой Лэна, че́ на у́лице-то подняло́ся, сне́гу уш така́я полога́, спра́виш доро́гу-то, ни не́ба ни землі не ви́дно. Ты их **напра́виш на пу́ть** на пра́вильный. Иш, Ни́на **натакала́ пу́ть на** Глухую па́шню, та́м грибы́; **напра́виться на путь** ‘выбрать верный маршрут, направление’: Так скоряе **на путь напра́влюсь**; **сб́иться с доро́ги, с пу́ти** ‘отклониться от правильного пути, заблудившись, потерять дорогу’: **З доро́ги зб́илась**, на лесной по́пала слёт. **Зб́иласе з доро́шки**, зб́илась с пра́вильной **пу́ти**; не зна́ть пу́ти, ни пу́ти, ни доро́ги ‘не знать направление движения’: **Не пу́ти, не доро́ги не зна́ли**. Лезеш, сам **пу́ти не зна́ш**; **поверну́ть доро́гу** ‘изменить путь движения, повернуть в сторону’: **Я взела́ да доро́гу поверну́ла** — да к На́тьке пошла́.

Прямой, кратчайший маршрут — **пряма́я доро́га, пряму́ха, корота́йко**: Вы то́жэ **прямо́й доро́гой** ходите? Пойдём по **пряму́хе**. **Корота́йко** — **короткая доро́га, итти не в опхот, а напраму́ю, пешко́м**; маршрут, пролегающий в стороне от прямого, кратчайшего пути — **крива́я, объездна́я доро́га**: Это фсё к Татя́ны попада́ю, таг **доро́га-то крива́**. **Обезной доро́гой** вёс.

5. Перемещение по дороге предполагает время такого перемещения, отсюда значение ‘время пребывания в пути’, связанное с исходным значением метонимически. Для лексем **волок**, **доро́га** характерно употребление в форме творительного падежа, которую можно рассматривать как наречие времени: **Я бою́сь, он менé где-нибу́ть доро́гой уколóтит**. **Зáспали наве́рно, доро́гой-то уты́ркались**. **Поёл ша́ньги во́локом**. **А мне́ ра́зье дойти́, у меня́ во́локом-то заболéло**, а также в предложно-падежных формах со значением ‘во время пребывания в пути, во время следования куда-нибудь’ — **в доро́ге, на доро́ге, в доро́гах, на волоку́, в волока́х**: Ой, а **путь-то в доро́ге, никогда́ не пей**. **Та́к-то вот в доро́гах-то фся́ко приведе́це**. **Весе́ло на доро́ге-то, я вот приви́кла, семья́ была́ больша́я**. **Я застряну́ на волоку́, а у меня́ до́ма и скóт, и жыво́т**. **В волока́х-то фся́ко бывало́**.

Предложно-падежная конструкция *на доро́ге* (кому-н.) в роли предиката означает, что 'кто-нибудь находится в пути': *Опе́ть кому́-то на доро́ге! Кому́-то на доро́ге иишио́! Ну, благослови́сь, кому́ на доро́ге-то! Хорошо́ каг думъйу хорошо́, а то́жо в друго́й ра́с и скажу́ — ну, кому́-то на доро́ге угоди́ла опе́ть.*

6. Дороги предназначены для поездок, путешествий, отсюда значение 'поездка, путешествие', метонимически связанное с ядром поля: *Дли́нные во́лосы — г да́льней доро́ге. Это обяза́тельно г доро́ге* (примета); *в доро́гу, на доро́гу, в путь, в во́лок, к во́локу* 'в поездку': *Пойе́дут, в доро́гу беру́т э́ти ры́бники-то. На доро́гу пеку́ подоро́жники, таки́ колобу́шки, приме́чяю, е́сли хоро́шие, то и доро́га бу́дет хоро́шой. Они́ де́нег не брали, карто́шки ф путь дава́ли да молоко́. Заста́вила дрова́ таска́ть: ра́за два приташи́ыли — тяжелова́то, и ф путь. В во́лок сряди́цця на́до тепло́. Не на́а к во́локу тебе́ (масла)?; 'отправляться в путешествие, поездку' — е́хать, пое́хать, уе́хать, в доро́гу, в доро́гах, е́здить, пое́хать в во́лок, пои́ти в путь: Си́цяс вот в доро́гу пое́дут. Он уе́хал в доро́гу. В во́лок пои́дут дак ф ша́лях. Быва́ло ф путь е́здили, не в доро́гу, а ф путь. Это вот когда́ поиде́ш ф путь, да бойсся, хорошо́ моли́тва помога́ит. Дава́й поиде́м ф путь; 'находиться в поездках' — в доро́гах е́здить, ходи́ть по путя́м: Вы в доро́гах, де́вушки, е́здите, вам на́до моли́тву «живы́й ф по́мошчы» ци́та́ть. Я-то по путя́м ходи́ла. Я сама́ по путя́м ходи́ла. Надо́ело мне по путя́м ходи́ть, ис путя́ джк ф путь; 'вернуться из поездки' — прии́ти из путя́: То́лько ис путя́ приде́ш, так на ве́церинку поиде́ш.*

Пожелание удачной поездки — *Как (если) не уви́жу, цясли́вои вам доро́ги. Щастли́вого путі, в жо́пу ве́тер. Добра́цца-то хоро́шэй путі. Да́й бо́х путі хоро́шего, до до́му дое́хать. Ле́жкой вам путі.*

III. Внешняя периферия поля формируется значениями, в которых признак 'полоса земли' переосмыслен метафорически.

1. Значение 'вероятность, возможность осуществления чего-либо' метафорически связано со значением 'вероятность, возможность проехать где-нибудь': *Ис шко́лы прибе́жым, одна́ была́ путь — лошаде́й гоня́ть. Не́ было фторо́й путі, одна́ путь. Да́ть, откры́ть доро́гу, открыва́ть путь* (кому-н.) 'создать кому-н. условия для осуществления чего-либо': *Я Ма́шэ дала́ доро́гу: ты поежжа́й, а я оста́нусь с ма́мой. Коне́шно, была́ им доро́га откры́та, э́тим нене́цам, они́ же кочевóй наро́т. Путь на́до открыва́ть*

Владимиру Ивановичю: *дрова разбира́ть; закрыть́ доро́гу* ‘лишить кого-нибудь возможности осуществления чего-нибудь’: Я ей говорю: как же так можно, ты же себе **доро́гу закрёши**, не знаю, што и де́лать, *ля́ва (дурная) така́*.

Как отмечалось выше, *закры́ть доро́гу* свадебной процессии — это поставить реальную преграду на ее пути, чтобы получить выкуп от жениха. Но как всякий элемент обряда, это действие при всей его реальности не лишено мифопоэтической окраски. При полном переосмыслении *доро́гу кому-н. закры́ть, перекры́ть*, у кого-н. *отня́ть, скрасть, украсть, спря́тать* означает ‘колдовством навредить кому-н., лишить здоровья, возможности сделать что-нибудь: выйти замуж, уехать, добраться до нужного места и т.д.’: *Это де́ло не прóсто — закры́ть доро́гу. Взду́мают де́фке доро́гу закрыв́ть, штоб замуш не вы́шла. Он перекры́л доро́гу, испортил но́ги де́фке. Што́бы он никуда́ не уе́хал, отне́ла доро́гу от нево́. Доро́гу скрадём, не уйе́деш. Ника́к не уе́хадь, доро́гу укра́ли у тебя́. Мы ф Со́фполье шли́, да укра́л мужы́к доро́гу, а он за меня́ свата́лся. У э́той дефчёшки спря́тал стары́к доро́гу, а до́лго мы тут походили́*.

У человека есть возможность выбора, но всё выходит неудачно, не так, как ему хотелось — *две доро́ги, обе врóзь*.

2. Значение ‘направление деятельности, образ, способ действия’ метафорически связано со значением ‘направление движения’, реализуется в атрибутивных сочетаниях с адвербиальным значением. *Запрётным обман́ным путём́* ‘обманным, незаконным образом, способом: *Фсё бы́ло под контро́лем, сёмгу ловили́ запрётным путём́, в определё́ное вре́мя. И вот обман́ным путём́; свои́ми путя́ми* ‘используя свои способы’: *Свои́ми путя́ми пото́м услы́хала, што Та́ся не пьёт; вся́ким путём́, (вся́кими все́ми разны́ми любы́ми путя́ми)* ‘разными, любыми способами’: *Он веть фся́ким путём́, мину́та какá свободна, он уш в ле́с. Фся́кими путя́ми убега́ли ис колхо́за. Фсе́ми путя́ми пробива́ем. Пёрва-то же́на зако́нна у Юры, фсе́ма путя́ми домо́й рвала́сь. Обманыва́ют разны́ми путя́ми, обдува́ют, как хóчеш. Любы́ма путя́ми домо́й, срóчно; ника́кими путя́ми* ‘никаким способом, ника́к: *А ф кино́ ника́кими путя́ми не созове́ш, не зна́й, што и за целове́к; та́ким путём́* ‘таким образом, таким способом, та́к: *Он сохрани́л та́ким путём́ свою́ семью́*.

3. Дорога в сознании человека ассоциируется с жизнью, выступает символом жизни в ее развитии. Метафора «жизнь — это путь,

дорога» универсальна: *Што подэлаш, кáжному **сво́й пу́тí, сво́й дорóгу.** Как прóжыли на **этой пу́тí?** Слэзы вы́пали, непрыя́тность — по **сво́ей дорóге** (в карточном гадании). А я, цо́ у мя́ня бы́ло **пу́тí,** так и раскáзываю. Дак вот какáя у мя́ня **пу́ть** прои́шла. В сочетаниях лексемы *дорóга* с прилагательными содержится оценка жизненного пути как легкого, без осложнений и затруднений — *гла́дкая, шёлковая, усту́пчивая дорóга: Жысь прожы́ть — не по́ле перейти́. Гла́ткой дорóги не бывáет, фсё какі́-то бугры́, и на́до э́ти бугры́ как-то переши́агивать. Схожу́ ф четвёрк (к обетному кресту), штобы у мя́ня бы́ла **шóлкова усту́пчива дорóга,** или, напротив, как трудного, сложного — *худáя дорóжка: Вы́, мíлые мо́й, не ви́дали худóй-то дорóшки.***

Всю дорóгу, весь *пу́ть* ‘всегда, постоянно, всю жизнь’: Я ужэ *тута́* *тры́ццятъ сёмь лёт,* а оні́-то **фсю дорóгу.** С коня́ми **фсю дорóгу** конешы́лся, корми́л. У нас **сю дорóгу** го́сьти. Я *за́мужэм* бы́ла *когда́-то* да **весь пу́ть** *одна́.*

Глагольная сочетаемость лексем *дорóга* и *пу́ть* отражает различные представления о жизни. ‘Выбрать жизненный путь, прожить жизнь каким-нибудь образом’ — *найти́ дорóгу, пу́ть, вы́брать пу́ть, пойти́ по* какой-н. *дорóге, пойти по* какому-н. *пу́тí, по* каким-н. *пу́тям, направля́ть дорóгу, попа́сть в* какую-н. *дорóгу, держа́ть пу́ть: А ребята́ вы́ростут — ребята́ дорóгу найду́т, с нога́ми. Непу́тьней, пу́ть пошто́ не найде́ш. Он вы́брал себе́ пу́ть — учи́ца да́льшэ. Де́ти — друго́ поколе́ньйо, по како́й дорóге пойду́т. Бра́тьёф дорóсьтила, в а́рмию отпра́вила и пои́ли по* *сво́йм пу́тям.* Ну, пожелаю я тебе *окончить 10 классов, вы́брать профессию по душе и пойти по* *счастливому пу́ти.* *От рабо́ты оцста́ла охóта, и пои́ла я по* *ско́льскому пу́тí.* Дорóгу себе́ *направля́йте, што́бы робóтали хорошо́! Ма́л да уда́л, не ф ту́ дорóгу я попа́л. Хулига́нит дак. Ветъ с наро́дом натъ реве́ть, а один сам себе́ **пу́ть де́ржыш;** ‘направить на правильный образ жизни’ — *поста́вить, наста́вить на пу́ть: А то фсе вы́росли, на пу́ть поста́вила. И она́ и говори́т хорошо́, и на пу́ть наста́вит. Онí на пу́ть наста́вля́ли, говори́ли ўмно́е; ‘вести правильный образ жизни’ — бы́ть на прямо́м пу́тí: А бра́тец што́ уш ца́с на премо́м пу́тí, хто зна́, как само́му привело́сь; ‘начать вести предосудительный образ жизни’ — сбíться с пу́тí пра́ведной, ста́ть на* *последний пу́ть: Собы́юцца с пу́тí пра́ведной. Збыва́ют е́го с пу́тí пра́ведной. Ты на* *последний пу́ть ста́ла: и пи́ть, и кури́ть; ‘за-**

ставить вести предосудительный образ жизни<sup>7</sup> — *сбіть, смутіть, выжыць с правільнаго пути: Вас толькo збиваць с толку, с правільнаго пути. Його не знаю, што смутіло с правільнаго пути. Ёсь такіе людзі, што выжываюць людзей с правільнаго пути; преодолевать жизненные трудности, устраивать жизнь* — *пробываць, ториць дорóгу: Я — пёрва, мне дорóга пробываць на́до само́й. Я дорóгу-то тори́ла — пёрва родила́сь. Пойду́ са́м себе́ дорóгу тори́ць; испытать многое на своем жизненном пути* — *пройти́ все пути́ жы́зни: Прошла́ фсе пути́ жы́зньи.*

Дорóга и путь употребляются в речи в сочетании с определениями, содержащими оценку говорящим выбранного жизненного пути. Таким образом, можно выбрать правильный или неправильный жизненный путь: *свою́ дорóгу, ту дорóгу, сво́й путь, счастли́вый путь, праві́льный путь, праведный путь, прямо́й путь* или *не ту́ дорóгу, нехоро́ший путь, ско́льзкий путь.*

4. Норму поведения человека в течение жизни определяют внутренние убеждения, принципы, он придерживается какого-нибудь мнения, отсюда значение ‘принципы, взгляды на что-нибудь, мнение о чем-нибудь’, связанное со значением ‘жизнь, жизненный путь’: *Она́ любіт тебя́ подучіть и поцсказа́ть, а я помалкываю, у тя́ сво́я дорóга, а у меня́ сво́я. Дравни́ця — сво́ю дорóгу: це́ на́ть, то́ и прока́зит; жыть, иди́ть, э́здить, сво́ей дорóгой, правіть на сво́ю дорóгу* ‘поступать в течение жизни в соответствии со своими принципами, взглядами’: *Я фсе́ сво́ей дорóгой жыла́. Ка́жной э́здит сво́ей дорóгой, ты мо́ей не задева́й. Ну́ його́ з Бо́гу, ну́сь он иди́т сво́ей дорóгой. Он угрю́мой тако́й, не жа́лоцьливой тако́й, не гладкосло́вой — фсе́ на сво́ю дорóгу правіт, как са́м хо́цет; дорóгу правіть* — ‘определять, устанавливать жизненные принципы’: *Ну́, хто и́идет, то́д дорóгу правіт* (фольк.).

Значение ‘жизнь, жизненный путь’ реализуется обычно в составе развернутой метафоры, соотносящейся с образным переосмыслением жизненной ситуации в целом.

5. Человек не всегда сам выбирает свой жизненный путь, то, что происходит с ним, определяет его судьба, доля: *Нехоро́шо де́ло, не про́мысеў, бу́деш пи́ть — нехоро́ша́ дорóга. Ё́й така́я и пу́ть — со солда́тами таска́еца. Не пошлёт ли мне Госпо́ть то́й пу́ти́ цясли́вой, не полю́бит ли меня́ мо́лодец краси́вой?* (из песни).

6. «Жизнь протекает во времени и подчинена его законам»<sup>14</sup>. *Жизнь не стоит на одном пути*. Соответственно дорога соотносится с периодом жизни, прожитой человеком, что отражается в предложно-падежных конструкциях с лексемами *дорога* и *путь*, обладающих наречной семантикой: 'во время жизни, в течение жизни' — *в дороге, на дороге, на пути, по пути*: *Цэну муцине дають не на пороге, а в дороге* (посл.). *Хорошо, как думаю, хорошо, а тоже в другой раз и скажу: ну, кому-то на дороге угодила опеть, думаю, ругайот. На моей пути и гражданска, и отечесвенна* (война). *Много было на пути-то, одні войны были. Да я-то по пути-то ужэ много забыла, она лучиэ помнит-то*.

Сочетания лексем *дорога* и *путь* с глаголами фиксируют исчерпанность времени жизни. *Проехать дорогу* 'пробыть живым, просуществовать отпущенное для жизни время, пройти свой жизненный путь': *Прожила — дорогу проехала*; *дорога кончается, путь прошла* 'срок, отпущенный человеку, исчерпывается, жизненный путь оканчивается': *Тебе, тетушка, дорога кончается, тебе, тетушка, могила да приближается* (фольк.). *Дак вот какая у меня путь прошла*.

6. Жизнь человека конечна, уход из жизни также определяется как дорога, путь в загробный мир: *покойный путь, последний путь, правый путь, тот путь*. Человек, проживший свое время, *заканчивает путь*: *Скоро конец света, мы сами закончим путь*; *отправляется в последний путь-дороженьку, идет в последний путь*: *Дак веть это не на свадьбу, а она ф последний путь идет*; *находится на правом пути*: *Вот покойный теперь на правом пути*. *Уш на веки вечные, бесконечные, уш ф последний путь да дороженьку* (фольк.).

Умершего нужно *проводить, спроводить, отправить в последний путь*: *Ф последний путь должны проводить бес всякого спору*. *Спроводить нать сходить ф последний путь*. *Ф последний путь нать отправить*.

Человек, умерший неестественной смертью — *погиб нехорошим путем*: *Жонка вышла замуш за фторово, и фторой погип как-то нехорошим путем*.

<sup>14</sup> Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 689.

Метафора 'жизнь — дорога' находит отражение в пословицах и поговорках: *На веку — как на волоку — фсяко наживёссе. Вék прожыть — не вóлок перейти. Жысь-ту жыть — не вóлок пере́хать. На дол́гом волоку́ — и на конé насиди́сси, и пот конём налёжы́сси. Девенóсто годóб пережыть вóлок, дол́гий вóлок — не по́ле пере́хать.*

---

Одна и та же дорога может иметь в говорах разные характеристики: локальную, темпоральную, прагматическую, оценочную. Некоторые значения, образующие центр поля, представлены рядом разномотивированных синонимических наименований; ср., например, мотивировку номинаций дороги, мощеной бревнами — *легковáя, бáлочная, мостовáя, лежнёвая доро́га, лежнёвка.*

Состав синонимичных наименований ярко отражает динамику номинативного процесса. Первый его этап — приписывание некоего признака объекту посредством предикации — *доро́га торна́, доро́га большá, доро́га зймня́.* Затем этот признак переносится в позицию атрибута, в результате чего создается расчлененное наименование, в котором носителем мотивирующего признака выступает атрибутивный компонент — *торная доро́га, большáя (большáя) доро́га.* Следующий этап номинативного процесса заключается в свертывании составного наименования в однословное — *большáк, большеви́к, зймник.* Другое направление процесса номинации — от однословного наименования к сочетанию: *вóлок — волоковáя доро́га, тракт — тра́ктовая доро́га.*

Часть составных единиц поля не подвергается компрессии, они не имеют однословных параллелей — *торная доро́га, ходовáя доро́га, мáленькая доро́га* и др. В некоторых случаях обнаруживаются однословные наименования, не имеющие в говорах составного соответствия, но потенциально с ними соотносимые — *бетóнка, монасты́рка.* В архангельских говорах преобладают составные наименования дорог (70 наименований из 103).

Как показало исследование, лексемы *доро́га, путь, вóлок* имеют в говорах развитую семантическую структуру. Распределение лексем *доро́га* и *путь* по значениям обнаруживает как зоны наложения семантики имен, так и зоны их семантического размежевания. Так, в значении 'полоса земли, служащая для езды или ходьбы', об-

разующем ядро поля, в составных наименованиях — частных обозначениях дорог, относящихся к центру поля, преобладает лексема *дорóга*.

В большей части метонимических значений, образующих ближнюю периферию поля, представлены и *дорóга* и *путь*, однако возможность проезда, прохода (*закрýть дорóгу*) и время пребывания в пути связывается только с дорогой.

В метафорических значениях дальней периферии поля ‘образ действий человека’, а также его ‘уход из жизни’ преобладает слово *путь*. В остальных метафорических значениях представлены и *дорóга* и *путь*, однако *путь* характеризуется большей употребительностью. *Дорóга* и *путь* в тождественных значениях могут различаться сочетаемостью: *зáездить дорóгу*, но не \**зáездить путь*, *проторíть дорóгу*, но не \**проторíть путь* и др.

В тождественных значениях *дорóга* и *путь* часто употребляются соположенно в одном высказывании (*до дорóжки до путí, в путí при дорóженьке* и др.) или как сложное слово *путь-дорóга*, например, в пожеланиях удачной поездки или в молитвах перед поездкой.

В литературном языке «компонент “движение” в семантике слова *дорóга* занимает второстепенное место»<sup>15</sup>. В диалекте, напротив, этот компонент выходит на первый план: *проходная, прохóжая, ходовая дорóга, ездовая, ежáвая, ежáлая, ежáмая, ежáланая дорóга; идти такую дорóгу, зáездить дорóгу, проторíть дорóгу. Путь* в архангельских говорах в отличие от литературного языка имеет «богатую семантическую картину денотативно-ориентированных смыслов»<sup>16</sup>: *сáнный путь, зíмний путь, кóнный путь* и др.

В литературном языке лексема *путь* обладает бóльшим количеством метафорических значений по сравнению с лексемой *дорóга*. В говорах лексема *дорóга* так же, как и *путь*, обладает богатой образной семантикой: *дорóга* ‘жизнь, жизненный путь’, ‘судьба, доля’, ‘жизненные принципы’, ‘время жизни человека’.

Метафора жизни как дороги и пути сопровождается оценочными определениями: *лéгкая дорóга, глáдкая дорóга, прáвильный путь, прáведный путь* и др. Дорога ассоциируется с началом жизни

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Колесникова Е. И. Функционирование общерусских лексем ПУТЬ и ДОРОГА в архангельских говорах. С. 209.

человека: *вйти на широкую дорогу*, а путь — с концом: *закончить путь, идти в последний путь*. Уходя из жизни, человек отправляется *по последнему пути, по покойному пути*. Путь как способ жизни может иметь и положительную (*прямой путь, счастливый путь, правильный путь, праведный путь*), и отрицательную оценки (*нехороший путь, скользкий путь*).

Некоторые единицы поля могут переходить из сферы понятий в сферу уникальной референции, т.е. подвергаться процессу они-мизации, об этом свидетельствуют употребления номинаций дороги в функции топонимов: *Могилочная дорога, Собачья дорога, Ростаньская дорога, Фролова дорога, Суёмский вóлок, Мясловский сáнник, Печёрская тайбола, Ленинградский тра́кт* и др.

С дорогой связано много народных примет, по ним определяется, состоится ли путешествие, будет ли оно удачным или нет: *Длинные вóлосы — г дальней дороге. Это обязательно г дороге. На дороге малёнько посидят. На дороге не зашивáют. Как уежжáть — посидим на доро́шке, да и фсё, говорят. Вот тák на доро́шке* (говорили). *Когда в дороге едут, нельзя ни мыть, ни подметать. Пояс — дорога будет тебе*. Чтобы поездка была благополучной, дорогу нужно *углаживать*, т.е. накануне отъезда устраивать прощальный вечер: *Когда будем дороге углаживать? Дождь перед отъездом дороге замывáет. После вас дби пойдёт — плóхо: дороге будет замывáть, ббе не придете — следы замойот*. Если помыть посуду, подмести пол или зашить что-нибудь перед отъездом, то поездка будет неудачной: *Посуду мыть на дороге нельзя и зашивáть — дороге зашивáть. Мы как-то зашивáли, да и в аварию попали. Вот полы запахáла — ты себе дорогу замелá*. В других случаях настроение человека испорчено, потому что кошка перешла ему дорогу: *Ну, Боярский не с той ноги фстáл, или кóшка дороге перескóчила*. Беременной женщине запрещено переходить дорогу, иначе она родит нездорового ребенка: *Нельзя беременной дороге переходить*.

Таким образом, семантическое поле 'дорога' в архангельских говорах разработано очень подробно, с большим количеством смысловых нюансов. В говоре обнаруживается большое количество разномотивированных единиц, номинирующих дорогу. Это связано с требованиями практической жизни носителя диалекта. В то же время понятие дороги в говорах окружено богатым метафорическим и мифопоэтическим ореолом, создающим образ дороги в народной речевой культуре.

## ТЕРМИНЫ РОДСТВА И РАСТИТЕЛЬНЫЙ МИР (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

*Аннотация.* Термины родства относятся к коннотативной лексике, для которой характерен регулярный метафорический перенос в самые разные области, в том числе в область ботаники. В статье на материале архангельских говоров рассматривается, как «семейная» терминология переносится на растительный мир; используются представления о мужском и женском начале, а также дериваты понятий *семья, род; мать, бабушка, дед; мачеха, пасынок, падчерица; вдовец, тёща* и др.).

*Ключевые слова:* термины родства, коннотативная лексика, архангельские говоры.

Антропоцентричность языковой картины мира ярко проявляется через термины родства (ТР). Они экстраполируются как на мир людей (неродственников), так и на «внешний» мир: на животных, растения, предметы, на языческий пантеон и христианский; они используются как антропонимы и топонимы, из вокативов переходят в междометия. В статье мы рассмотрим метафорический перенос терминов родства на растительный мир, опираясь на материалы обширной картотеки «Архангельского областного словаря» (АОС), его вышедших и подготовленных к изданию выпусков и электронного корпуса Словаря<sup>1</sup>.

Даже в официальной ботанике используются термины *семейство, род, материнское растение, пасынок*. В архангельских говорах из «семейной» терминологии в области ботаники задействованы термины кровного родства и их дериваты (*бабушка, мать, матка, мату́ха, дедушка, бра́тье* и др.), термины заместительного родства (*мачеха, пасынок, падчерица*), духовного родства (*кума, ку-*

<sup>1</sup> Архангельский областной словарь / под ред. О.Г.Гецовой. Т.1–13. М., 1980–2010 (издание продолжается).

© И. Б. Качинская, 2012

мушка), общие понятия (*семья, порода, колено, племя, родители*). Широко используются не только существительные, но и притяжательные прилагательные (*бабушкин, дедков, дедушкин; мачехин*), а также термины, связанные с социальным семейным положением (*вдовец*) и гендерные соответствия (*мужской, женский, бабий*). Движение идет от мотивированной метафоры к стертой — и далее к случаям, которые сложно мотивировать. В то же время термины, традиционно используемые в ботанике, в метафорическом смысле могут употребляться и для обозначения родства: «Растительный код родства представлен номинациями, относящимися к линиям и степеням родства, за которыми стоит образ родословного дерева: рус. *ветвь, плод, семя*, диал. *куст...* Ряд слов, такие, как *семя, плод, колено*, являются общими для анатомического и вегетативного кода»<sup>2</sup>.

1. Для растений, растущих кучно, характерен метафорический перенос с человеческой «большой» семьи на «семью» этих растений.

О грибах: *Волнушка растёт семейкима. А есь одиночные — серушки да белянки*. Вин. *Волнушки — они коричневы. Они семействами растут*. Леш. *Люди ходят, так ы семьями находят грибы*. Прим. *Садок, как семейка грибоф*. Пин.

О кустах: *Этот один рós, а это семья цела*. Леш.

Дериваты термина 'семья' могут использоваться и в номинации конкретных растений. Так, грибы опенки — *семейники и семейные грибки: Семейники называюца, их много-много на пнях*. Пин. *Эти у нас семейны грипки*. Мез. Комнатное растение *Browallia* (или *Achimenes?*) — *дружная семейка: А мама фсё называла «дружная семейка», а как он по-научному, я уи не знаю*. Холм. *Это-то дружная семейка, а это не знаю как, я не понимаю ф цветах*. Мез.

Вид, сорт растения — *порода, породаина, природа, отродье, племя: Это солёные, г груздям они, к этой породе относяця*. Усть. *Пырей — трава, она рóзной породы быват, а когда цветёт, то метёлка у ней*. Пин. *Мы фсё красны грибы-то берём, белы тожэ, так они одной породы*. Мез. *Порода картови красная и цёрная. Вель. Хоть старой (гриб), а сё такой белой, така породаина. У их бела*

<sup>2</sup> Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009. С. 11.

**поробина** какá-то. Леш. Я вам *фсэ прирбды* деревіны *выскажу* (породы деревьев). Леш. *Нать знáть, какó отрбдѣ да какó звáньѣ* (о годах). Леш. *Алая картбфь ростѣ. Как нáшего плѣмя картбфь*. Карг.

Одно растение, близкое другому по сорту, может быть названо его *братом*: *Вырастаѣт сначáла, как картбшецька, жолтовáтенькой, из землі выхóдит, расцвѣтáт — большóй бывáт, снегáрь грúздю брáт*. Красн. Маленькие растения, которые еще могут вырасти, — *детѣньшии*: О грибах: *Онí фсе детѣньшии*. Карг. Напротив, старый, перезрелый, гриб — *дедушка*: *Обáбок стáрый, так ужѣ и дѣдушка*. Вель.

Метафоричность проявляется и в фольклоре: в загадке, пословице. Так, лук, положенный или подвешенный на жердь (грядку), становится *бабой* или *дедом*: *Висит бáба на грýтках фсá в заплáтках*. (Отгадка:) *Батбк, на котором лук вѣшают*. Вил. *Сидид дѣт на грýтках, вѣз в заплáтках, ктб его собираѣт, тот слѣзы проливаѣт*. Холм. Ср. с этим широко известный вариант загадки о луке: *Сидит дед, в сто шуб одет. Кто его раздевает, тот слезы проливает*.

2. Взаимозаменяемость растительного и семейного кодов проявляется и в том, что названия растений и частей растений метафорически переносятся на семью и ветви рода.

‘Семья’, ‘род’ — *корень, коренное, корешок, дерево*: **Кóрень** *чѣй, кто оцстрбился, я ф серѣтке тút не знáю, чѣй дбм*. Вил. *Своевб кореннбво не знáю, своевб дѣрева, роднб*. Карг. Корень обозначает и ‘происхождение’, ‘общих предков’, и ‘родословную’: *Когдá-то, навѣрно, кóрень у нас одін был*. Шенк. *У нас єсь родослбвность, онб росхбдица, а кóрень-то одін*. Мез. *Пáпа у нас подногбтнуб вѣл, нáш кóрень, пѣрепесь вѣл*. Карг.

‘Ветвь рода’, ‘потомки’ — *корень, бтростель, отростинка*: *Одногб-то сýна убíли, а другбй остáлся, кóрень-то*. Шенк. *А вот бтростель по пожíлины веть идѣт — од дѣда к оццб*. Плес. *Какбй корешбк, такá и отрбстинка — тák лáдом-то скáжут. А не тák, как тб говорíш: «Какбй отѣц, такбй и корешбк»*. Пин.

В «ботаническом» коде колено — ‘часть растения, от которого образуются отростки’: *Инбй рас дак три дѣрева пойдѣт от этово колѣна*. Кон. Чáще коленом называют ‘сегмент, сустав стебля или ствола’: *У дидиляна фсевб двá колѣна*. *Одуваньчик — проходнáя травá зовѣца. Штѣ ни одновб колѣна нѣт. Тбжо колѣныма метлйца*.

У пúцьки лыць на **колéнах** то́ко. От **колéна** до **колéна** ево́ (лы́ко) сымáеш ы кладёш ф туесóк, иногда́ ширóко захвáтица. Вил.

В семейном коде колéно — это ‘семья’, ‘род’, ‘родственники’, ‘родословная ветвь’, ‘поколение’: Такó **колéно** у нíх, не умéют самовóлице, мáть у них смíрна дак. Плес. Ихно-то **колéно** — харáктерно. Карг. Росплóдилось **колéно-то** и пошлó. Карг. А пошлó нóво **колéно**: сын да дóчь, да кúм да свáтья. Карг. Парохóд заходíл, когдá уш Ромáново **колéно** лéший унёс. Карг. Сестрá есь мне роднý ф трéтьем **колéне**, трю́родна сестрá. Плес. Тóлько есь свýзи — **колéна** назывáюця. Вил. Мáмины прародíтели, какóво **колéна**, не знáю. Кон. Бýли старикí, ну тут кóлько **колéн-то** не знáю. Пин.

Частотным именовани́ем возлюбленного́ будут дериваты от лексемы ягода: **ягодíна**, **ягодíнка**, **ягодíночка** (редко **ягодín**, **ягода**, **ягодка**) — в основном это встречается в фольклоре, в частушке: У нас вíдиши, ухажóр-то «дрóля», да «**ягодíночка**», да «залётóчка». Пин. **Ягодíноцька**, да рáньше вон какíе словá-то. **Ягодíноцька**, лáсково нáдо назвáть. **Ягодíна**, **ягодíна**, **ягодíна**, **ягодín**, до чегó ты дозанóсисся, остáнесся одíн. Сероглазýй **ягодина**, подойди на шу́точку, успокой мое сердечко на одну минутóчку (фольк. запись). **Егодíноцька** на кóецьку просíлсе ноцевáть: Пусти́, мíлая, хорóшая, никтó не бúдёд знáть. Пин. Хорошó да ненадблго, **ягодíнка**, вас любíть. Ты и сáм не согласíсся, далекó очен ходíть. Шенк. **Ягодíночка** убíт, убíт, подру́га мíлая, он убíт и похорóнен у кустóчка íвова. Карг.

В причитании невесты молодого мужа надо назвать «ягодкою»: Убавлю́ смире́нсва, гóрдости, прибавлю́ смире́нсва, крóтости, назову́ я свёкра бáтюшкой, лютóю свекрóву мáтушкой, деверýщю звáть да брáтьицами, золовúшек звáть сестрúцами, а Ивáна звáть да **яготкою** да дúшечкою. Онеж.

3. Термины родства (и их дериваты) используются как названия части растений. Так, отводками, отростками от материнского растения будут *отродья*, *пасынки*: **Отрóдье** бúдут. Онеж. Погóда тёплая, éтих **пáсынков** лés, а огурицýй нёт. Холм. **Пáсынки** пóздо пошлí, и цвёт на нíх, и с огу́рчикамы. Вил. Пу́стит картóвница нóвую дúтку, от éтих **пáсынков** пойдёт нóва картóфь. Красн. Вот я сажу́ фсё пó три **пáсынка**. Фсе **пáсынки** снíзу оборвáны. Вель. **Пáсынки** от кóрня идúт, фсё перемёрзли. Леш. Прирóсток около дéрева — **пáсынок**. Мез.

*Пасынок* — сучок: А каг два дэрева раздвойца, дак у дэрева сўг дак **пасынок**. Плес. Сўчья, а ввэрх идёт **пасынок**, фторой ствóл. Красн. Сўк ёсли тóлстый у ёли ростёт — **пасынок**. Леш. **Пасынки** не берёт пилить. Вин. Ишо **пасынок** ёсь у дэрева. Россóха вить **пасынок-от**, пойдё в другú стóрону. А бывá от **пасынка** и гниль. *Дэрево с пасынком*. Пин.

На месте сучка у дэрева часто бывает гниль, она может называться не только *пасынком*, но и *падчерицей*: С **пасынком** дэрево — софсём уж звук не тóт. В-Т. Ой, это дэрево с **пáчерицей** — гнилоё. Плес.

*Пасынком* будет привитый черенок: Как они сrostуца — вóт и **пасынок**. Пó два **пасынка** на дэреве. Вин.

Молодая луковица луковичного растения, отросток, отвод — *детышóк*: Гли, какóй **детышóк**! Леш.

*Маткой* назван стебель травянистого растения щавеля: Дóлга-то ростёт **мáтка-та**, а лисьё сáмо — кислúшки, она колосица веть, росколосице. Леш.

*Матици, маточки* — корни хмеля: Кóрни называюца **мáтици**. Усть. Мы тóлько што тот хмельник разводить стáли. И фсё насадят **мáтоцьки**. У их хмельник ой-óй какóй большóй! Кон.

Картофелина, от которой отводятся новые клубни, — *мáтика, мáтина, матка, матúха, мачеха*: Кортóшку, котóрую сáдят, назывáют **мáткой**. Мез. Я бóтто выкопала гнездó, а две картóвины, а обóи **мáтки** гнилые. Онеж. Тóжо бóдэ **матка** была гнилая. И это гнездó заболёт, стáло ссыхáть, **мáтка** згнилá. Вил. Хоть не накинáйте **мáтки-то** (в корзины)! Плес. **Мáтика** — котóру весной сажáт да, она дрýбла. Картóвина не родилась, тóлько **мáтику** выбиráли. Хóдо было — **мáтику** копáли. Никаких зорóдышкоф нё было, тóлько **мáтику** копáли. Прим. У **мáтины** три картóшки, четыре, фсё побило сэйгот. Мез. **Матúха** — картóшка, котóрую сажáют, ёсь, тóлько немóдра. Прим. **Матúха** — остáток, ну как **мáть**, стáрая картóшка. Пин. Осенью созвалá картóшку копáть, они пришли, тут ы **матúхи**, и фсё скáли. Вил. **Мáцехой** назывáют картóфелина, когдá выростет нóвая, а стáрая остаёце. Стáрый картóфель назывáеце **мáцехой**. Карг. Стáра картóвина остáнеця — **мáчеха**. Плес. **Мáчеха-то** — картóшка, котóру сáдят. Плес.

Старая луковица — тоже *матúха*: А стáру лúковицу зовут **матúха**. Пин.

Толстая грубая кора березы, заново выросшая на месте содранной, — *мачехина берёста* (*мачехино берёсто*): *Берёста* — бёлая корá берёзы. Фторично нарастаёт — *мáчехина берёста*. Мез. *Мáчихино берёсто*, то́лько *мáчихино берёсто* идёт на лыжи. Леш. У берёзы оторвана берёста-то, не *мáчеха*... (забыл слово). Сно́ва зарастáет — и фторой-то слóй. **Не родíмо**, корóче. К кáмусным лыжам фсё приколáчивал — штоп снék не тák налипáл на лыжи, вмéсто резíнки, и штоп ногá не тák скользýла на лыжи. Пин.

Чашелистник морошки — *мать*. Ягода поспеваает в *матери*: *Бóльше-то мякóнькой берёш*, а тák дóма нáдо поспевáть (способствовать созреванию). Тóлько не цýстит, в *мáтери* остáвить. На кусту-то она́ дойдё, фкуснэй, в *мáтери-то*. Пин.

Разные части растущего гороха — цветок, стручок, стебель, а также все они вместе, кроме собственно горошин, называются кума, кумка, кумочка, кумушка, кумушка гороховая. Стебель, стручки и листья: *Фся-та травíна кумóй* назывáю. Кóлько *кúm*. Ско́лько-то вы́рвали. В-Т. Цветок: *Кúmки* — цветóк горóха. *Кúmка* процветёт, и образúеця струцёк, вот поцему́ *кúmка*. Высо́ка травíна, а наверху́ бела *кúmка*, бёлый цветóк растёт. Кон. Горóшку нёт, фсё *кúмушки* однё. *Кúмушки у горóху*. Шенк. *Попёрвостити-то кúмушка*, порасцветáет-то, дак *кúмушка-то*. Вин. Стручок: Све́жие *кúмоцъки*, крéпкие, фкúсные. За зелёными *кúмоцъками* ходíли. Кон. Горóх с пирошкóм — так говорáют: *гли-ко*, я *кúмушку* нашлá, бес пирошкá — бóдет горóховина. Карг. А я не видáла едíново стру́..., ётова, *кúмышки* едной не видáла, óн нашо́у дък. Это, горóх-от в ецьмéне, *кúмушкой* назывáэця, *кúмушкой* он зовёця, *кúмушка*. Ой, это ребя́та фсе собрались, намéрелися фсё в горóх. *Кúмушок* повырывáла. Я вы́рву *кúмушек*, опётъ посто́йм. Вил. Стебель: На *кúмушках* пироги́-от (стручки) и растúт. Карг. От ётой *кúмушки* пиро́г-от и растёт. Карг. *Кúмушками* зовúт — на котóром вися́т-то. В-Т. Летом посе́еш горóх, такáя травíнина есь, *кúмушка* назывáэця. В-Т. В зéмлю-то пáл горóх, а óн на *кúмушку* (пошел в стебель), и не розверну́лсе. Котл. Мякíна-то — горóховики, *кúмушка* горóхова. Красн.

Кумкой могли называть цветущую головку клевера. Кумкой называется и самая высокая, центральная ветка куста, его «макушка»: *Кúmка* такáя вы́ростёт. Волóть — то *кúmка*. Ёсли одна́ ветка растёт квёрх — назывáэця *кúмкой*. Шенк. На русском материале можно было бы предположить некий метафорический перенос:

кума, кумушка > 'женщина' > 'женщина в платке' > форма головы, повязанной платком > 'стручок', 'цветок клевера', 'макушка куста'. Но С. А. Мызников считает слова кумушка, кумка прибалтийско-финскими заимствованиями<sup>3</sup>. По-видимому, лексема кума в значении 'стебель, стручки и листья гороха' появилась как параллель к популярной словообразовательной модели кума — кумушка (в значениях, связанных с терминами родства — с духовным родством, возникающим при крещении).

Листочки, стебли, чашелистики (которые попадают в корзину или ведро и считаются «мусором») — родители и родники: *Раньше ягоды-то принесут, тóжэ з дэфками ходили, кто и чисто наберёт, óколо товó, а кто грязно, скажут: ну, ты со фсемá родителjami принёс, это мýсор-то. Мез. Принёс морóшки со фсемá родителjami, с торочкáми. Мез. Со фсеми родникáми принесли морóшку. Со фсéми родникáми наташиыл. Мез.*

Грибы, сорванные прямо с корешком, с неочищенной грибницей, — грибы с родителями: *Чевó, дэфка, опя́ть со фсемá родителjami принесла?! Леш.*

4. Регулярно использование терминов родства в названии растений. Травянистое растение ветреница дубравная (*anemone nemorosa*), растущее большими группами, — *кокушьё братъе: Это кокушьё братъё растёт на сырых местáх. Вил.*

Растение ромашка полевая: *бабушка, белая бабушка, бабушка-варварушка, ба́бушка-задворенка, бабушка-затворенка, бабушка-кулябушка, дедушко-бабушка, бабушкины цветочки, бабочка: Бабушкой мы зовём. Вре́мё придёт, и роспуша́цца в ыюне ба́бушки. Ой, наго́л ба́бушки нарoсли. Ба́бушки тóжэ рвут. Шенк. Ба́бушка-ворва́рушка, ромáшка да. Ма́ть-и-ма́чехи и ба́бушки-варва́рушки-от хорошó. Венки́-от рáньше плели́ изо фсякой травви́ — из синюшек, из ба́ушек-варва́рушек. Я, бывáло, ни одну́ ба́ушку-варва́рушку розорву́ — фсё годáю. Тáм ничигó не посияли, одни́ ба́ушки-варва́рушки расту́т. Карг. Бёлая ба́бушка — на болóти, на сырых местáх они́ расту́т. Ба́бушки бёлые — ту́т поповник оди́н. Три́цадь два́ пучкá тра́ф навязáла фсяких цветóу. Ёсть и бёлые ба́бушки. Усть. Ку́ка-ба́ка это зову́т, бёлые-те ба́бушки. Усть. Бёла по*

<sup>3</sup> Мызников С. А. 1) Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004. С. 151; 2) Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров северо-запада. СПб., 2003. С. 119.

крайм, ф середи́не жо́лта — **ба́ушка**-затво́ренка. Карг. **Те́ ба́ушки**-кулябушки. Карг. **Ба́бушкины** цвето́цьки. Шенк. **Ба́боцька**, кто рома́шкой называ́ют. Вин.

Травянистое растение желтая ромашка (девясил) — жёлтая бабушка, дедушка (дедушко)-бабушка: *Это жо́утые ба́бушки да о́соба така́я, принесём да истоу́кём. Жо́лтая ба́бушка — жо́лтые е́сть цвето́кы, жо́лтые рома́шки. Усть. А од жэлтуніцы пью́т жо́лтые ба́бушки. Усть. Де́душкой-ба́бушкой зовём, на кашіэ́ль пристаёт.* Шенк. *На луга́х-то фсе́ де́душки-ба́бушки.* Шенк. *Подёмте-ко, па́ря, по цвето́ты — де́душко-ба́бушки. Не хочю́ сорва́ть де́душко-ба́бушку. Травы́ наро́сло де́душко-ба́бушка. Де́душки-ба́бушки мно́го наро́сли цвето́цькоф-то. Ра́ньше-то зва́ли де́душки-ба́бушки. Пуце́к из де́душко-ба́бушки.* Плес.

К ромашке можно обратиться с просьбой *выпустить коро́вущек* (вариант: *соба́чек*) — с сорванного цветка часто выползают насекомые: *«Де́душко-ба́бушка, вы́пусти коро́вущку, фсе́ погоніли, и я́ погоню́», — дете́шки сказа́вают.* Вель. *Де́душки-ба́бушки, вы́пусти коро́вущек.* Плес. *Ба́бушка*-кулябушка, *вы́пусти коро́вущок.* Карг. *Ба́бушка*-затво́ренка, *вы́пусти соба́чек.* Карг.

Цветок травянистого растения, его головка (у клевера) называется бабочкой или бабушкой: *Сіни ба́бочки, их нарв́ут, насуша́т.* Карг. *Бабу́лек нарві́.* Пин.

Белый клевер — бабушка: *Та ба́ушка, бе́ла-то, тут листо́вьё. Фсе́ ба́ушки да сосу́льки. То ба́ушки, то сосу́льки — фся́ко называ́ют. А ба́ушка та́мотки, бе́ла така́ ба́ушка, робя́та посу́слинут возьму́т.* Карг.

Травянистое растение лютик — мачеха: *Ма́чэха* зову́д, го́рька. Красн.

Травянистое растение мать-и-мачеха (*T. farfora* L.) — *ма́ть-ма́чеха, ма́ть-и-ма́чеха, ма́чеха, ма́чеха-трава, ма́чехин лист* (листок), *ма́чешник: Ма́ть-ма́чеха* о́коло о́зера ростёт, са́мая пе́рвая выро́стаёт. Вель. *Ма́ть* — это те́пла сторо́на, бе́ленька, а *ма́чеха* — та хо́лодна сторо́на, гла́тка́я. Вель. *Это не ма́ть-ма́чеха, это ерепе́йник.* Холм. *Ма́ть-ма́чеха.* За че́ она́ называ́ица: *это сторо́на хо́лодна, это ма́чеха.* А *эта те́пла — эта ма́ть.* Прим. *У меня́ бы́ло вино́ наста́влено, ма́ть-и-ма́чеха ф циту́шке.* Кон. *Ма́ть-и-ма́чехи* и ба́бушки-варва́рушки-от хорошо́. Карг. *Ма́чеха* — жо́лта трава́, ф сы́рых места́х, э́ка жо́лтенька. Красн. А та́к листико́ф порва́ла — ма́лины, земля́ники, *ма́чехи.* Красн.

Я собира́ла зверобо́й и ма́чеху, а нонь-то не собира́ю. Карг. Дак се́годня на́до за тра́вами итти́, ма́чеху-от собра́ла, иишо́ за сверобо́йчиком схожу́, недалёко. Нарвала́ ма́чехи́, намы́ла и снесла́, роскла́ла. Холм. Ма́чеха — на о́пухоль нала́живать хорошо́. Мез. Ф том ме́сте, где ма́чеха растёт бо́льше — та́м надо ры́ть коло́дец. Где ма́цёха растёт, там вода́ бли́жэ. Усть. Жа́р вытя́гиват ма́чеха-трава́. Плес. Есь тако́й ли́ст, одна́ зелёна сторона́, дру́га бе́лая. Тот листочек называ́ют ма́чехин ли́ст. Карг. Э́та тра́ва называ́еца ма́чехин листо́к, она́ го́рькая. Где пу́ста голо́дна земля́, наростёт ма́чехин листо́к. Карг. По бе́регу растёт ма́цесник. Вель.

Травянистое водяное растение кувшинка желтая — тоже ма́чешник: Ёсь тра́ва в реке́ растёт, ма́чёшник, цветы́ как самова́рцики. Кон.

Зрелый гриб дождевик — бабка мышья, дедкова (дедушко-ва) баенка, дедушко о баенка: Пыхнет из ево́, э́то мышья ба́пка, снаця́ла они́ как ёйца, а пото́м ы засохнут, в ни́х здела́ца пы́ль. Кон. Дро́здики-то называ́еце де́душко о баенка. Молодо́й, он дро́здик, а взро́лой преврати́цца в де́душку о баенку. Прим. Ды́м вот пой-дёт — де́ткова баенка ска́жут. Онеж. Де́душкова ба́инка — труба́, нажмёш, и пы́ль пускáт. Де́душкова ба́йинка — труба́, вот как на́давши, так он пы́ль пускáт. Прим.

С терминами родства связано разделение по полу и социальному статусу, что также отразилось в номинации растений. Так, растение репейник — вдовец. Репейник — название нескольких растений, имеющих цепкие плоды или соплодия, «колючки». Чаще всего под репейником (и соответственно вдовцом) имеется в виду лопух или чертополох: Стои́т вдове́ць до са́мой о́сени, растёт вездé, процветёт ф конце́ ию́ня, ево́ веть скоти́на-то не ё́ст. Вель. Шы́шки у вдо́фия́-то, ка́тышек. Карг. Вдове́ць — колю́цька, липу́цька. Лопу́шник шально́й, э́тод вдове́ц одолéл. Вель. Вдове́ць-от пот постéлю накла́сть, он (клоп) не лю́бит э́того ме́ста, вдо́фи́ёф-от. Карг. У на́с е́дино́го клопа́ нет, ста́рым вдо́фи́ём вы́вел. Ста́рой вдове́ць, рука́ми его́ не возмёш, колю́ць. Кон. Во́ де, ма́ма, вдове́ць, до тоо́ колю́ць. Вель. А вдо́фи́ёф-то што́ не опсе́кла? Карг. Вдо́фи́ — колю́чки, липнут кото́рые. Вдо́фи́ — поди́-ко шоркони́, — прильне́т, дак едва́ оторвёш. Йивня́к весь пригну́лся, там крапи́ва, вдо́фи́. Карг. Вдове́ць — тот колю́щий, нали́пиця на скоти́ну. Кон. Э́тот вот вдове́ць в ру́ки не возмёш, шы́льё тако́ё. Вель. Метафорическая мотивация названия связана

с уподоблением растения внешнему виду мужчины-вдовца (*колючая бородушка*) или неуживчивому характеру: **Вдофци** — *колющая бородушка*. Карг. **Вдовець** *кóлкой стéбель, цвьетёт óсенью, порáто кóлкой, вёрно, потому́ вдовець — к е́му никак не приспособи́ця*. Плес. **Вдовець**, *о́н сли́шком колю́цей, ево́ не захва́тиши, он бо́льно несогласной, стра́сь колю́ць*. Вель. По приметам, если близко от дома заводится вдовец, в этом доме женщина скоро станет вдовой: *Во́т он вдовець*. Где **вдовець** — *та́м и вдови́ця*. Я *вдови́ця*. Карг.

Растение используется в народной медицине и в магии. Оно может персонифицироваться, тогда появляется *ива́н-вдовець*: *Этот ива́н-вдовець од бо́лезней кладу́т ф порóк на воронёць*. Карг.

5. В народной культуре растения часто разделяются на *мужские и женские*. Это может быть связано не с ботаническим распределением двудомных растений на мужскую и женскую особь, а с каким-то внешним атрибутом растения — высотой стебля, круглыми или продолговатыми цветками (листьями), наличием ложбинки (дырочки, ямочки), расположенной на цветке (или листьях), расцветкой цветка (листьев). «Женские» атрибуты — это нечто низкого роста, круглое, с ямочкой-ложбинкой, розовое или алое: *Зверобой — он быва́ет же́нский, а быва́ет мушко́й, по ро́сту. Дли́ный он мушко́й, а корóтенькой — же́нско́й, вме́сте они́ расту́т*. Шенк. *А мушка́ трава́ — у то́й стéбель по́выше и о́чень мно́го как-от колоко́льчики круго́м по́вэснуты*. Прим. *Пи́жма е́сть, во́зле до́ро́к расту́т, быва́ед же́нская, з ды́рочкой, а быва́ет мушка́я, без ды́рочки, она́ од же́лутка*. 3 бугорко́м *мушка́я*, а с я́мочкой *же́нска*. Шенк. *Эти кабы́ть как с лежби́нкой лопу́шки — же́ньски*. Пин. *Шля́пка как пу́говица — э́то же́нский чертополо́х*. Пин. *Под горой-от на че́щяни́не езь же́нска тра́фка, а дру́га мушка́ тра́фка, до́лги цвьитки́ и кру́глы цвьитки́ — фсе́ наку́рили*. Онеж. *Вот ты́щели́сник то́жо мушка́я да же́нска трава́, ро́зовая так же́нска, а бе́лая мушка́я*. Шенк. *Вот э́та э́ва же́лэ́зница, вот э́та му́ска́ бе́лая, а е́сь ро́зова же́нска*. Пин. *Аленькой цвьёт — же́нска*. Пин.

Возможно, выбор розового (красного, алого) обусловлен метафорической связью с менструальными выделениями как знаком женскости. Символика цвета нивелируется и меняется: *Ты́счели́сник, та́к-то он мушко́й и же́нский, бе́лый да кра́сный, то́лько я не зна́ю, кото́рый како́й*. Пин. *Бе́лый цвьотчо́к — же́нский, же́лтовáтый — мушко́й*. Холм. Может иметь место другая мотивация. Например, более интенсивный цвет может осознаваться

как «мужской», менее интенсивный или белый — как «женский», «девичий». Ср. пару *жених ~ невеста*, где речь идет о комнатном цветке с цветками разной окраски: *Эта фукция у меня. А это тожо жоних. Была нивэста, пропа́ла тожо в морос. Плес.*

В традиционной народной медицине женским растением положено лечить женщин, мужским — мужчин: *Ёсли ребёнок дёвочка, так ж жёнсково опкáчивали, ёсли ма́льчик — с мушско́во. Ди́кий василёк, чертополо́х-то, ёсь мушско́й, езь жёнский.* Пин. *Гры́жная трава́ — она́ мушска́я и жёнская, растёт под ёлками. Нагры́жной тра́фки я вам дам, то́лько хоро́шим лю́дям даю. У чове́ка двена́цать гры́и, так вот э́та жёнска.* Прим. Иногда имеется более конкретная привязка: женское растение связано с лечением женской детородной системы: *Потколóдная вод жёнская тра́ва. Потколóдная она́ дестви́тельно для же́нщин, же́нщины её собира́ют и ле́чат.* Шенк.

В названии растений используются прилагательные *бабий* и *девий* (девичий). Так, *бабьи сплетни* — комнатное вьющееся ампельное растение (со стеблями, опущенными вниз): *А тут вот запу́талось, фсё сплели, эти ба́бьи сплётни мы зовём.* Карг. *Ба́бьи сплётни, они́ сплелися фсё.* Карг.

*Бабий язык* — комнатное растение алоэ. Другое колючее комнатное растение, один из видов кактуса с широкими плоскими стеблями, — *тёщин язык* (под этими названиями могут иметься в виду и другие комнатные растения с длинными узкими листьями): *У нас ещё кто́-то говáривал: ба́бий язы́к. Не столётник, а ба́бий язы́к.* Карг. *У меня́ бы́л алоэ, он фсё называ́л те́щин язы́к.* Карг. *А там те́щин-то язы́к, Га́ля сказа́ла. Ёсь те́щин язы́к — цвёт тако́й.* Кон.

*Бабья сся́ка* — растение вороника (оно же — *сси́ха, сти́ха, кобы́лья сси́ха / стя́ка* и пр.): *Э́то ба́бья сся́ка.* Вил.

*Дёввей* (девичьей) *красо́й* (красотой) могут называть гвоздику полевую или комнатное растение бальзамин. Гвоздика полевая: *Цветы́: петушкí, грёбень, душня́нка, дивья́ краса́. Дивья́ краса́ фсё цветёт. Э́то дёвья́ краса́.* Вин. *Ра́ньше называ́ли девичья́ красота́, то́ненький стебелёк, четы́ре лепестка́.* Онеж. *Бальза́мин: Дёвья́ краса́ зовёца весь цвётóк.* Шенк. *Дёвья́ краса́ ли девисник.* Пин. *В э́ту вёсну взяла́, дёвья́ красота́ цвётёт.* Шенк. *Дёвья́ красота́, са́харно дере́во, цвётóк погип.* Холм. *Девичья́ красота́ называ́еца, и земли́-то у неё нёту.* Лен.

Комнатное растение герань — *бабья (девья) красота*. Имеются травянистое растение *девичий умывальник* (какое?), садовое растение *девичье сердце* (какое?). Прилагательное *бабий* используется не только для наименования конкретных растений, так, например, *бабье ухо* — это съедобный гриб уродливой формы (любой) или (реже) только груздь уродливой формы: *А ба́бье́ у́хо — оно́ так не тако́е, как уроди́ца-то на́до*. Вель. *Ба́бье́ у́хо попада́т, оно́ фсё сверну́лось, ф серётке-то ба́сенко, как кра́сной ры́жик*. *Ба́бье́ у́хо-то само́-то на у́хо нахо́дит, фсё в я́мках-то*. Вин. *С шадрови́тыма пузыря́ми ба́бье́ у́хо*. *Тако́й жэ ры́жой да толсто́й называе́ця ба́бье́ у́хо*. *Ба́бье́ у́хо тако́е уро́дливоё*. *Эво де́ка я нашо́л ба́бье́ у́хо*. Шенк. *Эти ба́бьи́ у́ши не беру́т, то́лько ры́жики заки́снут*. Кон.

б. Иногда бывает трудно разделить, происходит ли перенос термина родства на растения или на предметы. Многие приведенные нами примеры имеют промежуточное положение между растительным и предметным миром (старая картофелина, части растения и пр.).

Обращает на себя внимание семантическая связанность корней *баб-* и *боб-*: *ба́бка/бо́бка, ба́бочка/бо́бочка, бабу́лька/бобу́лька, боболёк, бабу́шка/бобу́шка* и проч.<sup>4</sup> Головка цветущего травянистого растения (чаще круглая) у кувшинки, купальницы, лютика, клевера — *бо́бка, ба́бочка, бабу́лечка/бобу́лечка, бабу́лька/бобу́лька: Бо́пки фчерась рва́ли, кукишы́ньчики*. Карг. *Голу́ба, бо́пка по-нашему, бо́пки да бо́пки*. Карг. *По цветка́м сидя́т медуни́ца, они́ по бо́пкам сидя́т*. Пин. *Ох, каки́ бабу́лецьки́ ядови́ты!* Пин. *Каг бабу́лецька на карто́шке белé, не око́лило-то*. Пин. *Си́ни ба́бочки, их нарву́т, насуща́т*. Карг. *Говоря́т, пойдите́, нарв́ите бо́бочек*. Плес. *Приш. Бе́лы бо́боцьки? Э́то они́с. А э́то жо́лта бо́боцька, ка́к она́ называе́ца? Ма́леньки ходи́м, собира́ем сё бо́боцьки, сё бо́боцьки, цвето́цьки да*. Карг. *Бабу́лек нарви́*. Пин. *Алесáн, каг бе́лы-то бобу́льки называ́юцца?* Пин. *Ма́лы робя́тишки фся́ких нарву́т, вот и бобу́льки*. *Фсё цвето́ — бобу́льки*. Пин. *Бубу́льки-то каг днё́м, так росце́вта́ют, а каг вре́мя па́ужин, так они́ и закро́юцца*. Плес. *В Ундозере таки́ цвето́цьки бобу́лька́ми зва́ли, расту́т на о́зере*. Плес. *Э́то бобу́шки, на поля́х мно́го их*. Кон.

<sup>4</sup> О связи этих корней в предметных значениях см.: Качинская И.Б. Термины родства и предметный мир (Термины родства и языковая картина мира. По материалам архангельских говоров) // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX) / отв. ред. Л.Л.Касаткин. М., 2008. С. 265–283.

Растение ромашка может быть *бабушкой*, как мы уже отмечали, но может быть и *бабочкой*, *бóбкой*: *Рáne примéта быlá: бóпка расцвётёт, так косить порá. Этот-то бóпка бéла назывáя.* Нянд. **Бáбоцька**, кто ромáшкой назывáют. Вин.

Гриб дождевик: *мышья бабка, дедушко о баенка* — и *бóбка*: *Онi тóжэ пód осень растút, бóпки, говорят.* Шенк. *Бабочкой* будет гриб сыроежка — в говорах, где сыроежки называются *обáбками*, *обáбочками*. Здесь скорее всего движение шло не от термина родства (*бабка*, *бабочка*), а от слова *обáбочек*: *Волнушки ёсть, рыжики, а в одноём мéсте нáших крáсных бáбочек не едят.* Мез. Блиско к предметному значению и наименование березового нароста (чаги) — *бабка*: *Видиши на берёзе бáнку* — и *ф ийи*. Леш.

В этом случае движение могло идти двумя путями. Первый — переосмысление лексемы *бáка*, имеющей то же значение: *А мы её напойили бáкою. Рáньше од берёзы отколупят бáку.* Леш. *Бáку с листвы колупáli, дак бáкой и бáцили.* Леш. Другой путь — расширение предметного значения лексемы *бабка*, которое часто связано с обозначением чего-н. круглого, плотного (каким и является древесный нарост). Предметным значением, скорее всего, обусловлено использование этой лексемы для названия старого гриба-дождевика, также имеющего круглую форму: *Пыхнет из ево, это мышья бáпка, снацяла онi как ёйца, а потóm ы засóхнут, в нiх зéлаца пýль.* Кон.

Еще один круг, связанный с переносными значениями терминов родства, сближает растения и абстрактные понятия, когда в качестве приложения выступает лексема *матушка*. В одном случае приложения сопровождает важнейшую огородную культуру репу: *матушка-репка: Тепéричя кормá кончяюца, што я заведу?* *Мáтушку-рёпку, кортóшку.* Онеж. В другом выступает как обращение к дереву ели в заговоре во время грозы — *ель-матушка: Ель-то, мáтушка, сохрани меня, соблюди меня от тóщи, од грóма, од громовой стрелы. Ёлка-мáтушка, спаси-сохрани од дождя, грозы и мóлнии.* Леш. В первом примере растение репа переосмыслиется и получает не только собирательное, но и абстрагированное значение важного пищевого продукта. Во втором дерево ель превращается в персонифицированное существо, способное стать защитником человека. Ср. похожие просьбы о защите в обращении к мифологическим персонажам, Богу и Богородице.

Зафиксирован и пример, сближающий через термины родства растительный мир с областью междометий. Шуточное восклицание *мать-сосна* представляет собой отголосок, эвфемизм трехчленной формулы: *Козлúшка кúплена от Нíны. — Ну, мать-сосна, у тебя полно скотá-то!* Вил. Фразеологизм *хоть матку-редьку пой* имеет значение 'испытывать нужду': *Руцейкá пойдúт, вóт хвáтим гóрюшка. Весна́ — шó будеш, вот погорím, **хоть мáтку-ретьку пой.*** Кон. Ср. с этим очень похожее по смыслу выражение: *Вóт иишó и запоёи кúзькину мáть.* Шенк.

Хотя работа выполнена на материалах «Архангельского областного словаря», широкая экстраполяция терминов родства, их метафорический перенос (в том числе в область ботаники) характерен не только для всех русских и славянских говоров, но, по-видимому, для любого языка, т. е. он типологический.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ РАЙОНОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Вел.	— Вельский	Мез.	— Мезенский
Вил.	— Вилегодский	Нянд.	— Няндомский
Вин.	— Виноградовский	Онеж.	— Онежский
В-Т.	— Верхнетоемский	Пин.	— Пинежский
Карг.	— Каргопольский	Плес.	— Плесецкий
Кон.	— Коношский	Прим.	— Приморский
Котл.	— Котласский	Усть.	— Устьянский
Красн.	— Красноборский	Холм.	— Холмогорский
Лен.	— Ленский	Шенк.	— Шенкурский
Леш.	— Лешуконский		

## ПРАЗДНИК В АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРАХ: СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ

*Аннотация.* В статье описаны функционирование общерусского слова *праздник* в архангельских говорах, его значения, атрибутивная и глагольная сочетаемость.

*Ключевые слова:* общерусское слово, сочетаемость, семантика.

Интерес к собиранию и изучению диалектного слова, зародившийся в русской словесности почти три века назад — начиная с М. В. Ломоносова, ставшего первым исследователем на этом поприще, — не ослабевает и по сей день. Не менее актуален вопрос о месте общерусского слова в диалектной системе, рассматриваемый в работах Ф. П. Филина, О. Г. Гецовой, И. А. Оссовецкого, Е. А. Нефедовой и др. Рассмотрению проблемы общерусского слова в архангельских говорах уделяется большое внимание в докторских диссертациях Н. Г. Ильинской (общерусские глаголы), М. К. Пак (общерусские существительные), Е. А. Нефедовой (семантические поля, возглавляемые общерусскими словами)<sup>1</sup>.

По определению О. Г. Гецовой, общерусские слова — «слова, общие для литературного языка и диалектов, являющиеся в последних исконными, не заимствованными ни из литературного языка,

---

<sup>1</sup> См.: *Филин Ф. П.* Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961; *Оссовецкий И. А.* Лексика русских народных говоров. М., 1982; *Гецова О. Г.* Глагол *образоваться* в русском диалекте // Слово в тексте и в словаре: сб. статей к семидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна / под ред. Л. Л. Иомдина и Л. П. Крысина. М., 2000; *Ильинская Н. Г.* Общерусское слово в архангельских народных говорах: Глагол: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001; *Нефедова Е. А.* Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008; *Пак М. К.* Общерусское слово в диалектной системе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2010.

ни из других языков»<sup>2</sup>. М. К. Пак уточняет, что общерусское слово активно функционирует во всех подсистемах общенародного языка, представляет собой устойчивое общее, объединяющее слово в языковой системе, не имеет территориальных и социальных ограничений<sup>3</sup>.

Слово *праздник*, рассматриваемое нами, общерусское, о чем можно судить по его этимологии, множеству соответствий в славянских языках, частотности и отсутствию как территориальных, так и социальных ограничений на употребление. В то же время его значения и употребления в говорах архангельской территории отличаются от современного русского литературного языка. Отличия затрагивают также атрибутивную и глагольную сочетаемость лексем.

Основными источниками для нашего исследования стали Картоотека Архангельского областного словаря (АОС)<sup>4</sup>, Электронная картоотека АОС, а также собственные полевые наблюдения и записи автора, сделанные во время шести диалектологических экспедиций 2006–2011 гг., в ходе которых было обследовано четыре района области.

По происхождению слово *праздник* восходит к прил. *праздный*, из церк.-слав. *праздньнъ* (др.-греч. ἄμοιρος, ἀρούς, ἔρημος), вместо исконно рус. *порожний*, от др.-русс. *порожьнь*; ср.: укр. *порожний*, белор. *парожні*, польск. *próżny*. Родств. болг. *празен*, *празден*, сербохорв. *prāznić*, *prāzan*, *prāzna* ж., словенск. *prāzen*, *prāzna*, чешск. *prāzdný*, *prāzný*, словацк. *prāzdný*, в.-луж. *prōzdný*, *prōzny*, н.-луж. *prozny*. Исходные формы последних — \*porzdьnъ, первых — \*porzdьnio<sup>5</sup>. Таким образом, развитие семантики слова происходило по следующему пути: от исходного значения *праздный* с присоединением суффикса имени существительного. Необходимо отметить, что в современном русском языке слова *праздный* и *праздник* не родственные (в первом случае сохранился корень *празд-*, во втором же современные исследователи выделяют корень

---

<sup>2</sup> Гецова О. Г. Глагол *образоваться* в русском диалекте.

<sup>3</sup> Пак М. К. Общерусское слово в диалектной системе.

<sup>4</sup> Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. I–XIII. М., 1980–2010.

<sup>5</sup> Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М., 1986. С. 353.

*праздник*<sup>6</sup>. Кроме того, *праздник* в отличие от слова, к которому оно восходит, не имеет негативных коннотаций.

В современном русском литературном языке слово *праздник* имеет следующие значения: 1. День торжества в честь или в память какого-л. выдающегося события. 2. День или дни в честь какого-л. события или святого, особо отмечаемые обычаем или церковью. 3. (обычно мн.) Общий нерабочий день или несколько нерабочих дней подряд по случаю таких торжеств; *противоп.* Будни. 4. Веселье, торжество, устраиваемое кем-л. по какому-л. поводу<sup>7</sup>.

Значения, в которых слово *праздник* употребляется в архангельских говорах, во многом схожи с литературными. Однако любое общерусское слово в процессе эволюции языка допускает закономерное варьирование на отдельных его субуровнях, в том числе и семантическом. Другой особенностью бытования общерусского слова в диалектах выступает диффузность его значений. Вследствие устной формы бытования диалектов возникают определенные сложности в проведении четких границ между значениями.

На основании диалектного материала у слова *праздник* можно выделить следующие значения.

1. *День или дни в честь какого-либо события, отмеченные в календаре*: а) *Праздник церковного календаря*: На *празьник* йёздили, на Пóкшэнску Богорóдицу, и утонúл. Трóица да Спáсов дeнь — два *празьника* ф Кеврóлы-то. Ильийн дeнь в Нeмниге, ф Киглохты *празьник*. У нас *празьник* двáцать пeрвого — Прокóпьев дeнь. Крестóво — тóжэ там за рекóй *празьник*. На *празьникá*-то рáньшэ шáньги пекли́. Вот у нас ф Кеврóлы *празник*, он празник считáйеця Спáсов дeнь. Мáма ф цéрквы-то былá у *празника*. По *празьникам*, на мечи́ще лeтом одеváли повя́ски. Вот бóдет двáцать пeрвого ию́ля, бóдет Прокóпьев дeнь, ф тóй-то дерeвне *празьник* лeтний, дак вот пóсле éтого *празьника* (начинают заготовлять веники). Зьдeсь празник бывáйет в éтой дерeвне Никола́ю Чюдотвóрцу — весной, 22 мáя и 19 декабря, два рáза. Празничали, празники собира́ли в Вилегóтском сельсовeте; б) *Праздник советской эпохи*.

<sup>6</sup> Тихонов А. Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов. М., 2002.

<sup>7</sup> Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. С. 356. Для удобства описания оттенки значения, подаваемые в этом словаре под знаком ||, выше снабжены отдельным номером и рассматриваются как отдельные значения.

Как *празьники*, так, бля́ха-му́ха, почётными гра́мотами задавили. Три *празьника* отведут, а эти *празьники* религиозны не отмечяли. На качю́ли и то не дава́ли качя́цця.

Религиозные праздники в советский период оказались на периферии вследствие запретов, а их место по значимости заняли новые праздники, призванные сплотить граждан вокруг официальных лидеров и идеологии. Примерное совпадение религиозных и советских праздников по времени (Пасха и Первое мая, Рождество и Новый год и т. д.) способствовало постепенному вытеснению первых вторыми, прекратившемуся с распадом СССР и возрождением православной культуры. Сходство событий церковного календаря и советских праздников проявляется в наличии общего компонента значения — отмеченности в календаре, приуроченности к календарной дате.

2. *Значимое событие в частной жизни одного человека или семьи, отмечаемое в кругу родных и близких*: А это на моём *празьнике* (на дне рождения). Вот какой *празьник* зделали-то парню (о проходах в армию). Вёсь *празьник* ко́мом пошо́л, омраче́н. Ну-кося́, госте́й йе́ше и ча́йем уго́сцити́ть, *празьник* как Шу́рка умерла́, она́ до селётнова го́да не была́. Наза́фтра на кла́дбишшэ сходи́ли, фсе́ при́йехали, и какой *празьник* получи́лся (о поминках). У йи́х он *празьник* де́лал, семьде́сят годо́ф, йему́ мину́ло и сва́дьба золо́тая, они́ это фсе́ и и справле́ли, дете́й-то и со́звали.

3. *Гуляние с угощением по случаю окончания какого-либо вида работы*: *Празьники* пировали брига́дами. Сенокос ко́нчим да и пиру́ем. Ра́ньше́ как за́канчивали убо́рку урожа́я, *празьники* собира́ли, пи́во ва́рят, угоща́ют пи́вом.

Поскольку под понятие праздника подпадают разные, не вполне однородные события, для определения границ и внутренней структуры семантического поля ‘праздники’ целесообразно воспользоваться понятием прототипического праздника, так как не все существенные признаки понятия «праздник» воплощены во всех представителях этой категории<sup>8</sup>. Основные черты сакрального времени были описаны в работах Г. В. Калиткиной<sup>9</sup> и Т. А. Бернштам<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

<sup>9</sup> Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010.

<sup>10</sup> Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX — начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. М., 1985.

На основании проведенных ими исследований можно сделать следующий вывод: прототипический праздник должен иметь давнюю историю; в этот день следует воздерживаться от любых видов деятельности; принимать участие в празднике должны все члены социума вне зависимости от их возраста и социального положения; праздник должен проходить радостно и весело, сопровождаться играми и песнями, обильным угощением и распитием спиртных напитков (пива); основная цель, которую преследует проведение прототипического праздника, — отдать дань уважения традициям, идущим от предков, из глубины веков.

Первая группа переносных значений слова *праздник* восходит к такой черте прототипического праздника, как ‘отсутствие дел вследствие запрета на работу, свойственной также основному значению лексемы *праздник*.

4. *Отсутствие дел, праздность, безделье*: У мóлодежи кáждый дéнь *празьник*: не рóбят, безрóботицу плóбят. А у йíх фсё как *празьник*, сижú как тетёра, дéла-то себé не найдú.

5. *Деятельность, которая не требует значительных усилий; легкая, не очень трудоемкая работа*: На лугú *празьник* был — мáлыйе вот рóботали и стáреньки (очень легко работалось).

6. *Нерабочий день, выходной*. В сочетании *взять праздник*: Кáждной рáс уйéдет на свóй дéнь рóждéния, *празьник возьмёт* (выходной). В советскую эпоху, вероятно, параллельно с этим сочетанием в литературном языке сложилось сочетание *взять отгул*.

Следующая группа — значения, в которых отражено такое значение прототипического праздника, как ‘всеохватность, значимость для всех членов социума либо всего православного мира’.

7. *Большое количество, собрание чего-л.*: А́к вóт пришлí, ак водá согрélася, я грю, посúду мóй. Мнóго ú мeня, нахранeнó мнóго, ак по цеó грит *празьник* собира́ла, не бúду мыть. Сепарáтор вýмою, а посúду не бúду мыть — по чевó *празьник* собира́ла? — у мeня мнóго накоплeнó было.

8. *Важное, значимое событие в жизни человека*: У чeловéка, гово́рят, двá *празьника* — рóждáица когда́ и помира́йет.

Еще одна группа значений основана на следующей черте прототипического праздника: ‘радость и веселье, обязательно сопровождающие праздник’.

9. *Радостное событие, часто неожиданное*: Кошзль на себá — и пошóл ф шкóлу, а мáти нóвый сошйóт — ишшó *празьник*. Когда́

трэзвы́й прі́дет — как Па́ска христо́ва, вели́кий *пра́зьник*. Дро́ля ходит по крушкú — Меня́ опхо́дит де́вушку. Наведи́-ко гла́зиком, Севóдьне зьде́лай с *пра́зьником* (фольк.). При́деш трэзвы́й — как *пра́зьник* христо́вый свéтлой у на́с.

10. *Хорошая, безбедная жизнь, отсутствие проблем*: Мб́жэт и на мою́ ўлицу прі́де́т *пра́зьник*, та́к оно́ и бы́ло, у не́й *пра́зьник стал*, а он фсё́ и потеря́л.

Лексема *праздник* в сравнении с литературным языком в архангельских говорах обладает более широкой сочетаемостью как атрибутивной, так и глагольной. Главным образом это свойственно слову в его основном значении.

I. Атрибутивные сочетания со словом *праздник* можно разделить на несколько групп.

I.1. Сочетания с атрибутом, выражающим сезонную отнесенность события: Крестово́й наве́рно когда́-то о́сенью, он *осе́нный пра́зьник*. Вот э́ти-то *ле́тны пра́зьники* называ́ли кану́н. Рожэ́сьво о́пять се́дьмого́ енва́ря, прихóят *ле́тны пра́зьники*. И живё́м зна́ш докúда, о́сенью до Ни́ко́ла *осе́нный пра́зьник*. *Осе́ннийе пра́зьники, ле́тнийе пра́зьницьки-то* давнó прошл́и. *Ле́тны пра́зьники* начну́цца. Трóца — это ужé *ле́тной пра́зьник*. Во́д бу́дет два́ццать пе́рвого ию́ля бу́де́т Проко́пьев де́нь, ф то́й-то дере́вне *пра́зьник ле́тний*, дак во́т по́сле э́того пра́зьника (нача́нают заготовля́ть веники). Фили́пий *зи́мний пра́зьник*, это Па́ску, Ива́нь де́нь отмеча́ют, Кузьма́ Де́мья́н, Трóицу, Ду́хоф де́нь после Трóицы, Ильи́н де́нь, Пре́чи́стый — по́ля чи́сьтит.

I.2. Лексема *праздник* сочетается с определениями *престо́льной, столово́й*<sup>11</sup>, *часóвенной, хра́мовой*, которые обозначают главный праздник деревни, связанный с днем памяти святого — покровителя деревни либо с событием, в честь которого была освящена деревенская церковь или часовня, которая, как правило, называлась в честь этого святого или события.

**ПРЕСТОЛЬНОЙ ПРАЗДНИК**: Веть то́гда дере́вен мно́го бы́ло, и ф ка́ждой дере́вне сво́й *престо́льной пра́зьник*. Да как *пра́зьник престо́льный*, да гама́шы, да ле́нточы́ки, да боти́нки. *Престо́льные*

<sup>11</sup> Ср.: ПРЕСТОЛ: Высокий стол, стоящий посредине церковного алтаря; что, в свою очередь, восходит к одному из значений др.-рус. *столь* — «стол, престол, сидение», о чем свидетельствует «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (Т. 3. С. 355).

зборные *празьники*. Раньшэ был изюм, из бёлой муки на *престольные празьники* пекли.

**СТОЛОВОЙ ПРАЗДНИК:** Наш *столовóй празьник*-то — Трóица и Спасов день. У нас Трóица была *столовá*-та.

**ЧАСОВЕННОЙ ПРАЗДНИК:** *Цясóвенны празьники* у нас Софiя, Йегóрий.

**ХРАМОВОЙ ПРАЗДНИК:** Были зьдэсь *храмовые празьники*.

I.3. У каждой деревни или куста деревень, имеющих церковь, был свой праздник. На это указывают сочетания лексемы *праздник* с такими определениями, как *деревенской, местной, общей, родовой*. Эти сочетания могли усиливаться притяжательным местоимением *мой, наш*, что подчеркивало причастность каждого жителя деревни к этому празднику.

**ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРАЗДНИК:** Васильеф дэнь — *наш деревéнский*-то *празьник*. Тóжэ гуляньё было — в *деревéнски празьники*.

**МЕСТНОЙ ПРАЗДНИК:** А тák для нашэй Нiколы — Петрóв дгнь. Сáмый большóй *наш мёсный празьник*.

**ОБЩЕЙ ПРАЗДНИК:** Ивáндень *óпций празьник*, это по фсэй вóлосьги.

**РОДОВОЙ ПРАЗДНИК:** Казáнская — *мóй родовóй празьник*.

На такие праздники съезжалось множество гостей из соседних деревень и устраивались застолья. Поэтому их называли также **ЗАСТОЛЬНЫМИ ПРАЗДНИКАМИ**. Кроме того, возможно, народная этимология связала слова *престольный* и *застолье*: За столóм сидят — фсё сóбрано. *Празьники застóльныйе*-то.

I.4. Главный праздник деревни обозначается сочетанием с атрибутом — притяжательным прилагательным, образованным от названия деревни или части деревни): *Городéцкий празьник*, канún был, потóm *Сурский празьник*. *Вожгóрский празьник* раньшэ был — *Зáговеньё*. В мáрте он живёт — *Зáговеньё* — *рóдомский празьник*. *Вожгóрский празьник* 30 января ли 31. Буде годовóй *вёркольский празьник*. Петрóв дэнь *наш, нёнокский празьник*.

I.5. Сочетания с атрибутом *годовой* используются для обозначения особенно важных праздников, таких как двенадцатые или воспринимающиеся равнозначными<sup>12</sup>. Такое наименование сви-

<sup>12</sup> Двенадцатые праздники — двенадцать важнейших после Пасхи праздников в православии, посвященные событиям земной жизни Иисуса Христа и Богородицы.

детельствовало о значимости, уникальности праздника: Христов день — *годовой празьник*. Ф пятницу не буду топить, потому што *годовой празьник* — Ильин день. Троица дак уж это *годовой празьник*. Варили пиво фсе только ф празьники, в большие *годовые празьники*. Там только *годовые празьники*. Покров, Рождество — тоже *годовой празьник*. Пшону кашу варили по *годовым празьникам*: Рожество, Пасха, Крещение — вот такие празьники. *Годовые* были *празьники*, виком, фсю жызьнь празновали.

Главный праздник деревни, на который съезжались гости из соседних деревень, также мог называться *ГОДОВЫМ ПРАЗДНИКОМ*, что подчеркивало его особую значимость. Такие праздники, как правило, были один-два раза в году: Буде *годовой веркольский празьник*. Как *празьник годовой*, фсе, што йесть, заготовят, пива наварят, на берегу соберуцца с котлами, пиво и дудят, пйут. *Годовой празьник-то*, што собирались со фсей округи. Йегорей — наш *празьничек годовой* на Спицине. *Годовы* празьники. У нашэй деревни зимний Петров день и летний Петров день. А здысь Ильин день. Ильин день у нас *годовой празьник*. Годом один празьник — вот ы называли *годовой празьник*.

Большие праздники оценивались как *ХОРОШИЕ*: Они не сровнеш, они так стоя стоят, а на низу шырокая лента надеваецца, в их (головных уборах) только ходили по *хорошым празьникам* — вот Пасха.

1.6. Праздники различаются по степени значимости для членов социума. Отмечено несколько атрибутов, характеризующих событие как важное, почитаемое, существенное для всех (*большой, великой, главной, крупной, общей*), и только один — для обозначения события незначительной важности (*небольшой*).

*БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК*: Ну, тринацатого *большой празник*, фсем апостолам празник. Пошла за ягодами в Ильин день, да ходила двинацать дней, да ф какойе-то деревни вышла. *Большы-то празьники* соблюдать надо. Рождество, Пасха, потом Стретенье — это фсе *большы празьники* были. Я умру, ты не робь (не работай) в *большые празьники*, ты опасайся, у меня овет снесён ф чесовенку. Клобы пекли, но это по *большым празьникам*. *Празьник большой*, дак по дому ничегó не дэлают.

*ВЕЛИКОЙ ПРАЗДНИК*: Варламьев день был *великий празьник*, скопленийе народу было очень большойе, празновали три дня,

а после этого уходили на сенокос. Когда трезвый придет — как Паска Христова, великий праздник.

**ГЛАВНОЙ ПРАЗДНИК:** Двенадцать главных праздников было.

**КРУПНОЙ ПРАЗДНИК:** Иваньдень тот тоже ф кругу. Фсе крупны праздники — ф кругу, говорят.

Важный, значимый праздник также мог быть назван **МАТЁРЬ-РЫМ:** Праздник матёрой — Ильин день.

**ОБЩЕЙ ПРАЗДНИК:** Паска тот опшый праздник, фсе празнуют Паску.

**НЕБОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК:** По небольшим праздникам определяли разные явления природы. В большы-ти праздника не дёглают, а в небольшы робыт кто как можэт.

Праздники характеризуются по силе запретов на различные виды деятельности. Праздник, в который запрещалось работать, называли **ПРИЧИННЫМ ПРАЗДНИКОМ:** Вон три праздника йёсьть причинных — Благовешэнье, Никола и йешо какой-то, когда робытат нельзя.

Праздник, в который существовал особенно строгий запрет на трудовую деятельность, что, возможно, было связано с ожидаемым неблагоприятным явлением природы в случае его нарушения, называли **СЕРДИТЫМ:** Ильин день, гоорят, очень сердитой праздник — или **СТРАШНЫМ:** Троица тоже страшный праздник, Троица — овечья смерть, заморозить можэт.

Тех, кто нарушает запрет, ждало суровое наказание, от порчи имущества до нанесения вреда здоровью. Например, у того, кто работал в Ильин день, от удара молнии мог загореться дом.

1.7. О связи праздника с традицией, с христианской религией, с Богом свидетельствует сочетаемость с такими определениями, как *богомольной, божественной, христовой, церковной.*

**БОЖЕСТВЕННОЙ ПРАЗДНИК:** Посмотрю, блиско нет ли божэсвены праздники. Празновали божэсвенныйе — там Рожжэсво, Паска — пива навэрят. Во фсе божэсвенные праздники они молились. Там на какой-то божэсвенный праздник по радио говорили. Как какой праздник — божэсвенный или не божэсвенный — ходят, не забывают. Ой, у наз была Масленица, Пасха, это фсе были божэсвенные праздники. Рожжэсво, Крещэнье — божэсвенные праздники шыроко празновали.

**БОГОМОЛЬНОЙ ПРАЗДНИК:** Иван Богослов богомольной был праздник.

**ХРИСТОВОЙ ПРАЗДНИК:** Пáсху опасáлись свáдьбу дéлать, веть *христóвой прáзник*, нельзjá! Хтó прослáвил сeóдня *прáзник-то христóвой*.

**ЦЕРКОВНОЙ ПРАЗДНИК:** Подúшна это *прáзник цэркóвной*, она́ идёт по Пáске.

1.8. Праздники воспринимаются как нечто, берущее начало в прошлом, доставшееся от предков, известное из глубины веков и передающееся из поколения в поколение. Об этом говорит широкая сочетаемость лексемы *праздник* с такими атрибутами, как *старинной, старой, ранешней, бывалошной, вековечной, вековой, прежней*.

**СТАРИННОЙ ПРАЗДНИК:** Рожэсьвó да Крешшэнье, Никóлин день — да фсяки йесь *старínны прáзники*. *Старínный прáзник*, где чясóвня йесь — ф той деревне прáзник. Севóдня *старínный прáзничек* — Петрóв день. *Старínной прáзник* зímной, в мáрте мéсяце, зимóй (17 марта).

**СТАРОЙ ПРАЗДНИК:** На прáзникá-то рáньшэ шáньги пекли́. Прокóпьев день — *стáрый прáзник* нáш. Много *прáзникоф стáрых*. Рáньшэ попы ходили́ фсё с крестáми в Рожэствó, ф Пáску и фсе *стáры прáзники*. А тепёрь-то *прáзники стáры* не прáзными́.

**ПРЕЖНЕЙ (ПРЕЖНОЙ) ПРАЗДНИК:** Зáфра веть у нáс прáзник пивнóй *прéжний*, Прокóпйов день, пíво вари́ли. Ильи́н дéнь, *прáзник прéжный* деревéнскийй.

**РАНЕШНЕЙ ПРАЗДНИК:** Ну, *рáнешнийе прáзникá* не прáзновали.

**БЫВАЛОШНОЙ ПРАЗДНИК:** Запомнилось мне да и многим моим сверстникам *бывалошние съезжие прáзники* правда почему то, только зимние. В нашей деревни был Николин день (дневник).

**ВЕКОВЕЧНОЙ ПРАЗДНИК:** Это *вековéчной прáзник*. *Вековéчной прáзник* — Ильи́н дéнь. Петрóв дéнь — *вековéчной прáзник*.

**ВЕКОВОЙ ПРАЗДНИК:** *Вековóй* в деревне прáзник. Тот *прáзничёк вековóй*.

Дни поминовения усопших, в которые было принято ходить на кладбища, назывались **РОДИТЕЛЬСКИМИ ПРАЗДНИКАМИ**. Обычно они были приурочены к ближайшей к празднику субботе, вследствие чего назывались родительскими суббота́ми. Исключение — *Радоница*, вторник через неделю после Пасхи.

*Пра́зьник роди́тельской* — хóдят на кладбище.

I.9. Лексема *праздник* сочетается с такими атрибутами, как *пивной* и *винной*, образованными от наименований спиртного, употреблявшегося на празднестве.

**ПИВНОЙ ПРАЗДНИК:** В воскресенье был *пивной пра́зник* (о Пасхе), пиво варили, у коло́ца или о́коло реки. Савватийев дeнь, *пивной пра́зьник*, после уборка. В Вилегóтске Трoица пивна́я, *пивной пра́зьник* этот, Троица. Сре́дний Спа́с — *пивной пра́зьник* был, пра́зьничали ра́ншэ. У нас в ийúне *пивной пра́зьник* бóдет. *Пра́зьник* был не престoльной, а та́к, *пивной*. То́лько я ма́ло варила пива, то́лько на *пивной пра́зьник*. У них престoльный пра́зьник *пивной*, пиво варя́т. *Пивной пра́зьник* был в Явзоре, пиво ра́ншэ фсё варили, пива́, оно́ и не хмелит. Рожeство ф Шардомени — *пивной пра́зьник*.

**ВИННОЙ ПРАЗДНИК:** Тепeря не поминки, а *пра́зьники винны* стрóят. То́лько залива́ют вино́м поко́йников.

I.10. Достаточно многочисленна группа атрибутивных сочетаний, в которых атрибут выражает идею совместности, собирания народа вместе для празднования, выраженную в глаголах, от которых эти атрибуты образованы: *съезжей*, *приезжей*, *сборной*. В деревню, где проходило событие, съезжались гости из окрестных деревень; часто празднования такого типа сопровождалось торгом.

**СЪЕЗЖОЙ ПРАЗДНИК:** У нас та́кой был обыча́й — *сье́жжой пра́зьник* — ро́цтвеники йeздят на го́зьбы. Да сра́зу оде́ца да и фсё, *сье́жжый пра́зьник* да и фсё. Приглаша́ли из други́х дере́вён называ́йеца *сье́жжый пра́зьник*. *Сье́жжый* как *пра́зник*, дак по дома́м собира́емся веть, там ка́ждый со своим придёт, а потoм ве́цер, собира́емся, ра́ншэ веть пове́ти бы́ли, не клу́п, пове́ть больша, танцуют.

**ПРИЕЗЖОЙ ПРАЗДНИК:** У нас вод богорóдица *прие́жжой пра́зьник*. Прие́жжа́ют, родня́-то с то́й дере́вни, з други́й, в го́сьти.

**СБОРНОЙ ПРАЗДНИК:** У ка́жного пра́зьника была́ сво́я дере́вня, *збо́рныйе пра́зьники* у нас.

I.11. Праздник может быть охарактеризован по типичному действию, которое принято делать накануне или во время праздника; часто праздник не мыслится без этого действия. Типичным действием на празднике было распитие спиртных напитков, в основном домашнего пива, о чем свидетельствуют сочетания лексем *праздник* с определениями *ПИТЕВОЙ*, *ПИТУЩЕЙ*: *Питу́шшы*

праздники были, фсяко своя родня, эка партия. Назафтре у нас *питевóй* праздник.

К группе наименований праздников, названных по характерному действию, примыкают названия тех событий, во время которых принято давать различные обеты (*обеты*) — *овещаться*, — **ОБЕТНЫЕ (ОБВЕТНЫЕ) ПРАЗДНИКИ**.

**ОБЕТНОЙ ПРАЗДНИК:** 19 мая *оветный* праздник, самый настоящий — Иев день. К Иеву дню моляцца, здоровья просят, овещаются, дал бы Господь здоровья, фсега хорóшего. Овещались не рóботать, *оветной* праздник — ходили по полям, прыскали, пеленá вешали на кресты. На *оветный* праздник пива наваря́т, по́па приво́зят на *оветный* праздник.

**ОБВЕТНОЙ ПРАЗДНИК:** Кану́н-то — *обветный* праздник, обещались они в деревне-то. Петров день — праздник бывалошной, *обветной* праздник.

По действию, предварающему празднование, назван **ОБЕЩАНОЙ ПРАЗДНИК**, устраиваемый в том случае, если выполнялась какая-либо общедеревенская просьба к святому — покровителю деревни в случае, например, выпадения дождя или прекращения засухи. Жители деревни ходили с крестным ходом по полям и давали обет устроить праздник в случае: Тогда́ таки́ *праздники обещаны* были (с крестным ходом ходят по полям и дают обет сделать праздник, если будет хороший урожай). *Обещанные* праздники не́ были ещё живы.

I.12. Атрибутивные словосочетания со словом *праздник* могут также характеризовать события церковного календаря с точки зрения народной мифологии, верований и представлений. В подобных случаях в роли атрибута выступает прилагательное, образованное от названия животного или насекомого, с которым традиционно связывается этот праздник.

**КОНИНОЙ ПРАЗДНИК.** *День великомученика Георгия Победоносца, 23.IV / 6.V: Конинный* праздник шэсто́го-то ма́я, Йего́рьев день. Коней́ водили́ ко кресту́. Фсе́ говорили́ *конинный* праздник шэсто́го-то ма́я.

**КОНСКОЙ ПРАЗДНИК.** 1. *День великомученика Георгия Победоносца, 23.IV / 6.V: Кóнской* праздник — на Це́ркву Го́ру ко́ней водили́. Йо́горий — кóнской праздник та́ко́й был. 2. *День святых великомучеников Флора и Лавра, 18/31.VIII.* Ф Федóве говорили́ «кóнский праздник» — Фролы́.

Связь этих праздников с конями обусловлена существованием множества легенд и сказаний, в которых Георгий Победоносец и мученики Флор и Лавр выступали в качестве покровителей этих животных. В эти дни на лошадях не работали, их мыли, расчесывали, украшали лентами, затем водили к церкви или часовне, где кропляли святой водой.

*КОМАРИНОЙ (КОМАРЬИН) ПРАЗДНИК. День святого Кирилла, архиепископа Александрийского, 9/22. VI: А Кирилов дeнь — фторoгo юлeя. Кирилов дeнь рaньшe назывaли комариный прaзьник. Комариный-то прaзьник ужe прoшoл. Кирилов дeнь, комариный прaзьник, 22 юнeя. Кирилоф дeнь, oнi и прилетaют нa oбeт, Комарьин прaзьник.*

День святого Кирилла получил такое народное название вследствие того, что начиная с этого дня в большом количестве появлялись комары.

*МЕДВЕЖЕЙ ПРАЗДНИК. Воздвижение креста Господня, 1/14. IX: Фс”e щитaли штo медвeжий прaзьник. У свекрoви-то свекрoфe не подумaлa, штo Здвiжeнью. Медвeжoй прaзьник, медвeди гулeют вo Здвiжoнью. У нeйo мaтeрь oтпрaвили нa угoдьe oсeнью. Нe подумaлa, штo Здвiжoньe, oтпрaвили йeйo мужу хлeп снести. В Воздвiжeнью медвeжий прaзьник. Медвeди гулeют.*

По приметам, на Воздвижение медведи выходили из берлог и «гуляли», находиться в лесу в такой день было опасно.

I.13. Гуляния по случаю окончания какого-либо вида сельскохозяйственных работ (см. четвертое значение слова *праздник*) обозначают сочетания *ОБСЕВНОЙ ПРАЗДНИК* и *БОРОДНОЙ ПРАЗДНИК*. В первом случае определение мотивировано видом соответствующей сельскохозяйственной работы, завершение которой празднуется.

*ОБСЕВНОЙ ПРАЗДНИК. Праздник по случаю окончания сева, приходящийся на второе воскресенье после Троицы. Опсевной прaзьник — фсе собирaлись нa Пeчьгoру, дeфки нарeдны в пoвeскaх.*

Во втором случае определение образовано метонимически, от названия ритуального объекта, выступающего обязательным атрибутом празднования. *Борода* — последний несжатый сноп нового урожая, с которым совершались обрядовые действия, продуцирующие плодородие. Как правило, *БОРОДНОЙ ПРАЗДНИК* устраивали по окончании уборки зерновых: Будут *бородной прaзьник* справлeть.

II. Лексема *праздник* также регулярно выступает в сочетании с глаголами.

II.1. Она сочетается с бытийными предикатами, утверждающими существование событий (предикаты в таких случаях могут быть выражены нулем). Сюда же относятся сочетания с глаголом *жить*, обозначающим наличие события: Богорóцкий *празник йесть*. Зьдесь *празник бывáйет* в этой деревне Николаю Чюдотворцу — весной, 22 мая и 19 декабря, два раза. Иш, севóдни *празник*, дак Бóг дождика дал. Лето сухяшчэ, а фчерá *празьник был*, дошть пошóл. За кáждой деревней *были* свои *празьники*, ф какой деревне назначен день, туда и ходили. Рожэсьво да Крешшэнье, Никóлин день — да фсяки *йесть* старинны *празьники*. На празьника-то рáньшэ шáньги пекли. Михáйлов день — тот на Нёмниге *празьниг живёт* только.

О праздниках, имеющих фиксированную дату, говорят, что они *живут в одно число*: Эти фсэ в *однó число живóт* праздники, переходят только Пáска да Трбица.

Праздники, отмечавшиеся в конкретной деревне, воспринимались как что-то, неотчуждаемое от нее, принадлежащее ей, закрепленное за деревней: *За кáждой деревней были свои празьники*, ф какой деревне назначен день, туда и ходили.

II.2. Лексема *праздник* сочетается с глаголами движения, что характерно для единиц с временной семантикой, например *прийти*, *пройти*, *отойти*, и представляется как нечто независимое от человека, приближающееся к нему, а затем отдаляющееся, что соотносится с утверждением о том, что «сакральное время праздника не зависит от воли человека и не подчиняется ей»<sup>13</sup>: Комариный-то *празьник ужэ прошóл*. Празьниг без драки — кáг жэ тák! *Празьник прошóл* — драки нé было. Бес пёсен старинных длинных ни оди́н *празьник не проходил*. *Празьник идёт* когда и до утра, каки и игроки соберуца. Штó-то я опсиделась в доме — празьникоф не зная. А *празьник придёт* — я и не здумаю, што *празьник пришóл*. Рожэсьво опять седьмого енваря, *прихóят* лётны *празьники*. Вот эти-то лётны празьники назывáli кану́н. Кану́ны-то *пройдóт* — и страдáть пойдём. Скóро у тебя *празьник отойдёт*.

Праздник также мыслится в пространственных категориях: он может находиться *близко* от говорящего: Посмотрю, *блиско*

<sup>13</sup> *Калиткина Г.В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2010. С. 18.

нёт ли *божэсвены прáзьники*. Это указывает на близость семантического поля «ПРАЗДНИКИ» полю «ВРЕМЯ», поскольку лексема *время* также сочетается с наречиями пространства (*время далёко*). Наличие таких сочетаний «развивает идею движения времени в пространстве»<sup>14</sup>.

II.3. Приближающиеся и уходящие праздники воспринимаются как нечто раз за разом повторяющееся, касающееся человека, уходящее от него и вновь возвращающееся, что говорит об их отнесенности к циклическому восприятию времени. О том, что праздники воспринимались в пределах циклического времени, как бы вписанными в круг, говорит и следующий контекст: *Ивáньдень тот тóжэ ф́ кругу́. Фсе крúпны прáзьники — ф́ кругу́, говоря́т*.

С одной стороны, круг — это символ, которым обозначались в Типиконе двенадцатые праздники. С другой — такое объяснение предполагается более вероятным, поскольку основано на народных представлениях — это круг, который солнце описывает в течение года. Циклическое восприятие времени — более архаичное, чем линейное, а значит, и в большей степени свойственно народному сознанию. Жизнь севернорусского крестьянина была тесно связана с земледелием, и от годичного движения солнца от зимы к лету и обратно зависело очень многое. Поэтому христианские праздники с фиксированной датой легко вписались в годовой солнечный круг, а Святцы стали основой для систематизации знаний и представлений о мире<sup>15</sup>. Символично, что датой рождения Христа, не указанной в Евангелии, было выбрано 25 декабря — дата, когда народы Западной Римской империи праздновали рождение солнца. Празднование Пасхи и всех подвижных праздников, зависящих от нее, в большей степени ориентировано на другой круг — лунный, поскольку соотносится с иудейским праздником Пейсах, дата которого определяется по лунному календарю. Однако солнечный круг тоже влияет на дату православной Пасхи: она приходится на воскресенье, следующее за первым полнолунием после 22 марта — дня весеннего равноденствия.

О том, что праздники выражают идею циклического восприятия времени, говорит также сочетаемость с глаголом *начаться*

---

<sup>14</sup> Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М., 2008. С. 103.

<sup>15</sup> Шангина И. И. Русские традиционные праздники. М., 1992.

(очевидно, что речь идет о событии, повторяющемся снова и снова, а не однократном): *Лётны прáзьники начну́цца*. Трóца — это ужé лётной прáзьник.

Удавшийся, правильно прошедший праздник *получается*, т. е. представляется как нечто завершенное, законченное, сделанное именно так, как следует: *Назáфтра на клáдбишшэ сходи́ли, фсé прийéхали, и какóй прáзьник получи́лся*.

Неудавшийся, прошедший не так, как подобает, праздник *идёт комом*: *Весь прáзьник кóмом пошо́л, омрачён*.

II.4. Лексема *праздник* также сочетается с глаголами событийной семантики *праздновать*, *пировать*, при которых занимает позицию объекта в высказывании. В этом случае обязательно есть или подразумевается субъект действия, который говорит о том, что праздник зависит от человека и не может состояться без его участия.

**ПРАЗДНИК ПРАЗДНОВАТЬ**: *Зáфра кану́н, послезáфра прáзьник будём прáзновать, наа шаньги пекчи́. Ф Крэц’егове прец’истый прáзьник прáзнуют. Ви́ш гоноша́т, прáзьник буду́т прáзновать. Прáзьники ра́ньшэ пу́шшэ прáзновали*.

**ПИРОВАТЬ ПРАЗДНИК**: *Прáзьникоф сейча́с на Берэ́зьнике не пирóют*.

II.5. Сочетаемость слова *праздник* с глаголами со значением ‘устроить, организовать’: *собирать (собрать), отвести, править, делать, созывать, заводить, гулять* показывает различные «способы обращения с сакральным временем <...> Внутренняя форма единиц репрезентирует отношение ко времени: долг человека блюсти, чтить» праздник и его «экзистенциальную полноту»<sup>16</sup>.

**СОБИРАТЬ (СОБРАТЬ) ПРАЗДНИК**: *Спа́сов де́нь, прáзьник собира́эт навёрно. Де́нег нёт, а прáзьник на́до собра́ть. Мужыки́ ра́ньшэ фсé помога́лися, а ма́ть хорошо́ держа́ли, прáзьник собра́ли. Прáзьник собере́м, склады́ню зьде́лам — и пля́шэм на пове́ти у кого́ ли. Ра́ньшэ вари́ли пи́во и собира́ли прáзьник. Нет, мы прáзников не собира́ли никогда́. Я йещé захвати́ла, когда́ де́душка, ба́бушка прáзьники собира́ли*.

**ПРАВИТЬ ПРАЗДНИК**: *Прокóпий прáзьник пра́вили. Ра́ньшэ прáзников заведе́т, бра́тшыну, жы́ли бедно́, оде́ть нечево́*.

<sup>16</sup> *Калиткина Г.В.* Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. С. 17.

**СДЕЛАТЬ ПРАЗДНИК:** Вот какой *празьник зделали-то* парню. А *празьника* большово я не созывала.

**ГУЛЯТЬ ПРАЗДНИК:** Раньшэ гуляли *празьники* хорошó. Раньшэ *празьники* фсе гуляли, пиво варили? Да *празьники* гуляли.

Сочетание с глаголом *отвести* выражает не только идею проведения события, но и то, что оно уже ушло в прошлое: Выпьют, ишшэ надо прибавить, *празьник был, отвелí* и хвátит.

Для описываемых выше событий характерно, как правило, значительное количество участников и застолье; в такие дни существовал запрет на работу и предписывалось выполнение определенных ритуальных действий.

**ПРАЗДНИКИ ПРОСЛАВЛЯЮТ** (возможно, это относится только к Рождеству — празднику, в который ходили по домам и славили Христа): Хтó *прослáвил* себдня *празьник-то* христóвой.

Праздник воспринимается не только как событие, но и как отрезок времени: чтобы вернуться к будничным занятиям, необходимо **ПЕРЕЖИТЬ** его: Я гу — пойдём, она шла в Нёноксу — она гыт нёт, *переживём празьник*.

Праздник мыслится как единое, стройное действие, проходящее по своим законам; если не соблюдать эти законы, можно **НАРУШИТЬ ПРАЗДНИК**: Вдрут заругающца — *празьник нарушат*.

В советское время **ПРАЗДНИКИ ЗАПРЕЩАЛИ**, т. е. не позволяли отмечать их как должно, как предписано традицией, например посещать церковь или отказываться от работы: А щяс *запрещишат* *ста́ли празьника́-то*.

П.6. Лексема *праздник* регулярно сочетается с глаголами движения, выражающими способ перемещения, достижения места, где происходит событие (*поехать, пойти, подойти, возить, ходить, ехать, уйти*). В подобных случаях слово *праздник* чаще всего употребляется с предлогом *к* в дательном падеже: А как *к празьнику пойдут* ну одешку надевают — шубы-ти, пальта, курты были, жакетки. Мы *пойехали* в Маслиху *к празьнику*. *Пошли* *к празьнику* за реку, были на празьнике. *Пошли* мы *к празьнику*, угостили, фсе лат-полады. К этому *пошла* *к празьнику* (в церкви) — хвись, и упала. Раньшэ нас ма́ма *возила* *к мясно́му празьнику*. У нас отец *ходил* *к празьнику-то*, дак вы́смотрел себе невесту. Мы *ходили* *к празьнику*, у нас Натáлья з зятем *ходила*. *К празьнику йехать* — такí пошавёнки бы́ли зделаны — ишо́ с рисунка́ми, досóчки там

вырезаны. Иш, я смеялася, говорю, мне нать севóдня к *празнику утí-то*, я говорю.

Также возможен и беспредложный родительный с архаическим окончанием: Это я *ходи́ла тово́ празнику* (ср. *сего́ дня*).

Подобную сочетаемость можно истолковать по-разному. Во-первых, может иметь место метонимический перенос значения — свидетельство того, что праздник воспринимался не только как событие, но и как место, на котором это событие происходило, например деревня, в которую съезжались на этот праздник, или церковь, или поляна, где шло гуляние.

Возможно также предположение, что сочетание лексемы *праздник* и глаголов движения с предлогом *к* свидетельствуют о некой персонификации события. В таком случае сочетание *ехать к празнику* соотносимо с таким сочетанием, как *ехать к матери*. Это может свидетельствовать об архаической черте одушевления праздника и восприятия события как нахождения у праздника в гостях. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что лексема *праздник* также сочетается с предлогами *у* (ср. *быть у матери*) и *от* (*идти от матери*): А нёт, фторóго-то я в Азаполье у *празника-то была́*. Ма́ма в цэ́рквы-то *была́ у празника*. *Иду́т они́ от празника* от Боду́хина... Са́ники зы́деланы — к *празникам* и́ли куды́ — повóска.

Возможно, праздник воспринимался как визит в гости к святому, в чью честь он устраивался, что подтверждает следующий контекст: У *празьника была́*, к *празьнику пошли́*, не говори́ли, к кому заходи́ли, а та́к: *была́ у празьника* в Дубро́ве, *была́ у Богорóдицы*.

Сочетание с предлогами *у* и *от* противоречит предположению о пространственном значении рассматриваемых предложно-падежных конструкций. Очевидно различие в семантике сочетаний *быть у площади, леса* и *идти от площади, леса* — здесь имеется в виду нахождение извне, у границы объекта, в то время как нахождение у *празника* подразумевает участие в событии, т. е. нахождение «внутри».

Слово *праздник* регулярно употребляется не только с предлогами, пространственное значение для которых основное (*к, у, от*), но и с предлогами, обозначающими как временную, так и пространственную отнесенность (*на, в, под* и др.). Как пишет Е. С. Яковлева, «перекодировка пространственного языка, перенос значения в другие сферы, отличные от “пространства”», возможен только по

направлению «пространство» => «время»<sup>17</sup>. *На праздник* ‘накануне праздника, в предыдущий день’: Я *на прázник* не делаю и *ф прázник* ничево не делаю. *Под праздник* ‘накануне, незадолго до праздника’: *Пот* какой *прázник* родился, такó имя и давали. *До праздников* ‘до начала праздников (вероятно, в течение постов, заканчивающихся большими праздниками): Какойе *до праздникóф* молоко не пьют. *Для праздника* ‘накануне или во время праздника’. А я сегодня *для прázника*, греховóдница, посьтирала, не знала. О *праздниках* ‘на праздник, во время праздников’: Сарофаны одéнут о *празниках*, во так привяжут, долгой дак в два ряды.

Употребление рассматриваемой лексики в винительном падеже без предлога имеет темпоральное значение ‘во время этого праздника’: *Этот прázник* нисколько не выпила, не пила ницего.

Лексема *праздник* может употребляться также в форме творительного падежа как единственного, так и множественного числа и иметь темпоральное значение (‘во время этого праздника’), сближаясь в этом с наречием (ср. *летом*): А гостили, с поселёнными после прёсти не стали, так ходили опеть, гостилися, собирая прázником, вина наберут, пива наварят и пируют, и день пляшут, и на другой пляшут, досыта напляшуща. Там *празниками* гостимся дак.

Слово *праздник* входит в состав фразеологических единиц. Возможно, не все они пока зафиксированы, но их число уже на сегодня превышает число фразеологизмов со словом *праздник* в современном русском литературном языке. Часть фразем, в которые включается рассматриваемая лексема, восходит к прототипическим свойствам праздника. Такой компонент значения, как ‘радость, веселье, обилие’ реализуется в следующих фразеологических единицах:

◇ И НА МОЮ УЛИЦУ ПРИДЕТ ПРАЗДНИК ‘о переменах в жизни к лучшему’: Мбжэт и *на мою улицу придёт прázника*, так оно и было, у неё праздник стал, а он всё и потерял. ◇ КАК У ПРАЗДНИКА — ‘много, обильно’: Они *идят как у прázника* на пожни-то, сено-то таскают. ◇ КАК НЕ У ПРАЗДНИКА ‘мало, скудно, небогато, недостаточно для того, чтобы отпраздновать как подобает’. В магазине возьмём пеценья да конфёт, *как не у прázника*.

Тот факт, что прототипический праздник должен сопровождаться распитием пива и / или других спиртных напитков, от-

<sup>17</sup> Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994. С. 55.

ражается в следующих сочетаниях:  $\diamond$  НЕ СПРАШИВАТЬ ПРАЗДНИКОВ ‘не ждать повода для употребления спиртного, пить в любой день’: Щяс *не спрашываюот прáзьников*, пьют в любой день.  $\diamond$  ВСТРЕЧАТЬ ПРАЗДНИК — пить спиртное, пьянствовать (либо прямое значение). Устьяна идёт, прáзьник фстречяёт (уже пьяная).

К этой группе примыкает и метонимическое выражение  $\diamond$  ВЫПИТЬ ПРАЗДНИК ‘отметить праздник, выпить в честь праздника’: Раньшэ *выпьют прáзьник* до прáзьника, вот бы́л ны́нцэ Ива́н дэнь — выпьют — погуля́ют да фсё.

$\diamond$  ХОТЬ ПРАЗДНИК, ХОТЬ РАСПРАЗДНИК ‘вне зависимости от повода, при любых обстоятельствах’: *Хóть прáзьник, хóть распрáзьник* — какой йёсьть, натурáльный (и на праздник не использовали косметику).

Таким образом, бытование общерусского слова *праздник* в архангельских говорах репрезентирует свою особую, специфическую картину мира, особенности миропонимания и мировосприятия, характерные для этой территории.

Особенно интересна связь, которая обнаруживается между прототипическими чертами праздника и характером его сочетаемости и составом значений. Переносные значения и фразеологические сочетания образуются на основании наиболее значимых признаков прототипического праздника, таких как отсутствие дел, веселье, обилие.

Лексема *праздник* в говоре обладает более широким кругом значений, чем в литературном языке (9 против 4), что в целом характерно для большинства (72%) общерусских слов<sup>18</sup>. При этом она сохраняет более архаичные, исконные значения, утраченные в литературном языке (например, значение № 4), что также характерно для общерусских слов, функционирующих на архангельских территориях. Слово *праздник* в говоре обладает более широкой, чем в литературном языке, сочетаемостью, как атрибутивной, так и глагольной, что отчасти выступает результатом большего количества значений. Также в говоре отмечено большее число фразеологических единиц, имеющих в своем составе лексему *праздник*.

<sup>18</sup> Пак М. К. Общерусское слово в диалектной системе. С. 15.

## ГОРОХ В ЯЗЫКЕ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО СЕВЕРА

*Аннотация.* В статье на основе анализа севернорусской диалектной лексики и фразеологии, фольклорных и этнографических данных описывается лингвоментальный образ гороха в народной культуре. В традиции Русского Севера горох как один из символов вегетативного кода культуры имеет концептуальные признаки «мужское» (и связанные с ним «эротическое», «твердое», «верх»), «предок» (и связанное с ним «начало/конец», «семья», «древнее», «потустороннее»). В статье сделана попытка интерпретировать происхождение некоторых севернорусских и общерусских идиом.

*Ключевые слова:* концепт, символ, народная культура, горох.

Изучение традиционной культуры как своеобразного «языка» предполагает выявление и описание единиц этой специфической «языковой» системы, их релевантных признаков. В качестве такой единицы может быть назван *концепт*, пучок ментальной информации, которая транслируется посредством знаков разных кодов культуры (вегетативного, зоологического, кулинарного и др., в том числе и вербального). Специфика языкового знака заключается в его способности эксплицировать любую из знаковых систем (язык как метакод), что дает возможность описания концептосферы культуры в виде своеобразного «словаря» (опытом такого описания выступает этнолингвистический словарь «Славянские древности»<sup>1</sup>). В свою очередь, описание языкового знака (лексемы) как одной из содержательных форм концепта культуры представляет собой новый подход к толкованию слов и словесных комплексов. Вследствие этого выявление и описание концептуальных свойств одного из знаков вегетативного кода культуры будет

---

<sup>1</sup> Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2009.

© Т. Н. Бунчук, 2012

строиться на анализе разных символических средств выражения концепта: не только этнографических и фольклорных (экстралингвистических) данных, но и на анализе их вербальных знаков: слов в совокупности их значений, значений их производных, а также их словоупотреблений (т.е. слов в их парадигматических связях и синтагматических возможностях).

Роль растений в русских традиционных представлениях весьма велика, что отражается в наличии особого вегетативного кода культуры. Однако при общей, национальной, специфике кода можно отметить и его локальные особенности. Они проявляются прежде всего в инвентаре и актуальности единиц концептосферы одного из вариантов народной культуры. В культуре Русского Севера концептуальной (символической) значимостью, наряду с репой, редькой, капустой, луком и некоторыми другими овощными культурами, обладает горох. Это отражается, во-первых, в использовании гороха в обрядовой практике, во-вторых, в существовании особых праздников, посвященных гороху; в-третьих, в способности денотата выступать основой для осмысления и представления других предметов и явлений, что находит выражение в словообразовательных и семантических производных с корнем *-горох-*, а также в идиомах, где в качестве одного их компонентов выступает слово с этим корнем.

О популярности гороха на Русском Севере свидетельствует наличие в народном меню многообразного количества блюд из гороха: *горохна* 'похлебка из гороха' (НОС II: 48), *гороховик* 'пирог с гороховой начинкой; булка из гороховой муки' (НОС II: 48; ОСВГ III: 81), *гороховатик* 'пирог из гороховой муки' (СВГ I: 124), *гороховка* 'вид киселя из гороха' (НОС II: 49), 'каша из гороховой крупы' (ПОС VII: 131), *гороховец* 'гороховый суп' (ПОС VII: 131), *гороховы шти* (Дуров: 84) др., а также *горохова шаньга*, *горохова калитка*, *горошной пирог* (АОС IX: 363) и даже *гороховый салат* 'винегрет' (АОС IX: 366), где в номинации отражена значимость гороха среди других овощей, входящих в рецепт этого блюда.

В севернорусских говорах производные с корнем *-горох-* широко используются для наименований других растений, имеющих близкое или отдаленное сходство с этим растением: *горох* 'растение *Astragalus* из рода двоебратных' (ОСВГ III: 81), *горецкий горох* 'бобы' (СВГ I: 123), *мыший / мышиный / мышачий горох* 'травянистое растение' (СГСРПО: 117; ПОС VII: 129; АОС IX: 363), *жаровин-*

ной / журавлиный горох 'травянистое растение, чина лесная' (СПГ I: 181; ПОС VII: 123; СРГК I: 123), горошек 'морская водоросль, имеющая плоды в виде горошин удлинённой формы' (АОС IX: 367), заячий горошек 'травянистое растение' (СРГК I: 375), гороховина 'бобовое кормовое растение, вика' (СРГК I: 375), гороховник 'озерное растение, напоминающее горох' (ПОС VII: 132), гороховое дерево 'акация' (СРНГ VII: 68), а также горохва 'ботва картофеля' (СРНГ VII: 66). Кроме того, производные с корнем *-горох-*, развивая сему 'круглое, шарообразное' в севернорусской речи активно участвуют в наименовании предметов, характеризующихся этими свойствами: *горох* 'металлический набор, украшающий крышку хомута: мелкий, круглый, по три горошины слиты вместе' (ЯОС III: 100), *горох* 'крупные капли пота' (ПОС VII: 130), *горох* 'крупный снег' (СГРС III: 109), *горошек* 'искусственный или драгоценный камень в перстне' (СПГ: 263), *горошком* 'в зернах': *Раньше кофе в горошках был* (МСНАГ: 20), *горошница* 'мед в сотах' (СРГК I: 375), *горошина* 'о том, что напоминает горох' (АОС IX: 367). Такое широкое использование гороха в качестве базы для номинации говорит о том, что это растение входит в круг актуальных понятий севернорусской культуры, служит определённым эталоном для понимания и описания явлений действительности.

Значимость гороха в народной культуре Русского Севера выразилась в существовании особых праздников, символически отмечающих посев и уборку гороха. На Севере празднуют *Горошешник / Иова Горошешника* 'день именин св. Иова 6 мая, около этого дня начинают сеять горох' (Дилакторский: 90). Уборка гороха началась со дня Преображения Господня, который в народе назывался *Горохом* (олон., СРГНГ VII: 65), *Гороховым днем* (АОС IX: 363), *Гороховым праздником*, *Гороховым воскресеньем* (СГРС III: 111), *Гороха праздновать: Обыватели Шожмы в день Преображения Господня надевают праздничное платье и идут в гороховое поле, здесь они рвут горох, едят его, потчуют друг друга, поздравляя с «гороховым днем», «с горохом»* (Куликовский: 16). Уборка гороха как значимое в народной культуре событие (своеобразная доминанта этого времени) отразилась в таком словоупотреблении — *Гороху объелась 'родилась в августе': А первая-то дочь у меня гороху объелась, родилась уж в конце августа* (ФСРГ: 244).

Во всем комплексе концептуальных составляющих образа гороха на Русском Севере можно выделить ядерную, ставшую основой

для других символических осмыслений этого растения. Эта составляющая, как кажется, имеет соотнесение с мужским началом. В качестве подтверждения можно привести общерусские слова и выражения *Покатигорошек*, *царь Горох*, *дядя горох* (см. *Дядя горох, не видал моих коров?*<sup>2</sup>), *шут гороховый* — именованья мужских персонажей, а также севернорусское выражение *горохова жена* ‘любительница есть горох’ (СГРС III: 109), где матримониальное имя косвенно указывает на «мужские» качества гороха. Думается, что и грамматическое оформление слова в русском языке может быть использовано как дополнительный аргумент, так как семантика категории рода могла отражать свойства, приписываемые денотату народным сознанием.

В свою очередь, символическое понятие «мужской» в традиционной культуре включает в себя такие смысловые элементы, как *эротическое* (связанное с деторождением, половой сферой), *твердое*, *верх* (имеющие символическую перекличку с *эротическим*<sup>3</sup>), *предок* (а также смежные с этим понятия *начала и конца*, *древнего*, *оберега*, *семьи*, *потустороннего*, *нечистого*).

Связь гороха с мужским началом и прежде всего с зачатием, любовными отношениями между мужчиной и женщиной выразилась в представлении о том, что горох мог быть причиной беременности. А. Н. Афанасьев приводит пример русской сказки о Покатигорошке, богатыре, который родился от горошины: «...взяла царица горошину и проглотила, и вот разбухло у ней во чреве зерно, сделалась она беременна и родила сына»<sup>4</sup>. Горох здесь, выступая как начало жизни, соотносится с зерном, зародышем: в тексте *горошина* и *зерно* выступают как синонимичные слова<sup>5</sup>. Такой взгляд на горох находит выражение в устойчивых сочетаниях и семантических производных, например, *горошку объесться* ‘забеременеть’ (СГРС III: 110), *горошек* ‘завязь плода травянистого растения’: *У черницы-то, наверно, горошек завязался* (АОС IX: 367). Соответ-

<sup>2</sup> *Даль В. И.* Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 135.

<sup>3</sup> См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

<sup>4</sup> *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 757.

<sup>5</sup> Соотношение с зерном, т. е. с хлебом, на Русском Севере очевидно выражено, например, молодые плоды гороха могут называться *шанежки*, так же, как изделие из муки (КСЛРК).

ственно и отношения между мужчиной и женщиной, следствием которых оказывается создание семьи и появление детей, могут номинироваться посредством гороха: *горошиться* 'гулять по деревне парами' (ЯОС VII: 101), *горох мять* 'гулять' (ФСПГ: 244). В русской традиционной культуре действия мять, трясти, бить, стучать могли символически выражать половой акт<sup>6</sup>. В связи с этим интересно именование процесса взбивания сметаны путем прерывистого энергичного действия, в результате которого появляются уплотнения в виде крупинки, — *горошить* 'ручным способом сбивать сметану на масло': *сметану горошишь — скружится она, и пахта отделяется* (АОС IX: 367), *горошиться* 'превращаться в комки в процессе сбивания сметаны в масло' (АОС IX: 367), а также семантическое производное *горошить* 'стучать' (СГРС III: 111). Не случайно в севернорусской свадьбе молодых при входе в дом жениха после венчания стегали (били!) гороховыми плетями<sup>7</sup>. Такое действие можно отнести к действиям продуцирующей магии для успеха брачной ночи, повышения плодовитости молодичицы, и оно вполне вписывается в эротическую символику ритуальных действий послевенечной части свадебного обряда.

Эротический образ гороха подкрепляется и его связью с зайцем и грибами. Заяц в севернорусской культуре имеет выраженное отношение к мужскому эротическому началу, будучи одним из символов плодородия<sup>8</sup>. Сопряжение *гороха* и *зайца* в лексической единице *заячий горошек* (СРГК I: 375), как кажется, определенным образом указывает на эту символическую связь. Еще более выражена связь гороха с грибами, подтверждающая, возможно, предположения об эротической составляющей концепта гороха. Почти повсеместно на Русском Севере известны названия самых различных видов грибов посредством слов с корнем -горох-: *гороховик* 'сыроежка' (СРГК I: 374), *гороховатик* / *гороховик* 'груздь' (АОС IX: 364), *гороховник* 'моховик, подосиновик' (АОС IX: 364). Известна русская загадка, где в отгадке оказываются сопряженными горох и грибы: *В поле-то го-го-го, а в лесах-то ги-ги-ги*<sup>9</sup>. Здесь же можно вспом-

<sup>6</sup> См.: Морозов И. А., Толстой Н. И. Бить // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 177–180.

<sup>7</sup> Плотникова А. А., Усачева В. В. Горох // Там же. С. 524.

<sup>8</sup> См.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 177–199.

<sup>9</sup> Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1978. № 2442.

нить и общерусское выражение *Давно, когда царь горох с грибами воевал* (Даль I: 382). Отсутствие конкретного соотношения гороха с определенным видом грибов говорит о том, что эта связь не носит бытового, материально-наглядного характера, а осуществляется на символическом уровне. Известно, что грибы имеют сложный мифологический образ в русской и, шире, славянской культуре, это один из древнейших концептов русской ментальности. В структуре этого концепта обнаруживается элемент, соотносящий грибы с эротической сферой, с мужским детородным органом<sup>10</sup>. В таком случае противостояние гороха и грибов в устойчивом выражении можно интерпретировать в том числе и как отражение брачных игр и с их противостоянием двух мужских начал. Принадлежность к одной символической парадигме русской культуры отражается и в других параллелях гороха и грибов, например, в связи с человеческим «низом» и нечистотами: *гузнострел, гузнопал* (орл. СРНГ VII: 209). *Гороха не ел, а брюхо пышет* 'об интенсивном газоиспускании' (КСРГРКСО), *Горох да репа животу не крепя* (Даль I: 382) (ср. *Гриб да огурец в ж... не жилица* (СГЛРК)). В свою очередь, человеческий низ — зад и гениталии — имеет мощную символическую нагрузку в народных представлениях: это область плодородия, рождения новой жизни, но под влиянием книжной культуры ее оценочная характеристика сместилась в область неприличного, презренного, хотя и могла актуализироваться в народной смеховой культуре.

Эротические ассоциации метонимически соотносят горох с женщиной и с ребенком. Например: *Девку в доме да горох в поле не уберечь, мимо гороху да мимо девку так не пройдешь. Горох в поле что девка в доме: кто ни пройдет, всяк щипнет. Завидны девка в доме да горох в поле: кто ни пройдет, ущипнет* (Даль I: 381–382), а также такие употребления, в которых фольклорный прием параллелизма сопрягает понятия гороха и женщины: *Катилась горошинка — Ирушка хорошенька* (ПОС VII: 133), *Покатился горох По белому блюду. А ну, целуйся, дурак, А то любить не буду*<sup>11</sup>. Связь с женщиной, браком обнаруживается и в устойчивом выражении, номинирующем ритуальное поведение девушки, — *Горохвину повесить* 'дать отказ при сватовстве' (СГРС III: 110).

<sup>10</sup> См.: *Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах* // Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике: в 3 т. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. С. 756–812.

<sup>11</sup> ФА СыктГУ. Рукописное собрание из Лузского р-на Кировской обл. 2005-7.

Символическая связь с зачатием, а также объективные свойства растения — малый размер плодов — выразились в том, что на Русском Севере дети и детский возраст соотносятся с горохом: *горошинка* ‘ласковое обращение к ребенку’ (СГРС III: 111), *горох* ‘маленький ребенок’ (АОС IX: 363), *с горошину* ‘в младенческом возрасте’: *Ты еще была с горошину, а я уже бегал по-хорошему* (ПОС VII: 133). Нужно сказать, что признак ‘маленький, мелкий’ стал одним из доминантных признаков лингвоментального образа гороха в севернорусской и, шире, общерусской культуре: многие семантические производные в говорах и литературном языке развивают эту сему. Слова с корнем -горох- называют небольшие по размеру предметы или ассоциирующиеся с малым размером понятия, например, *горох* ‘мелкий отрывистый смех’ (ЯОС VII: 100), *горошина* ‘в выражениях: съел с горошину, т. е. почти что ничего не поел, находился день полуголодом’ (Дуров: 84), *горошистой* ‘величиной с горох’: *как горошистая, вот такенькая (картошка)* (АОС IX: 367). *Что-то под ногу попало, Маленька горошинка. Не буду краситься, белиться: Я и так хорошенька* (ПОС VII: 133); в загадках посредством гороха номинируются звезды, маленькие, в народном сознании, в сравнении с солнцем и луной, светила<sup>12</sup>.

Другой признак образа гороха — *твердость*. В славянской модели мира твердость — это характеристика мужского начала в противоположность женской мягкости. Сема ‘твердость’ обнаруживается в лексическом значении таких слов, как *горошек* ‘искусственный или драгоценный камень в перстне’ (СПГ: 263), *горошить* ‘стучать’ (СГРС III: 111) и т. п. Сам процесс сбивания сметаны имеет целью образования *твердых* комков. В свою очередь, твердость метафорически соотносится с несгибаемостью, упрямством: *Как (что) об стену (стенку) горох (горохом)* (ПОС VII: 130), *характер сбрызни горох*<sup>13</sup>, *горошиться* ‘задориться, ершиться’ (ПОС VII: 133). Косвенно, через антонимическое противопоставление, об «обычной»

<sup>12</sup> Маленький размер плодов растения находит отражение в русских загадках с отгадкой — горох: *Малы малышки катали катышки, сквозь землю прошли, по тычинке вползли, синю матку нашли* (Митрофанова В. В. Русские народные загадки. № 2447). А. Ф. Журавлев, рассуждая о формировании фразеологической единицы *Царь Горох*, говорит именно об этой доминанте образа гороха — маленький, вписывая имя *Горох* в ряд слов со схожим семантическим признаком: *гвоздик, копыл* и т. д. (Журавлев А. Ф. Кто такой царь Горох // Русская речь. 2010. № 2. С. 111–116).

<sup>13</sup> *Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья*. СПб., 1997. С. 47.

твердости гороха свидетельствует такое выражение — *мягкий горох* 'покладистый, уступчивый человек': *Вася-то ведь не мягкий горох, он весь в отца* (ФСПГ: 244); наличие определения указывает на необходимость уточнить понятие, тогда как неуступчивый, твердый характер человека можно обозначить, по всей видимости, без такого уточнения, что свидетельствует о вхождении семы 'твердость' в структуру лексического значения слова *горох*. Твердость как свойство, имеющее отношение к гороху, проявляется в связи гороха с зубами — твердой частью человеческого организма, костью. На Русском Севере это выразилось в поверье, что от зубной боли можно избавиться, соблюдая запреты на употребление гороха: «У кого же болят зубы, тот не ест гороху до 3-го Спаса, от этого боль прекратится»<sup>14</sup>. Опосредованно связь зубов и гороха можно обнаружить в названии *мышовый / мышачий горох* (ПОС VII: 129), так как известно, что одна из концептуальных составляющих образа мыши — именно зубы<sup>15</sup>.

Еще один концептуальный признак гороха, отсылающий в том числе и к мужскому началу, это *верх*. Эта связь обнаруживается в известных вариантах сказки о горохе, вырастающем до самого неба, по стеблю которого поднимаются герои сказки<sup>16</sup>. Нужно отметить, что горох вообще устойчиво соотносится с «верхом», «небом». В русских загадках горох выступает в качестве заместителя звезд: «Выгляну в окошко, раскину рогожку, посею *горошки* (звезды)»<sup>17</sup>; «Рассыпался *горох* по всей Москве, по всей Вологде (звезды)»<sup>18</sup> и т. д. По народным поверьям, много ярких звезд на небе в Рождественскую ночь предвещает урожай *гороха*<sup>19</sup>. Кроме того, в русской народной культуре горох соотносится с птицами,

<sup>14</sup> *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губ. // Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1890. Т. LXIX, вып. 1. С. 33; а также: «Считалось, что если съесть горох на Святки или на Масленицу, то у человека начнут болеть зубы» (*Плотникова А. А., Усачева В. В.* Горох. С. 524).

<sup>15</sup> В народной культуре Русского Севера было принято выбрасывать с приговором выпавшие молочные зубы именно мыши (см.: *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 403–415).

<sup>16</sup> *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. С. 760; ФА СыктГУ. Собрание из Опаринского р-на Кировской обл. 2207-1.

<sup>17</sup> Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. М., 1995. № 1863. С. 289.

<sup>18</sup> *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1994. С. 591.

<sup>19</sup> *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. С. 761.

что нашло выражение в таких номинациях, как *журавлиный горох*, *гусиный горох*, *горох воробьиный* (Даль I: 382).

Признак «мужское» обнаруживает себя и в другом комплексе концептуальных составляющих гороха, который можно обозначить как «предки». Концепт «предки» в народной культуре включает такие признаки, как *начало / конец, древний, мужской (человек), семья (род), оберег, мертвый (потусторонний)*. Анализ языковых, фольклорных и этнографических данных позволяет выявить эти признаки и в лингвоментальном образе гороха.

О соотношении с *началом (первым)* говорит символическая связь гороха с зачатием, а также наличие семантического признака ‘маленький’, устойчиво сохраняющегося в содержании понятия. В народном сознании все первое — это, как правило, маленькое, разрастающееся впоследствии до больших размеров. О соотношении с *концом (последним)*<sup>20</sup>, а отсюда ассоциативно и с *древним* свидетельствуют такие устойчивые выражения: *при царе Горохе, во времена, во дни царя Гороха* ‘в незапамятные времена, очень давно, в древности’ (ССРЛЯ III: 261), *считать горох* ‘быть очень старым, дряхлым’ (НОС 11: 14).

Предок — родоначальник, основатель сообщества, связанного кровными и другими родственными отношениями. Следовательно, он ассоциируется с собиранием, совокупностью, множеством. Лексическое значение слова *горох* в русском языке включает в себя сему ‘собирательность’, для единичности понятия используется производное *горошина*. Признак «собираение» имеет отражение и в загадке о горохе: *Стоит дом без окон, без дверей, а полон людей*<sup>21</sup>. В свою очередь, собираемость как понятие включает в себя признак дискретности, дробности, множества. Этот признак находит отражение и в концептуальном содержании гороха: в многочисленных текстах загадок о предметах, имеющих дискретную

<sup>20</sup> Общность, нерасчлененность понятий «начало» и «конец» очевидна: это выражается, во-первых, в наличии общего этимона, во-вторых, в семантической диффузии этих слов в говорах, например в говоре с. Лоймы слово *конец* может употребляться в значении ‘начало’: *Спела бы песню, да вот с конца-то никак вспомнить не могу* (КСЛРК). О связи со сферой плодородия, мужской силой может свидетельствовать просторечное слово-эвфемизм *конец* ‘мужской детородный орган’.

<sup>21</sup> Митрофанова В. В. Русские народные загадки. № 2454.

структуру (град, дождь, звезды, год, народ<sup>22</sup>) с единым зачином: *Рассыпался горох...*, где *рассыпаться* 'разделиться на более мелкие составляющие'; в производных *горошить* 'совершать прерывистые (!) движения', *горох* 'мелкий прерывистый (!) смех'. Представление о горохе как о выразителе совокупности, семьи находит отражение в севернорусских заговорных текстах и устойчивых выражениях: «*Семеро семейка — не кишит горох*»<sup>23</sup>; «*Девять горошин, десятая невеста — кони ни с места*»<sup>24</sup>; «*Три-девять пудов горох, три-девять пудов жених, три-девять пудов невеста — не взять коням с места*»<sup>25</sup>; «*Вот тебе, сивой, девять четвертей гороху, сват да сваха, жених да невеста, да черту большое место*»<sup>26</sup>. Колдун, произнося это заклинание, производит своеобразное «свертывание мира», он собирает воедино, в «один стручок», весь мир. Не случайно, действие с горохом и заговор осуществляются в свадебном обряде — комплексе действий по изменению и сакральному перестраиванию родового сообщества. Потеря семейных связей, одиночество также могут быть выражены в отталкивании от обратного посредством соотнесения с горохом: *как горох при дороге (долине)* 'без опоры, без поддержки' (ПОС VII: 130). Здесь горох, выросший у дороги, в долине, открытом пустом пространстве, не на гороховище, привычном (правильном) месте, где он растет среди множества других таких же растений, становится выражением социального одиночества.

В севернорусском народном сознании потеря родственных и социальных связей воспринималась как событие, опасное для человеческой жизни, ведь только в мире, в сообществе можно было сохранить спокойствие и благополучие. Именно поэтому в севернорусской традиционной культуре широко были распространены фольклорные обрядовые тексты, а также игры с мотивом собирания, объединения в группу, сообщество. Среди них обнаруживаются игры и соответственно игровые песни с образом гороха: *горох* 'игра' (ОСВГ III:81), *горохом играть* 'игра на летних игрищах': *В Троицу горохом играли. Встанут девки с ребятами, поют песню*

<sup>22</sup> См.: Там же. № 27, 28, 29, 33, 56, 300, 301, 321, 4938; *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1. С. 382.

<sup>23</sup> *Меркурьев И. С.* Пословицы и поговорки Поморья. С. 74.

<sup>24</sup> ФА СыктГУ. Собрание их Лузского р-на Кировской обл. 2056-17.

<sup>25</sup> Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. комментариев О. А. Черепанова. СПб., 1996. № 380. С. 101.

<sup>26</sup> *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. С. 759.

*про горох* (ФСНП: 244). Синкретичная, диффузная семантика творения, собирания, начала и конца, выявляющаяся в концепте гороха, находит воплощение в бытовавших на Русском Севере в виде игровых песен и игровых действий текстах *Vita herbae*:

Я куплю горошку на денежку.

*Мой горох, мой горох*

*Садовой полевой*

*С гороховиной горох*<sup>27</sup>

Как этот же горошек мочить поспел...

Как этот же горошек сидит поспел...

Как этот же горошек полоть поспел...

Как этот же горошек щипать поспел...

Как этот же горошек молотить поспел...

Как этот же горошек веять поспел...

Как этот же горошек молоть поспел...

Как из этого горошка пирожки пекчи...<sup>28</sup>

Станем, ребятушка, горошек сияти,

*Да ты, горох, мой горох, зеленой, молодой*

*Со (у) гороховиною горох.*

Станем, робята, горошек молотить...

Станем, робятушки, шаньги творить...

Станем, робята, шаньги пекчи...<sup>29</sup>

Как известно, в таких играх и соответственно текстах, их сопровождавших, реализовывала себя идея «магического круга жизни»<sup>30</sup>, где «жизнь» растения, поэтапно представленная от начала (посева) до конца (превращения в предмет культуры), служила магическим средством, т. е. средством воздействия на силы природы. Весьма выразительно то, что персонажем такого текста на Русском Севере выступает горох, чье концептуальное содержание также включает элементы *творение* (через *зачатие*), *собирание*, *эротическое* (ср. *горох с гороховиной*), *начало* и *конец*, а через это — *круглое*.

<sup>27</sup> Здесь и в следующем примере курсивом выделен рефрен, который повторяется после каждой строки.

<sup>28</sup> Народные песни, наговоры, загадки, скороговорки и пословицы, записанные в Александровской волости Соликамского у. Пермской губ. в 1890 и 1891 годах Действительным членом Общества П. А. Некрасовым // Зап. Уральск. Об-ва любителей естествознания. Екатеринбург, 1901. Т. 22. С. 142.

<sup>29</sup> ФА СыктГУ Вологодская обл. Тарногский р-н. П-5, №17.

<sup>30</sup> Толстой Н. И. Жизни магический круг // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 223–233.

В связи с этим уместно вспомнить, что концепт гороха также имеет составляющую 'круглое': *горошной* 'имеющий рисунок в горошек' (АОС IX: 368), *горошистый* 'в виде круглых зерен' (ПОС VII: 133), *горох* 'капли пота' (ПОС VII: 130); в загадке о горохе: *Кругленькой зернятко В сыру землю ушел, Синю шапочку нашел*<sup>31</sup>. В свою очередь, соотнесенность с кругом может отражать связь с оберегом, задача которого сохранить человеческий мир посредством символической актуализации границы человеческого пространства, находящегося внутри этого круга.

Однако предки — это люди, ушедшие за границу человеческого, своего мира, и поэтому они имеют те же свойства и признаки, что и потусторонние существа — невидимость, опасность, крайнюю степень проявления признака (*сверх*-). Невидимость в традиционной культуре могла в том числе выражаться через определение *серый*, т.е. 'никакой, неопределенный по свету и цвету'. Сходные представления о горохе можно, видно, обнаружить в севернорусской культуре и языке, например *бусник* 'пирог из гороховой муки' (СГРС I: 298, ср. *бусый* 'серый, дымчатый' СГРС I: 229); *горох нежится* 'дымка, тепло, тихая, пасмурная и теплая погода' (ЯОС III: 100)<sup>32</sup>, также через соотношение с мышью и зайцем, общее представление о которых формируется посредством серого цвета — *зайка серенький, серая мышь*. Признак крайней степени проявления признака можно обнаружить в выражениях *Как к (от) стене (ы) горох* 'ничего не действует, не оказывает никакого влияния на кого-либо' (ССРЛЯ III: 261); *Ну и характер, как сбрызни горох* 'говорится о «крутом» характере'<sup>33</sup>, а также в образе Покатигорошка: Покатигорошек — богатырь, обладающий необыкновенными, большими, чем у нормального человека, силой и способностями (он забрасывает пятидесятипудовую булаву в небо, при ее падении Покатигорошек подставляет руку — булава прогибается, а рука остается целой; Покатигорошек поедает за один раз 12 волов, 12 баранов и 12 кабанов).

Представление о связи гороха с потусторонним миром могут свидетельствовать и следующие факты: в современном русском языке употребляется выражение *Как, будто черти горох молоти-*

<sup>31</sup> Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Л., 1978. № 2445.

<sup>32</sup> Ср.: *Серый* о пасмурном дне; см. также *гороховый* 'имеющий цвет гороха; серовато-желтый с зеленым оттенком' (ССРЛЯ III: 261).

<sup>33</sup> Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. С. 47.

ли 'о рябом лице' (ССРЛЯ III: 261), где сопряженными оказываются горох и потусторонние существа; в севернорусской народной культуре известно поверье о том, что на гороховом поле живет *гороховица* (СГРС III: 110): «На Сяможенских полях (Вологодск. губ., Кадниковск. у) в летнее время особая кикимора сторожит *гороховица*»<sup>34</sup>. Горох соотносится с гадами, хтоническими, нечистыми существами, к которым русская народная традиция относит мышей, змей и некоторых насекомых, связь с ними нашла выражение в номинациях *мыший горох* и *гороховый слепень* (ЯОС VII: 101). Связь гороха со змеями отразилась в таком поверье: «Если убить весною змею, и, разрезав ей брюхо, положить туда три *горошины* и потом зарыть в землю, то вырастет дорогой цвет: сорви его, положи в рот — и будешь *знать все*, что на уме у человека»<sup>35</sup>. Это позволяет интерпретировать устойчивое выражение *Быть на уме с горошком* 'иметь заднюю мысль, быть себе на уме': *они [ряженные] на уме с горошком были: попоют — и давай им денег* (ПОС VII: 133). Тайные мысли, тайные знания, по народным представлениям, имеют безусловную связь с потусторонней (неявленной) действительностью, и знаменательно, что символическим выражением этой связи выступает горох.

Горох с таким выраженным соотношением с миром мертвым широко использовался на Русском Севере в гаданиях, ведь он, прочно ассоциирующийся с потусторонней действительностью, мог транслировать знания, которые человек не мог получить эмпирическим путем, увидеть невидимое и об этом рассказать. Возможно, не случайно в русской загадке горох и глаза, семантическое доминантное понятие которых 'видеть', оказываются соотносимыми понятиями: *Под порожком катаются два горошка* (глаза)<sup>36</sup>. Известны гадания с горохом: *горошиной гадали* 'гадание с помощью гороха': *горошину катают по листу бумаги, на которой написаны цифры, имеющие определенное значение* (АОС IX: 367), *горошинка* 'в гадании': *а бывало, загадаю, кину горошинку, кто выпадет*

<sup>34</sup> Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994. С. 58; а также: «Гороховое поле считалось местом обитания мифологических персонажей: русалок, кикимор, бабы-яги, железной бабы» (Плотникова А. А., Усачева В. В. Горох. С. 525).

<sup>35</sup> Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. С. 759; а также об этом см.: Плотникова А. А., Усачева В. В. Горох. С. 525.

<sup>36</sup> Митрофанова В. В. Русские народные загадки. № 1412.

(ПОС VII: 133), *варакуль* 'гадательная книга': *Варакуль был у нас горошину в круг бросаешь — на какую цифру упадет, в конце смотришь ответ, что будет скоро* (СГРС II: 23).

О связи гороха с культом предков в восточнославянской традиции может свидетельствовать праздник «комоедица» (о связи этого животного с культом предков известно<sup>37</sup>): «Празднование состоит также в потреблении обрядовых блюд, а именно: 1) сушеного репника...; 2) киселя — потому что медведь любит овес и 3) гороховых комов»<sup>38</sup>. В поминальной обрядности горох предназначался мертвым<sup>39</sup>. Как кажется, это нашло отражение в севернорусском устойчивом сочетании *отпевать горох* 'праздновать Горохов день' (КСЛРК), где просматривается символическая посвященность этого праздника также и предкам.

Наделенный народным сознанием признаками «невидимость», «крайность», «опасность», потусторонний мир — это еще и мир нечистый, имеющий порицаемые свойства — низменность (в том числе половая), плохое качество, ложь, воровство, грязь. Это нашло отражение в таких словоупотреблениях: *горошку объесться* 'забеременеть вне брака' (СГРС III: 111)<sup>40</sup>, *гороховая память* 'слабая память', *гороховые руки* 'неловкие, неумелые', *гороховый ум* 'небольшой, скудный', *гороховые слова* 'ничего не значащие' (ПОС VII: 132); *горох молотить* 'заниматься легким, необременительным трудом' (СГРС III: 109), *водка с горошком* 'некачественная водка' (ЯОС III: 25); *гороховое чудо* 'неодобр. О человеке' (АОС IX: 366), *пугало гороховое* 'о человеке, вызывающем смех своим видом и поведением' (ПОС VII: 132), *гороховое вешало* 'неуклюжий, неловкий человек' (СРГК I: 190). Относительно последних выражений, а также устойчивых сочетаний *шут гороховый*, *чучело гороховое* 'о человеке, нелепо, некрасиво одетом, имеющем нелепый вид; о человеке несерьезном, никчемном, служащим всеобщим посмеши-

<sup>37</sup> См.: Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. С. 159–176.

<sup>38</sup> Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях: в 3 т. Т. 3. СПб., 1902. С. 162–163.

<sup>39</sup> Плотникова А. А., Усачева В. В. Горох. С. 525.

<sup>40</sup> Здесь акцент на противоестественности, а значит, порицаемости такого зачатия.

щем, чудеке' (ССРЛЯ III: 260), можно выдвинуть предположение об их происхождении.

Возможно, выражения *пугало* / *чудо* / *вешало* / *чучело гороховое* и *шут гороховый* имеют отношение к наказанию за нарушение запрета есть овощи до срока. На Русском Севере известно такое «срамное» наказание: «...раздевают донага, обматывают снятой одеждой его голову и под руки проводят вдоль деревни. При этом всякий может ударить нарушителя, чего, однако, не допускают, а ограничиваются одним смехом»<sup>41</sup>. В пользу такого предположения говорит то, что в качестве ключевого, а потому постоянного во всех вариантах слова выступает *гороховый*, тогда как определяемое слово может варьироваться — *пугало*, *вешало*, *чудо*, *чучело*, *шут*. Этот персонаж вызывает смех своим видом, поведением, он выставлен на всеобщее обозрение, на нем сосредоточено внимание. Причина, по которой он выставлен «на позор», — воровство, нарушение правила. В свою очередь эти действия ассоциируются с поведением «чужого», а значит, имеющего признаки иномирности, что и должно быть выражено внешне: он одет по-другому (открыто то, что нельзя открывать, и закрыто то, что обычно открыто).

И действительно, горох в севернорусской народной культуре обнаруживает связь с воровством и обманом: *Наш горох всякому ворог — всяк его щиплет. Горох да репа — завидное дело: кто ни идет, урвет* (Даль I: 381). *Репа да горох сеют для воров*<sup>42</sup>. «*Вор горох: воду оставил, а сам ушел*»<sup>43</sup>; *горохом плести* 'придумывать, сочинять, фантазировать' (АОС IX: 369), *горохвину грести* 'обманывать, вводить в заблуждение' (СГРС III: 110). Кроме того, сема 'обман', возможно, имеет и иное «подкрепление» бытового характера: гада-

<sup>41</sup> Соколова Г. А. Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX века // Географическое общество СССР. Доклады по этнографии. М., 1967. С. 76, а также: «Так, например, в Вологодской губернии день Ивана Постного называется иначе "репным праздником", так как до этого дня "заказано" есть репу, и засеянные ею полосы должны оставаться неприкосновенными, под страхом "срамного" наказания. Самое наказание это тоже представляет собою вологодскую особенность. Оно состоит в том, что всякого, кого застанут в репище до Иванова дня, — будь это мужик, баба, парень или девка, — непременно разденут донага, обмотают на голове одежду, и в таком виде проведут вдоль деревенской улицы. При этом желающим предоставляется даже право бить наказываемого, хотя на практике никто этим правом не пользуется, а все ограничиваются смехом и шутками» (Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 408).

<sup>42</sup> Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. С. 17.

<sup>43</sup> Даль В. И. Пословицы русского народа. С. 509.

ния не всегда сбывались и потому могли оцениваться как лживые (см., напр.: *варакуль* ‘вид гадания’ и ‘лгун’ — СГРС II: 23). В свою очередь, семантический признак ‘обман’ развился в производном *горохвостину кидать* ‘говорить вздор, чепуху’ (АОС IX: 363).

Таким образом, анализ культурных знаков разной природы (языковых, фольклорных, этнографических) сделал возможным описать один из элементов концептосферы Русского Севера, выявить своеобразие выражения идеи плодородия, культа предков, характерных для севернорусской народной культуры.

#### СОКРАЩЕНИЯ

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой: Вып. 1–13. М., 1980–2010. Вып. IX. М., 1996.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1994.
- Диалекторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Диалекторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Дуров — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / изд. подгот. И. И. Муллонен, В. П. Кузнецова, А. Е. Беликова. Петрозаводск, 2011.
- КСГЛРК — Картотека словаря говора с. Лойма Республики Коми НОЦ СыктГУ «Духовная культура европейского севера России».
- КСРГРКСО — Картотека словаря русских говоров Республики Коми и сопредельных областей НОЦ СыктГУ «Духовная культура европейского севера России».
- Куликовский — Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- МСНАГ — Мотивационный словарь наречий Архангельских говоров. Даугавпилс, 1990.
- НОС — Новгородский областной словарь: вып. 1–13. Новгород, 1992–2000. Вып. 2. Новгород, 1992.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 3. Киров, 2004.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными: Т. 1–22. Л.; М., 1967–2011. Вып. 7. Л., 1986 (продолжающееся издание).
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера: т. 1–5 / под ред. А. К. Матвеева. Т. 2. Екатеринбург, 2002; Т. 3. Екатеринбург, 2005 (продолжающееся издание).

- СГСРПО — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.
- СПГ — Словарь пермских говоров. Вып. 1. Пермь, 1999.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / под ред. А. С. Герда. Вып. 1. СПб., 1994.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин: Вып. 1–43. М.; Л.; СПб., 1965–2010. Вып. 7. Л., 1972 (продолжающееся издание).
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. Т. 3 / гл. ред. К. С. Горбачевич. М., 1992.
- ФА СыктГУ — Фольклорный Архив НОЦ СыктГУ «Духовная культура европейского севера России».
- ФСПГ — *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: Вып. 1–10. Вып. 3. Ярославль, 1984.

## ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ В СИТУАЦИИ ДОЕНИЯ КОРОВЫ

*Аннотация.* В статье представлен анализ вологодских диалектных благопожеланий, зафиксированных в ситуации доения коровы. Внимание уделено их семантике, символическим значениям, структурной организации. Описание крестьянских этикетных выражений пополняет представления о культуре местного населения и особенностях реализации в его общении коммуникативного принципа вежливости.

*Ключевые слова:* народный речевой этикет, вологодские благопожелания в ситуации доения коровы.

Сфера крестьянского речевого этикета в последнее время изучается весьма продуктивно. В этом направлении заметны исследования Е. А. Вьюгиной<sup>1</sup>, В. Н. Гришановой<sup>2</sup>, И. Л. Желновой<sup>3</sup>, И. В. Козельской<sup>4</sup>, Г. Ф. Свиридовой<sup>5</sup>, О. А. Черепановой<sup>6</sup>, В. Н. Шемаро-

---

<sup>1</sup> Вьюгина Е. А. Единицы речевого этикета с компонентами «бог» и «мир» в говорах юга Нижегородской области // Русское народное слово в языке и речи: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Арзамас; Саров, 2009. С. 73–77.

<sup>2</sup> Гришанова В. Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры // Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 307–311.

<sup>3</sup> Желнова И. Л. Проблемы и задачи лексикографирования этикетных обращений // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. трудов. Ч. 4 / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда, 2010. С. 24–28.

<sup>4</sup> Козельская И. В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004.

<sup>5</sup> Свиридова Г. Ф. Об особенностях речевого этикета носителей современных русских народных говоров (на материале диалекта сел Хохольского р-на Воронежской области) // Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности: Материалы науч. конф. Воронеж, 1997. С. 35–37.

<sup>6</sup> Черепанова О. А. Общепородные и региональные формулы речевого этикета: комплиментарные обращения // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: сб. науч. трудов. Вологда, 1995. С. 169–176.

© Л. Ю. Зорина, 2012

вой<sup>7</sup> и др. Ряд публикаций осуществлен и автором настоящей статьи.<sup>8</sup>

Наблюдения над обозначенной выше темой проводятся нами с 1981 г. — со времени диалектологической экспедиции в Кичменгско-Городецкий район Вологодской области. Последовавшая затем многолетняя работа в деревнях Сямженского и других районов Вологодской области позволила создать своего рода матрицу, в которой каждому звену соответствовал определенный набор стандартных выражений. Впоследствии для активизации сбора материала был применен специально разработанный вопросник по речевому этикету. Определенные факты нашли также свое подтверждение при обследовании говоров по Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров<sup>9</sup>. К настоящему времени в картотеке, составленной на основе личных полевых наблюдений автора и пополненной в ходе работы над Словарем вологодских говоров<sup>10</sup>, представлено весьма значительное количество еще не изученных специфичных этикетных формул.

Попытка описать вологодские народные благопожелания привела к необходимости классифицировать материал по тем фрагментам действительности, которые значимы для крестьянской сферы русской жизни. Членение действительности на отдельные ситуации зависит от необходимости выполнения тех или иных работ, от повторяемости действий, от доступности их для визуального наблюдения и т. д. Спектр коммуникативных ситуаций весьма широк. Это ситуация доения коровы (*Река молока!*), стрижки овцы

---

<sup>7</sup> Шемарова В. Н. Концептосфера «Встреча / приветствие — прощание / расставание» в русском языке: системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

<sup>8</sup> См., напр.: Зорина Л. Ю. 1) Вологодские благопожелания в ситуации сенокосения // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: сб. науч. статей. Вып. 6. Иваново, 2010. С. 63–68; 2) Вологодские благопожелания при полевых работах // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: материалы Междунар. науч. конф. Псков, 22–24 апреля 2010 г. Ч. I. Псков, 2010. С. 74–78; 3) Море, река молока! // Вологодский ЛАД: литературно-художественный журнал. 1993. № 4. С. 23–25; 4) Чин да коромысло! // Русская речь. 2011. № 2. С. 94–100 и др.

<sup>9</sup> Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. 1–2 / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

<sup>10</sup> Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровой. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

(*Пух под ножницы!*), забоя животного на мясо (*Спорина в мясо!*)<sup>11</sup>, стирки (*Мыло в корыто!*), полоскания белья (*Беленько мыть!*), мытья пола (*Белые лебеди летят!*), рыбной ловли (*Щука на удю по целому пуду!*), сбора грибов и ягод (*Греби лопатой!*), кладки печи (*Дым в трубу!*), выпечки хлеба (*Спорынья в квашню!*), сбивания масла (*Масло желто да в крупиночку!*), черпания воды (*Чин да коромысло!*) и многие другие ситуации.

В этой сфере заметно выделяется как важная, необходимая, частотная ситуация доения коровы. В традиционной народной культуре доение коровы обставлено многочисленными ритуальными действиями и соответствующими им речевыми оборотами. Так, корову обычно старались оберегать от сглаза. Поэтому в первый день выгона животных на пастбище звучало пожелание хозяину: *Хорошему человеку в один глаз соли, в другой — песку* (В-У). Эти слова произносились для того, чтобы, по поверьям, никто не смог причинить вреда скотине. Выгон животного для летнего выпаса сопровождался также ритуальными словами самой хозяйки: *Пеструшка-матушка, поди на волю, щипи траву шёлковую, пей воду серебряную, напивайся, наедайся, к вечеру домой возвращайся!* (Ник.). В современной народной речи зафиксированы факты использования заговоров: *Стоит гора высокая, стоит она, не качается. Стой матушка коровушка, головушкой не верти, ногам не топай, хвостиком не маши! Во веки веков. Аминь!* (Тот.). Частотны различные приговоры: *Стой горой, дой рекой!* — так говорят, когда начинают доить корову в первый раз (Сямж.). *Стой, коровушка, как горы стоят, не шевелятся* (Ник.). *Стой, коровушка, горой, бежи, молочко, рекой* (Ник.). *Как речка бежит, не перебежится, так моя коровушка дой, не переставай* (Ник.). *Матушка Бурёнушка, отдай всё молоко!* (Тот.). Перед доением коровы хозяйки совершали своеобразное ритуальное действие — брызгали первыми капельками молока на копыта корове: *Первые капельки ей на копыта. Всегда делаю. Почему — не знаю, а надо* (У.-К.). От самой хозяйки при выполнении работы требовалась опрятность, специальная одежда и определенное поведение. Женщине запрещалось, например, доить с непокрытой головой, быть при этом неподпоясанной или босой и т. п.<sup>12</sup> Осознавая важность соблюдения всех правил,

<sup>11</sup> Здесь и далее знак ударения ставится только в необходимых случаях.

<sup>12</sup> Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988. С. 157.

хозяйки по христианской традиции призывали на помощь и высшие силы: *Господи, благослови!* (Влгд.).

Выявленный нами набор благопожелательных фраз, обращенных к женщине при доении коровы, весьма значителен: *Море под коровой! Под коровой море, река молока! Море под корову! Море под кормилицей! Море под маткой! Море под Марью! Море из-под кормилицы! Море в-под кормильницу! Море под ногами! По морю в подоенку! Река молока, озеро сметаны, гора творога! Река молока! Молочная река! Ведро молока! Лейся, молоко, рекой! Молоко рекой! Молоко мёдом! Молоко в руки! Морем доить! Чище выдоить! Доить не передоить! К удобью! Дай Бог на полный подойник!*

Перечень этикетных формул не может, на наш взгляд, не вызывать восхищения. Это трудовые благопожелания, т.е. высказывания с коммуникативным заданием пожелания добра, блага в адрес женщины, доящей корову. Это стереотипные, устойчивые единицы народного речевого этикета. Формул большое количество, заметно их варьирование. Они суть единицы фразеологические. Однако фразеологичность их, как подмечено исследователями, особого рода. Одни авторы их совокупность называют полуфразеологией<sup>13</sup>, другие — особыми единицами незамкнутой структуры<sup>14</sup>. Анализируемые формулы, с одной стороны, примыкают к фактам междоветного характера (*Привет!, Пока!*), с другой — близки к феномену, который именуется текстом<sup>15</sup>.

В словарях русского литературного языка перечисленные выражения не представлены, ибо относятся они к сфере не общенародного этикета, а этикета простонародной, крестьянской жизни на локально ограниченной территории. Можно поэтому полагать, что выявленные благопожелания составляют определенную часть диалектных фразеологических средств.

Перейдем к рассмотрению зафиксированных благопожеланий, отмечая при этом значение формул, актуализируемых в них символические смыслы, иллюстрируя, где это оказывается возможным,

<sup>13</sup> Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 24–25.

<sup>14</sup> Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М., 1970.

<sup>15</sup> Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 168–208.

примерами живого употребления, а также характеризуя структуру формул.

**Море молока!** Скажут: *Море молока! Да мало кто на двор придёт, когда доишь.* (Тарн.). *Машка-то доит, а я говорю: Море тебе молока!* (Тот.)<sup>16</sup>. Благопожелание зафиксировано также в говорах Вологодского и Грязовецкого районов Вологодской области. Смысл благопожелания заключается в том, что женщине, доящей корову, желают *море*, т. е. большое количество, молока. Лексема *море* символически выражает понятие 'много, большое количество' и в русском литературном языке (БАС VI: 1261).

**Море под коровой!** *Раньше-то и коров, и овец держали почти в каждом доме. Теперь уж мало у кого есть. Так когда коров-то доят, то говорят: Море под коровой!* (Кир.). *Море под коровой, тёта Зина!* (Кир.). *Море под коровой! — ей говорят, а она — Спасибо!* (Шексн.). *Никак Аннушка корову-то доит? Море под коровой!* (Кир.). *А вот когда коровушку-то доят, говорят: Матушка! Море под коровой! А ей-то отвечаешь: Спасибо! или Спаси Господи!* (Кир.). Трансформация формулы дает такой смысл: <Я желаю тебе (вам) море (т. е. большое количество) молока>. В нашем распоряжении имеются также фиксации этого благопожелания в говорах Белозерского, Вологодского, Вытегорского, Сокольского, Сямженского, Тотемского районов.

**Море под корову!** *Если хозяйка доит корову, ей говорят: Море под корову!* (Хар.). *Когда доишь корову, дак говорили у нас: Море под корову!* (Тот.). Благопожелание фиксируется также в говорах Великоустюгского, Вологодского, Грязовецкого и Нюксенского районов. Формула *Море под корову (коровушку, бурёнушку, кормилицу, матуху, под коровушкой!)* известна архангельским<sup>17</sup> новгородским, карельским, ярославским, пермским, среднеуральским, свердловским, сибирским говорам (СРНГ XIV: 349; XVIII: 261). Обратим внимание на то, что СРНГ дает эти благопожелания без восклицательного знака. Учитывая выполняемые формулами функции (окликнуть доящую в темном помещении женщину, поприветствовать ее, пожелать ей успеха в деле), считаем необходимым для обо-

<sup>16</sup> В нашей картотеке имеются сведения и о населенных пунктах, в говорах которых регистрируются анализируемые благопожелания, однако в статье мы ограничиваемся только указанием районов.

<sup>17</sup> Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001. С. 286.

значения обычно присутствующей здесь восклицательной интонации ставить этот знак.

***Море под кормилицей!*** *Море под кормилицой!* (В-У). *Кормилицей, матушкой* и другими ласковыми наименованиями корову называют в крестьянском хозяйстве, имея в виду ее совершенно неопределимую роль в жизни семьи. СРНГ фиксирует это благопожелание, а также его вариант *Море под кормилицу!* в пермских говорах и говорах Среднего Урала, а также в говорах Прибайкалья (СРНГ XIV: 336; XVIII: 261).

***Море под маткой!*** Это благопожелание зафиксировано в Тотемском районе в составе диалогового единства: *Море под маткой! — Спасибо! Маткой* названа корова, дающая молоко. Молоко дает отелившаяся корова, т. е. *мать, матка* для появившегося на свет теленка. В русских народных говорах этим словом называют и женщину вообще, и крестную мать (СРНГ XVIII: 31). В вологодских говорах словом *матка* назовут женщину по отношению к ее детям, а также — но только в обращении — любую женщину (СВГ IV: 75). Вариант *Море под матуху!* обнаруживаем в пермских и свердловских говорах (СРНГ XVIII: 261).

***Море под кормильницей!*** Это благопожелание большого удоя зафиксировано в говорах Великоустюгского района. *Кормильница* — слово диалектное: оно не зафиксировано ни в нормативных словарях, ни в СРНГ, ни в СВГ. В народной речи понятие 'тот, кто дает пропитание' выражается, помимо литературных слов *кормилец, кормилица*, разными диалектными словами: *кормилка, кормильчик* (СВГ III: 105). Они употребляются также и по отношению к животным: *Кормильчик в стае живёт* (СВГ III: 105).

***Море под ногами!*** Благопожелание зафиксировано в говорах Сямженского района. Любопытно, что слово *молоко* здесь даже не фигурирует. *Море* — это все то же 'большое количество, обилие'; вспомогательный компонент *под ногами* конкретизирует указание на то, откуда берется это большое количество, обилие. Слово *вымя* тоже не произносится. Возникает некий отвлеченный образ. Возможно, это благопожелание в равной мере применимо и к ситуации доения козы.

***Море под Марью!*** *Море под Марью!* — *говорят доящей корову, всё равно хоть и Анна доит. А доярка отвечает: Спасибо!* (Тот.). Конкретную ситуацию, в которой прозвучало это благопожелание, восстановить уже не удастся. Но если бы корова имела клич-

ку *Машка*, то в уважительном *Марья* мы, возможно, видели бы подчеркивание роли этого животного в домашнем хозяйстве. Не исключается, впрочем, даже представляется предпочтительным, другой вариант. В этом благопожелании могла проявиться особенность старинных народных воззрений: чтобы не повредить делу, нужно дезориентировать, «запутать» того, кто может повредить хозяйке или ее корове. Упомянув некую условную *Марью*, люди верят, что отводят опасность от *Анны* или женщины с каким-либо другим именем.

***Море из-под кормилицы!*** (В-У). В этом благопожелании большого количества молока присутствует еще один нюанс значения — молоко нужно добыть, достать *из-под коровы*.

Итак, самые распространенные благопожелания — это формулы со словом *море*. Оно и в литературном языке выражает значение ‘много, большое количество’, но не молока — *море воды, море слёз, море крови, море голов* (БАС VI: 1260). В анализируемых благопожеланиях слово *море* обозначает большое количество молока. Слово *океан* в перечисленных формулах ни разу не встретилось. Становится понятным, что у народа, живущего вдали от моря, есть устойчивое представление о том, что именно *море* — это символ очень большого количества, обилия чего-либо.

В анализируемых формулах значение ‘большое количество молока’ возникает за счет вспомогательных компонентов фразеологизмов. Вспомогательный компонент выражает свое значение опосредованно: фигурирует не *молоко*, а *корова*, однако *корова* в хозяйстве существует главным образом для получения *молока*. Вспомогательный компонент может быть разным. Слова *корова, кормилица, кормильница, матка, матуха* при употреблении благопожеланий выступают в диалектном языке в качестве ситуативных синонимов. Они, как представляется, убедительно передают бережное, любовное, веками культивируемое отношение крестьянина к корове. Существительные могут стоять в разных падежных формах: *под корову, под кормильницу, под коровой, из-под коровы, из-под кормилицы*. Варьирование осуществляется за счет падежа — винительного или родительного — и предлога, конкретизирующего расположение желаемого *внизу, под чем-то*. Понимание всех этих благопожеланий связано с конкретной ситуацией, а зависимый компонент и передает именно ее.

Параллельно со словом *море* во многих благопожеланиях символическое значение обнаруживает слово *река*. Благопожелания с этим словом также выражают идею большого количества, обилия молока.

***Река молока!*** *Когда доят корову, дак «Река молока!» говорят* (Шексн.). Если слово *море* в нашем материале, как, впрочем, и в русском литературном языке, выражает просто обилие молока, то слово *река* передает идею большого количества, потока льющейся жидкости (БАС XII: 1178–1179). Так в благопожеланиях подчеркивается процесс доения. То, чего желают, выражается также через вспомогательный компонент формулы.

***Под коровой море, река молока!*** *Садисься первый раз под корову, так говорили: Под коровой море, река молока!* (Шексн.). Иногда для усиления эффекта, для большей выразительности коммуниканты объединяют в одно целое два пожелания. Судя по приведенному контексту, фраза восходит к старинным приговорам: так хозяйка сама себе призывала, накликала удачу, т. е. большой удой молока. Возможно, уже потом фраза превратилась в доброе пожелание стороннего наблюдателя доящей женщине. Обращает на себя внимание употребление в этой фразе обоих слов — и *море*, и *река*. Почему же здесь слова расположены в порядке убывания обозначаемого ими объема? Потому, вероятно, что слово *река* в этой фразе рифмуется со словоформой *молока*. Многие благопожелания в нашей картотеке действительно характеризуются ритмизованной структурой. В этом случае, как кажется, такая рифмовка делает концовку фразы более энергичной.

***Река молока, озеро сметаны, гора творога!*** *Река молока, озеро сметаны, гора творога!* — *говорят женщине, доящей корову* (В-У). Так хозяйке желают большого количества продуктов, получаемых благодаря наличию коровы в хозяйстве, — *молока, сметаны, творога*. Благопожелание строится с использованием амплификации — стилистической фигуры, благодаря которой в тексте достигается нагнетание, исчерпывающее перечисление синонимических тропов и однородных членов: *Река, озеро, гора...* — это названия больших, крупных объектов, употребленные в символическом значении. *Река* течет; *сметана* растекается круглым, как озеро, пятном; *гора* поднимается, возвышается. Факт фиксации этой формулы демонстрирует отменное красноречие говорящего и знание им традиционного заговора для повышения удоя молока: *Море мо-*

лока, озеро сметаны, река сливок, гора творога<sup>18</sup>. Любопытно, что слова *река* и *гора* в русском литературном языке означают 'большое количество, много', а слово *озеро* с таким значением оценивается словарями неоднозначно. Оно не фиксируется Словарем русского языка в 4 т. (МАС II: 602), но приводится в Словаре современного русского литературного языка (БАС VIII: 750).

**Молочная река!** *Молочная река! — Кисельные берега! — обе довольны* (Тот.). Как видим, здесь в отличие от формулы *Река молока!* используется согласованное определение. Реплика-стимул поддерживается репликой-реакцией аналогичной структуры. Явно ощущается фольклорное происхождение этого диалогового единства. *Молочные реки* и *кисельные берега* фигурируют, как известно, в сказках о сытой и привольной жизни (МАС II: 294).

**Лейся, молоко, рекой!** (Ник.). Это благопожелание, но обращено оно не к хозяйке коровы, а к желанному продукту — молоку. Сравним с уже приведенным ранее приговором: «бежи, молочко, рекой!» (Ник.). Определенную роль здесь играет употребление существительного *рекой* в наречном значении: *лейся рекой*, ср. в литературном языке *слёзы рекой*, *слова рекой*. Такие явления, как пожелание самому себе или пожелание не работнику, а продукту хозяйственной деятельности, наблюдаются и в некоторых других ситуациях.

**Молоко рекой!** — *Петровна! Корову доишь? Молоко рекой тебе! Когда корову доят, желают молока рекой* (Сямж.). Возможно, это преобразование предыдущей формулы. Но меняется характер интонации, смещается смысловой акцент: <Пусть молоко тебе (вам) льется рекой>. Наречное употребление слова *рекой* 'широким потоком, обильно, в большом количестве' знает и русский литературный язык: *слёзы рекой* (МАС III: 702).

**Ведро молока!** *Ведро молока, хозяйка! Хороши удои-то?* (Тот.). Формула фиксируется также в говорах Шекснинского района. В этом пожелании большого количества надоенного молока используется метонимия: *ведро* 'сосуд, емкость' — *ведро* 'количество надоенного молока'. При пожелании какого-либо измеряемого продукта подобные метонимические переносы обычны: *Яма картофеля!* — при уборке урожая картофеля. *Угол шерсти!* — при стрижке овцы и под. В русских народных говорах в ситуации доения коровы

---

<sup>18</sup> Русская ведунья. Православные молитвы, особые заговоры, магические обряды и ритуалы. — <http://www.znaiev.narod.ru>

фигурируют и другие названия вместилищ, сосудов, емкостей — *ведро, дойник, подойник* (ЯОС VI: 55–57), *подойница, подоенка* (СВГ VII: 102) и др. Важно при этом заметить, что традиционно использовавшийся для доения деревянный сосуд был довольно большим, широким и вмещал в себя около 10 литров молока. Следовательно, пожелание *Ведро молока!* — это тоже пожелание большого количества продукта.

Отдельную группу благопожеланий образуют формулы с главным компонентом, выраженным глаголом. Они также имеют общее значение пожелания хорошего, большого удоя.

***Морем доить!*** (Кад.). Это тоже пожелание большого удоя, пожелание, чтобы было большое количество, *море* молока. Словоформа *морем* выступает здесь в наречном значении — ‘обильно’, ср. в литературном языке: *литься рекой*. Но форма *морем* с таким значением не фиксируется нормативными словарями (БАС VI: 1260–1261).

***Доить — не передоить!*** *Доить — не передоить!* — *на хороший удой* (В-У). В структурном отношении это благопожелание вписывается в общий ряд широко известных благопожеланий: *Возить — не перевозить!* *Таскать — не перетаскать!*, употребляемых обычно при уборке урожая. По существу это тоже пожелание большого, обильного удоя. В этой формуле нет слов с символическим значением. Используемые однокоренные инфинитивы совокупно с отрицанием *не* подчеркивают обилие, большое количество получаемого молока.

***По морю в подоенку!*** (В-У). Имеется в виду, что желают каждый раз, в каждое доение (*утреинное, дневное и вечеринное*, как говорят на севере) получать в сосуд для доения *по морю молока*, т. е. по большому объему продукта. Деревянный сосуд с носиком, предназначенный для доения молока, называли диалектными словами *подоенка, подойница*. *Подоенку бери на мосту да иди дой корову. Чуешь, рыкает?* (Сямж.). *Корова утром только половину подоенки надоила* (В-У). *Подоенка это была. А на штё её сейчас, как коровы не держу?* (СВГ VII: 102). Как видно из примеров, половина *подоенки* — это небольшое количество молока. Хорошая корова называлась *ведёрницей*, поскольку давала по целому ведру, по целой *подойнице* молока: *Корова-то у нас ведёрница была* (Межд.). *Корова-то ведёрница, много даёт молока* (СВГ I: 59).

***Дай Бог на полный подойник!*** *Дай Бог на полный подойник!* — *Спасибо!* (Тарн.). Речь также идет о пожелании обильного удоя. Под

влиянием христианской традиции в благопожелании происходит объединение христианского и прагматического мотивов: <Дай Бог молока на полный подойник>.

В кругу зафиксированных формул встречаются и такие благопожелания, в которых содержится пожелание молока с хорошим вкусом.

**Молоко мёдом!** (Вож.). Это пожелание, чтобы молоко было, как и мед, вкусным, приятным, казалось сладковатым. Образ меда в народной системе речевого этикета всплывает не однажды. Так, по нашим наблюдениям, женщине, наполняющей ведра водой, также желают: *Водица мёдовица!* Т.е. вода должна показаться вкусной, приятной, должна доставить человеку удовольствие. Для меда важное качество — его сладость, для молока — его неповторимый, специфический вкус и достаточная жирность. Любопытна в этом отношении фиксация, однако без указания географии, диалектного благопожелания *Маслом цедить, сметаной доить!* в Словаре русского речевого этикета А. Г. Балакая<sup>19</sup>.

Выделяется и группа благопожеланий, касающихся самого процесса доения.

**К удобию!** *К удобию!* — пожелание хозяйке, которая доит коров (В-У). *Удобье*, по данным словаря В. И. Даля, — это ‘свойство и состояние удобного, способствующего, содействующих обстоятельств; сподручность, способность’, а *удобить* — это ‘делать удобным, приспособлять’ (Даль IV: 473). Приводимая в этом словаре поговорка *Удобье всякому делу подспора* как нельзя лучше оттеняет общий смысл благопожелания — пусть доить корову будет удобно, пусть удастся приспособиться к ее нраву и поведению. Широко известны распространенные жалобы женщин: «Корова не отдаёт молока». Если же корова стоит хорошо, хозяйку к себе подпускает, не лягается и не бодается, не размахивает хвостом, не опрокидывает ведро, то удобно и хозяйке, и корове. Так что пожелание *К удобию!* при доении коровы оказывается очень подходящим.

**Молоко в руки!** *Корову доить пошла? Молоко тебе в руки!* (Сямж.). *Нынче соседка доила корову, дак и я как раз тамо была. И говорю: Молоко вам в руки!* (Сямж.). Это — тоже пожелание удачной дойки, пожелание, чтобы молоко добывалось легко, без затруднений. Машинное доение — изобретение недавнего времени,

<sup>19</sup> Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М., 2001. С. 255.

а основным «орудием» доения всегда были руки хозяйки. Потому и сейчас от старых информантов слышишь: «*Руки больные, не могу обряджаться*». Но, как представляется, это благопожелание создает еще и эффект бережного отношения к молоку: драгоценна каждая его капелька, ни одна из них не должна пропасть без пользы.

**Чище выдоить!** (Кад.). Качественное доение — залог здоровья коровы. Если ее не доить должным образом, то отягощенное молоком вымя причиняет корове неудобство и животное беспокоится. Если же допускать это систематически, корова заболевает.

Таким образом, основные мотивы анализируемых благопожеланий — это большое количество молока (*море, река, ведро, поддойник*), вкусовые качества молока (*Молоко мёдом!*), удобство действия (*К удобью!*), хороший результат действия (*Чище выдоить!*). В приведенном наборе языковых формул используются только благопожелания. Негативных, недобрых пожеланий в описанной ситуации не зафиксировано. Исключение, быть может, составляет реплика *Чтобы коровушка злой ходила да чёрта родила!* (Вож.). Однако строгой привязки к ситуации доения коровы эта фраза не имеет.

Исторически подобные пожелания восходят к приговорам, заклинаниям, которые было необходимо произносить перед началом какого-либо важного дела. Традиция использования благопожеланий в анализируемой ситуации очень древняя. Известно, что употреблялись они и в античные времена. Так, в латинском языке засвидетельствовано благопожелание *Sic cytiso pastae distendant ubera vassae! Да раздуются (от молока) сосцы твоих коров, вскормленных клевером*<sup>20</sup>. В русской культуре при формировании набора этикетных формул для этой ситуации свою роль сыграли древние языческие представления народа, соответствующие им заговоры, а также уже более поздние христианские молитвы.

Вологодские благопожелания функционируют в речи как живые единицы. Их состав может осложняться вокативами (*Море под корову, Клавдия!*), указанием адресата: *Море (тебе, вам) молока! Молоко (тебе, вам) в руки! Ряд формул имеет парадигму (Молоко в руки! — Молока в руки!)*.

В составе рассмотренных благопожеланий используется несколько диалектных слов, придающих формулам местный коло-

<sup>20</sup> Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: 3-е изд. М., 1986. С. 707.

рит (это существительные *кормильница, матка, подоенка, удобье*, предлог *в-под*). Но и общерусские слова, своеобразно комбинируясь для выражения благопожелания, создают неповторимый, отличающийся от литературного языка эффект (*Молоко в руки!*, *Морем доить!*, *Море под Марью!*, *Море под ногами!* и др.).

Многие благопожелания функционируют в составе диалоговых единств, т. е. на эти пожелания обычно даются ответы: 1) — *Море под коровой!* — *Река молока!* (Шексн.). 2) — *Море под коровой!* — *Спаси Господи!* (Кир.). 3) — *Море под коровой!* — *Спасибо!* (Кир.). 4) — *Море под коровой?* — *Спасибо!* (Шексн.). 5) — *Дай Бог на полный подойник!* — *Спасибо!* (Тарн.). 6) — *Молочная река!* — *Кисельные берега!* (Тот.).

В первом случае видим благопожелание и следующую за ним оригинальную реплику-реакцию, поддерживающую благожелательную тональность общения и свидетельствующую о том, что адресат настраивается на заданную ему волну приятного общения. Во втором и третьем примерах ответом служат формулы благодарности, сформировавшиеся под влиянием христианской традиции (*Спаси Господи!* и *Спасибо!* < *Спаси Бог!*). В четвертом случае звучит этикетный вопрос, равносильный благопожеланию, и реакция-ответ, в которой звучит формула благодарности *Спасибо!* В пятом диалоговом единстве — и в реплике-стимуле, и в реплике-реакции — видим христианские мотивы. В шестом случае наблюдаем диалоговое единство с явно ощущаемой образностью, которая свидетельствует о фольклорной маркированности фраз. В процессе общения, как представляется, обе реплики таких диалоговых единств были одинаково обязательными. Неиспользование реплики-ответа, неумение или нежелание ее озвучить обычно воспринималось коммуникантами как неучтивость.

В речи жителей одной местности возможно употребление разных формул. Так, в деревне Куракино Кадуйского района записаны формулы глагольного типа *Морем доить!* и *Чище выдоить!* В говоре деревни Горбачево Великоустюгского района зарегистрированы благопожелания *Море в-под кормильницу!* и *Море из-под кормилицы!* В деревне Мякинницыно Великоустюгского района возможности выбора оказываются шире: *Река молока, озеро сметаны, гора творога!*, *Море из-под кормилицы!*, *Доить — не передоить!* Возможность выбора — свидетельство того, что диалекты позволяют избирать приветствие сообразно со вкусом и фантазией говоря-

щего. Умение использовать разнообразные языковые средства характеризует развитое языковое чутье и тонкий эстетический вкус носителей диалекта.

В традиционной русской деревне использованию этикетных выражений в различных ситуациях учили намеренно: *А как женщина на реке бельё-то полощет да ты мимо идёшь, скажи «Набеленько!»*. *И она тебе «Спасибо!» скажет*. *А как женщина корову доить станет, Море под коровой! говорят* (Кир.). Дети чувствовали ситуацию, наблюдали за общением взрослых, воспринимали необходимые реплики диалоговых единств, учились их правильно и к месту употреблять.

Некоторые наши информанты дают сведения о том, что в их говорах ситуация доения коровы словесно не оформляется. Поэтому в отдельных населенных пунктах пожелания знают, но отмечают, что звучат они редко: *Стоит корова, дак хозяйка закрывается. Иначе она не отдаёт молока. Надо тишина* (Кир.). В Кичменгско-Городецком районе собеседники сообщили диалектологам, что корову вообще доят *потайно*, т.е. 'тайно, скрытно'. Объяснили это так: доение коровы — действие, не подлежащее наблюдению чужих глаз, поэтому желать что-либо хозяйке в этом случае запрещается, чтобы «не сглазить», не причинить вреда. Таким образом, имеются основания говорить о характерном для некоторых говоров тематическом табу. В других же говорах этикетные формулы, оформляющие ситуацию доения коровы, свободно функционируют. Информанты подчеркивают свое знание этикетного поведения в этой ситуации: — *Море под коровой! — Река молока! Всё время говорят, ешио не брошено. Старый-то народ говорит, всё-таки мы ешио держимся, а молодой — нет* (Кир.).

Наши наблюдения над ареалами исследуемых формул еще только начинаются. Однако некоторые факты уже обращают на себя внимание. Сравнение вологодских материалов с данными Ярославского областного словаря убеждает в том, подобный набор изучаемых формул существует и в ярославских говорах: *Ведро молока! Дойник молока! Молоко рекой! Молоко ручьём! Море молока! Река молока! Колодец молока! Родник молока! Спорынья в молоко! Спорынья в дойник!* (ЯОС VI: 55–57). Ярославская и Вологодская области — это зоны традиционного животноводства, и там не могли не появиться эти эстетически совершенные формулы. Ввиду отсутствия законченных диалектных словарей других территорий

преждевременно судить о бытовании подобных благопожеланий в Архангельском, Костромском, Вятском или каких-то других регионах. В Словаре русских говоров Карелии в словарных статьях *ведро, кормилица, молоко, море, река, корова, дойник, мёд* и др. аналогичная информация не обнаружена, хотя в составе словника этого словаря встречаются даже некоторые поговорки, например: *Молоко у коровушки на языке* (СРГК III: 251).

В первом издании СВГ зафиксировано немного этикетных формул, но готовящееся второе издание, судя по дополнениям в карту-теку, включит в себя большое количество таких единиц. В вологодских диалектах в отличие от говоров многих других территорий система трудовых благопожеланий сохраняется. Вологодчина, таким образом, попадает в зону сохранения архаики. На Русском Севере было много очень маленьких изолированных сел, деревень, хуторов, сохранялось больше частных, индивидуальных крестьянских хозяйств. Вследствие этого сохранялись не только такие известные культурные ценности, как монастыри, иконы, старинные книги, но и единицы народного речевого этикета.

Система вологодских диалектных благопожеланий подвижная, динамическая. Наблюдения показывают, что многое в ней архаизируется. Наблюдаются случаи деэтимологизации, затемнения первоначального значения формул. Происходит разрушение стереотипных блоков, диалоговых единств. Уходит из жизни старшее поколение, и старинный этикетный лексикон оказывается в пассивном запасе диалектов. Вместе с тем с течением времени появляются и новые, ранее неизвестные формулы.

В настоящее время российское животноводство переходит на промышленную основу: теперь в редкой вологодской семье крестьяне содержат корову. Создаются большие новые хозяйства, осуществляется механизация и автоматизация животноводства, и в сельские магазины привозят молочные продукты в пакетах «Tetra-Pak». В этих условиях, как представляется, исчезает трепетное отношение человека к столь важному и любимому в каждой семье животному и, следовательно, к процессу его доения. Необходимость произносить ритуальные благопожелательные слова утрачивается. Но традиции вежливого, этикетного общения людей и соответствующий им набор формул заслуживают детального изучения и должны запечатлеться в народной памяти.

## СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ РАЙОНОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Блз.	—	Белозерский	Ник.	—	Никольский
В-У.	—	Великоустюгский	Сок.	—	Сокольский
Вож.	—	Вожегодский	Сямж.	—	Сямженский
Влгд.	—	Вологодский	Тарн.	—	Тарногский
Кад.	—	Кадуйский	Тот.	—	Тотемский
Кир.	—	Кирилловский	У.-К.	—	Усть-Кубинский
К.-Г.	—	Кичменгско-Городецкий	Хар.	—	Харовский
Межд.	—	Междуреченский	Шексн.	—	Шекснинский

## СЛОВАРИ

- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. VI. М.; Л., 1957; Т. VIII. М.; Л., 1959; Т. XII. М.; Л., 1961.
- Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. IV. М., 1978.
- МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева: 2-е изд. М., 1981–1984. Т. II. М., 1982; Т. III. М., 1983.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Т. 1–12. Вологда, 1983–2007. Т. III. Вологда, 1987; Т. IV. Вологда, 1990; Т. VII. Вологда, 1998.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. Т. III. СПб., 1993.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–43. М.; Л.; СПб., 1965–2010 (издание продолжающееся). Т. XIV. Л., 1978; Т. XVIII. Л., 1982.
- ЯОС — Ярославский областной словарь. Т. 1–10. Ярославль, 1981–1991. Т. VI. Ярославль, 1987.

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ЖА́КРА:  
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМАНТИКА,  
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ В НАРОДНЫХ ГОВОРАХ**

*Аннотация.* В статье излагается исследование происхождения существительного *жакра*, функционирующего в вологодских говорах. Это существительное не зафиксировано в словарях литературного языка и народных говоров. Посредством анализа его формальных и семантических связей с другими, родственными диалектными лексемами, в статье прослеживается путь семантического развития от исходного, древнего слова *жагра*, первоначально обозначающего одну из деталей оружия, до рассматриваемого слова *жакра*, номинирующего инструмент из обихода сапожного мастера. В статье исследуются направления семантического развития лексемы *жагра* и дается представление о единицах диалектного словообразовательного гнезда с корнем *жагр-*.

*Ключевые слова:* севернорусские говоры, семантика, словообразовательное гнездо, внутренняя форма, существительное *жакра*.

Обнаружение, фиксация и описание даже одной лексической единицы, особенно единицы диалектной, уникальной, функционирующей в определенном ареале и более нигде не отмеченной, имеет ценность для изучения языка в целом и народных говоров в частности. Во-первых, исследование такой территориально ограниченной единицы предотвращает ее утрату из общего диалектного словарика и, во-вторых, вскрываются ее связи со многими диалектными единицами, в том числе и имеющими иную ареальную принадлежность, семантическую структуру и фонетическую оформленность.

Посредством семантического и формального соотнесения исследуемой лексемы с теми лексемами, которые зафиксированы в диалектных (и не только) словарях, восстанавливается развитие словообразовательного гнезда целиком.

Интересно для описания слово *жакра*, отмеченное нами в речи коренного местного жителя, в прошлом сапожного мастера (г. Череповец Вологодской области, 1990 г.), в контексте «*шило с жакрой*», т. е. с выемкой, при помощи которой продергивается нить сквозь подошву и рант кожаной обуви с одной стороны на другую. Существительное *жакра* не представлено в диалектных словарях; неизвестно оно и литературному языку. Тем не менее возможно проследить происхождение этого слова, поскольку в народных говорах и в литературном языке сохранились семантические связи и имеют место родственные (в прошлом) слова.

Лексические единицы с корневой морфемой *жагр-* не зафиксированы ни в словарях литературного языка, ни в диалектных словарях. Лексем же с корнем *жагр-*, почти совпадающем в фонетическом отношении с корнем *жакр-*, довольно много. Это и существительное-полисемант *жа́гра*<sup>1</sup>, и его омоним *жа́гра*<sup>2</sup> (СРНГ IX: 56), и другие существительные *жа́гринa*, *жагрина́* (НОС II: 119), *жа́гор* (ССРНГД:162), *жа́гара* (СГП I: 205), и прилагательное *жагряный* (СРЯ XI–XVII,5: 69), и глаголы *жа́грить*, *жагра́нить* (СРНГ IX: 56). Как выяснилось в процессе анализа семантических параллелей, эти слова с корнем *жагр-* и слово *жакра* имеют общее происхождение.

Среди лексем с корнем *жагр-* отмечаются явно соотносимые семантически с вышеуказанным значением слова *жакра* 'выемка, при помощи которой продергивается нить сквозь подошву и рант кожаной обуви с одной стороны на другую'. Так, в одном из лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лексемы *жагра*<sup>1</sup> «выемка в столбе (опоре) изгороди». В *жагры вкладываются перекладины* (СРНГ IX: 56), зафиксированном в пермских говорах, которые так же, как и вологодские, относятся к севернорусским, отчетливо прослеживается семантическое сходство со словом *жакра*. И приведенный выше ЛСВ, и слово *жакра* номинируют именно «выемку» на объекте длинной, вытянутой формы; похоже и предназначение этой выемки — «вкладывание» в нее чего-либо: перекладин / нити. Можно говорить и о семантическом соответствии существительного *жакра* и существительного *жагра*<sup>2</sup>, представленного в «Словаре русских народных говоров» как омоним к *жагра*<sup>1</sup>; слово *жагра*<sup>2</sup> имеет значение «рыболовный крючок» *Когда зимой рыбалишь, то удочки без жагры*. Красноярск., 1967 (СРНГ IX: 56). «Шило с жакрой», выемкой, по форме (безусловно, отчасти) напоминает крючок. Интересно, что соотношение лексем *жагра*<sup>1</sup> и *жагра*<sup>2</sup> со словом *жакра*

показывает ныне практически утраченное, почти не ощущающееся в настоящее время родство обоих омонимов.

Обратимся к лексеме-полисеманту *жагра* (родоначальнику словообразовательного гнезда с корнем *жагр-*), один из диалектных ЛСВ которой был приведен выше как наиболее соответствующий семантически слову *жакра*. Исходное, первичное значение существительного *жагра*, на первый взгляд, не имеет ничего общего ни со значением «выемка в столбе (опоре) изгороди» существительного *жагра*<sup>1</sup> (СРНГ IX: 56), ни со значением «рыболовный крючок» существительного *жагра*<sup>2</sup> (СРНГ IX: 56). Однако же, хотя и отдаленная, очень глубинная, семантическая связь имеется.

Первичное значение слова *жагра* таково: «запальник (трут, фитиль на палке для запала пороха и запальное отверстие в казенной части мушкета, пищали)» (СРЯ XI–XVII, 5: 69), в этом значении слово было известно в XVI и XVII вв. То есть слово *жакра* обозначало определенное приспособление для разжигания, о чем свидетельствует внутренняя форма слова: *жагра* «древесная губка, трут, обгорелый фитиль. Связано с *жагать* ‘жечь’ из праславянского *gegra*)» (ЭСРЯФ II: 32). Непосредственная связь с огнем отчетливо проявляется еще в одном значении слова *жагра*, содержащемся в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «пиногорь, трут, древесная губа на трут и жженое тряпье» (Даль IV: 111). Как известно, трут также используется для получения огня: *трут* «фитиль или высушенный гриб трутник, употребляющийся для высекания огня» (БАС XV: 1061).

Итак, историческая связь слова *жагра* со словом *жечь*, сема «связь с огнем, зажиганием, жжением» послужила почвой для *первого* из направлений развития семантики этого слова. Такое направление оказалось весьма «перспективным» и нашло отражение в различных говорах. Свидетельством тому стала полисемия лексемы *жагра*, многие из значений которой так или иначе связаны с «огнем, зажиганием»:

- «трут» Костром., Преображенский [с пометой «обл.»] (СРНГ IX: 56) — собственно, трут и используется для зажигания;
- «отверстие у казенной части огнестрельного оружия, служащее для запала пороха, затравки» Перм., 1856 (СРНГ IX: 56) — как можно заметить, данный диалектный ЛСВ во многом напоминает вышеупомянутое первичное значение слова *жагра* «запальник...», деталь для зажигания;

- «лучина» Пенз., 1953 (СРНГ IX: 56) — этот предмет, используемый для освещения, именно зажигается и горит; кроме того, можно отметить сходство формы «фитиля *на палке*» (СРЯ XI–XVII, 5: 69) и лучины;
- «нагар на свечке» Симб., 1852, Даль (СРНГ IX: 56) и «смола, пригоревшая к стенкам казана при сухой перегонке, имеющая вид жесткого, ноздреватого, глянцевитого угля» (СРНГ IX: 56) — номинированные объекты представляют собою результаты горения, воздействия огня; ср. у В. И. Даля: «смб. нагоревшая светильня» (Даль IV: 111);
- «выварки, получающиеся при топлении коровьего масла; едят с блинами вместо масла» Твер. (СРНГ IX: 56) — предмет также представляет собою результат воздействия если не непосредственно огня, то высокой температуры;
- «сухой, тощий человек» (НОС II: 119); казалось бы, связи с огнем, горением в этом значении не прослеживается, однако эта связь неявна и опосредованна: сухой — то есть такой, который может вспыхнуть, загореться в результате действия огня. Такая ассоциация подтверждается наличием однокоренной лексики *жагрина* «сухой, поджарый, тощий человек» (НОС II: 119) — в толковании наличествует слово *поджарый*, также вызывающее ассоциацию с огнем, горением.

Как свидетельствуют даты фиксации различных значений слова *жагра*, первое, можно сказать, основное направление развития этого слова, а именно, реализация семы «связь с огнем, горением, зажиганием», было актуально и в XIX, и в XX вв. В этом плане интересно наличие достаточно современного значения слова *жагра* «буро-черная смолистая масса, используемая при устройстве дорог, тротуаров и пр.» *Жагру привозят горячаю. Жагрой дороги зльивали, паля кьла склада* (СБГ V: 56–57): тротуар — реалия вполне современная, так же как и современен процесс заливки его специальной массой; и в этом значении слова *жагра* называет нечто опосредованно связанное с огнем, горением, жаром, высокими температурами.

Развитие семы «связь с огнем, горением, зажиганием» продолжается не только в ЛСВ самого слова *жагра*, но и простирается дальше, проявляет себя в производных словах: *жагранить* «жарко топить печь» Нижегород., 1852; *жагрить* «жарко, сильно топить (печь)» Урал., 1958 (СРНГ IX: 56), *жагрин* «сухой, поджарый, то-

ций человек» (НОС II: 119), *жа́грин* «калёный (жжёный) кусок, частичка железа или другого вещества» *Вытюкивали на камне, жа́грин* с огоньком попала в глаз, глаз лопнул (НОС II: 119).

Второе направление развития семантики слова *жагра* связано с первым, можно сказать, следует из него. Как отмечалось выше, словом *жагра* обозначался «запальник (*трут*, фитиль на палке...», а *трут* представляет собой *высушенный гриб трутник*, употребляющийся для высекания огня. *Трутник*, гриб, паразитирующий на коре деревьев (чаще на коре березы), мог употребляться для высекания огня, т. е. в качестве *трута*. Итак, гриб, нарост, наплыв на дереве — что-то внешне примечательное, к тому же используемое в различных целях, и потому активно номинируется, в том числе и словом *жагра* и однокоренными ему словами.

В данном направлении развития существительного *жагра* сема «связь с огнем, горением, зажиганием» не востребованная, на первый план выступает сема «форма: нарост, наплыв на поверхности чего-либо». Ср. наименования разного рода образований на древесной коре: *жагра́* «березовый гриб» Влад., 1910 (СРНГ IX: 56), *жа́гор* и *жа́гра* «застывший сок на берёзе в виде нароста, употребляемый как лечебное средство или как заварка в чай» (ССРНГД: 162), *жа́гара* «грибной нарост на березе темного цвета». *Жалкь берёзу-ть жагарь съель, а какая была! На бирезах таки грибы растут, у нас называют их жагъры. Как лекарства пили жагъру от риматизма* (СГП I: 205). Аналогично, по сходству формы, называется и образование на теле человека: *жа́гра* «округлая выпуклость, нарост на теле; шишка». *У иваннъй жаны жагры на фсей гарбушы и на рукам с куринъя яйцо, ана гъварит, шть сафсем ни больна. Жагра — ну так эта пухлата такая, мы на шышки гъварим «жагра»* (СГП I: 205).

Отметим, что в слове *жа́грин* проявили себя как сема «связь с огнем, горением» (первое направление развитие слова *жагра*), так и сема «нарост, наплыв»: *жа́грин* «грибные наросты на деревьях». *На березах бугорки, на осинах — это жагрин... Мужики закуривали от жагрины: возьмут жагрину и кремень, зачнут колотить — жагрин загорится, и закуривают* (НОС II: 119).

Можно отметить и *третье* направление развития слова *жагра*, где в первую очередь актуализируются семы «форма + функция: часть предмета, по форме приспособленная для вкладывания, держания чего-либо». Эта сема представлена в значении слова *жагра*:

«ушастая палка для держки фитиля при пальбе, пальник» (Даль IV: 111), «железная или деревянная палка с железными ушками или щипцами на конце для вкладывания фитиля, которым при стрельбе из пищалей поджигался порох; пальник» (ЦС — электронная версия). Ср. также подробное объяснение детали орудия жагра: «изъ пушечныхъ принадлежностей XVII столетія доныне уцелела Жагра или пальникъ. Она состоитъ изъ железнаго винтообразнаго острія, длиною въ 1 аршинъ, насаженнаго на деревянное древно и имеющаго на средине шесть половинъ двуглавыхъ орловъ, коихъ клювы сделаны трубками, такимъ образомъ, что въ каждую вставлялся фитиль» (ИООВРВ). По-видимому, именно с этим направлением развития слова *жагра* связано возникновение вышеупомянутых значения *жагра*<sup>1</sup> «выемка в столбе (опоре) изгороди» Перм., 1964. (СРНГ IX: 56), и *жагра*<sup>2</sup> «рыболовный крючок» *Когда зимой рыбалишь, то удочки без жагры.* Красноярск., 1967 (СРНГ IX: 56), т. е. значений, наиболее близких значению исследуемого слова *жакра* 'выемка, при помощи которой продевается нить сквозь подошву и рант кожаной обуви с одной стороны на другую'. В значениях слов *жагра*<sup>1</sup> и *жакра* имеет место метонимический перенос «целое — часть», который проявил себя следующим образом. Изначально словом *жагра* обозначен запальник, «ушастая палка», «палка с железными ушками», эти же диалектные лексемы номинируют часть, деталь, содержащуюся на длинном, вытянутом предмете, напоминающем «палку»: выемка в перекладине, выемка шила. Семы «связь с огнем, горением, зажиганием» и «нарост, наплыв» в этом направлении оказываются не востребуемыми.

Исследование одного слова с неясной в современном языке внутренней формой, фактически утраченной этимологией требует обращения не только к словообразовательному гнезду (словообразовательное гнездо *Жакра* представлено лишь его вершиной), но и к этимологическому гнезду<sup>1</sup>, в которое включаются лексемы, исторически соотносимые с этим словом, без учета каких-либо восстановлений происхождения слова и развития его семантики невозможно.

---

<sup>1</sup> Маркова Е. М. Типология конвергентно-дивергентных отношений единиц праславянского лексического фонда в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. С. 13.

Так, в первичном значении слова отчетливее всего прослеживается внутренняя форма, затем в результате развития семантической структуры слова оно пополняется новыми ЛСВ, где связь с внутренней формой становится менее четкой и явной; следующий этап — образование слов-омонимов лексико-семантическим способом. Эта закономерность проявляет себя в развитии слов с корнем *жагр-*, *жакр-*. Исходное значение слова *жагра* содержало в прошлом формальную и семантическую связь с глаголом *жечь*; ряд ЛСВ и производных слов развивались именно в этом направлении, реализуя прежде всего сему «связь с огнем, зажиганием, горением». Иные производные ЛСВ/слова актуализировали сему, лишь опосредованно, ассоциативно передающую связь с огнем: «зажигание — трут — гриб трутовик — разного рода наплывы, наросты, напоминающие по форме этот гриб». Незначительное же количество ЛСВ/лексем (в том числе и слово *жакра*) реализовали другую сему, еще более удаленную от первоначальной: «зажигание — форма устройства зажигания + функция удерживания — предметы, отчасти похожие по форме и функции, но не имеющие никакой связи с огнем, зажиганием». Отметим, что существительное *жакра* изменило и свой фонетический облик, вследствие чего полностью утраченная внутренняя форма не способна указать на его происхождение. Таким образом, сопоставительный анализ семантики иных, фонетически близких диалектных лексем, а также анализ утраченных ЛСВ, ЛСВ-историзмов, позволил восстановить происхождение слова *жакра* и тот путь семантического развития, который привел к появлению у него именно такого значения.

#### СОКРАЩЕНИЯ

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.
- ИООВРВ — Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Т. I–XXXIV. СПб.; Л., 1899–1944. Т. I. СПб., 1899. — [http://www.viskovatov.narod.ru/T01/T01\\_07.htm](http://www.viskovatov.narod.ru/T01/T01_07.htm).
- НОС — Новгородский областной словарь. Т. 1–13. Новгород, 1992–2000.

- СБГ — Словарь брянских говоров / ред. В.И. Чагишева, В.А. Козырев. Вып. 1–5. Л., 1976–1988.
- СПП — *Войтенко А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1995.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров: Вып. 1–44. М.; Л.; СПб., 1965–2011 (продолжающееся издание).
- СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–29. М., 1975–20011 (продолжающееся издание).
- ССРНГД — Словарь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области / под ред. И. А. Осовецкого. М., 1969.
- ЦС — Церковнославянский словарь. — <http://www.orthodic.org/cs/>
- ЭСРЯФ — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

## ДИАЛЕКТНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ

*Аннотация.* На материале говоров Кубани уточняются признаки диалектных неологизмов, с учетом фактора исторического времени рождения слова выделяются актуальные и неактуальные неологизмы.

*Ключевые слова:* диалектный неологизм, актуальный неологизм, неактуальный неологизм, историческое время рождения слова, ономаσιологические процессы.

Изучение фактов лексической неологии в русских говорах началось с конца 20-х годов XX в. Подчеркивая чрезвычайную важность фиксации «знаменательных сдвигов в сельской речи», Ф. П. Филин писал в конце 40-х годов XX в.: «...на наших глазах происходят грандиозные изменения в языке деревни, вызванные социалистической перестройкой сельского хозяйства <...> То, что мы можем записать теперь, когда процессы изменений диалектной речи предстают перед наблюдателем в своем обнаженном виде, вряд ли смогут записать грядущие поколения ученых»<sup>1</sup>. В «Исследовании о лексике русских народных говоров»<sup>2</sup> ученый собрал и систематизировал значительный пласт лексико-фразеологических инноваций колхозной деревни, образующий одну из центральных групп словаря — сельскохозяйственную лексику.

В конце 60-х годов XX столетия Л. И. Баранникова, сопоставляя процесс неологизации в литературном языке и в говорах, приходит к следующему справедливому заключению: «...в литературном языке решающее значение имеют внутриязыковые факторы, т. е. утрата старых и появление новых слов связаны прежде всего с осо-

<sup>1</sup> Филин Ф. П. Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. 6. М.; Л., 1949. С. 7.

<sup>2</sup> Филин Ф. П. Исследования о лексике русских народных говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.; Л., 1936.

© О. Г. Борисова, 2012

бенностями развития самой языковой системы: новое слово, пришедшее на смену старому, обычно создается на материале данной лексической системы по ее законам <...> в диалектах часто имеем дело не с результатами внутреннего развития системы, а с воздействием извне, влиянием, идущим со стороны другой системы»<sup>3</sup>. Действительно, ономастиологические процессы в говорах по своему масштабу значительно уступают аналогичным процессам в литературном языке. В основном, по мнению таких диалектологов, как Л. И. Баранникова, О. И. Блинова, Н. А. Лукьянова, Р. И. Кудряшова, Т. С. Коготкова, Л. М. Орлов и др., перестройка лексических систем диалектов происходит за счет проникновения туда элементов литературного языка.

Выявление и описание диалектных неологизмов на разных этапах существования говоров — весьма важное направление диалектологических исследований, поскольку обновление лексико-фразеологического фонда — одно из неперенных условий в развитии и существовании любого естественного языка (диалекта). К сожалению, приходится констатировать, что в XXI в. исследовательский интерес к диалектным новообразованиям несколько угас. Изучение неологизмов, на наш взгляд, осложняется существенной теоретической проблемой, касающейся выделения объекта исследования, так как в отечественной науке до сих пор отсутствует четкая, опирающаяся на объективно фиксируемые признаки классификация новых слов. Цель настоящей статьи — рассмотреть лингвистическую сущность диалектных неологизмов, опираясь на материалы, зафиксированные в региональных источниках, отражающих диалектную лексику и фразеологию Кубани<sup>4</sup>.

Ключевым в определении понятия неологизма, бесспорно, выступает фактор исторического времени рождения слова. В этом смысле каждое слово принципиально можно считать неологизмом по отношению ко времени его первого появления, надо только знать, когда та или иная лексическая единица впервые вошла в язык. Следует признать, что уловить этот момент возможно далеко не всегда. Зачастую исследователь в состоянии лишь очертить временные рамки рождения неологизма.

<sup>3</sup> Баранникова Л. И. Русские говоры в советский период. Саратов, 1967. С. 93.

<sup>4</sup> Борисова О. Г. Кубанские говоры: Материалы к словарю. Краснодар, 2005; Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1992.

Так, в кубанских говорах серия слов и устойчивых выражений представляет собой диалектные инновации советского периода, отражающие перемены, связанные с установлением советской власти, колхозным строительством, утверждением нового, советского образа жизни. Приведем некоторые примеры, распределяя их по частям речи. Самую многочисленную группу составляют имена существительные: *бри(ы)га́да* 'место расположения хозяйственных построек бригады колхозников', *выхододни́* 'рабочие дни колхозников', *группово́дка* 'звеньевая', *депута́ция* 'женщина-депутат', *доя́рство* 'дойка коров', *зага́дчик* 'мужчина, созывающий на станичное собрание или на работу', *зага́дчица* 'женщина, созывающая на станичное собрание или на работу', *защи́тка* 'лесополоса', *зооте́хнычка* 'женщина-зоотехник', *зубни́к*, *зубня́к* 'врач-стоматолог', *зубны́ха* 'женщина-стоматолог', *ка́чественник* 'человек, контролирующий качество работы', *ки́нщик* 'киномеханик', *колхо́з* 'здание правления колхоза', *колхо́зница* 'сорт дыни', *конба́йн*, *ковба́йн*, *конба́йна*, *комба́йна* 'комбайн', *конбайне́р*, *конбае́р* 'комбайнер', *конбайне́рица* 'женщина-комбайнер', *конбико́рм* 'комбикорм', *кормя́ч* 'человек, ухаживающий за коровами', *котте́джа* 'коттедж', *куба́тор* 'инкубатор', *кукурузя́тник* 'самолет У-2 или АН-2; разг. кукурузник', *культу́рство* 'культура, образование', *лева́тор*, *лева́тра*, *элева́тора*, *элева́тра* 'элеватор', *легистра́ция* 'помещение, где регистрируют брак', *ленингра́дка* 'трикотажная мужская рубашка с короткими рукавами и воротником', *машиниза́ция* 'механизация', *морози́ловка* 'морозильная камера', *москвِي́чка* '1) женская короткая шубка свободного покроя с воротником; 2) мужское полупальто', *нау́чник*, *нау́чица* 'научный работник', *организа́торка* 'активистка', *площа́дка* 'детский сад', *плю́шка* 'женское полупальто из плюша', *поенка* 'работница фермы, выпаивающая телят молоком', *полива́ч* 'поливальщик', *похва́льный* 'похвальный лист', *почта́льонка*, *почта́рька* 'женщина-почтальон', *при(ы)ну́д* 'принудительная работа в колхозе за прогулы', *просторабо́чий* 'разнорабочий', *протуа́р* 'тротуар', *проце́нтищик* 'частное лицо, работающее в колхозе на уборке урожая за определенный процент от выработанного', *ры́бколхо́з* 'рыбколхоз', *рука́вщик* 'помощник комбайнера', *ру́пор* 'репродуктор', *совхозя́нка* 'работница совхоза', *станда́рт* '1) крытое помещение зерносушилки; 2) большой сарай для скота; 3) всякое большое помещение, напоминающее своим видом барак, сарай', *стардо́м* 'дом престарелых', *та́бор* 'полевой стан', *трикотя́н* 'трикотаж', *уда́рник*

‘воскресник’, *хапу́н* ‘мешок зерна, украденный колхозником с тока’, *хи́мика* ‘химикаты’, *холодя́нка* ‘холодильник’, *шведка* ‘мужская сорочка с короткими рукавами’, *электрика* ‘электростанция’ и др. Имена прилагательные и глаголы менее многочисленны: *бла́товый* ‘основанный на знакомстве, блатной’, *кремдеши́новый* ‘крепдешиновый’, *куба́торный* ‘инкубаторный’, *лева́торный* ‘элеваторный’, *полиро́ванный* ‘эмалированный’, *синтекти́ческий* ‘синтетический’ и др.; *зага́дывать* ‘созывать на станичное собрание или на работу’, *легистри́ровать(ся)* ‘регистрировать(ся)’, *напéниться* ‘возрасти (о задолженности)’, *стаханува́ть* ‘работать по-стахановски, перевыполнять норму’ и др.

Достаточно широко представлены в местном диалекте устойчивые выражения: *чу́ждый алемéнт* ‘представитель враждебной общественной среды’, *врач по живóтным* ‘ветеринар’, *с земли́ не выхо́дит* ‘длительное время работать в сельском хозяйстве’, *колхо́з «черво́но дýшло»*, *ре́панный колхо́зник* ‘простоватый, неотесанный человек’, *стаха́новский котел* ‘котел, в котором на полевом стане готовили еду для передовиков, стахановцев’, *би́лый мед* ‘сгущенное молоко’, *дава́льская мука́* ‘мука, которую колхозники сдают в общественную пекарню, а взамен получают готовый хлеб’, *мыть ножи́* ‘отмечать завершение уборки свеклы застольем’, *круглосу́точна(я) площа́дка* ‘круглосуточный детский сад’, *ста́рша(я) поенка* ‘старшая работница фермы, выпаивающая телят молоком’, *бы́страя по́мочь* ‘машина скорой помощи’, *в(у) ба́нках пря́тать* ‘консервировать’, *рожáть / роди́ть по-благоро́дному* ‘рожать / родить в больнице’, *спортме́нка по лисапедáм* ‘спортсменка, занимающаяся велоспортом’, *го́лый стил* ‘стол на полевом стане, за которым некалорийно кормили колхозников, не выполнивших норму’, *кра́сный стил* ‘стол на полевом стане, накрытый красной скатертью, за которым более калорийно кормили колхозников, выполнивших норму’, *уда́рить телегра́мму* ‘послать телеграмму’, *бескишóчный тра́ктор* ‘трактор с незакрытым двигателем’, *земляно́й тротуа́р* ‘дорожки, протоптанные в грязи прохожими’, *бу́ть в(у) тури́стах* ‘путешествовать по туристической путевке’, *брига́дная ха́та* ‘полевой стан колхозников’ и др.

Коллективизация, строительство колхозов и связанное с ними раскулачивание казаков проходили на Кубани сложно и драматично. Отношение к этим процессам было далеко не однозначным даже среди тех казаков, которые приняли советскую власть.

В начале 30-х годов XX в. возникли в кубанских говорах неологизмы с расщепленной коннотацией, имеющие разные оценочные характеристики для разных групп людей одного языкового сообщества: *раскула́чка* ‘раскулачивание’, *кула́чить* / *покула́чить*, *позакула́чивать* ‘раскулачивать / раскулачить’. См. записанные контексты: *Началась раскула́чка в тры́цятom годy: раскула́чивалы све-кра, свикру́ху, Олю мою́ з мужэ́м вы́гнали з до́му, огра́былы все. Э́то коммуни́сты и комсомо́льцы* (ст-ца Октябрьская). *Ста́ли кула́чить багаче́й* (ст-ца Марьинская); *Булы́ у нас куркули́, да йих в наймы́ ходы́лы, кула́чили йих, высыла́лы. Адна́ симья́ то́ко и вирну́лась у сваю́ хату́* (ст-ца Северская). *Мы биднякы́ булы́, а вони́ кулакы́. Йих кула́чили* (с. Большой Бейсуг); *Моя́ ма́ма стико́ нэрэжыла́: их покула́чили. Тоді́, як их покула́чили, оны́ лишэ́нцы* (ст-ца Вышестеблиевская). Отрицательной коннотацией обладает и существительное *комсю́к* ‘комсомолец’ (ср. *пац, пацю́к* ‘крыса’): *Люды́ схова́ють качаны́ кукуру́зы у плы́тку. Комсюкы́ и тудá лизу́ть, забыра́ють послідни́* (ст-ца Новомалороссийская). Датой рождения комсомола на Кубани считается 1 августа 1920 г. (в этот день в Екатеринодаре состоялся 1-й Кубано-Черноморский съезд РКСМ). В эти годы появилось устойчивое выражение *черво́на(я) хусты́на* ‘красная косынка, которую носили первые комсомолки’: *Я ф комсомо́л запыса́лась, наді́ла чирво́ну хусты́ну, ко́су пидстры́гла* (ст-ца Бриньковская).

Незадолго до Великой Отечественной войны на Кубани появились репродукторы в виде черной тарелки, которые вешали на стену. Их стали называть *шля́пами*: *А як ра́дио появи́лося, колхо́зникам тико́ провóдылы. Шля́пы такі́ булы́. И ба́бушка у нас була́ и ка́жэ: «Дэ вони́ ф шля́пи помища́юцца?»* (ст-ца Калужская). Появление в станицах радио породило в местных говорах устойчивое сравнение *балаку́чий як ра́дио* ‘о болтливом, разговорчивом человеке’. С довоенным временем связан и семантический неологизм — *бассейн* (диалектные варианты: *бассейна, бассейня, бассейнь*) ‘вырытая во дворе глубокая, обложенная кирпичом или зацементированная яма для воды, которую используют для хозяйственных нужд’: *Пато́м ка́ждый стал ф ка́ждам дваре́ бассейны́ де́лать. А у нас не́ была бассейна. И вот мы, ка́да дощ прашо́л, биги́м: «Тетья Ду́ся, дай вады́!»* (ст-ца Дмитриевская).

Часть неологизмов возникла в период Великой Отечественной войны. Словарь «Русский говор Кубани» фиксирует с пометой *нов.* существительное *оте́чественка* ‘Великая Отечественная война’.

На базе этого новообразования несколько позже появилось слово *отéчественник* ‘участник, ветеран Великой Отечественной войны’: *Дéда схарани́ла на вóсимдися́т пята́м гаду́, он атéчиствинник, он палу́чал харо́шую пéнсию* (ст-ца Архангельская). Во время войны возник лексический диалектизм *бензи́нка* ‘зажигалка’: *Мы паца́на́ми ис патро́наф в вайну бинзи́нки дéлала, ну зажыга́лки* (г. Усть-Лабинск). Многие информанты вспоминают, как в тяжелые военные и послевоенные годы из-за дефицита материи женщинам приходилось шить юбки из плащ-палаток. Так появился семантический неологизм *плащ-пала́тка*: *Ходы́лы в плащ-пала́тках Цэ ю́пка. Воны́ шылысты́ят. Я кажú: «На́дя, хто за на́мы го́ныца?» Вона́ ка́жэ: «На́шы ю́пкы́»* (ст-ца Копанская). К послевоенному времени относится семантический неологизм *сюрту́к* ‘стеганка’: *Мы на их казалы́ «сюрту́кы́». Таки́ шыы́ты. Зака́зывалы, вжэ появы́лася ма́тэрия, у ко́го по́сле войны́ пооставáлася плащ-пала́тка, и уто́ такы́ сюрту́кы́. Вона́ в ви́ди ку́рткы. Потóм ужэ назывáлы «стеганка». Вона́, мно́го до́рожэ́к прошы́то по нэ́и. И тудá ужэ ва́ту ста́лы умудря́цца запы́ховать. А ва́та — появы́вся хлопóк у на́с. По́сли войны́* (ст-ца Старотитаровская). У фонематического диалектизма *гума́га* ‘бумага’ появился второй ЛСВ ‘извещение о гибели’: *Война́ ко́нчилася. Пла́чуть, ту́жуть, абнима́ють, ра́дуюцца. А хто гума́гу палу́чил — плаче навзры́в. Ба́тька пагип за Ро́дину* (ст-ца Сергиевская). После окончания войны родилось устойчивое сочетание *писа́ть ро́зыскы* ‘разыскивать кого-л. официальным путем’. *Колы́ война́ ко́нчилася, писа́лы ро́зыскы, далы́ бума́гы, ще́ биз висти пропа́фшы вин* (ст-ца Старомышастовская). К послевоенному времени относится также слово *поса́дочни(ы)к* ‘бездомный человек, живущий в посадках’: *А ра́ньшэ бага́то по́сли войны́, казалы́ ста́ри лю́ды, шо поса́дочники, жыло́. Оцэ́ лю́ды, як ото́ щас биздо́мни, так уто́ булы́ ра́ньшэ поса́дочныкы* (ст-ца Пластуновская). Во времена Н.С.Хрущёва государство ввело налог за бездетность, который стали называть экспрессивно окрашенным выражением *бессты́жий на́лог*: *Я ище́ за́миж ни выхо́дыла, дитэ́й ни було́, и я платы́ла сто пи́шэ́т рубле́й, по-мо́иму, в год за то́, шо я оди́ночка. Ну и мы назывáлы бисты́жый на́лог* (ст-ца Калужская). В начале 50-х годов в кубанских станицах возникла мода шить праздничную женскую одежду, в том числе свадебные платья, из крепдешина, так в местном диалекте появился фонематический вариант слова литературного языка — *кремдышы́н*, отмеченный в говорах мно-

гих населенных пунктов: *Появѳвся вжэ кремдышыѳн у пишятых годѳх. У мѳнѳ на свѳйбу был рѳзовый крымдышыѳн, а у нѳй бѳлѳый, як сичѳс знѳю* (ст-ца Ахтанизовская). Можно назвать точную дату рождения неологизма на *Гагѳрына* — 12 апреля 1961 г.: *Я ж родѳла Тѳблика, сказѳлы, як рѳз на Гагѳрына, и кѳжуть: «Назавѳ Юрьем». А я нѳ люблю Юрьѳ. И назвѳла Тѳбликом* (ст-ца Новоберезанская). В 60-е годы в местные говоры вошли фонематические варианты *ниркомѳн, маркомѳн* ‘наркоман’, о чем свидетельствует следующий контекст: *Тудѳ их було ны тѳк богѳто, як сичѳс. Вырѳцивалы вонѳ коноплѳ. На нѳх кѳзѳлы «дурмѳны». А ужѳ ф шыстидѳсятых на нѳх стѳлы говорѳть «ниркомѳны»* (ст-ца Крыловская); см. также: *Молодежы богѳто бѳло, нѳякѳх ниркомѳнов, за чѳсно слѳво, и понѳтия ниркомѳнов нѳ было, че за ниркомѳны* (г. Еѳск). *Те, кто пѳют да маркамѳны, — те ни жывѳт* (ст-ца Архангельская). С появлением магнитофонов (конец 60-х — начало 70-х годов) связано образование в кубанских говорах диалектных фонематических вариантов *матихвѳн, матифѳн, матихѳн, матофѳн*: *И у прѳшлом гѳди такѳ молодѳи и красѳывы прѳхѳдылы, с матихвѳном булѳ, запѳсулы нас <...> У тѳм гѳди дивчѳта прѳхѳдылы до мѳнѳ, на матифѳн говорѳть просѳлы* (ст-ца Бородинская). *А он с матихѳнам приѳхѳл, так фклѳчѳл матихѳн, а я ни знѳла* (ст-ца Воздвиженская). *Дѳти купѳли мѳтафѳн, типѳрь мѳзыка алекаѳ* (ст-ца Архангельская). Ряд лексем называет транспортные средства, появление которых в местных станицах послужило толчком для таких инноваций, как *ахтѳбус, бѳбик* ‘легковой автомобиль с брезентовой крышей’, *вѳлис, вѳлос, лисапѳд, самокѳтка* ‘велосипед’, *мотоѳѳк, моѳѳклѳт* ‘мотоцикл’, *моторѳль* ‘мотороллер’, *пѳссажѳрка* ‘пассажирский автобус’, *похѳдка* ‘машина техпомощи’. С появлением общественного транспорта в местный говор вошли существительные: *ожидѳлка, ожидѳловка, ожидѳнка* ‘автобусная остановка’. Словарь «Русский говор Кубани» фиксирует у слова *ожидѳловка* еще один лексико-семантический вариант, представляющий собой результат метонимического переноса, — ‘сооружение на остановке автобуса для защиты от непогоды’.

Судьба зарегистрированных в кубанских говорах неологизмов сложилась по-разному: одни перешли в активный словарный запас носителей диалекта (*ахтѳбус, заѳѳтка, лисапѳд, почтѳльѳнка, почтѳрька* и др.), другие, так и не войдя в активный словарь, стали историзмами или архаизмами в «советский» либо в постсоветский

периоды (*кула́чить / покула́чить, позакула́чивать, самока́тка, черво́на(я) хусты́на* и др.). Необходимо признать, что даже наличие возможности определения у конкретных неологизмов более или менее точной даты их рождения не меняет сути дела. Общетеоретическое понятие неологизма не имеет четких хронологических границ, которые весьма размыты и изменчивы. Таким образом, временной критерий при определении понятия неологизма важен, но относителен и устанавливается конкретными задачами исследования. Постоянная новизна слов «логически немыслима и лингвистически несостоятельна»<sup>5</sup>.

Совершенно очевидно, что приведенные диалектизмы уже утратили свойство новизны, которое сначала померкло, а затем и вовсе утратило силу семантической актуальности неологизмов и их активности в коммуникативных процессах. Между тем ощущение новизны выступает релевантным признаком неологизма. Н. М. Шанский, уточняя этот критерий, вводит еще один, существенный, хотя и несколько субъективный, на наш взгляд, показатель — «свежесть» слова, подчеркивая, что «новое слово представляет собой неологизм лишь до тех пор, пока оно имеет на себе отпечаток свежести и стилистического своеобразия»<sup>6</sup>. Действительно, неологизмы, как правило, обозначают реалию, появившуюся недавно. Такие новообразования А. Г. Лыков называет *актуальными* неологизмами, т. е. неологизмами нашего времени, в котором живет носитель языка, в отличие от *неактуальных* неологизмов, привязанных к определенным историческим этапам<sup>7</sup>.

В кубанских говорах к актуальным неологизмам можно отнести, например, следующие лексемы: *бессме́ртник* ‘террорист-смертник’: *Од дурні ти бэссме́ртники: в Москвё бóмбу кы́нули* (ст-ца Платнировская); *коды́рство* ‘кодирование от алкогольной зависимости’: *И закоды́ровалы, а вин пье. Я кажú: «Сы́ла во́ли! Э́то коды́рство — сы́ла во́ли»* (ст-ца Ахтанизовская); *мо́тик, мо́пик* ‘сухопутный скутер’: *Мо́тики, воны́ с Корёйи чи с Кыта́я. Щас и бабушкы́ на мо́пиках* (ст-ца Старотитаровская); *кара́бка* ‘караоки’: *Тут у миня́ му́зыки мно́га и кара́бка; му́рзилка* ‘журнал секты «Свидетели Иего-

<sup>5</sup> Лыков А. Г. Асимметризм русского слова // Лыков А. Г. Вопросы русистики. Избранное: в 3 т. Т. 2: Лексикология. Краснодар, 2003. С. 121.

<sup>6</sup> Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1964. С. 157.

<sup>7</sup> Лыков А. Г. Асимметризм русского слова. С. 121.

вы»': Ходят эти сиктанты на станции. Мурзілак этих нанисут, я их ни читаю, а пёчку таплю; пандерс 'памперс': Раньше не была пандырсаф, просто свивали (ст-ца Архангельская); холод 'сплит-система': Типэр от этот холат наставылы, жарко у хати не будэ (ст-ца Новоластуновская); отслужка, услуга 'социальный работник': До мэне утром отслужка прыходыла, порядки наводыла — нычего найти не могу я (ст-ца Гривенская); А щас услуга прышла — харашо живем (ст-ца Архангельская); работат по старости 'работать социальным работником': Дочка работае на старости. Па дварам пасылае ухаживать за стариками. У нас многа старикóф, а ф стардóм ни хочуть (ст-ца Арх.ангельская); электросенс 'экстрасенс': Я на тиливизару видила электросенса, как вот называют щас (хут. Новопокровский); электрическа(я) грубка 'электропечь': У нас е микроволновка и эликтрическа грубка (ст-ца Копанская). В станции Новодеревянковской записано устойчивое словосочетание с ироническим оттенком — *лїхвык з рукавмы* 'короткая женская кофточка с длинными рукавами' (модель недавно вошла в моду): *Катька, ще ты отó надїла? Цэ ж лїхвык з рукавмы.*

Еще один неперемный критерий неологизма — его вхождение / невхождение в диалект. В связи с этим возникает проблема отграничения неологизмов от индивидуализмов, представляющих собой в то же время уникальный источник для диалектных инноваций. Весьма убедительная картина трансформации потенциального слова в реальное в литературных языках представлена А.И. Смирницким<sup>8</sup>. Превращение индивидуализма в неологизм в говоре также теоретически и практически возможно. Полагаем, что такой переход мы наблюдали во время полевой экспедиции в ст-цу Копанскую. Информант назвал искусственный заменитель кожи, из которого шьют верхнюю одежду, *жабїчим хрóм*: *Щас молодеш куртки эти носить, жабїчий хром* (ст-ца Копанская). У присутствовавших во время записи жительниц этой станции словосочетание вызвало одобрение и смех, оно тут же было подхвачено. Считаем, что образность и меткость такого индивидуализма позволит ему включиться в историческую жизнь, обрести статус неологизма и стать полноправным членом лексической системы говора (как известно, наличие коннотации делает диалектное слово более жизнеспособным).

<sup>8</sup> Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 17–18.

Диалектный неологизм (и в этом его отличие от литературного неологизма) характеризуется также территориальной ограниченностью. В кубанском диалекте отмечены узколокальные новообразования, функционирующие в говоре одного населенного пункта: *мотик*, *мопик* (ст-ца Старотитаровская), *проту́р* (ст-ца Копанская), *мурзилка* (ст-ца Архангельская), *лихвык з рукавами* (ст-ца Новодеревянковская) и др. Вместе с тем география распространения диалектных неологизмов может быть весьма обширной. Многие новообразования в русских народных говорах полидиалектные. Так, в говорах Сибири, отмечены неактуальные неологизмы, зафиксированные и в говорах Кубани: *кíницик*, *партéец* 'член партии' (от диалектного варианта *партийный*), *почта́рка*, *почта́льонка* и др.<sup>9</sup> В монографии Т.С. Коготковой, написанной на материале солидного корпуса областных словарей, в качестве иллюстративного материала приводятся лексические единицы, снабженные пометой *нов.*, и те, новизна которых отражена в толковании. Среди отобранных примеров также обнаруживаются лексемы, общие с кубанскими, — *агронóмша*, *агронóмка*, *групповóдка*, *плю́шка*, *председáтельница*, *почта́льонша* и др.<sup>10</sup> Подобные факты наглядно демонстрируют, что процесс образования новых слов в народных говорах часто имеет универсальный характер. Отсутствие территориального признака при образовании диалектных неологизмов свидетельствует «о нивелировании диалектной речи в целом»<sup>11</sup>. Представляется, что статус диалектного неологизма сохраняется у таких лексических единиц благодаря их невхождению в литературный язык.

Перечисленные признаки неологизмов позволяют различать *актуальные* неологизмы — территориально ограниченные слова или устойчивые сочетания, находящиеся на начальной стадии своего вхождения в диалект и не входящие в систему литературного языка, и *неактуальные*, относительные неологизмы, «неологизмы в прошлом», утратившие отпечаток новизны и «свежести». Среди актуальных и неактуальных диалектных неологизмов в современных кубанских говорах выделяются две неравные в количествен-

<sup>9</sup> Лукьянова Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения: учеб. пособие. Новосибирск, 1983. С. 68–69.

<sup>10</sup> Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология: Состояние и перспективы. М., 1979. С. 257.

<sup>11</sup> Там же. С. 277.

ном отношении группы: наиболее многочисленная состоит из вариантов слов литературного языка, менее многочисленная — неологизмы, образованные внутри лексико-семантической системы диалекта. Преобладание неологизмов первой группы можно объяснить устной формой существования говоров, отсутствием в диалектной речи кодифицированных норм, что, естественно, стимулирует варьирование лексических единиц, в том числе входящих в говор новых слов литературного языка.

Следует признать, что диалектическое противоречие двух систем — литературного языка и диалектного, на которое еще в 70-е годы XX столетия обращала внимание Т. С. Коготкова, справедливо усматривая в нем специфику современного этапа развития диалектов<sup>12</sup>, наблюдается и в первом десятилетии XXI в. В сущности, развитие диалектных вариантов слов литературного языка обусловлено живым процессом освоения говором литературных слов. При этом новообразования, представляющие собой варианты слов литературного языка, находятся в постоянной борьбе с литературной нормой, освоение которой приводит к утрате диалектного неологизма.

Анализ собранного материала демонстрирует, что в кубанских говорах самая представительная группа неологизмов — фонематические диалектизмы (*анкассатор, ахтобус, вакуировать, иродром, ироплан, каркулятор, кубатор, маркоман, мотоцик, ниркоман, пандерс* и др.). Вероятно, это вызвано тем, что для большинства диалектоносителей основной путь заимствования слов литературного языка — устный, поэтому, воспринимая новую лексему на слух, говорящий употребляет ее в том звуковом облике, который запечатлело его языковое сознание. Заметим, что некоторые исследователи не относят фонематические варианты слов литературного языка к неологизмам, считая их «ложными диалектизмами»<sup>13</sup>. Полагаем, что частотность подобных лексических единиц в записанных высказываниях носителей диалекта свидетельствует о лек-

---

<sup>12</sup> Коготкова Т. С. К вопросу об освоении лексико-семантических единиц литературного языка в современных русских говорах // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 103.

<sup>13</sup> Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. С. 247; Грузберг Л. А. К вопросу о взаимодействии литературно-письменного языка и народно-разговорной речи (о пределах влияния литературного языка на народные говоры). Пермь, 1966. С. 52. (Учен. зап. Пермского ун-та. Т. 162.)

сикализации тех или иных фонетических процессов в говоре, что, в свою очередь, позволяет квалифицировать их как фонематические варианты слов литературного языка и не исключать их из числа диалектных инноваций.

Зарегистрированы также новообразования грамматические (*комбáйна, кара́бка* и др.), словообразовательные (*бессме́ртник, мо́тик, мо́пик, раскула́чка, холоди́нка* и др.) и семантические (*ленингра́дка, мурзи́лка, плащ-пала́тка, шля́па, хо́лод* и др.). Собственно лексические диалектные инновации в кубанских говорах малочисленны (см., например, *бензи́нка, ка́чественник, проце́нтик* и др.). Отдельные новообразования представляют собой диалектизмы смешанного типа, сочетающие в себе характеристики различных типов диалектизмов, например, *комбáйна, левáтра* (совмещают два признака — фонематический и грамматический). Довольно редко новое значение отмечается у уже функционирующего в говоре диалектизма. Так, в ст-це Новокорсунской у широко бытующего на Кубани лексического диалектизма *пыйма́к* ('муж, живущий в доме жены') зарегистрирован новый лексико-семантический вариант (ЛСВ): 'неофициальный муж, сожитель': *Вона́ незаму́жня, а та́к, з пыймако́м живэ́*. Значение 'сожитель или сожительница' записано в ст-це Архангельской у существительного общего рода *дру́жечка* (первый ЛСВ 'милый, дорогой / милая, дорогая'): *Нет э́та ни му́ш. Э́та дру́жычка. У слова дру́т* (диалектный фонематический вариант *дрот*) 'провода' в ст-це Гривенской зафиксирован ЛСВ 'электропровод': *Я с ха́ты у ли́тню кúхню дру́т протя́х и пидключи́в машы́нку*.

Как показывают проведенные исследования лексического состава кубанских говоров, число диалектных новообразований, появившихся в последние годы, невелико. Большинство диалектных инноваций — это неактуальные неологизмы советского периода. Именно в этот временной отрезок лексическая система кубанского диалекта пережила своеобразный «неологический взрыв». Будучи включенными в процесс исторических языковых изменений, неологизмы сами подвергаются этим изменениям, что неизбежно меняет их лингвистический статус. Значительная часть диалектных новообразований вытесняется литературными словами. Диалектные структурные варианты слов литературного языка характерны преимущественно для архаического типа речи и подвергаются коррекции представителями передового слоя говора. В целом онама-

сиологические процессы, протекающие в макросистеме кубанских говоров на современном этапе их развития, ригидны и находятся в стадии торможения, уступая в неравной конкурентной борьбе более активным процессам усвоения литературной лексики. Простеживается динамика, направленная на освоение носителями говоров литературной нормы и нивелирование диалекта.

## ОБРАТНЫЕ ФИННО-УГОРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

*Аннотация.* В статье анализируются так называемые обратные заимствования в русских говорах из финно-угорских языков, где они, в свою очередь, выступают элементами славянского (русского) происхождения.

*Ключевые слова:* обратные заимствования, финно-угорские языки, севернорусские говоры.

Этимологические исследования исконной и заимствованной лексики, на наш взгляд, имеют кардинальные различия. Для исконных данных будут первоочередными следующие параметры анализа: а) включение слова в корневое гнездо; б) нахождение мотивации; в) морфемное членение; г) включение найденного гнезда в контекст родственных языков. Для неисконных материалов при выяснении языкового типа источника главным может быть установление конкретного этимона. Однако тесные этноязыковые взаимосвязи на Русском Севере нередко ведут к тому, что заимствованная лексическая единица с течением времени, законсервировав форму и семантику, вновь может возвратиться в язык-источник. Такого рода взаимодействие обычно протяженно во времени, а данные, которые возвращаются в язык-источник, но с иными фонетическими, семантическими и подобными характеристиками, мы трактуем как обратные заимствования.

Финно-угорские языки, находящиеся в зоне контактов со славянским континуумом, нередко заимствуют славянские единицы из разных языковых источников. При этом возможна кажущаяся однородность финно-угорских данных, предполагающая их гомогенность как фактор исконности. Ср.: коми *чача* 'игрушка, безделушка', коми удор. *чача* 'цветок', коми перм. *чача*, удм. *чача* 'игрушка', при мар. *чача* 'игрушка', венг. *csecse* 'игрушка'; не вполне понят-

но, на каких основаниях авторы КЭСЯ выводят общепермскую форму — \* ѣаѣа ‘игрушка’ (КЭСЯ, 303). На деле такого рода материалы, которые выглядят как общепермские, следует рассматривать как ранние заимствования, которые можно дифференцировать по языку-источнику и иногда по времени вхождения. В этом случае наличие сходных славянских данных вполне верифицирует такое направление заимствования: *ца́ца, ца́цка* ‘детская игрушка’ Южн., Ворон., Зап., Тамб. (Даль), *цаца* «что-нибудь красивое нарядное» (Слов. Акад. 1847), укр. *цяця* ‘игрушка’, белорусск. *ца́ца*, польск. *sasa* ‘хорошо, красиво’, *sasko* ‘игрушка’ наряду со словен. *čáča* ‘игрушка’, чеш. *čáča*; хотя приведенные данные и рассматриваются на славянской почве как образования детской речи (Фасмер IV: 292; Machek 1968: 92). Причем венгерское слово — также славянского происхождения.

Понятийное гнездо ‘игрушка, кукла’ на прибалтийско-финской почве манифестирует иная корневая лексема, соответствия которой отмечаются на балто-славянской почве: фин. *lelu, lelo, lely, lilu* ‘игрушка’, эст. *lõll* ‘кукла’, *läll, lällö* ‘цветок’, при латыш. *leile, leilis* ‘кукла; маленький ребенок’, *lellone* ‘цветок’, литов. *lėlė* ‘кукла, грудной ребенок’, польск. *lala* ‘кукла’. Авторами SKES эти единицы рассматриваются как проявление детской речи (SKES, 286). На материале латышского языка предполагается образование латыш. *lelle* в детской речи повторением слога *le-* (LEV, 514). Однако Э. Френкель полагает, что литов. *lele* ‘кукла’ заимствовано из белорусск. *ляля*, причем славянские данные рассматриваются как принадлежность детской речи (Fraenkel I: 354). На украинской почве рассматривается как звукоподражательное образование, связанное с детским лепетанием. Причем на украинской почве это гнездо чрезвычайно разнообразно: *ля́ля* ‘очень маленький ребенок’, ‘игрушка’, *ля́лечка, ля́лька* ‘игрушка’, *лялька́р* ‘тот, кто изготавливает игрушки’, *лялька́рство* ‘искусство кукольного театра’, *лялькови́к* ‘артист кукольного театра’ (ЕСУМ III: 338).

Имеются также обширные русские диалектные данные: *ля́ля, ля́лька* ‘игрушка’ Вят. (Даль), *ле́ля* ‘кукла’ Дубен. Тул., 1933–1960 (СРНГ XVI: 346), *ле́ля* ‘детская игрушка’ Курск. (Даль). *Ле́лька* ‘кукла’: — *Отдай мою ле́льку!* Дубен. Тул., 1933–1960. *Ле́лька* ‘детская игрушка’ Вят., 1911 (СРНГ XVI: 345). *Ля́лька* ‘игрушка, кукла’ Охан. Перм., 1854. Перм., Вят. *Рвут ребята шаражечки на ляльки поиграть.* Новосиб. Твер., Смол., Курск., Тарт., Йыгев. Эст. ССР, Прейл.

Латв. ССР, Йонав. Лит. ССР (СРНГ XVII: 273). *Лялька* 'глиняная игрушка' Добрян. Перм., 1930; 'самодельная игрушка' Мещер. Ряз., 1970; 'кукла' Болхов. Орл., 1901. Брян., Смол. *А кто ей дал тую ляльку? Она ее забьет, поломает!* Великолукск. Новосиб., Йонав. Лит. ССР (СРНГ XVII: 273).

Удмуртские данные (ср. удм. *лелло* 'игрушка'), вероятно, восходят к русским диалектным источникам.

Приведенные примеры показывают сходные лексические данные в славянских, финно-угорских, балтийских языках, причем вполне возможна как их звукоподражательная природа, так и миграции слова из одного континуума в другой.

Однако имеются более показательные случаи, когда результаты ранних контактов восточных славян и прибалтийских финнов отразились в лексической системе прибалтийско-финских языков, а затем, значительно позднее, заимствованные единицы вновь вошли в севернорусские говоры. Так, например, др.-русск. **лѣжница**, **лѣжька**, цркслав. **лѣжница**, стало источником для фин. *lusikka*, кар. *lužikka*, ливв. *lužikku*, люд. *lužik*, *lužikke*, вепс. *lužik*, водск. *luzikka*, эст. *lusikas*, *lusik* 'ложка' (SKES, 314). Далее форма, близкая к прибалтийско-финским источникам, вошла в севернорусские говоры: *лу́зик* 'ложка' Тихв. Новг. (Опыт). Новг., Волог., Яросл., Моск., Калуж., Самар. (Второе Доп. «с примеч. у переселенцев из Пермской губ.»); 'большая ложка' Ростов. Яросл., 1902. (СРНГ XVII: 185); «большая ложка с толстым черенком; поварешка» Брейтов., Рыб., Ростов. (ЯОС); *лузі́к* 'ложка' Кашин. Твер. (с примеч. язык мелочных торговцев); *лу́зка* 'ложка' Пошех.-Волод. Яросл., 1929 (СРНГ XVII: 185); *лу́зик* 'ложка' Волх. *Лузиком у нас суп хлебают.* Тихв. (СРГК III: 156). Причем в ряде случаев слово можно трактовать как проникновение, связанное с непосредственными тесными контактами — *ло́зик* 'ложка': — *Лозиками вепсы ели.* Лодейноп. (СРГК III: 156). Слово вошло также в коми язык, ср. коми удор. *люська* 'ложка', рассматриваемое на почве коми языка как вепское заимствование (КЭСКЯ, 415). Лексема *лу́зить* 'хлепать' Нерехт. Костром. (КСРНГ) — новообразование на русской почве от *лу́зик* 'ложка'.

Нередко слово общеславянского происхождения имеет весьма устойчивую семантику, которая характеризует тот или иной славянский ареал, при доминировании значений 'слуги', 'семья', ср.: др.-русск. **челядь** 'рабы, слуги' (Срезневский), русск. *челядь*, *челя-*

динец, укр. *челядь*, *челядин* 'слуга', *челядина* 'служанка, девушка', белорусск. *челядзін* 'слуга', болг. *челяд* 'семья', чеш. *čeled* 'семья, челядь', словац. *čelad* 'челядь', польск. *czeladź* 'челядь, слуги', в.-луж. *čeledź*, н.-луж. *celaž* 'челядь', при праслав. \**čelady* (Фасмер IV: 330). Ср. также русск. *челядь* «собир. сл. дворовые слуги, домочадцы» (САР 2).

Значение 'дети' отмечается для слова *челядь* в коми языке (ССКЗД, 407), при фиксации русских диалектных данных в вологодских говорах, контактных с этим языком, дает возможность предположить обратное влияние коми языка. Ср. диал.: *челядь* 'ребятишки, малые дети' Великоуст. (Дилакторский, 553), *челядь* 'дети, ребята' Тотем., Тарног., Верховаж., Вожег., Волог., Грязов., Кирил., Нюксен., Сокол., Сямжен. (СВГ, 12). Хотя новгородские материалы, вероятно, следует рассматривать как продолжение древнерусского: *челяда* 'большая семья' Валд., 'группа, кучка' Шимск., Новг., 'подростки' Старорусск., Новг., Шимск. (НОС, 1271); *челядёнок* 'маленький ребенок' Крестец., Мстин. (НОС, 1271). (SYRWS, 296).

Нередко в новгородских говорах сохраняются данные, являющиеся рефлексам древнерусских, ср.: *Мостина* 'корзина любых размеров из прутьев, дранки' Демян., Валд. *Досуль-то мостиной эта корзиночка называлась, ягоды в мостинах носят*. Маловиш., Батец., Борович., Крестец., Любыт., Мошен., Новг., Окулов., Пестов., Солец., Старорус., Хвойнин., Холм., Чудов., Шимск. (НОС, 564). *Мостинка, мастинка* 'корзина, корзинка' Новг., Олон., 'небольшая ручная корзинка для мелкой кладки, в том числе для грибов, ягод и т. п.' Пошех. Яросл., Пск., Калинин., Новг., Петерб., 'кузов из лучины с небольшим отверстием сверху (для переноски на плечах грибов и ягод на большое расстояние)' Пошех. Яросл., Новг., Петрогр., Твер., Калинин., Пск. (СРНГ XVIII: 290). Варианты *маишта* 'котомка, узелок' Подпорож. (КСРГК; СРГК III: 208), *мактинка* 'корзина' Устюжен. (КСРГК) можно рассматривать как обратное заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. вепс. *mastin* 'корзинка' (СВЯ, 322), для слова *маишта* возможен также ливвиковский источник. При исходном русск. *мости́на* Пск., Твер., Новг., Яросл., Горьк., Олон. (СРНГ XVIII: 289).

Не всегда древнерусские данные, имеющиеся в лексикографических источниках, совпадают семантически с диалектными материалами, ср. др.-русс. *норовити* «не торопить (с выполнением обязательств), ждать более удобного (для другой стороны) времени» (СлРЯ XI–XVII вв. XI: 423) и *норови'ть* 'подождать, повременить'

Подпорож., Онеж. (СРГК IV: 41), **на'рови'тъ** 'ждать, ожидать' Олон. (Куликовский; СРНГ XX: 126). Причем в говорах Обонежья, Беломорья и Каргополя отмечаются глагольные дериваты: **понорови'тъ** 'подождать' Каргоп., Кем., Онеж., Белом., Медвежьегор., Пудож. (СРГК V: 72); **пронорови'тъ** 'подождать' Онеж. (СРГК V: 281); **сна'рови'тъ** 'подождать' Пудож. Олон. (Опыт), Пск., Медвежьегор. (СРНГ XXIV: 84), 'подождать, провести время в ожидании' Медвежьегор. (СРГК VI: 183). Этот материал можно сопоставить с прибалтийско-финскими данными, ср. вепс. *naroudä, narovida, narōda* 'подождать (немного)' (СВЯ, 353), кар. твер. *narovie* 'заботиться, присматривать', ливв. 'ждать' (KKS III: 458). Слово вошло также в морд. эрз. *норамс* 'подождать, повременить' (ЭРС, 417).

В ряде случаев, когда ареал слова выходит за пределы контактной зоны, довольно трудно сказать, является ли эта единица обратным вхождением или представляет в говорах сохранившийся архаизм. Так, ср. др.-русс. **навидѣти** «глядеть на кого-л. испытывая чувство приязни, расположения; быть расположенным к кому-л., любить кого-л.» (Сл.РЯ XI–XVII вв. XX: 34) и диал. *навидеть* 'любить, уважать кого-н.' Кем. (СРГК III: 301); *навидеть* 'любить': — *Он навидит меня*. Новг. Новг., 1904. Волог. *У вас Вася коня любит, У нас Михайлович навидит*. Параб. Том. (СРНГ XIX: 166). 'Смотреть с любовью, любоваться кем-либо': — *Вы на нас взгляните, С хозяйкой похвалите: — Жenuшка любит, Радость и навидит*. Волог. *Люблю и навичу Купецкого сына*. Новг. (СРНГ XIX: 166). При этом имеются вепсские данные — вепс. *navetta* 'любить' (СВЯ, 95), сопоставимые с русскими.

В ряде случаев, когда невозможно дифференцировать хронологически материалы русского происхождения в прибалтийско-финских языках и русские диалектные материалы, приходится говорить лишь об их сходстве, поскольку не вполне ясно, опосредованы ли русские данные иноязычным воздействием или речь должна вестись о региональной специфике.

*Мáры* 'нары' Пск. Пск., 1850. Пск., Ленингр., Новг., Онеж. КАССР, Арх. Былины Печоры и Зимнего берега. 'Широкие нары невысоко от пола, идущие от боковой стенки печи до передней стены' Пск., 1920. 'Полати' Волог. (Даль). 'Настил на повети для сушки и хранения зерна, соломы, сена' Арх., 1885. Беломор., Лодейноп., Подпорож. Ленингр. 'Две жерди в крестьянской избе (укрепляются крестнакрест от одной стены до другой) высоко под потолком; на них

сушат мокрую одежду, доски для поделок, рыболовные сети' Арх., 1872. 'Куриный насест' Пск. (СРНГ XVII: 378, 379). *Мáры* 'настил под крышей сарая' Онеж., Прионеж., Волх., Подпорож., Кириш., Лодейноп., Тихв. (СРГК III: 200). *Мáры* 'нары' Пинеж. (Усть-Ежуга) (Сими́на 1980). Материалы СРГК, с локализацией в Обонежье, явно соотносятся с вепскими, ср. вепс. *marad* 'навес из жердей, сделанный на сеновале для хранения сена' (СВЯ, 353), заимствованными, в свою очередь, из русского языка. Материалы по р. Онеге можно сопоставить с кар. *toara* 'нары, полати' (KKS III: 338).

*Яло* 'форма из дерева для отлива грузил рыболовных сетей' Северомор. (Териберка) (КСРГК). 'Форма для литья свечей' Петрозав. (Куликовский 1898). *Яла* Север (Барсов). Это слово имеет семантическое и фонетическое соответствие с вепс. *gäl* 'форма для литья свечей' (СВЯ, 95), при синониме вепс. *valoim* 'то же' (СВЯ, 611). Вряд ли вепс. *gäl* связано с фин. *kaava* 'форма, контур', при эст. *kava* 'то же' (SKES, 137). Скорее всего, прав Г.И. Куликовский, утверждая, что *яло* есть только сокращенная форма от слова *ляло*, широко распространенного в говорах и представленного в СРНГ в 14 знач. (СРНГ XVII: 232, 233). В таком случае слово *яло* представляет собой обратное заимствование из вепсского языка.

В ряде случаев заимствованное слово проходит довольно сложные преобразования фонетической формы на прибалтийско-финской почве, и, войдя обратно в русские говоры, представляет уже единицу, трудно опознаваемую как славянскую. Например: *совьюн* 'танец' > [soÿg'un] > [sovg'in] > *солгин* 'танец' Прионеж. (КСРГК). *Солгин* «вид танца» Олон. (Куликовский 1898), «выбор напарницы при деревенских играх» Олон. (Этн. обозр., 40, 350). *Солгин* («Олонек. Губ. Вед.» 1898 г., № 58) «процесс выбирания на беседе, каждой девицей наиболее нравящегося ей парня; имя парня сообщает девица одному из играющих, тот вызывает избранного протанцевать с девушкой русского. Выбирающая девица зовется соминой, выбранный парень — соминщиком. После того как все протанцуют, принято "отдавать солгин", т. е. парни приглашают, в свою очередь, выбиравших их девиц; не отдать солгин значит оскорбить. В некоторых местах слово солгин заменяет келейка» (Куликовский, Доп.). П. Певин отмечает наряду с городскими танцами — «кадрилли и лансье... игру — *совгин* (похожая на *совьюн*, но уже лишенная песен)» (Певин 1891: 851; Калашникова 1994: 66). М. Фасмер вслед за Я. Калимой возводит это слово к люд. *soldin* 'танец', которое, в свою

очередь, — русское заимствование, ср. русск. *совьюн* ‘вид танца’ (Фасмер III: 709). *Сóвьюн* ‘танец’ (Почезеро, Устьмоша, Корбозеро, Купецкое оз., Кулгала, Плесское, Никулино, Деятины, Черная слобода) «Молодежь на бесёде сидит на скамьях парами, начинают петь песню, выходит парень и, приглашая одну из девиц, берет ее за правую руку. Под звуки песни они проходят мимо поющих, затем, при повороте, парень берет девушку за левую руку и идут назад. Так они ходят в продолжение всей песни; при следующей песне парень садится на место, а танцевавшая с ним девица приглашает уже кавалера; при следующей песне приглашает уже этот кавалер и так далее. При совьюне поются самые разнообразные песни, иногда и величальные, причем иногда припевают молодцу девицу и наоборот» (Куликовский 1898). См. также: Фасмер III: 709.

Имеется немало результатов тесного взаимодействия на уровне лексики в зоне вепско-русских контактов в Обонежья, Белозерье, Каргополье. Можно привести следующие примеры.

*Обрядить* ‘спрятать’ Подпорож., Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). *Обрядить* ‘спрятать, убирать куда-либо; сбергать’: — *Куда ты обрядил мои исподни?* Олон., 1852. *Далеко ли он обряжал шкурку? Кинули руку с перстнями под кровать. — Надо обрядить, — говорит один.* Ленингр., Петерб., Новг. *Аи же ты, птица, Могуль-птица! Не можешь ли слободить от смерти напрасныя, Обрядить от царя Волиана Волианского?* Пудож. КАССР (СРНГ XXII: 224). Семантика глагола *обрядить* — ‘спрятать’ — свойственна только для фиксаций в контактной зоне. Можно рассматривать этот лексико-семантический вариант как обратное заимствование из вепс. *obrätta* ‘прятать’ (СВЯ, 374).

*Ошунуть* ‘закружиться (о голове)’ Тихв., Крестец., Пестов. (НОС). *Ошунуть* «привести в болезненное состояние, связанное с помутнением сознания, тошнотой» Каргоп., Медвежьегор., Пудож., Вытегор., Кем., Пестов., Терск. ‘Закружиться, помутиться (о голове)’ Вытегор., Кандалакш. ‘Обессилить, изнемогать’ Медвежьегор. ‘Качаясь в люльке, успокоиться, притихнуть’ Прионеж. (СРГК IV: 360–361). *Ошунуть* ‘оглушить ударом рыбу’ Кандалакш. (Меркурьев 1979: 107). *Ошунуть* ‘об обмороке, внезапном головокружении’ Кадрн. Волог., 1896. ‘Сделать глухим, оглушить’ Петрозав. Олон., 1896. ‘Опьянеть, захмелеть’ Волог., 1902. ‘Угореть’ Вытегор. Олон., 1926 (СРНГ XXV: 98). Вполне возможно, что вытегорские данные, семантически сходные, восходят уже к обратному вепс-

скому влиянию, ср. вепс. *ošumdä* ‘замутить (например, от угара)’, *ošim* ‘угар (от печи)’ (СВЯ, 383), при возможной русской основе вепсских данных.

*Полатать* ‘приладить, приспособить куда-л.’: — *Когда дотыкаем, конец приходит на колоде; мы перелатаем нитки на сволок, колоду снимаем, а сволок на ее место полатаем.* Кондоп. (СРГК V: 51). Вероятно, обратное заимствование от вепс. *laŋta* ‘налаживать, приводить в порядок, чинить, изготавливать’ (СВЯ, 279).

*Літок* ‘лезвие косы’ Каргоп. (КСРГК). Представляет собой обратное заимствование из вепс. *litoik* ‘коса (для скашивания)’, хотя не исключена возможность образования на исконной почве — от *литой*.

*Шліпак* ‘лоскут, тряпка’ Медвежьегор., Вытегор., Подпорож. (КСРГК). Слово, вероятно, представляет собой обратное заимствование из вепс. *šlipak* ‘лоскут, кусок чего-л.’, ‘тряпка’ (СВЯ, 545), ср. также саам. лул. *liehprē*, *slehppa* ‘нагрудный клапан, который закрывает горловую пройму в лопарской кухлянке’ (SKES, 322). Ср. русск. *лэпень*.

#### ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Барсов 1872 — *Барсов И. В.* Причитания Северного края. М., 1872.  
Второе Доп. — *Покровский Ф. И., Яценко Е. Н.* Второе дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». 1905–1921 гг. (Рукопись КСРНГ).
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- Дилакторский — *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови.* Т. 1–5. Київ, 1982–2006.
- Калашникова 1994 — *Калашникова Р. Б.* Молодежная заонежская беседа конца XIX — начала XX вв. // *Кижский вестник.* 1994. № 4. С. 57–68.
- КСРГК — Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».
- Куликовский 1898 — *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

- Куликовский, Доп. — *Куликовский Г. И.* Дополнение к Словарю Олонецкого областного наречия // Этнографическое обозрение. 1899. № 1, 2.
- КЭСНЯ — *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.
- Меркурьев 1979 — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. СПб., 2010.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Певин 1891 — *Певин П.* Толвуйский приход Петрозаводского уезда Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1891. № 84.
- ПЛГО — Полевое лингвгеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- САР 2 — Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 1–6. СПб., 1806–1822.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972.
- Сими́на 1980 — *Сими́на Г. Я.* Географические названия (По материалам письменных памятников и современной топонимии Пинежья). Л., 1980.
- Слов. Акад. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка / сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. I–IV. СПб., 1847.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–20011 (продолжающееся издание).
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–43. М.; Л.; СПб., 1965–2010.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В. А. Сорвачей. Сыктывкар, 1961.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.

- ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Fraenkel — *Fraehkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. T. 1–2. Heidelberg, 1962–1965.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6. Helsinki, 1968–2005.
- LEV — *Karulis K.* Lanviešu etimologijas vārdnīca: t. 1–2. Rīga, 1992.
- Machek 1968 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.
- SYRWS — *Wichman Y., Uotila T. E.* Syrjänischer Wortschatz // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae*. T. VII. Helsinki, 1942.

**О СЕВЕРНОРУССКОЙ ЛЕКСИКЕ ФИННО-УГОРСКОГО  
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ  
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЛАНДШАФТ»)\***

*Аннотация.* В статье рассмотрен вопрос выявления в пермских говорах севернорусской лексики финно-угорского происхождения на материале тематической группы «Ландшафт». Краткий сопоставительный и историко-этимологический анализ 25 лексем предположительно финно-угорского происхождения показал, что некоторые лексемы не поддаются точной этимологизации. Это свидетельствует, с одной стороны, о глубокой древности их усвоения русским языком, а с другой — о том, что не все финно-угорские языки или диалекты, послужившие источником для русских лексем, могли сохраниться до настоящего времени. В целом, исследование подтвердило исходный тезис о севернорусских корнях пермских говоров и позволило выделить две области, откуда активно заселялось Прикамье — русский Северо-Запад и бассейны Северной Двины и Мезени.

*Ключевые слова:* пермские говоры, севернорусские говоры, лексика ландшафта, лексика финно-угорского происхождения, этимология.

## 1. ВВЕДЕНИЕ

### 1.1. Цели и задачи исследования

Основная цель настоящего исследования состоит в анализе севернорусского лексического фонда в русских говорах Верхнего Прикамья (далее — пермские говоры), с выявлением лексем финно-угорского происхождения, установлением их этимона и путей проникновения в русский язык. В процессе работы проводились: изучение истории формирования говоров Русского Севера (РС) и генетически связанных с ними пермских говоров; сбор диалект-

---

\* Статья выполнена при поддержке гранта Правительства г. Санкт-Петербурга для студентов, аспирантов вузов и академических институтов, расположенных на территории г. Санкт-Петербурга, рег. № 1.4/07-06/028.

© Р. В. Гайдамашко, 2012

ной лексики полевым методом (в населенных пунктах Прикамья) и методом сплошной выборки (из диалектных словарей русских говоров Пермского края и их картотек); сравнительно-сопоставительный, историко-этимологический анализ лексики.

### 1.2. Краткий обзор исследований по вопросу

Целенаправленное исследование лексики финно-угорского происхождения в пермских говорах, связанное со сбором материала, было начато в 1950-е годы А. К. Матвеевым, позже продолжено А. С. Кривошековой-Гантман, Е. Н. Поляковой и др. В целом, статей и монографий, прямым или косвенным образом освещающих вопрос языкового контактирования на РС и в Прикамье, так много, что даже краткий их обзор здесь не представляется возможным. Ряд конкретных работ мы процитируем в дальнейшем.

Несмотря на неугасающий интерес к проблематике, русская диалектная лексикография продолжает переживать пору расцвета — появляются все более полные словари по исследуемому региону, каждым новым томом дарующие бесценный материал для обсуждения.

### 1.3. Генетическая связь пермских говоров с говорами севернорусского наречия

Судя по сведениям русских летописей и результатам археологических исследований, уже с конца XI в. в Прикамье изредка могли появляться новгородские и владими́ро-суздальские дружины<sup>2</sup>, а с XV в. (после официального присоединения Перми Великой к Московскому государству в 1472 г.) началось активное заселение Урала и последующее освоение Сибири.

Известно, что Прикамье в XV–XVIII вв. заселялось, в основном, выходцами с РС, носителями различных говоров севернорусского наречия. Комплексный анализ прикамской ономастики<sup>3</sup> и диалект-

---

<sup>2</sup> *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 61 и далее; *Полякова Е. Н.* Региональная лексикология и ономастика. Пермь, 2006. С. 20. Тем не менее, даже если некоторые новгородцы в результате военных экспедиций и походов за пушниной оседали в Прикамье (Пл 1: 6), «это были лишь отдельные случаи, никак не влиявшие на языковую ситуацию в Пермском крае» (Полякова 2009: 23).

<sup>3</sup> В частности, прозвища и образованные от них фамилии, указывающие на места, откуда в XVI–XVIII вв. приходили переселенцы в Пермь Великую,

ной лексики показал, что основой для формирования пермских говоров послужили русские говоры Северо-Запада, Поморья, бассейнов Северной Двины, Печоры, реже — русские говоры Белозерья, Вятчины<sup>4</sup>.

К моменту своего перемещения в Верхнее Прикамье, населенное коми-пермяками и обскими уграми (манси и ханты), русские уже имели опыт общения с различными финно-угорскими народами РС. Этот опыт обернулся тем, что на всех языковых уровнях севернорусских говоров и по сей день обнаруживаются многочисленные заимствования, проникновения и субстратные элементы прибалтийско-финского, саамского и коми-зырянского происхождения. В настоящей статье исследована именно севернорусская лексика финно-угорского происхождения, распространенная в тематической группе «Ландшафт» пермских говоров.

#### 1.4. Источники материала

Кроме пермских диалектных словарей (СГСР; АС; СПГ; СРГКП; СРТГ; СРГСР) и картотеки (КСРГСР), чьи данные подверглись нами сплошному обзору, важным источником материала послужили работы А. К. Матвеева (1959; 1962; 1964) и А. С. Кривошековой-Гантман (1981), а также картотеки «Словаря русских народных говоров» (КСРНГ) и «Лексического атласа русских народных говоров» (КЛАРНГ). Некоторое представление об анализируемой лексике дают топонимический словарь (ГНВП), словарь лексики пермских памятников (СЛПП), словари русских говоров на смежных территориях (СРГСУ; СРГСУД; СРГЮП), различные историко-краеведческие, картографические, топонимические своды (ПЛ; Атлас; Чагин 2004). Приведены результаты собственных полевых записей (МЭ).

#### 1.5. Структура статей

Лексика приводится по алфавиту в словарных статьях, каждая из которых содержит: фонетические, акцентологические, словообразовательные варианты вынесенной в заголовок леммы; результаты переносного (метафорического или метонимического)

---

см.: Полякова Е. Н. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. Пермь, 2010. С. 24–28.

<sup>4</sup> Подробно история формирования русских говоров Прикамья изложена в монографии (Полякова 2009: 21–61).

значения; устойчивые сочетания; случаи употребления географического термина в качестве топонима или топонимического детерминанта. Комплекс всех этих данных в пределах одной статьи согласуется с принятой в этимологических исследованиях традицией рассмотрения этимологических гнезд в целом.

Материал по возможности приводится в том виде, в каком представлен в цитируемых источниках и прочей литературе<sup>5</sup>. Лексемы в трудах А. К. Матвеева (1959), А. С. Кривошекова-Гантман (1981) и в СНГТ даны без ударений, что повторено и здесь; также закономерно отсутствует ударение при словах, почерпнутых из письменных памятников (ПЛ; СЛПП). Дефиниция каждого отдельного лексического факта также обычно цитируется из источника, за исключением тех случаев, когда материал чересчур обширен. Если при какой-либо дефиниции отсутствует географическая помета, значит она находится далее, объединяя собой несколько фактов. То же относится и к ссылкам.

Анализ лексических фактов на общерусском фоне производится с помощью диалектных и исторических словарей. В некоторых случаях лексемы сопровождаются примерами топонимического употребления на РС.

## 2. СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕКСИКА ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЛАНДШАФТ»)

### 2.1. Вадья

*Вадья* 'озерко, окно в болоте, в трясине' Губ. (СГТП). Названия озер с заболоченными берегами: оз. *Вадья* Черд. (ГНВП); оз. *Глухая Вадья* Черд. (Атлас).

На РС зафиксированы прямые соответствия *ва́дья* 'озерко, колодец в болоте' Ярен. Усть-Сысол. Никол. Тотем. **Волог.**, 'окошко в трясине' (Даль: I), 'трясина' Ярен. **Волог.** (Опыт; Дилакторский; СРНГ III), *ва́дья* 'небольшое бессточное озеро', 'яма на берегу реки, в которой после разлива осталась вода', 'омут, яма в реке' Лен. Лешук. **Арх.** (СГРС II).

Судя по ареалу и семантике, арх.-волог. *вадья* заимствовано из коми (Meckelein 1914: 31; Kalima 1927: 18; SWs; Фасмер I; КЭСК;

<sup>5</sup> В приводимых географических пометах районы даны светлым шрифтом, области, губернии и регионы выделены полужирным.

СНГТ; ЭСРДС), ср. коми *вад* (основа косвенных падежей — *вадй-*) ‘лесное озеро; непроточное, с топкими берегами озеро’ (КРК; ССКЗД). Узкий ареал коми вычегод. *vadja* ‘болотистый’ (SWb) может указывать на обратное заимствование из рус.

## 2.2. Вара

*Вара* ‘небольшая возвышенность’ Черд. (КЛАРНГ).

На РС *вара* ‘возвышенность, холм, гора’ **Арх.**, **Волог.**, ‘скалистый остров в море’ Кем. Кольск. **Арх.**, ‘лес на возвышенном берегу моря’ Кем. **Арх.** (Подвысоцкий 1985; СРНГ III), но чаще фиксируются варианты с иным исходом: *варака* **Арх.** (СлРЯ XVIII II), *варага*, *варега*, *варьга* **Арх.**, *варака* **Вят.**, *варака* **Кандалакш.** Терск. **Мурман.**, Онеж. **Арх.**, *варака* **Беломор.**, *варик* **Арх.**, *варок* **Беломор.**, *варока* Кем. Пудож. **Карел.**, **Кандалакш.** **Мурман.**, Онеж. **Арх.**, *варь* **Беломор.**, **Арх.** и мн. др. (Даль I; Подвысоцкий 1885; СРНГ II; СРГК I; ОСВГ II; СГРС II; РГБ). Также ср. *вара* **Эст.** (СНГТ).

Приб.-фин. источник, ср. кар. *vaarakka* (дими́нүтив), фин. *vaara* ‘гора, обычно покрытая лесом’ (Погодин 1904: 19; Meckelein 1914: 32), кар. ливв. *voara* ‘лесистая возвышенность, гора’ (Kalima 1919: 82–83), или саам. (Itkonen 1932: 62), ср. саам. кильдин. *vā’rr* ‘лес; гора’ (SKES V; YS). Детальную сводку этимологий см. (Матвеев 1969: 300–303). Приб.-фин. < саам. (ПФГЛК: 12; SSA III; YS; Aikio 2009: 175–176). Основанное на полевых наблюдениях замечание, что «наиболее частотны фиксации [рус. лексем] в поморских и кольских говорах» (Мызников 2003: 219), склоняет нас к саамской версии, в пользу чего и данные топонимии РС (Матвеев 2007: 62).

## 2.3. Гурган

*Гурган* ‘место карстового провала; яма; рывина’ Доб. Кун. (Кривошекова-Гантман 1981: 49). В топонимии территорий, некогда населенных коми-пермяками: оз. *Водяной Гурган* Доб. (СГТП); провалы *Красный Гурган*, *Катин Гурган* Доб. (Бутырина 1968: 118).

Ср.: *гурган* ‘вымытая течением яма, глубокое место в реке, глубокая, с обрывистыми краями яма, заполненная водой’ **Печор.** (Ивашко 1958: 86; СРГНП I), ‘яма на дне реки или озера’ **Арх.** (СРНГ VII), при *гуре* ‘стук, шум, гром’, *гурган*, *гургань*, *гурганье* ‘то же’, ‘рев, рычание, урчание’ Ярен. Усть-Сысол. **Волог.**, *гургать* ‘стучать, греметь’, ‘урчать’ Ярен. Усть-Сысол. **Волог.**, **Вят.** (Даль I; Дилакторский; СРНГ VII; ОСВГ III).

В качестве источника подошел бы девербатив от коми *гургыны* 'гудеть, грохотать' (ССКЗД; КЭСК), но он не засвидетельствован словарями коми языка. Очевидно, коми глагол был заимствован русскими говорами (**Волог.**, **Вят.** *гурга́ть*), на почве которых по продуктивной словообразовательной модели развилось рус. *гурган*.

Заслуживает сравнения со старорус. *курган* 'глубокая яма естественного происхождения' *Межа... на 2 ямы на глубокие курганы* 1623 (СЛПП). Ср. совр. *курга́н* 'яма на дне реки, омут' **Беломор.**, **Арх.** Лешук. **Арх.**, **Волог.** Кадн. **Волог.**, **Сев.-Двин.**, Усть-Цилем. **Коми**, 'яма с водой на месте старицы' Каргоп. **Арх.** (СРНГ XVI). Без специального исследования сложно сказать, что такое рус. *круга́н* 'глубокое место в реке, ручье; небольшой плес' **Арх.**, **Волог.**, 'яма с водой на месте старицы', 'круглая яма с водой посреди болота; окно' Каргоп. **Арх.** (СРНГ XV) — исконное русское слово или следствие паронимической аттракции упомянутого рус. *курга́н*.

#### 2.4. Едма. Едома

*Едма* 'возвышенность'. *Едома* 'высокий крутой берег' Черд. (КЛАРНГ).

*Едма* 'болото' известно с XIV в. (Срезневский I; СДРЯ XI–XIV III). Отмечена крайне широкая полисемия лексем не только в современных русских говорах, но и в памятниках письменности: *едома* 1567 **Арх.**, 1648 **Двин.**; *едма, едмище* XV в. **Новг.**, **Пск.** 'болотистая земля; холмистая земля; крутой берег (реки); плохое угодье; всякая отдаленная земля' (СлРЯ XI–XVII V). Ср.: *едма, едо́ма* 'плоскость, поляна, возвышенная равнина' **Камч.** (Даль I, значение под вопросом), *едо́ма* 'всякая отдаленная местность' Мезен. Шенк. **Арх.** (Подвысоцкий 1885; СлРЯ II, вып. 1), 'возвышенность, гора, обычный поросшая лесом; лес на горе, возвышенности' Мезен. Пинеж. Лешук. Верхнетоем. Краснобор. Устьян. **Арх.**, Кадн. **Волог.** (СГРС III; АОС XIII), **Печор.** (СРГНП I), 'невысокие горы, всхолмленная возвышенность' **Арх.**, **Сиб.**, 'высокий берег реки, крутой обрывистый берег' Лешук. **Арх.**, Кадуйск. **Волог.**, **Якут.**, 'лесная глушь' Холмог. Мезен. Шенк. Печор. **Арх.**, Сольвыч. **Волог.**, 'окру́га' Пинеж. **Арх.** (СРНГ VIII). Топонимы *Едома* **Волог.** (СНГТ), *Едема, Едома, Едьма (Идьма)* **Арх.** (АОС XIII).

Сомнения (Kalima 1919: 17; Фасмер II) небезосновательны: учитываемая многозначность русских слов (см. в СГРС 12 значений), целесообразно искать для них несколько источников. Ср.: фин. диал.

*etämaa* ‘далеко; далекий луг’, люд., вепс. *edahan* ‘далекий’ (SKES I; SSA I). В качестве непосредственного источника русских лексем предлагается рассматривать вымерший приоб.-фин. язык Подвинья, при кар. *edä-*, вепс. *eda-* ‘далекий’ + кар. *тоа, тиа*, вепс. *та* ‘земля’ (Теуш 2001: 137; МСФУСЗ), что не объясняет происхождения русских лексем с семемой ‘возвышенность’. Следует внимательно отнестись к сравнению рус. *едома* с саам. сонгельск. *vājiv<sup>A</sup>, vejīdom* (генитив) ‘большая гора, поросшая лесом’ (KKLS), предложенному А. Л. Шиловым (1997: 9–10). Безусловно, генитивная форма, отмеченная на Кольском полуострове, не могла послужить этимолоном для анализируемых русских лексем, но эта параллель представляет собой еще один аргумент в пользу того, что некогда (возможно, в историческое время) в Примезенье и Подвинье обитали племена, по языку близкие кольским саамам.

## 2.5. Зыля

*Зыля* ‘ржавое болото’ *Скоро заместо травы одна зыля останет-ся* Губ. (СГТП). В Коми-Пермяцком округе отмечен микротопоним *Зыля* ‘место высохшего болота’ Юс. (ГНВП).

Ср.: *зыля* ‘солончак; солончаковое, ржавое болото’ Ярен. **Волог.** (Даль I; СРНГ XII). Из коми (Kalima 1927: 23; СНГТ); ср. коми диал. *зыля* ‘трясина’ (ССКЗД), ‘место, где стоит ржавая вода’ (КЭСК).

Очевидно, рус. *зыля, зылька, зырька* ‘замерзшая коровья лепешка, кусок конского навоза’ Юр. (СРГКП) — не результат метонимического переноса от *зыля* ‘ржавое болото’, а местный коми-пермяцкий субстрат.

## 2.6. Кекур

*Кекерка* ‘небольшое возвышение, бугорок’ Черд. (СПГ I; СГТП). *Ке́корка* ‘горный перевал’ Ох. (СРНГ XIII). *Кекра* ‘холм; горка’ Перм. (СНГТ). Первичный фонетический облик лексемы (\**ке́кур*) сохранился лишь в топонимии края: д. *Кекур* Ал. Куд. Сив. Ус.; бывш. д. *Кекурка* Кар. Ох.; бывш. выс. *Кекурка* Перм.; р. и поле *Кекурка* Черд.; поле *Кекуры* Ныт.; ур. *Кекра* Оч.; ур. *Кекры* Ох.; поле *Кекурская перемена* Ус. и мн. др. (СГТП; Полякова 2009: 138–141).

На РС *ке́кур* ‘столбообразный отвесный камень, утес, скала’ Арх., Сиб., ‘камень (скалы) на берегу или над водой у берега’ Онеж., Беломор. (Даль II; Подвысоцкий 1885; СлРЯ IV, вып. 3;

СРНГ XIII). Топонимы распространены от Мурманской области до Аляски (СНГТ).

Исследователи сравнивают с фин. *keko* ‘копна’ (СНГТ; СГТП), хотя, если быть точнее, фин. *keko* — ‘стог сена; скирд хлеба; муравейник’, при этом ижор. *keko*, кроме прочего, значит ‘куча, груда’ (SSA I). Если принять эту гипотезу, *p* в ауслауте русского слова возник в результате морфологической адаптации, так как «группа существительных среднего рода в русских диалектах почти не обогащается за счет заимствований, которые становятся существительными мужского или женского рода» (Матвеев 2001: 154).

### 2.7. Керос

*Керос* ‘поляна в лесу на месте вырубки’ Ил. Кар. Черд. (Кривощекова-Гантман 1981: 49). Известны: пос. *Керос* Гайн. (ГНВП); поля *Керас*, *Жеткерас* Черд. (Чагин 2004: 82), поле *Кераз* Крв. (Чагин 2004: 95); вырубка *Вёркерас*; *керӧс* ‘гора, возвышенность, подъем’ в названиях *Сер керӧс* Куд., *Дӧчкаер керӧс* Юс. и др. (Кривощекова-Гантман 1974: 34).

Ср.: *вӱлыс кӱрес* «употребительное между русскими в Запечорском крае Мез. у. зырянское слово, означающее: пахотное поле на возвышенной местности» (Подвысоцкий 1885), *кӱрас*, *кӱрос* ‘высокий обрывистый берег, обычно поросший лесом’ **Печор**. (Ивашко 1958: 87; СРГНП I), **Арх.**, *керес* (без удар.) ‘возвышенное место, каменистый берег’ **Коми, Арх.** (СРНГ), *кӱрошка* ‘сенокосное угодье’ **Беломор**. (РГБ). Широко представлено в коми топонимии (СГТК).

Из коми (Kalima 1927: 19; Фасмер II; Кривощекова-Гантман 1981: 49–50), при этом ср. омофоничные на русский слух коми *керас* ‘вырубка; зарубка’ и *керӧс* ‘возвышенность, гора, иногда покрытая лесом’ (ССКЗД; КРК), открывающие широкие возможности для контаминации.

### 2.8. Корба

*Корба*, *кӱрбишка* ‘ложбина, сырая низменность, поросшая ельником’ Ус. Губ. (СГТП).

*Корба* ‘еловая чаща, труппа’ **Новг., Пск.** известно по крайней мере с 1391 г. (Срезневский I; СлРЯ XI–XVII VII). В сходных значениях распространено на РС: Белозер. **Новг., Ленингр., Карел., Прионеж., Онеж., Вытегор.** Пудож. **Олон., Арх., Волог.** (Опыт; Даль II;

Куликовский 1898; СлРЯ IV, вып. 7; СРНГ XIV; СРГК XIV). См. топонимы Карелии, Ленинградской и Костромской областей (СНГТ).

Восходит к приб.-фин., ср. кар. *korpi*, *korbi*, ливв. *koŗbi*, люд. *koŗb*, *korbi* 'глухой лес, обычно сосновый, растущий на низком сыром месте', вепс. *koŗb* 'глухой лес; сырая низина' (Погодин 1904: 32; Meckelein 1914: 43; Kalima 1919: 128; SKES II; ПФГЛК: 41–42; Мызников 2003: 233). Согласно (SKES II), рус. из кар.-ливв. или люд.

## 2.9. Ласта

*Ласта* 'заболоченная, заливаемая во время половодья часть берега озера, реки' 1623, 1714 Сол. (СЛПП), 1674 Сол. (Пл III: 1034). *Лáста* 1. 'Заливаемый во время половодья луг на берегу озера или в пойме реки' Черд. Крв. Сол. Ус. Ил. Юс.; 2. 'Небольшой, сырой и топкий полуостров, поросший травой' Черд. Крв. Сол. (Матвеев 1964: 298; СГСП; АС II; СГТП; КСРГСП); 3. 'Покосное место, лужайка на берегу' Черд. Крв. (Матвеев 1962: 134); 4. 'Травянистая или моховая поверхность зарастающего водоема' Сук. (СРГСУД). *Лáстовица* 'то же, что *лáста* 2' Сол., Перм. Названия лугов: *Ласта* Черд.; *Ласты* Ал. (СГТП). Обширный пермский материал см. (Нестерова 1982: 76–80).

Ср.: *лáста* 'пойменный сенокосный луг' **Арх.**, Ярен. **Волог.**, **Печор.**, Усть-Цилем. **Коми**, **Вят.**, **Киров.**, **Перм.**, **Приурал.**, **Краснояр.** (Опыт; Даль II; Подвысоцкий 1885; Ивашко 1958: 88; СРНГ XVI; СРГНП I).

Судя по ареалу, не выходящему западнее **Арх.**, **Волог.**, уместно предполагать заимствование из коми (СНГТ); ср. коми *ласта* 'равнинный, низинный луг; низина' (КРК), бытует, однако, мнение об обратном пути заимствования (SWs; КЭСК), против чего свидетельствуют хотя бы широкое распространение слова на коми почве (ССКЗД), а также наличие двухсложных коми топонимов, ср. бол. *Ластанюр*, ур. *Ластавад*, ур. *Ордымласта* и др. (СГТК; СНГТ), которые вряд ли могут быть поздними гетерогенными образованиями.

## 2.10. Лахта

*Ла́хта* 'прибрежная часть озера, поросшая травой' Доб. (СГТП).

Упоминается в двинских грамотах с XV в. (Дерягин, Комягина 1972: 42; СлРЯ XI–XVII II), в значении 'неглубокий залив (обычно в составе географических названий)' отмечено в 1755 г. (СлРЯ XVIII XI). См.: *ла́хта* 'небольшой залив в море, реке или озере

(обычно мелководный) **Петерб.**, **Олон.**, **Беломор.**, Каргоп. Онеж. **Арх.**, **Пинеж.**, **Печор.**, Усть-Цилем. **Коми**, 'тихое, огороженное за-  
колом место в реке для лова рыбы' **Пск.**, 'болотистое место в лесу'  
**Новг.**, Пинеж. **Арх.**, 'сенокосное угодье у озера или залива' Выте-  
гор. **Олон.**, Каргоп. **Арх.**, *лахтіна* Поозер. **Новг.**, Вытегор. **Олон.**,  
**Печор.**, Усть-Цилем. **Коми** (Даль II; СлРЯ V, вып. 1; СРНГ XVI;  
СРГНП I; РГБ). Топонимия представлена на всем Северо-Западе,  
включая Эстонию (СНГТ).

Приб.-фин.; ср. фин. *lahti*, вепс. *laht*, кар., ливв. *lahti*, люд. *laht(-i)*  
'залив', вепс. *laht* 'залив; заболоченная часть озера; низкий берег  
реки или озера, заливаемый водой во время половодья' (Погодин  
1904: 39; Meckelein 1914: 47; Kalima 1919: 151; Фасмер I; SKES II; СВЯ;  
ПФГЛК: 51; SSA II; Мызников 2003: 249).

Очевидно, факты вроде *лахтіна*, *лахтінка* 'поляна в лесу на  
низком, но сухом месте' Ос. (СГТП), *лахтінка* 'небольшая полян-  
ка, отведенная под покос' Сол., *балахтіна* 'поляна, часть покоса'  
Бер. (СПГ I) — это следствие метонимического переноса или же  
они имеют иной источник, ср. *лахтвина*, *лахтовина* 'небольшой  
луг среди леса, удобный для косьбы' **Калин.** (СРНГ XVI), *лаховина*  
'незасеянный участок поля' **Твер.** (Селигер III), а также *лафтáк*,  
*лахтáк* 'небольшой участок земли' **Иркут.** (СРНГ XVI).

## 2.11. Луда<sub>1</sub>

*Луда* 'каменистое дно реки' *Луда* — *дно реки. До самой луды*  
*молодыми-то ныряли* Ус. (КСРГСП).

Ср.: *луда* в значениях 'каменистая отмель; неплодородная каме-  
нистая почва' и 'каменистый остров', известное с XVI в. (Срезнев-  
ский III, 426; Дерягин, Комягина 1972: 44–45; СлРЯ XI–XVII VIII)  
и повсеместно распространенное в XVIII в. (САР III; СлРЯ  
XVIII XI). Семантически пермскому материалу близко *луда* 'каме-  
нистое дно (реки)' **Калин.**, **Яроsl.**, **Новг.**, **Онеж.**, **Арх.**, Усть-Цилем.  
**Коми**, **Енис.** (СРНГ XVII), но ср. еще: *луда* 'мель (в море, реке, озе-  
ре)' **Чудск.**, **Псковск.** и **Ладож. оз.**, Ладож. **Петерб.**, Вытегор. За-  
онеж. **Олон.**, Медвежьегор. **Карел.**, **Беломор.**, Усьян.-Дмитр. **Сев.-**  
**Двин.**, **Арх.**, **Урал.**, **Сиб.** (СРНГ XVII), 'каменистая прибрежная  
мель' **Олон.**, **Арх.** (Даль II; Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898),  
**Печор.** (Ивашко 1958: 88; СРГНП), **Ленингр.**, **Карел.**, **Мурман.**  
(СРГК III), **Твер.** (Селигер III), **Вят.** (ОСВГ V), 'мелкое место в озере

с твердым дном' **Беломор**. (РГБ). Активно в топонимообразовании Беломорья (СНГТ).

Карельское влияние, ср.: кар. *liõdo*, ливв. *luodo* 'каменистая мель, подводный камень' (Kalima 1919: 155–156; Фасмер II; ЭСРДС; SKES II; Матвеев 2001: 218–219), ср. также люд. *luod*, *luodo*, вепс. *lod*, *lodo*, *luda* 'небольшой остров, мель в озере, реке' (ПФГЛК: 57). Возможно и контаминационное воздействие со стороны исконного рус. *лудить*. Специальное исследование слова см. (Смулаковская 1979: 112–118).

## 2.12. Луда<sub>2</sub>

*Луда* 'местность с высыхающей и твердеющей на солнце почвой' Черд. Час. Перм. Вер. Ох. (СГТП; КСРГСП). *Лудеть* 'затвердевать' *Земля-то нонче лудеет, до того залудела, пальцем не берется. Тверда, как камень, до того затвердела* Перм. (СРГЮП). *Залудеть* 'затвердеть (о почве)' Черд. Ус. (КСРГСП). *Лудяк* 'то же, что *луда*' Ох. (СПГ I). *Лудяк* 'земля, на которой ничего не растет' Ус. Чус. Чайк. (СГТП; КСРГСП). На этой основе развито переносное значение: *луда* 'кушанье, представляющее собой замешанное на воде, квасе и т. п. толокно' Сол. Крв. (СГСП; АС II; СПГ I).

См.: *луда* 'твердая неплодородная (глинистая, суглинистая, каменная) почва' **Костр.** (СНГТ), **Арх., Сев.-Двин., Вят., Киров., Удм., Перм., Южн.-Сиб.** (СРНГ XVII), **Печор.** (СРГНП I), *лудяк*, *лудяк Вят., Перм.* (Даль II), **Свердл.** (СРГСУ II; СРГСУД).

География лексемы свидетельствует в пользу коми заимствования, ср. коми *lut* 'ил' (SWs; Фасмер II; СНГТ), однако для рус. и фин.-уг. слов в 2.11., 2.12. нужно учитывать возможность контаминации и паронимической аттракции.

## 2.13. Майна

*Майна* 'прорубь на реке' Бер. (СГТП), Черд. (МЭ).

Известно в русской письменности по крайней мере с XVIII в. (САР III; СЛРЯ XVIII XII). На РС *майна*, *маина* 'прорубь' **Ленингр., Онеж., Олон., Холмог. Пинеж. Арх., Вят., Перм., Урал.** (Опыт; Даль II; Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898; СЛРЯ VI, вып. 1; СРНГ XVII), **Беломор.** (РГБ), **Твер.** (Селигер III).

Приб.-фин., ср. фин. вост. *tainas*, вод. *taina* 'большая прорубь' (Kalima 1919: 160–161; Матвеев 1959: 15; Фасмер II; ЭСРДС). Фонетически к этимону ближе форма *маина*.

## 2.14. Мыза

*Мыза* 1. 'Площадка, расположенная на самом верху возвышенности' Доб. Киш.; 2. 'Поселение на площадке на самом верхе возвышенности' Губ. (СГТП). Зафиксирован микротопоним в форме pl. tantum: *Есть Воробьиха пожня, есть Мызы* Черд. (СГТП).

Отмечено документами второй половины XVI в. (Шмелев 1961: 196). В XVIII в. кроме лексемы *мыза* 'загородная усадьба, дача' распространены дериваты *мызица, мызный, мызенский, мызник* (САР IV; СЛРЯ XVIII XIII). Ср.: *мыза* 'дача, отдельный загородный дом с хозяйством, хутор, заимка' **Петерб.** (Даль II), 'огороженный участок земли' **Твер.** (Селигер III), также **Белорус.** (СНГТ), *мыза́, мызо* 'отдельно стоящая усадьба', 'небольшое имение; поселение, хутор' **Пск.** (ПОС XIX). К тому же см. *мыза* 'крутой обрыв реки' **Свердл.** (СРГСУД).

Древнее приб.-фин. заимствование, ср. эст. *mõiz, mõiza* (генитив), вод. *męiza* 'имущество; поместье', фин. *moisio* 'двор; поместье' (Kalima 1919: 169; Фасмер II; SKES II; SSA II).

## 2.15. Нарья

*Нарья* 1. 'Старое русло реки' Лыс.; 2. 'Впадина на земной поверхности, образованная тальми водами или в результате разлива реки' *Нарья* — *впадина от реки в половодье по низкому месту, летом пересыхает. В логах нарья-то. Кустарник, ивы растут там* Чус. (СГТП); 3. 'Заболоченное и заросшее кустарником место' Чус. (СРГСУ II); 4. 'Заросль на берегу реки, состоящая из мелкой ивы, ольхи или других небольших деревьев'; 5. 'Сырое труднопроходимое место' Чус. (Матвеев 1962: 135).

Ср.: *нарья* 'вид уголья, образованного речными наносами' XV в. **Новг., Пск., 1623 Важ.** (СЛРЯ XI–XVII X). *Нарья* 'заболоченное и заросшее кустарником место у реки, озера' Шенк. **Арх., Перм., Свердл.** (СРНГ XX), **Ср.-Урал.** (СРГСУ II), вместе с тем 'сухое, холмистое место' Шенк. **Арх.** (СРНГ XX).

А. К. Матвеев, сопоставляя с приб.-фин. (ср. фин. *poro* 'ложбина; русло; сырая впадина', кар. *poro* 'водяное место' (SKES II)), и с фин.-волж. (ср. мар. *нөрö* 'сырой; влажный', эрз. *нар* 'трава, мохш. *нар* 'мелкая стелящаяся трава') приходит к выводу о заимствовании рус. лексемы из вымершего фин.-уг. языка, причем к усвоению финали ср. рус. *курья* (Матвеев 1996: 234–235). Эта гипотеза, без-

упречная в семантическом плане, не объясняет, во-первых, вокализма первого слога русского апеллятива, тем более, что гидронимы бассейна Емцы, соотносимые с приоб.-фин., имеют основу *Нор* (Матвеев 2007: 110–111, 271), а во-вторых, фиксации в новг.-пск. памятниках. Кроме того, ср. устойчивый в гидронимии Евразии термин *нара* ‘вода’ (СНГТ).

## 2.16. Няша

*Няша* 1. ‘Сырое, топкое место, покрытое грязью’ Сол. Ус. Ил. Лыс. Кун.; 2. ‘Топкое, заболоченное место, покрытое сорной травой, ряской’ Черд. Крв. Ус.; 3. ‘Мелкий тонкий лед, плывущий по реке до ледостава’ Крв. (СГСП; СПГ I; СГТП; КСРГСП). В местной ойконимии: д. *Няшино* Перм. (Кривошекова-Гантман 1981: 50).

См.: *няша* ‘ил, грязь с тиной’ **Сиб.** (СлРЯ XVIII XV). Ср.: *няша* ‘вязкое, топкое место, обнажающееся во время отлива’, ‘грязь’, ‘ил’ **Костром.**, **Беломор.**, **Онеж.**, **Олон.**, Арх. Холмог. Мез. Шенк. **Арх.**, **Волог.**, **Сев.-Двин.**, **Печор.**, Усть-Цилем. **Коми**, **Киров.**, **Перм.**, **Урал.**, **Сиб.** (Даль II; Опыт; Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898; Ивашко 1958: 89; СРГСУ II; СРНГ XXI; СРГК IV; СРГНП I; РГБ); ‘низкие пожни на островах, заливаемые весной в половодье’ Сольвыч. **Волог.**, ‘луг, покрытый травой и мелким кустарником’ Ярен. **Волог.** (Дилакторский).

Из коми, ср. коми *ñaša*, *ñatša* ‘пена, осадок, гуща, ил; грязь’ (Meckelein 1914: 54; Kalima 1919: 175; 1927: 33–34), коми диал. *няша* ‘ил’ (КЭСК; КРК), ‘илистые отложения на лугах’ (СГТК; ССКЗД). Матвеев (1959: 31–32) вслед за Итконен (Itkonen 1932: 300–301), допускает, что *няша* могло быть заимствовано из протосаамского субстрата; ср.: саам. норвежск. *njæš’še*, терск. *ñiešše*, патйоки *ñ'ešš<sup>E</sup>* ‘грязь, мусор’, к тому же см. (Фасмер III; СНГТ). Вместе со словом *няча* ‘ряска; цветущая вода’, заимствованным из приоб.-фин. языков, ср. фин. *nätsä*, вепс. *ñädžä* и др. ‘мокрица’ (СВЯ; SKES II), коми лексемы образуют единый обширный ареал, в котором происходили интенсивные контаминационные процессы с близким по звучанию и значению словом *няша* (Матвеев 1996: 253–254).

## 2.17. Парма

*Парма* ‘густое чернолесье (ель, пихта, кедр) на возвышенности’ Черд. Крв. Чус. (Матвеев 1959: 32; 1964: 301; СРГСУ: III). *Пáрма*,

*пáрмица* ‘густой, очень глухой лес’ Сол. (СГСП; СПГ II; СГТП). *Пáрма́* ‘тайга’ Крв. (АС IV). *Пáрма* 1. ‘Глухой лес на возвышенности; возвышенность, покрытая густым лесом’ Черд. Крв. Куд. Юс. Лыс.; 2. ‘Болотистое место, покрытое лесом’ *Парма* — *длинное болотистое место, не высыхающее и шибко не мокло* Доб. (СГТП). *Парма́* ‘то же, что *пáрма* 1’ Черд. (СГТП; МЭ). *Парóмный*, прил. к *пáрма* Черд. (Матвеев 1964: 301). Повсеместно отмечается в названиях возвышенностей и населенных пунктов: д. *Парма* Губ.; бывш. д. *Парма* Юр.; возв. *Парма* Пермь (СГТП); пос. *Парма* Крв.; д. *Пармайыл* Коч., букв. ‘вершина *пармы*’; возв. *Ямжачная Парма* Черд. (Кривошекова-Гантман 1981: 50).

Ср.: *пáрма* «лесистый кряж опостен (параллельный) с Уралом, т. е. по полуденнику» **Сев.-Урал.** (Даль III), «лес, растущий на влажном грунте на большом протяжении. Пармы богаты кедрами, лиственницей» Ярен. Усть-Сысол. **Волог.** (Дилакторский), *парма́* ‘дремучий лес’ **Беломор.** (РГБ), **Арх., Волог., Печор.,** Усть-Цилем. Сыктывк. **Коми,** ‘лесистый кряж’ **Волог., Печор., Сев.-Урал., Заурал.** (Ивашко 1958: 89; СРНГ XXV).

Коми заимствование, ср.: коми *парма* ‘густой, девственный лес’, ‘возвышенное место, поросшее еловым лесом; лесистый кряж’ (Kalima 1927: 35; SWs; Фасмер III; Матвеев 1959: 32; СГТК; ССКЗД; СНГТ; КРК).

## 2.18. Ропочажник

*Ропочáжник* ‘чащоба в лесу’ Перм. (СГТП).

Ср.: *ропочáг* ‘болотистое место с кустами ольхи’ 1556 сев.-вост.-рус., 1631 Холмог. (Срезневский III; СлРЯ XI–XVII XXII). *Рóбач* ‘сухое, суковатое дерево’ **Олон.** (Куликовский 1898), *ропочáжник* Кадн. **Волог., ропотя́жник** Каргоп. **Арх.** ‘густые непроходимые заросли мелкого кустарника’, *ропотчá, рóпочь* ‘густой молодой лесок, лесная чаща’ Тотем. **Волог.** (СРНГ XXV). Иные варианты см. (Николаева 1998: 125).

Приб.-фин., ср.: фин. *rara*, кар. *raba* ‘гуща’, эст. *raba* ‘болото’ (Meckelein 1914: 58), фин. *raramänty, rapakuusi* ‘суковатая сосна, ель; дерево, непригодное для строительства’, эст. *rarakas* ‘густой кустарник’ (Kalima 1919: 192–193, 205; Фасмер III). В русском оформлено финалью *-ag* по известной модели, ср. *ольшняг, сосняг* (Kalima 1919: 205).

## 2.19. Рочи

*Рóчи* ‘заливной луг’ *А дальше идут рочи, луга то есть заливные Черд.* (СГТП).

Ср. *рочá* «промысловая изба, для притону в лесу» **Арх.** (Даль IV), *рóтча* ‘часть реки в отдаленной местности, отведенная для лова рыбы’ Мезен. **Арх., Север** (Подвысоцкий 1885; СРНГ XXXV).

Е. Н. Полякова (СГТП) отсылает к коми диал. *ротчыны* ‘разлиться’ (ССКЗД), но имеющееся в виду коми удор. *рот’чыны*, *ротс’ыны* имеет значение ‘износиться, обветшать’ (УДКЯ). На самом деле удовлетворительное объяснение уже было предложено более века назад А. Л. Погодиным: ср. коми *rotš* ‘угол’ (Погодин 1904: 56; Meckelein 1914: 61). Семантика этимона обусловила полисемию заимствования в русских говорах. Очевидно, для пермского материала реконструирована неточная словарная дефиниция, что вызвано неполнотой контекста.

## 2.20. Рям

*Рям* ‘непроходимое место в лесу’ Сол. Ил. Куд. (СГСП; СПГ II; СРГКП; СГТП). *Ря́ма* ‘моховое болото с порослью’ Черд. (КСРГСП). *Ремник Перм.* (СНГТ).

Ср.: *рям* ‘болотистое или низкое место; болото, поросшее мелкими деревьями, кустарником’ **Новг., Урал., Сиб.**, ‘непроходимое место в лесу’ **Урал., Сиб.** (Опыт; Даль IV; СРНГ XXXV). Многочисленны дериваты: *рямода*, *рямодина*, *рямодка Ленингр., Новг., ряминщина Карел.* (Даль IV; СРГК V; СРНГ XXXV), *рямище*, *рямник*, *рямо́к Свердл.* (СРГСУ V), *ряма́ Свердл.* (СРГСУД) и др.

Из приб.-фин., ср.: фин. *räte*, кар. *räte*, *riete*, ливв. *rieti*, *rätei*, люд., вепс. *rätik* ‘болото, поросшее чахлым лесом; бурелом’ (Meckelein 1914: 62; Kalima 1919: 210; Фасмер III; SKES IV; ПФГЛК: 83; Мызников 2003: 283).

## 2.21. Сузем

*Сузем* ‘лес, глухой лес’ 1629. *Суземье* ‘то же’ 1629. *Суземок* 1692 Сол. (СЛПП). *Сузём* ‘глухой, труднопроходимый дальний лес’ Ил. Губ. (СГТП). *Сузёмок* 1. ‘То же’ Сол. Ус.; 2. ‘Глухое таежное место, отдаленное от жилья’ Сол. Час. *Сузёмка* Сол. (СГСП; СПГ II; СГТП). *Суземный* ‘глухой, непроходимый (о лесе)’ Крв. Сол. (СГСП; АС V; СПГ II). *Сузёмье* Крв. Сол. Ус. Чус., *суземьё* Сол. ‘глухой, труд-

непроходимый дальний лес' (СРГСУ VI; АС V; СГТП). *Сузёмье* 1. 'Поля и луга, значительно удаленные от деревни, находящиеся за глухими, непроходимыми лесами' Сол.; 2. 'Глухой, непроходимый, дремучий лес' Крв., Сол. (СГСП; СПГ II). Широко представлено в топонимии: бывш. д. *Суземок* и бывш. выс. *Суземок* Черд.; бывш. д. *Суземье* Доб.; бывш. выс. *Суземье* Черд.; поле *Суземье* Сол.; *Поле в стороне где-то в лесу, его называли Суземье* Ус. (СГТП); ур. *Суземье* Черд. (Атлас).

Слова *сузем*, *суземье* засвидетельствованы в XVII в. (Шмелев 1961: 197), в топонимическом употреблении (*Сузенье*) — в XV в. (Шилов 2008: 23). Ср.: *сузём*, *сузёмок*, *сузёмы*, *сюзём* 'густой непроходимый лес; лесная чаща вдали от селений' Тотем. Никол. Усть-Сысол. Великоуст. Ярен. Сольвыч. **Волог.**, 'дальний сенокос в лесу' Никол. Сольвыч. **Волог.** (Дилакторский), *сузёмок* 'отдаленный лес', 'дальний сенокос' **Беломор.** (РГБ), *сузём*, *сузёмка*, *сузёмок*, *сузёмье* 'большой дремучий лес вдали от жилья', 'густой непроходимый лес, лесная глушь, чащоба' **Новг.**, **Онеж.**, Пудож. Беломор. **Карел.**, Вытегор. **Олон.**, Терск. **Мурман.**, Шенк. Пинеж. Плесец. Онеж. **Арх.**, **Сев.-Двин.**, Ярен. Никол. Кирил. **Волог.**, **Печор.**, **Урал.**, **Сиб.** (Даль IV; Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898; СРГСУ VI; СРГСУД; СРГНП II; СРНГ XLII), *сюзём* 'труднопроходимый хвойный лес, тайга' Тотем. **Волог.**, **Киров.**, *сюзёмок* 'густой непроходимый лес' **Онеж.**, **Олон.**, **Карел.**, Кем. **Арх.**, 'дальние сенокосные угодья в лесном массиве' **Карел.**, Кандалакш. **Мурман.**, **Арх.**, Кирил. **Волог.** (СРНГ XLIII).

Ранеее приб.-фин. заимствование, ср.: фин. *sysmä* 'лесная глушь; сплошной удаленный лес' (Kalima 1919: 221–222; Фасмер III; СНГГ; ЭСРДС; Теуш 2001: 141), кар. *süsta* 'отдаленный лес' (Мызников 2004: 366), причем фонетический облик рус. *сюзём*, очевидно, ближе всего к этимону. Несомненно, что перед нами результат давней контаминации заимствованного слова с исконно рус. *сузём* 'верхний плодородный слой почвы; чернозем' **Новг.**, **Олон.**, **Ленингр.**, **Сиб.** (СРНГ XLII). По истории слова написаны обстоятельные очерки (Дерягин, Комягина 1968: 112–113; Шилов 1996: 70–78; Теуш 2003: 9–14).

## 2.22. Трунда. Тундра

*Трунда* 'торфяное болото, торфяник, торф; перегной, болото с кочками' Черд. (Матвеев 1959: 18). *Трунда* 1. 'Топкое болото' Бер.;

2. 'Сырое болотистое место' Юс. Юр.; 3. 'Торфяное болото' Сол. Ил. || 'Высохшее торфяное болото' Крк.; 4. 'Неплодородная торфяная почва' Сол. Ал. Перм.; 5. 'Участок старого леса с буреломом' Киш. Перм. (СГСР; СПГ II; СГТП). *Трунда* Ос. (КСРНГ), Черд. Ус., *тундра* Сол. 'болотистая, торфянистая почва' (СПГ II; КСРГСР). *Тундра* 1. 'Топкое болото' Черд. Сол. Вер.; 2. 'Неплодородная торфяная почва' Черд. Крв. Гайн. Сол. Ус. Ныт.; 3. 'Местность, характеризующаяся суровым климатом, безлесьем, развитием мхов и лишайников' Юс. (СГСР; СГТП; АС IV; КСРГСР). *Тундристый* Сол. (СПГ II). *Тундрить* 'гореть без пламени, тлеть (о легко воспламеняющихся участках почвы, растительности)' Крв. Кар. (СПГ II; АС VI). Примечательны топонимы: оз. *Тундра* Гайн.; *Поле <...> Тундра*. *Черная земля там, тундристая* Сив. (СГТП).

Отмечено памятниками по крайней мере с 1631 г. (Шмелев 1961: 197). Ср. в сходных значениях: *трунда* **Арх., Волог., Сев.-Двин., Печор., Коми, Киров., Вят., Урал., Сиб., тундра Беломор., Олон., Арх., Сев.-Двин., Коми, Сиб.** (КСРНГ), **Печор.** (СРГНП II), *тундра* 'гора, возвышенность', 'безлесное место' **Беломор.** (РГБ). Данные различных словарей показывают, что рус. диал. *тундра*, *трунда*, *тунда*, *тундра* обозначают в русских говорах прежде всего различные виды болот (Опыт; Даль IV; Подвысоцкий 1885; Куликовский 1898; СРГСУ VI).

Из приоб.-фин., ср.: фин. *tunturi* 'высокая безлесная гора', кар. *tunturi* 'безлесная сопка', *tšuntšuri* 'вершина горы', которые, в свою очередь, из саам., ср. саам. кольск. *tundra*, *tuoddar* 'гора', саам. норвежск. *duoddâr* 'широкая гора без леса' (Meckelein 1914: 65; Kalima 1919: 227–228; Itkonen 1932: 65; Фасмер IV; SKES V; СНГТ; UEW; ПФГЛК: 96; ЭСРДС; SSA III; Aikio 2009: 140). Семантический переход 'гора, плоскогорье' > 'северные степи' > 'болото' > 'торфяная почва' связан с распространением лексемы с северо-запада на юго-восток Европейской части России и далее за Урал (Овечкина 1988: 94–96). Формы с начальным *тр-* — следствие эпентезы на русской почве.

### 2.23. Уйта

*Уйта* 'озерко, яма в болоте, заполненная водой' Черд. (Матвеев 1964: 305).

Ср.: *уйта* «биль, чистое моховое безлесное болото» **Арх.** (Даль IV), 'большое болото с трясинной', 'край болота' **Онеж.** (СРГК VI),

‘узкое, вытянутое озеро’, ‘сырая ложбина’ **Печор.** (СРГНП II), ‘вдающаяся в лес часть болота’ **Беломор.** (РГБ), **Карел., Сев.-Урал., уйт Коми** (КСРНГ).

Источники лексем могут быть гетерогенны для разных говоров: **Онеж., Карел., Арх.**, ср. фин. *uittu* ‘небольшая бухта’ (Kalima 1919: 231–232), люд. *uitto* ‘узкий и длинный сенокосный луг между холмов и гор’, ливв. *uitto* ‘заливной покос на низком месте; небольшой пруд’, вепс. *uit* ‘большая лужа, мелкий пруд’ (SKES V; СНГТ; ПФГЛК: 97–98; Мызников 2003: 299); **Коми, Сев.-Урал.**, ср. коми *уйт* ‘сырое глухое место в пойме реки, поросшее кустами черемухи и смородины’ (Meckelein 1914: 66; Kalima 1927: 40), но последнее, ввиду неширокого распространения среди коми диалектов (ССКЗД), само может быть заимствовано из русского (хотя в КЭСК утверждается, что из манс.). Для пермского материала, полагаем, источником послужили говоры Северо-Запада.

## 2.24. Холуй

*Холуй* 1. ‘Деревянные орудия, дворовые деревянные сооружения’ 1615, 1644; 2. ‘Место наноса половодьем на реке и на пойменном берегу веток, кустов’ 1622 Сол. (СЛПП). *Холуй* ‘завал, затор на реке’ Черд. Крв. (Матвеев 1959: 18–19). *Хóлуй* 1. ‘Место наноса на реке во время половодья веток, кустов, деревьев’ Черд. Крв.; 2. ‘Место наноса на прибрежном низком лугу веток, кустов, деревьев’ Крв. (СГТП; АС VI; КСРГСП). *Холу́й* 1. ‘Хлам, сор; беспорядок’ Оч. (СПГ II); 2. ‘Рыболовный закол’ Крв. (КСРГСП). Из топонимов: бывш. д. *Холуй* Ос.; остров *Холуев* Ос.; р. *Холуй* Крв.; луг *Холуй* Черд. (СГТП).

См. отмеченное в XV в. *холуи* (Срезневский III). Ср. *халу́й, холу́й* «сор, дрязг, нанос от разлива, коим заволакиваются луга» **Вят.** (Даль IV), **Олон., Арх., Волог., Сев.-Двин., Вят., Киров., Перм.** (Опыт; Куликовский 1898; КСРНГ), *хóлуй* ‘плетень рыболовный’ **Арх.** (Даль IV). Среди топонимов: *Холуй Иванов.*; *Холуйские пороги Арх.* (СНГТ).

Традиционно рассматривается как приб.-фин. заимствование (Kalima 1919: 236–238; SWs; Фасмер IV; ЭСРДС), но этимон не выяснен: ср. фин., эст., кар. *kalu* ‘хлам’ и фин. *kolu* ‘рыболовный закол из свай и прутьев, куча камней’ (KKS II; SSA I), которые в равной мере могут быть источником русских лексем. В то же время фоне-

тический переход приб.-фин. *k* > рус. *x* до сих пор не был известен (Мызников 2004: 349–350), поэтому возможен и иной источник.

### 2.25. Чумкас

*Чумкас* 'расстояние в 10 верст' Черд. (КСРГСП). Среди топонимов: д. *Верх-Чумкасная* на р. *Чумкас* Ос.; д. *Чемкосаино* Гайн. (Кривошекова-Гантман 1981: 50–51); р. *Чомкосашор* (*Чомкошашор*) (ГНВП).

Ср.: *чёмкос* «принятое в Запечерском крае Мез. у. определение путевого расстояния, приблизительно около 5 верст» **Арх.** (Подвысоцкий 1885), *чёмкас* **Волог., Печор., Киров., чумкас** «мера расстояния, не точно определенная (от 5 до 7 верст) — расстояние, которое промышленник без отдыха пробегает на лыжах» **Волог.** (КСРНГ), *чункас* **Перм.** (Даль IV).

Из коми *чомкост* 'расстояние между двумя шалашами' < *чом* 'шалаш' + *кост* 'промежуток, середина' (Подвысоцкий 1885; Kalima 1927: 42–43; Фасмер IV; КЭСК; ЭСРДС).

### 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе настоящего исследования мы исключили из анализируемого материала лексику *вóрга, курья́, лы́ва, со́гра (шохра́)*, что продиктовано несколькими причинами: 1) широкое распространение этих слов (в некоторых случаях — вплоть до южнорусских говоров) вывело их за пределы севернорусского ареала в область интердиалектизм; 2) все эти географические термины развили на русской почве новые значения, оттенки значений, значения на основе метафорического / метонимического переноса, а также широко вовлеклись в словообразовательную систему русского языка, что укрупнило материал до размеров, практически исключающих возможность его презентации в настоящей статье; 3) поиском этимологии терминов *курья́* и *со́гра (шохра́)* занимались многие исследователи, при этом до сих пор невозможно сделать какие-нибудь определенные выводы относительно происхождения этих слов, кроме того, что источников для них могло быть несколько и все они относятся к угасшим языкам.

Что касается материала, рассмотренного в нашей статье, он в целом подтверждает исходный тезис о севернорусских корнях пермских говоров. Весьма точное указание на локализацию лек-

сических фактов, принятое в русской диалектной лексикографии, способствует не только их этимологизации, но и наблюдению дальнейших путей экспансии в русские говоры. Так, 25 рассмотренных выше лексем можно условно поделить на две большие группы, в зависимости от того, из каких говоров севернорусского наречия они проникли в пермские говоры: из русских говоров Северо-Запада (включая Беломорье) и из русских говоров Подвинья (Верхнего и Нижнего, включая бассейн Сухоны) и Примезенья. К первой группе уверенно можно отнести п. 2.2., 2.6., 2.8., 2.10., 2.11., 2.13., 2.14., 2.18., 2.20., 2.21., 2.22., 2.23., 2.24., ко второй — все остальные, за исключением п. 2.4., 2.15., которые оставляем под вопросом, тем более что для них пока не предложено убедительных этимологий. Лексемы первой группы, как правило, рано отмечены русскими памятниками письменности и все они находят объяснение в прибалт.-фин. языках и диалектах. Лексемы из разнообразных говоров Подвинья-Примезенья находят прямые соответствия в коми диалектах. Перспективным решением проблемы при этимологизации лексем неопределенного происхождения (*едома*, *нарья*) видится целенаправленный сбор субстратной микротопонимии по микро-регионам (Матвеев 2004: 111 и далее).

#### ЛИТЕРАТУРА

*Бутырина К. Г.* Из наблюдений над топонимией междуречья Камы и Чусовой // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968. С. 115–120. (Учен. зап. Перм. ун-та. № 177.)

*Дерягин В. Я., Комягина Л. П.* Из истории диалектных границ в Северной России // Вопросы языкознания. 1968. № 6. С. 109–119.

*Дерягин В. Я., Комягина Л. П.* Из истории и географии финно-угорских заимствований в севернорусских говорах // Вопросы изучения лексики русских народных говоров (Диалектная лексика 1971). Л., 1972. С. 32–49.

*Ивашко Л. А.* Заимствованные слова в печорских говорах // Учен. зап. Лeningr. ун-та. Сер. филол. наук. 1958. Вып. 42, № 243. С. 84–103.

*Кривошекова-Гантман А. С.* Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Вып. I. Пермь, 1974. С. 19–43.

*Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.

*Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

*Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959.

*Матвеев А. К.* Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 127–142.

*Матвеев А. К.* Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Hungaricae. Т. 14, f. 3-4. Budapest, 1964. P. 285–315.

*Матвеев А. К.* Топонимические этимологии. I (Географические термины, имеющие соответствия в прибалтийско-финских и саамском языках, в субстратной топонимике Русского Севера) // Советское финно-угроведение. 1969. № 4. С. 299–304.

*Матвеев А. К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. С. 211–254.

*Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург, 2001.

*Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. II. Екатеринбург, 2004.

*Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург, 2007.

*Мызников С. А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологический анализ лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

*Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

*Нестерова С. С.* Слово *ласта* в пермских памятниках XVII века и современных говорах // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1982. С. 76–80.

*Николаева Е. С.* Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах по р. Устье // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 120–128.

*Овечкина М. А.* Семантическое освоение заимствованных тельмографических терминов // Этимологические исследования. Свердловск, 1988. С. 88–104.

*Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.

*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

*Полякова Е. Н.* Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь, 2009.

*Смулаковская Р. Л.* Слово *луда* в современных говорах Карелии и сопредельных областей // Севернорусские говоры. Вып. 3. Л., 1979. С. 112–118.

*Теуш О. А.* Общий фонд географической терминологии в прибалтийско-финских, коми и русском языках // Изв. Урал. гос. ун-та. Вып. 20. Екатеринбург, 2001. С. 135–141.

*Теуш О. А.* К этимологии рус. диал. *сузем* // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 4. Екатеринбург, 2003. С. 9–14.

*Чагин Г. Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004.

*Шилов А. Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.

Шилов А. Л. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуды // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 3–21.

Шилов А. Л. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

Шмелев Д. Н. Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности // Восточнославянское языкознание. Вып. 5. М., 1961. С. 191–199.

Aikio A. The Saami Loanwords in Finnish and Karelian: Academic Dis. Oulu, 2009.

Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // Suomalaisen tiedekatemia toimituksia. Helsinki, 1932. Ser. B, T. XXVII. S. 47–65.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.

Kalima J. Syrjänische Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1927. Bd XVIII, hft. 1-3. S. 1–56.

Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. I: Die finnisch-ugrische Elemente im Russischen. Berlin, 1914.

#### СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–13. М., 1980–2010 (продолжающееся издание).
- АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / под ред. Ф. Л. Скитовой. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011. Вып. II, 1990; вып. IV, 1999; вып. V, 2003; вып. VI, 2011.
- Атлас — Атлас Пермской области, по данным Генерального штаба: Карты О-40, Р-40. М., 1988.
- ГНВП — Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья (С кратким топонимическим словарем). Пермь, 1983.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- КЛАРНГ — Картотека «Лексического атласа русских народных говоров», хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.
- КРК — Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар, 2000.
- КСРГСП — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного национально-исследовательского университета.
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров», хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.
- КЭСК — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

- МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Вып. 1. А–И. Екатеринбург, 2004.
- МЭ — Материалы диалектологических экспедиций автора.
- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–6. Киров, 1996–2011 (продолжающееся издание). Вып. III, 2004; вып. V, 2008.
- ПЛ — *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Периоды 1–5. Пермь, 1881–1889.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1967–2011 (продолжающееся издание). Вып. XIX, 2008.
- ПФГЛК — *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- РГБ — *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- САР — Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб., 1789–1794. Т. III, 1792; Т. IV, 1793.
- СВЯ — *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–4. Екатеринбург, 2001–2009 (продолжающееся издание). Т. II, 2002; Т. III, 2005.
- СГСР — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.
- СГТК — Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в коми топонимии / сост. А. В. Беляева. М., 1968.
- СГТП — *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–8. М., 1988–2008 (продолжающееся издание). Т. III, 1990.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–4. СПб., 2003–2010 (продолжающееся издание). Т. III. СПб., 2007.
- СЛПП — *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь, 2010.
- СлРЯ — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. А. Шахматов. СПб.; Пг.; Л., 1897–1926. Т. 2, вып. 1, 1897; Т. 4, вып. 3, 1909, вып. 7, 1913; т. 5, вып. 1, 1915.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011 (продолжающееся издание). Вып. V, 1978; вып. VII, 1980; вып. VIII, 1981; вып. X, 1983; вып. XXII, 1997.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–19. Л.; СПб., 1984–2011 (продолжающееся издание). Вып. II, 1985; XI, 2000; XII, 2001; XIII, 2003; XV, 2005.

- СНГТ — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005. Т. II, 1995; т. III, 1996; т. IV, 1999; т. V, 2002.
- СРГКП — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры / под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.
- СРГСП — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Рушинова. Вып. 1: А–В. Пермь, 2011.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988. Т. II, 1971; т. III, 1981; т. V, 1984; т. VII, 1988.
- СРГСУД — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья / науч. ред. И. А. Подюков. Т. 1: Абалтус — Кычига. Пермь, 2010.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров: вып. 1–44. М.; Л.; СПб., 1965–2011 (продолжающееся издание). Вып. III, 1969; вып. VII, 1972; вып. VIII, 1972; вып. XII, 1977; вып. XIII, 1977; вып. XIV, 1978; вып. XV, 1979; вып. XVI, 1980; вып. XVII, 1981; вып. XX, 1985; вып. XXI, 1986; вып. XXV, 1990; вып. XXXV, 2001; вып. XLII, 2010; вып. XLIII, 2010.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- УДКЯ — *Сорвачева В. А., Безносикова Л. М.* Удорский диалект коми языка. М., 1990.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1986.
- ЭСРДС — *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков; 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.
- KKLS — *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Helsinki, 1958.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja / Päätoim. R. Koponen.* O. 1–6. Helsinki, 1968–2005. O. II, 1974.
- SKES — *Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. I–VII. Helsinki, 1955–1981. O. II, 1958; IV, 1969; V, 1975.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / Päätoim. U.-M. Kulonen.* Vol. 1–3. Helsinki, 1992–2000. Vol. II, 1995.
- SWb — *Fokos-Fuchs D. R.* Syrjänisches Wörterbuch. Bd I–II. Budapest, 1959.

- SWs — Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre / Aufgez. von Y. Wichmann. Bearb. und hrsg. von T. E. Uotila. Helsinki, 1942.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd I–III. Budapest, 1986–1991.
- YS — Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

#### СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ал.	—	Александровский	Ныт.	—	Нытвенский
Бер.	—	Березовский	Ос.	—	Осинский
Вер.	—	Верещагинский	Ох.	—	Оханский
Гайн.	—	Гайнский	Оч.	—	Очерский
Губ.	—	Губахинский	Перм.	—	Пермский
Доб.	—	Добрянский	Сив.	—	Сивинский
Ил.	—	Ильинский	Сол.	—	Соликамский
Кар.	—	Карагайский	Сук.	—	Суксунский
Киш.	—	Кишертский	Ус.	—	Усольский
Коч.	—	Кочевский	Чайк.	—	Чайковский
Крв.	—	Красновишерский	Час.	—	Частинский
Крк.	—	Краснокамский	Черд.	—	Чердынский
Куд.	—	Кудымкарский	Чус.	—	Чусовской
Кун.	—	Кунгурский	Юр.	—	Юрлинский
Лыс.	—	Лысьвенский	Юс.	—	Юсьвинский

## ЗООСЕМИЗМЫ — НАЗВАНИЯ КОРОВЫ, БЫКА, ТЕЛЕНКА В СОСТАВЕ ФИННО-ПЕРМСКИХ ФИТОНИМОВ

*Аннотация.* В статье рассмотрены наименования растений, в состав которых входят названия крупного рогатого скота, в финно-пермских языках, а именно гендерные (корова, бык) и возрастные (теленоч, телка) разновидности крупного рогатого скота. Вместе с детерминантом они образуют семантические модели, общие для финно-пермских языков. Наиболее распространенной считается модель «коровий гриб». Весьма распространены также модели типа «зоосемизм + название части тела животного»: «коровий язык», «бычий язык» и «коровий сосок». Большинство моделей представлено лишь в прибалтийско-финских языках, но некоторые из них распространены и в других родственных языках, например, «коровий гриб», «коровий язык», «бычий цветок».

Эти модели имеют соответствия в языках, с которыми у финно-пермских языков были исторические контакты. Они могут относиться к одним и тем же растениям, например, «коровья трава» в русском и эстонском языках относится к чистотелу, «коровий гриб» в прибалтийско-финских, пермских, германских, балтийских и русском языках — к одинаковым грибам. Такие совпадения в некоторых случаях могут объясняться языковыми контактами.

*Ключевые слова:* номинация фитонимов, зоосемизмы, финно-угорские языки, языковые контакты.

В финно-пермских языках (ветви финно-угорских языков, включающей угорские языки) распространены фитонимы, в основном, сложные по форме, определяемая часть которых представляет собой зоосемизм (название животного). Подобные же названия растений распространены во многих языках мира. Они изучались на материале русских говоров, однако специальных работ по этой теме нет. Модели «зоосемизм + детерминант» рассматривались наряду с другими<sup>1</sup>. На материале финно-угорских языков вопрос до

<sup>1</sup> См., напр.: Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). М., 1967; Голев Н. И. 1) «Естественная» номи-  
© И. В. Бродский, 2012

сих пор практически не изучался. Наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть модели номинации растений и грибов (которые по принципам номинации не отличаются от растений), включающие названия коровы (быка, теленка), их дистрибуцию в финно-пермских языках, а также общность моделей в ряде языков. При наличии модели в контактных языках приводятся соответствующие фитонимы из этих языков.

Корова и бык представляют собой гендерные разновидности одного вида *Bos taurus taurus*, а теленок — возрастную разновидность. Как показывают лексические данные, гендерные разновидности теленка (бычок, телка) не различаются ролью в номинации растений, и потому рассматриваются нами вместе.

По данным автора, в составе финно-пермских фитонимов можно найти названия свыше восьмидесяти животных, в том числе почти всех копытных сельскохозяйственных животных: коровы (с быком, теленком, телкой), лошади (с жеребцом и жеребенком), свиньи, козы и овцы (с ягненком).

Почти все финно-угорские фитонимы, содержащие зоосемизмы, сложные по форме и представляют собой сочетание с подчинительной связью. Зоосемизм в таких фитонимах всегда занимает первую, определяющую позицию. Часть фитонимов, содержащих зоосемизмы — переносные, образованные обычно по моделям вида «название животного + название части его тела» (например, ‘коровья губа’, ‘бычий хвост’). Большинство рассматриваемых фитонимов имеет два компонента, но распространены и трехкомпонентные — в финском, эстонском и пермских языках.

В некоторых языках отдельные названия животных никогда не мотивируют фитонимов (названия коровы или быка не мотивируют фитонимов в саамском языке); в других языках, напротив, мотивируют очень часто — например, название быка частотно в составе прибалтийско-финских фитонимов, но в других родственных языках они встречаются в единичных случаях.

---

нация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974. № 8–9. С. 88–98; 2) Вопросы отождествления, классификации и номинации в русской народной лексике флоры и фауны (наблюдения за ролью прагматического фактора) // Говоры русского населения Сибири / отв. ред. Н. Д. Голев. Томск, 1983; Штейнгольд А. В. Заметки по этимологии одного русского фитонима (толокнянка) // Этимология 1994–1996. М., 1997. С. 135–141.

В статье финно-пермские фитонимы распределены по названию разновидности животного, входящему в их состав (корова, бык, теленок), или мотивирующему их, далее — по отдельным языкам в следующем порядке: прибалтийско-финские и саамский, мордовские, марийский и пермские языки.

При написании статьи автор использовал свыше сорока лексикографических и иных источников по финно-угорским и другим языкам. В связи с этим в список литературы помещаются лишь те из них, на которые по какой-либо причине было необходимо сослаться непосредственно в тексте.

**КОРОВА.** Основное сельскохозяйственное животное, источник молочных продуктов (а также кожи и мяса). Оседлость почти всех финно-пермских народов привела к тому, что коровы содержались практически в каждой семье; в настоящее время саамы и ижемские коми, которые, будучи оленеводами, разводят и крупный рогатый скот. Значение коровы для человека, как и других сельскохозяйственных животных, практически не отражено в фитонимии. Более того, использование названия коровы в составе фитонимов может быть вообще не мотивировано, опционально: в ряде случаев имеются сложные названия одних и тех же растений, в которых определяющая часть представляет собой название как коровы, так и других животных (например, названия конского или курчавого щавеля — *эст. lehma||apikad*, букв. ‘коровий щавель’; *кар. собств. koiran||čuokoi*, *кар. ливв. koiran||värču*, букв. ‘собачий щавель’; *коми зыр. вӧл||шомань*, букв. ‘лошадиный щавель’; *эст. ussi||apik, ussi||apigud*, букв. ‘змеиный щавель’). То же можно сказать и о названиях быка, теленка в составе сложных фитонимов. В других случаях растение сравнивается с частью тела животного (глаз, язык, сосок, губа, ухо). Иные модели редки, новы и чаще носят заимствованный характер, например, *мар. ушкaл||ушмен* ‘турнепс’, букв. ‘коровья брюква’; *коми зыр. мӧс||свеклӧ* ‘свекла кормовая’, букв. ‘коровья свекла’ (ср. сходное *тат. сыер шалканы* ‘брюква’, букв. ‘коровья репа’).

Общеприбалтийско-финское название коровы *lehmä* имеет общее происхождение с *морд. лишме* ‘лошадь’. *Эрз. скал*, *мар. ушкaл*, *удм. скал* имеют индоиранское происхождение. *Мокш. тракс*, по-видимому, связано с ‘темно-коричневый’. В таком случае, *traks* < \**taraks*, где *-ks* — суффикс существительных: скопление согласных в начале слова не характерно для финно-угорских языков;

-v в **tarav** — суффикс прилагательных. Общепермское **möc** имеет индоиранское происхождение. В целом, лексические данные свидетельствуют о более древнем знакомстве финно-угорских народов со скотоводством в сравнении с земледелием: почти все названия сельскохозяйственных культур в финно-угорских языках — поздние заимствования.

Приведем лексические данные по рассматриваемым языкам.

*Финский язык:* **lehmä** ‘корова’ — **lehmän||heinä** ‘одуванчик’, букв. ‘коровья трава’; **lehmän||herukka, lehmän||herutin, lehmän||heruttime, lehmän||heruke||heenä** ‘калужница болотная’, ‘лапчатка прямостоячая’, ‘лютик’, ‘черная смородина’, букв. ‘коровья смородина’ (с дополнительным детерминантом ‘трава коровьей смородины’); **lehmän||horsmi** ‘иван-чай, кипрей’, букв. ‘коровий кипрей’; **lehmän||häntä** ‘иван-чай, кипрей’, букв. ‘коровий хвост’; **lehmän||kello(||kukka)** ‘колокольчик круглолистный’, ‘колокольчик персиколистный’, букв. ‘коровий колокол’ (с дополнительным детерминантом ‘цветок коровьего колокола’); **lehmän||kieli, lehmän||kiel’, lehmän||kielet, lehmän||kielo, lehmän||kielonen, lehmän||kiel’||heinä, lehmän||kielen||kukka, lehmän||kielen||kukkaiset** ‘белокрыльчик болотный’, ‘горец почечуйный’, ‘грушанка круглолистная’, ‘купена лекарственная’, ‘ландыш’, ‘любка двулистная’, ‘майник двулистный’, ‘первоцвет лекарственный’, ‘седмичник европейский’, ‘частуха’, букв. ‘коровий язык’; **lehmän||miekka** ‘касатик водяной’, букв. ‘коровий меч’; **lehmän||nisä** ‘первоцвет лекарственный’, букв. ‘коровий сосок’; **lehmän||nori||heinä, lehmän||nor’||heinä** ‘пастушья сумка’, букв. ‘трава коровьей норицы’ или ‘коровий норичник’; **lehmän||nännän||kukkain** ‘любка двулистная’, букв. ‘цветочек коровьего соска’; **lehmä||papu** ‘горох’, букв. ‘коровьи бобы’; **lehmän||putki** ‘сныть’, букв. ‘коровий дудник’; **lehmän||sieni** ‘боровик’, букв. ‘коровий гриб’; **lehmän||tatti** ‘боровик’, ‘козляк’, ‘подберезовик’, букв. ‘коровий гриб (трубчатый)’; **lehmän||tissi** ‘первоцвет лекарственный’, букв. ‘коровий сосок’; **lehmän||utar||heinä** ‘кукушкины слезки’, букв. ‘трава коровьего вымени’.

*Карельские наречия:* **lehmä** ‘корова’ — *кар. ливв.* **lehmien||nagris** ‘турнепс’, букв. ‘коровья репа’; *кар. ливв.* **lehmän||kiel’i, кар. собств. lehmän||kieli||heinä, кар. ливв. lehmän||kiel’i||heiny** ‘ландыш’, ‘майник двулистный’, ‘подорожник большой’, букв. ‘коровий язык’.

*Ижорский язык:* **lehmä** ‘корова’ — **lehmän||keeli** ‘ландыш’, букв. ‘коровий язык’.

Эстонский язык: **lehm** ‘корова’ — **lehma||apikad** ‘щавель курчавый’, букв. ‘коровий щавель’; **lehma||igemed** ‘лядвенец рогатый’, ‘петров крест’, букв. ‘коровьи десна’; **lehma||jala||heinad** ‘грушанка малая’, букв. ‘травы коровьей ноги’; **lehma||kapust** ‘вяжечка голая’, букв. ‘коровья капуста’; **lehma||keel, lehma||kiel, lehma||keele||lehed, lehma||keele||rohud** ‘козелец приземистый’, ‘ландыш’, ‘майник двулистный’, ‘рдест плавающий’, ‘частуха’, букв. ‘коровий язык’ (с дополнительными детерминантами ‘листья коровьего языка’, ‘травы коровьего языка’); **lehma||kib(b) unad** ‘шиповник коричный’, букв. ‘коровий шиповник’; **lehma||kinnitus||rohi** ‘петров крест’, букв. ‘трава (от) коровьего запора’; **lehma||kummul||tee** ‘ромашка пахучая’, букв. ‘коровья ромашка(-чай)’; **lehma||kuse||oblikas** ‘щавель кислый’, букв. ‘щавель коровьей мочи’; **lehma||lill** ‘калужница болотная’, ‘петров крест’, букв. ‘коровий цветок’; **lehma||marana** ‘лапчатка серебристая’, букв. ‘коровья лапчатка’; **lehma||nisa, lehma||nisad** ‘лядвенец рогатый’, ‘первоцвет весенний’, ‘сморчок’, ‘хвощ полевой’, ‘чина весенняя’, букв. ‘коровий сосок’; **lehma||nõges, lehma||nõges** ‘воловик лекарственный’, ‘крапива двудомная’, букв. ‘коровья крапива’; **lehma||oblikad, lehma||hublik** ‘щавель водяной’, ‘щавель курчавый’, букв. ‘коровий щавель’; **lehma||piima||ruhud** ‘молочай острый’, букв. ‘коровья молочная трава’ (либо ‘трава коровьего молока’); **lehma||punad** ‘чистотел большой’, букв. ‘коровьи румяна’; **lehma||pää** ‘клевер ползучий’, букв. ‘коровья голова’; **lehma||rohi, lehma||roh(h)ud** ‘бодяк разнолистный’, ‘вороний глаз’, ‘петров крест’, ‘пустырник сердечный’, ‘чистотел большой’, букв. ‘коровья трава’; **lehma||soostar, lehma||sööstrad** ‘смородина альпийская’, букв. ‘коровья смородина’; **lehma||sõra||rohud** ‘петров крест’, букв. ‘трава коровьего копыта’; **lehma||sõõrutuse||rohi** ‘ястребинка волосистая’, букв. ‘трава выдавливания молока из [вымени] коровы’; **lehma||südame||rohi** ‘пустырник сердечный’, букв. ‘коровья сердечная трава’; **lehma||tissid** ‘хвощ полевой’, букв. ‘коровьи соски’; **lehma||udarad, lehma||udara||rohi** ‘астрагал солодколистный’, ‘очиток едкий’, ‘язвенник’, букв. ‘коровье вымя’ (с дополнительным детерминантом ‘трава коровьего вымени’); **lehma||või||rohi** ‘жирянка’, букв. ‘коровья масляная трава’.

Ливский язык: **ni'em** ‘корова’ — **ni'em||kēl** ‘ландыш’, букв. ‘коровий язык’; **ni'em|| päkkä** ‘подберезовик’, букв. ‘коровий гриб’ (LW — **päkkä** ‘unessbarer Pilz’, однако в этом случае детерминант

лишен значения несъедобности; вероятно, **рăккă** имело в ливском языке и иное значение, — по-видимому, ‘трубчатый гриб’).

*Эрзянский язык:* **скал** ‘корова’ — **скалонь пуло** ‘коровяк обыкновенный’, букв. ‘коровий хвост’; **скалонь топосюкоро** ‘мальва’, букв. ‘коровья ватрушка’ (**топосюкоро** ‘род эрзянской лепешки с творогом’).

*Мокшанский язык:* **тракс** ‘корова’ — **тракс почка** ‘снить’, букв. ‘коровий дудник’; **тракс||губа, траксонь губа** ‘свинуха’, букв. ‘коровья губа’.

*Марийский язык:* **ушкал** ‘корова’ — **ушкал||варенге** (-||**парнеге**) ‘чистец болотный’, букв. ‘коровий картофель’; **ушкал||ушмен** ‘турнепс’, букв. ‘коровья брюква’; **ушкал||чызе** ‘толкачик (гриб-млечник)’, букв. ‘коровий сосок’.

*Удмуртский язык:* **скал** ‘корова’ — **скал колыс** ‘борщевик’, букв. ‘коровья снить’; **скал кузь||кылак** ‘кислица мелкая’, букв. ‘коровий щавель’; **скал кузьыт||турын** ‘кислица мелкая’, букв. ‘коровий щавель’; **скал||пель** ‘коровяк’, букв. ‘коровье ухо’.

*Коми-зырянский язык:* **мӧс** ‘корова’ — **мӧс||гоб** ‘боровик’, ‘подберезовик’, букв. ‘коровий гриб’; **мӧс||свелӧ** ‘свекла кормовая’, букв. ‘коровья свекла’; **мӧс||серкни (мӧс||сӧркни)** ‘турнепс’, букв. ‘коровья репа’; **мӧз||бугуль** ‘валуй’, букв. ‘коровий глаз’; **мӧс||кыв турун** ‘орхидея болотная’, ‘щавель конский’, ‘ятрышник пятнистый’, букв. ‘трава коровьего языка’; **мӧс||нень турун (мӧс||нӧнь турун)** ‘герань луговая’, букв. ‘трава коровьего соска’; **мӧс||няк (турун)** ‘герань’, ‘клевер’, ‘ятрышник пятнистый’, букв. ‘коровий сосок-трава’; **мӧс||тшак** ‘боровик’, букв. ‘коровий гриб’.

*Удм. мӧз||бугуль* ‘валуй’, в отличие от *рус. коровий глаз* ‘бересклет бородавчатый’, относится к грибу. Оба названия даны по внешнему сходству растения (гриба) с глазом животного; подобная модель представлена и в других языках, ср., например, *нем. Kuh||auge* ‘пулавка полевая’.

*Коми-пермяцкий язык:* **мӧс** ‘корова’ — **мӧс||кыв||турун** ‘щавель курчавый’, ‘ятрышник’, букв. ‘трава коровьего языка’; **мӧс||няк||турун** ‘клевер ползучий’, букв. ‘трава коровьего соска’; **мӧс гоб** ‘боровик’, ‘подберезовик’, букв. ‘коровий гриб’; **мӧс гриб** ‘боровик’, букв. ‘коровий гриб’.

Мотивация растений словом со значением ‘корова’ в коми и удмуртском языках совершенно различна и не совпадает ни в одном случае, т.е. не имеет общего древнего происхождения. Для

коми языков общее — название ятрышника (может относиться и к другим растениям): *коми зыр. мӧс||кыв турун, коми перм. мӧс||кыв||турун*, букв. ‘трава коровьего языка’. Общим для этих языков будет и мотивация названия клевера (может относиться и к другим растениям): *коми зыр. мӧс||няк (турун), коми перм. мӧс||няк||турун*, букв. ‘трава коровьего соска’. Идентично по мотивации и *коми зыр. мӧс||нень турун (мӧс||нӧнь турун)* ‘герань луговая’, букв. ‘трава коровьего соска’. Эта модель особенно широко представлена в прибалтийско-финских языках (см. с. 213–214). Общими для этих языков выступает и сложное название боровика, впрочем, модель, по которому оно образовано, весьма распространена.

Многие финно-пермские сложные по форме фитонимы созданы по общим моделям, включающим названия коровы (дополнительные детерминанты, как правило, не приводятся).

Модель ‘коровья трава’: *фин. lehmän||heinä* ‘одуванчик’; *эст. lehma||rohi* ‘бодяк разнолистный’, ‘вороний глаз’, ‘петров крест’, ‘пустырник сердечный’, ‘чистотел большой’. Эта модель общая лишь для финского и эстонского языков, но относится к разным растениям. Она представлена и в контактных языках; ср.: *нем. Kuh||kraut* ‘пролесник однолетний’, ‘тысячеголов пирамидальный’ (причины мотивации тут прямо противоположны: пролесник ядовит для коров и отравляет молоко, в то время как тысячеголов увеличивает количество молока), *рус. коровья трава* ‘рыжик’ (травянистое растение), ‘чистотел большой’, ‘купальница европейская’, ‘колокольчик жестковолосистый’.

Причины мотивации самые разнообразные: это использование растения для лечения животных (чистотел, купальница, пустырник), как кормовое (рыжик); как молокогонное, пищевое и лекарственное растение одновременно (одуванчик). Названия ядовитых вороньего глаза и пролесника, очевидно, даны «от противного», т. е. указывают на нежелательность поедания растений коровами.

Модель ‘коровий дудник (дудчатый стебель)’ — *фин. lehmän||putki* ‘снять’; *мокш. тракс почка* ‘снять’ — редко встречающаяся в пределах рассматриваемых языков, но относится к одному и тому же растению. Также в русском языке — название сныти **коровник**.

Обращает на себя внимание отсутствие в финно-пермских языках модели номинации ‘коровий цветок’, присутствующей

в контактных языках, например, *рус.* **коровий цвет** ‘калужница болотная’, *нем.* **Kuh||blume** ‘то же’. Свежая калужница ядовита, т. е. и здесь присутствует номинация «от противного».

Модель ‘коровий гриб’: *фин.* **lehmän||sieni** ‘боровик’; **lehmän||tatti** ‘боровик’, ‘козляк’, ‘подберезовик’; *лив.* **ni'em||päkkä** ‘подберезовик’; *коми зыр.* **möc||гоб** ‘боровик’, ‘подберезовик’; **möc||тшак** ‘боровик’; *коми перм.* **möc гоб** ‘боровик’, ‘подберезовик’; **möc гриб** ‘боровик’, ‘коровяк’.

Заметна распространенность модели в коми языках, — по-видимому, она имеет общее с коми происхождение. По поводу общности модели для прибалтийско-финских языков невозможно сказать ничего определенного в связи с разнообразием детерминантов; во всяком случае, она присутствует в контактных языках: *нем.* **Kuh||pilz** ‘козляк’; *латышск.* **govju beka** ‘козляк’, ‘моховик болотный’; *рус.* **коровий гриб** ‘козляк’, ‘боровик’; **коровья печура** ‘моховик зеленый’; близкие — **корова** ‘боровик’; **коровка, коровки** ‘боровик’, ‘свинуха’ (сюда же *русин.* **коровка** ‘сыроежка’); **коровушка** ‘боровик’; **коровина** ‘боровик’; **коровик** ‘боровик’; **коровяк** ‘коровяк’, ‘боровик’, ‘моховик’, ‘навозник белый’, ‘опенок’; **коровник** ‘подосиновик’; **короватик, короветик, коровятик** ‘боровик’, ‘козляк’, ‘масленок’, ‘моховик’; **коровеник, короватник, коровенник, коровинник** ‘боровик’; **коровятки** ‘боровики’ (в русском языке, в отличие от немецкого, балтийских, финно-угорских языков, большинство фитонимов и миконимов образуется путем суффиксации). Подавляющее большинство всех вышеперечисленных миконимов, мотивированных названиями коровы, относится к боровику, козляку и некоторым другим трубчатым грибам.

Модель ‘коровий сосок’: *фин.* **lehmän||nisä** ‘первоцвет лекарственный’; **lehmän||nännän||kukkain** ‘любка двулистная’; *эст.* **lehma||nisa** ‘лядвенец рогатый’, ‘первоцвет весенний’, ‘сморчок’, ‘хвоц полевой’, ‘чина весенняя’; **lehma||tissid** ‘хвоц полевой’; *мар.* **ушкал||чызе** ‘толкачик (гриб-млечник)’; *коми перм.* **möc||няк||турун** ‘клевер ползучий’, букв. ‘трава коровьего соска’.

Эта модель может относиться как к сосудистым растениям, так и к грибам. Финские и эстонские фитонимы, образованные по этой модели, несомненно, имеют общее происхождение; марийский и коми фитонимы не имеют к ним отношения.

Модель ‘коровье вымя’: *фин.* **lehmän||utar||heinä** ‘кукушкины слезки’; *эст.* **lehma||udarad, lehma||udara||rohi** ‘астрагал

солодколистный', 'очиток едкий', 'язвенник'; коми *зыр.* **мӧс||нень турун** 'герань луговая'; **мӧс||няк** 'герань', 'клевер', 'ятрышник пятнистый'.

По этой модели созданы названия лекарственных растений, применяемых в народной медицине для лечения болезней коровьего вымени (также ср. в русском языке название ятрышника **коровье вымечко**). С этой же целью используются растения, названия которых содержат название болезни молочных протоков коровы *норица*: фин. **lehmän||nori||heinä** 'пастушья сумка' — фин. **nori, nor, nor'** < рус. **норица**<sup>2</sup>.

Модель 'коровий язык': фин. **lehmän||kieli** и др. 'белокрыльник болотный', 'горец почечуйный', 'грушанка круглолистная', 'купена лекарственная', 'ландыш', 'любка двулистная', 'майник двулистный', 'первоцвет лекарственный', 'седмичник европейский', 'частуха'; кар. ливв. **lehmän||kiel'i**, кар. *собств.* **lehmän||kieli||heinä**, кар. ливв. **lehmän||kiel'i||heiny** 'ландыш', 'майник двулистный', 'подорожник большой'; ижор. **lehmän||keeli** 'ландыш'; эст. **lehma||keel** и др. 'гоздец приземистый', 'ландыш', 'майник двулистный', 'рдест плавающий', 'частуха'; лив. **ni'em||kēl** 'ландыш'; коми *зыр.* **мӧс||кыв турун** 'орхидея болотная', 'щавель конский', 'ятрышник пятнистый'; коми *перм.* **мӧс||кыв||турун** 'щавель курчавый', 'ятрышник пятнистый'.

В лив. **ni'em||kēl** определяющий компонент **ni'em** < \***ʔehmä-**.

Очевидно, для прибалтийско-финских языков модель имеет общее древнее происхождение. Это модель переносных фитонимов, листья которых похожи внешне на язык коровы; чаще всего она относится к ландышу и майнику двулистному. Модель имеется и в русском языке: ср. **коровий язык**, **коровьи языки** 'сивец луговой', 'серпуха венечная', однако относится она к иным растениям.

Модель 'коровий хвост' — фин. **lehmän||häntä** 'иван-чай, кипрей'; эрз. **скалонь пуло** 'коровяк обыкновенный' — не распространен и относится к растениям, внешне напоминающим коровий хвост (ср. также рус. **коровяк** и **коровка** 'конский щавель').

Все иные модели функционируют в пределах одного языка.

**БЫК.** Модели номинации с участием названий быка разнообразны и концентрируются в прибалтийско-финских языках. Имеющаяся картина их дистрибуции, составленная по известным

<sup>2</sup> *Коппалева Ю. Э.* Финская народная лексика флоры. Петрозаводск, 2007.

источникам, по-видимому, во многом иллюстрирует известную неравномерность интенсивности изучения лексики в финно-угорских языках. Значительность эстонского материала даже по сравнению с финским резко контрастирует с почти полным его отсутствием в других прибалтийско-финских языках и отсутствием в других родственных языках. Особенно удивительна выраженная лакуна по карельским наречиям, где, на основании дистрибуции моделей с участием названий иных животных, ожидалось бы наличие гораздо большего массива лексики.

Общеприбалтийско-финское название быка **härkä** (**härgä**), по сложившимся представлениям, имеет балтийское происхождение (ср. лит. **žirgas** ‘конь’); при этом интересным образом повторяется ситуация с прибалтийско-финским названием коровы, единственное надежное соответствие которому — мордовское название *лошади*. Эрз. **бука** заимствовано из русского языка.

*Финский язык:* **härkä** ‘бык’ — **humal||härja||pea** ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘хмельная бычья голова’; **här(j)än||häntä, härän||häntike** ‘вяжечка голая’, ‘иван-чай, кипрей’, ‘полынь черная, чернобыльник’, ‘тысячелистник’, ‘чистец болотный’, букв. ‘бычий хвост’; **härän||jyvä, härkä||jyvä** ‘спорынья’, букв. ‘бычье зерно’; **här(j)än||kieli** ‘воловик лекарственный’, ‘пупавка красильная’, букв. ‘бычий язык’; **här(j)än||kukka, härkä||kukka** ‘коровяк’, ‘тысячелистник’, букв. ‘бычий цветок’; **här(j)än||silmä, härkä||silmä** ‘нивяник’, ‘пазник’, ‘пупавка красильная’, ‘ромашка непахучая’, букв. ‘бычий глаз’; **härkin||solmu** ‘торица полевая’, букв. ‘бычий узел’; **härkä||heinä, härkin||heinä, hörkkä||heinä** ‘горец шероховатый’, ‘коровяк’, ‘торица полевая’, букв. ‘бычья трава’; **härkä||herne** ‘боб конский’, букв. ‘бычий горох’; **härkä||papu** ‘боб конский’, букв. ‘бычий боб’; **härkä||puu** ‘груша’, ‘рябина ария’, букв. ‘бычье дерево’; **härkä||sieni** ‘спорынья’, букв. ‘бычий гриб’; **puna||här(j)än||kieli, punainen här(j)än||kieli** ‘воловик лекарственный’, букв. ‘красный бычий язык’; **rohto||här(j)än||kieli** ‘воловик лекарственный’, букв. ‘лекарственный бычий язык’.

*Карельские наречия:* **härgä** ‘бык’ — кар. *собств.* **härän||jüvä** ‘головня, спорынья’, букв. ‘бычье зерно’.

*Ижорский язык:* **härgä** ‘бык’ — **härgin||natta** ‘вид водоросли’, букв. ‘бычьи тинистые водоросли’.

*Вепсский язык:* **härg** ‘бык’ — **härگان||muna** ‘гриб-дождевик’, букв. ‘бычье яйцо’; **härған||jüvä** ‘спорынья’, букв. ‘бычье зерно’.

Эстонский язык: **härg** ‘бык’ — **aas||härg||hein** ‘марьянник луговой’, букв. ‘луговая бычья трава’ (‘бычий марьянник дубравный’) и др. — **härg||hein** относится к ряду травянистых растений): **härg||hein**, **härg||hain**, **härg||haina** ‘клевер ползучий’, ‘марьянник дубравный’, ‘марьянник луговой’, ‘погремок’, ‘черноголовка’, букв. ‘бычья трава’; **härg||jalg** ‘орляк обыкновенный’, букв. ‘бычья нога’; **härg||pea** ‘черноголовка’, букв. ‘бычья голова’; **härja||hammas**, **härja||hambad** ‘гравилат речной’, ‘клевер’, ‘мытник болотный’, ‘петров крест’, ‘погремок’, букв. ‘бычья зубы’; **härja||händ** ‘мытник болотный’, букв. ‘бычий хвост’; **härja||igemed** ‘петров крест’, букв. ‘десны быка’; **härja||iva** ‘спорынья’, букв. ‘бычье зерно’; **härja||kapst**, **härja||kapsad**, **härja||kapstad**, **härja||kadsad**, **härja||kats**, **härja||k(a)atsad**, **härja||kaatsas**, **härja||ka(a)tsakas**, **härja||kartsakas** ‘бодяк огородный’, ‘зверобой’, ‘первоцвет весенний’, букв. ‘бычья капуста’; **härja||keel(ed)** ‘воловик лекарственный’, ‘козелец низкий (приземистый)’, ‘синяк обыкновенный’, букв. ‘бычий язык’; **härja||kell(ad)** ‘бодяк болотный’, ‘гравилат речной’, ‘клевер’, букв. ‘бычья колокольчики’; **härja||kibus||puu** ‘шиповник’, букв. ‘бычий шиповник’; **härja||kotid** ‘гравилат речной’, букв. ‘бычьи опорки’; **härja||köömned** ‘бедренец-камнеломка’, букв. ‘бычий тмин’; **härja||leh(h)ed** ‘клевер’, букв. ‘бычьи листья’; **härja||lill(ed)** ‘гравилат речной’, ‘марьянник луговой’, ‘нивяник обыкновенный’, букв. ‘бычьи цветы’; **härja||lõug** ‘мытник болотный’, букв. ‘бычий подбородок’; **härja||mokk** ‘гравилат речной’, букв. ‘бычья губа’; **härja||mun(a)**, **härja||munnid** ‘гравилат речной’, ‘клевер’, букв. ‘бычье яйцо’, ‘бычьи яйца’; **härja||nina** ‘черноголовка’, букв. ‘бычий нос’; **härja||nisu** ‘марьянник луговой’, букв. ‘бычья пшеница’; **härja||nupud** ‘василек луговой’, букв. ‘бычьи пуговицы’; **härja||pea**, **härja||pead**, **härja||pää**, **härjape**, **härjap** ‘василек луговой’, ‘гравилат речной’, ‘клевер ряда видов’, ‘купальница’, ‘марьянник дубравный’, ‘сабельник болотный’, ‘черноголовка’, ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘бычья голова’; **härja||pea||hein**, **härja||phein** ‘клевер’, букв. ‘трава бычьей головы’; **härja||pea||leh(h)ed** ‘клевер’, букв. ‘листья бычьей головы’; **härja||pea||rohi** ‘клевер’, букв. ‘трава бычьей головы’; **härja||pää||timot** ‘timoфеевка луговая’, букв. ‘timoфеевка бычьей головы’; **härja||saba** ‘подорожник большой’, букв. ‘бычий хвост’; **härja||põis** ‘смолевка’, букв. ‘бычий пузырь’; **härja||põlve||kask** ‘береза карликовая’, букв. ‘береза бычьего колена’; **härja||sil(m)ad** ‘гравилат речной’, ‘купальница’, ‘мытник болотный’,

‘нивяник обыкновенный’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘прострел луговой’, ‘тромсдорфия крапчатая’, букв. ‘бычья глаза’; **härja||sörg** ‘чина весенняя’, букв. ‘бычья копыто’; **ida||härg||hein** ‘марьянник польский’, букв. ‘восточный марьянник’; **ilusa haisuga härjä||pää** ‘клевер горный’, букв. ‘бычья голова (клевер) с приятным запахом’; **jõe||härja||pead** ‘кувшинка’, букв. ‘речной клевер’; **kivi||härjape** ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘каменный клевер (каменная бычья голова)’; **kold härjä||kartsakas** ‘первоцвет весенний’, букв. ‘золотая бычья капуста’; **kollane härjä||pea (härja||pää)** ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘желтая бычья голова’; **kuld||härja||pea, kuldne härja||pää, koldsed härjä||pead** ‘клевер золотистый’, ‘язвенник ранозаживляющий’, букв. ‘золотая бычья голова’; **linnu||härja||pea** ‘клевер горный’, букв. ‘птичий клевер (птичья бычья голова)’; **maarja||härja||pea** ‘клевер золотистый’, букв. ‘марьяна бычья голова’; **maasika||härja||pea** ‘клевер земляничный’, букв. ‘земляничный клевер (земляничная бычья голова)’; **mee||haisuga härja||pea** ‘донник’, букв. ‘клевер с медовым запахом’; **mets||härg||hein** ‘марьянник лесной’, букв. ‘то же’; **mets||härjä||pea** ‘клевер альпийский’, букв. ‘лесной клевер’; **must||härjä||pea** ‘клевер темно-каштановый’, ‘черноголовка’, букв. ‘черный клевер (черная бычья голова)’; **mäe||härja||pea, mee||härja||pea** ‘клевер горный’, букв. ‘то же (горная бычья голова)’; **nais||härja||pea** ‘клевер горный’, букв. ‘женский клевер (женская бычья голова)’; **nõmme||härja||pea** ‘клевер горный’, букв. ‘клевер пустоши (бычья голова пустоши)’; **palu-härg||hein** ‘марьянник луговой’, букв. ‘бычья трава сухой возвышенности’; **piima||härja||pea** ‘клевер горный’, букв. ‘молочный клевер (молочная бычья голова)’; **poola-härg||hein** ‘марьянник польский’, букв. ‘то же (польская бычья голова)’; **pruun härja||pea** ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘коричневый клевер (коричневая бычья голова)’; **punane härja||pea (punased härjä||pead)** ‘красный клевер’, букв. ‘то же (красная бычья голова)’; **pöld-härg||hein** ‘марьянник полевой’, букв. ‘то же’; **pöld-härja||keel** ‘воловик лекарственный’, букв. ‘полевой бычий язык’; **pöld-härja||pea** ‘клевер луговой’, букв. ‘полевая бычья голова (полевой клевер и др. — **härja||pea** имеет разные фитонимические значения)’; **rootsi||härja||pea** ‘клевер гибридный’, букв. ‘шведский клевер (шведская бычья голова)’; **ruis||härja||pea** ‘клевер темно-каштановый’, букв. ‘ржаной клевер (ржаная бычья голова)’; **sinine härja||keel** ‘синяк обыкновенный’, букв. ‘синий бычий язык’; **valge**

**härjä||pea** ‘клевер горный’, ‘клевер ползучий’, букв. ‘белый клевер (белая бычья голова)’; **veikene härja||keel** ‘воловик полевой’, букв. ‘маленький бычий язык’.

Эстонские фитонимы, образованные по модели ‘бычья голова’, обнаруживают необычную склонность к сокращению, в результате чего второй компонент **pea (pää)** ‘голова’ редуцируется до **-pe** и даже **-p**.

*Эрзянский язык*: **бука** ‘бык’ — **бука локшо** ‘цикорий’, букв. ‘бычий кнут’; **букань цеця** ‘мать-мачеха’, букв. ‘бычий цветок’.

*Коми-зырянский язык*: **пороз** ‘бык-производитель’ — **пороз||турун** ‘тысячелистник’, букв. ‘трава быка-производителя’.

В связи с тем, что большинство рассматриваемых фитонимов сконцентрировано в финском и эстонском языках, почти модели номинации, по которым они созданы, приводятся для этих языков. Об общности происхождения таких моделей для ряда языков говорить поэтому не приходится. Отметим также, что эти модели относятся обычно в разных языках к различным растениям.

Модель ‘бычья трава’: *фин.* **härkä||heinä, härkin||heinä, hörkkä||heinä** ‘горец шероховатый’, ‘коровяк’, ‘торица полевая’; *эст.* **härg||hein, härg||hain, härg||haina** ‘клевер ползучий’, ‘марьянник дубравный’, ‘марьянник луговой’, ‘погремок’, ‘черноголовка’.

По этой же модели создано *нем.* **Stier||kraut** ‘заразиха высокая’.

Модель ‘бычий цветок’: *фин.* **här(j)än||kukka, härkä||kukka** ‘коровяк’, ‘тысячелистник’; *эст.* **härja||lill(ed)** ‘гравилат речной’, ‘марьянник луговой’, ‘нивяник обыкновенный’; *эрз.* **букань цеця** ‘мать-мачеха’.

Модель ‘бычий глаз’: *фин.* **här(j)än||silmä, härkä||silmä** ‘нивяник’, ‘пазник’, ‘пупавка красильная’, ‘ромашка непахучая’; *эст.* **härja||silm(ad)** ‘гравилат речной’, ‘купальница’, ‘мытник болотный’, ‘нивяник обыкновенный’, ‘первоцвет мучнистый’, ‘прострел луговой’, ‘тромсдорфия крапчатая’.

Эта модель сравнивает цветок растения или его часть с глазом быка; ср. также *рус.* **бычий глаз** ‘пупавка красильная’.

Модель ‘бычий язык’ — *фин.* **här(j)än||kieli** ‘воловик лекарственный’, ‘пупавка красильная’; *эст.* **härja||keel(ed)** ‘воловик лекарственный’, ‘козелец низкий (приземистый)’, ‘синяк обыкновенный’ — основана на внешнем сходстве листьев растения и языка быка. Ср. также: *рус.* **бычий язычок, бычачий язык** ‘воловик’;

**бычий язык** ‘стальник колючий’; **воловий язык** ‘бодяк разнолистный’, ‘воловик’, ‘синяк’, ‘чернокорень’.

Модель ‘бычий хвост’: *фин.* **här(j)än||häntä, härän||häntike** ‘вяжечка голая’, ‘иван-чай, кипрей’, ‘попынь черная, чернобыльник’, ‘тысячелистник’, ‘чистец болотный’; *эст.* **härja||händ** ‘мытник болотный’; **härja||saba** ‘подорожник большой’.

Эта модель относится к растениям, внешне схожим с хвостом быка; в финском языке иван-чай имеет схожее название **lehmän||häntä** ‘коровий хвост’.

Модель ‘бычье яйцо’: *венс.* **härgan||muna** ‘гриб-дождевик’; *эст.* **härja||mun(a), härja||munnid** ‘гравилат речной’, ‘клевер’. В основе модели лежит внешний вид частей растений — тела гриба, соцветия.

Модель ‘бычье зерно’ — *фин.* **härän||jyvä, härkä||jyvä** ‘спорынья’, *кар. собств.* **häärän||jüvä** ‘головня’, ‘спорынья’; *венс.* **härgan||jüvä** ‘спорынья’; *эст.* **härja||jiva** ‘спорынья’, — по-видимому, общая для прибалтийско-финских языков. Она аналогична другим моделям номинации грибов; наличие *фин.* **härkä||sieni** ‘спорынья’, букв. ‘бычий гриб’, показывает, что пораженные грибом зерна злаков могли восприниматься как своеобразные грибы.

**ТЕЛЕНОК (ТЕЛЕНОК /БЫЧОК/; ТЕЛКА)**. Названия телянка мотивируют фитонимы редко. Модели номинации разнообразны, не повторяются. Большинство растений, в названиях которых встречается название телянка, известно в финском языке. Большинство названий относится к общему названию телянка — независимо от его пола.

*Финский язык:* **vasikka** ‘теленка (независимо от пола)’ — **vasikan||kieli** ‘майник двулистный’, букв. ‘колокол телянка’; **vasikan||marja** ‘дерен шведский’, ‘смородина альпийская’, букв. ‘ягода телянка’; **vasikan||nenä** ‘льнянка малая’, букв. ‘нос телянка’; **vasikan||silmä** ‘калужница болотная’, букв. ‘глаз телянка’; **vasikan||turva** ‘истод’, букв. ‘губа телянка’; **vasikan||yrtti** ‘льнянка малая’, букв. ‘трава телянка’; **mullikka** ‘бычок (теленка мужского пола)’ — **mulikko||sieni** ‘валуй’, букв. ‘гриб-бычок’.

*Венский язык:* **häch** ‘бычок (теленка мужского пола)’ — **hächä||muna** ‘гриб-дождевик’, букв. ‘яйцо бычка’.

*Эстонский язык:* **vasikas** ‘теленка (независимо от пола)’ — **vasikan||põie||rohi** ‘смолевка’, букв. ‘смолевка телянка’.

Мокшанский язык: **ваз** ‘телка’ — **ваз||була** ‘щавель конский’, ‘чернобыльник’, букв. ‘хвост телки’.

Коми-зырянский язык: **бычӧ** ‘бычок (теленок мужского пола)’ — **бычӧ тшак** ‘валуй’, букв. ‘бычий гриб’; ср. рус. **бык** ‘валуй’.

#### СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

*балт.* — балтийские языки, *вепс.* — вепсский, *вод.* — водский, *ижор.* — ижорский, *кар.* — карельские наречия (*ливв.* — ливвиковское, *люд.* — люди-ковское, *собств.* — собственно-карельское, *кар. твер.* — тверские говоры собственно-карельского наречия), *коми зыр.* — коми-зырянский, *коми перм.* — коми-пермяцкий, *латышск.* — латышский, *лив.* — ливский, *лит.* — литовский, *мар.* — марийский, *мокиш.* — мокшанский, *морд.* — мордовские языки, *нем.* — немецкий, *рус.* — русский, *русин.* — русинский, *слав.* — славянские, *тат.* — татарский, *удм.* — удмуртский, *уральск.* — уральские языки, *фин.* — финский, *финно-угорск.* — финно-угорский праязык; *хант.* — хантыйский, *шв.* — шведский, *эрз.* — эрзянский, *эст.* — эстонский

#### СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- LW — Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1999 (репринт 1938).
- СВЯ — Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

## КОНСТРУКЦИИ ИСЧИСЛЕНИЯ РЫБОЛОВНЫХ УГОДИЙ В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XV–XVII вв.

*Аннотация.* В статье рассмотрена рыболовецкая терминология в русском языке XV–XVII вв. Для анализа были выбраны термины, используемые для исчисления рыболовных угодий в памятниках письменности.

*Ключевые слова:* рыболовные угоды, рыболовные термины, древнерусские памятники письменности.

Изучение рыболовецкой лексики древнерусского языка важно, так как это дает возможность восстановить многое из ушедшего, показать все богатство древнерусского языка, наличие разветвленной системы значений, нюансы функционирования такой лексики.

В памятниках письменности, содержащих описания принадлежности рыболовных угодий, правил пользования ими, в писцовых книгах, переписных книгах, купчих, закладных и других документах встречаются конструкции, применяющиеся для исчисления рыбных ловель. Нами собран значительный материал, содержащий конструкции, перечисляющие рыболовные участки в памятниках письменности и их части, при этом могла использоваться следующая лексика.

**Названия водоемов:** заводь, исток, река, озеро, омуток: Дал [князь Иван Васильевич — Спасо-Евфимьевскому монастырю] есми да озеро Нефру, да Розгоново озеро и с истоком, да заводь Шурбенскую, на чем монастырь их стоит Святый Василей, да омуток их в Сувориши, три тони. АСЭИ 11, 522, 1485 г. А владеют тою Нявдемою рекою нявдемские лопари тремя долями, а четвертью тое реки владеют Печенского монастыря старцы, ловят красную рыбу семгу. Сб. Кольск., 58, 1623–1624 гг.

**Названия рыболовных угодий:** вода, ловля, место, поездная вода, тоня. *Рождественского погоста великого князя станы, рыбные ловли Онтоновские Гаврилова две воды под Наволоком да Семеновские Ермолина восемь вод, Деревяницкого монастыря были десять вод.* Писц. кн. новг. зем. I, 291, 1495–1496 гг. *Великого князя места лещевые на озере на Ладожском <...> В Борутицах: Марка Панфильева два места, Марка Златынянина место вопчее, Федора Остафьева два места.* Писц. кн. новг. зем. I, 97, 1499–1500 гг. *Продали есмя [Ульяна Есипова дочь с сыном Володимером] ... поллука своего угодья в Кемии реке, промеж Кемскою волостью, и забор и поездную воду, и приколки по своему полулуку.* Мат. ист. Кар., 196, 1566 г. *А противу Покрова Пречистые тоня Береска, и в той тони великого князя три жеребьи: полтони Юрьевская, а четь Васильевская Балакшина, а четь тое тони своеземца Микифорика Данилова.* Писц. кн. новг. зем. I, 96, 1499–1500 гг.

**Названия рыболовных орудий:** забор, кол, невод, поезд, прикол. *Две трети лука в Кемии реке в заборех и во всех ловлях.* Мат. ист. Кар., 281, 1583 г. *Да выше тех тонь кол Ворсовой, и в том колу Великого князя Настасьинские волости половина да владычня четверть.* Писц. кн. новг. зем. I, 295, 1495–1496 гг. *Да Отенскому монастырю в тех же тонях на два невода ловли да Пречистыя Веденью с Острова в тех же тонях неводом ловити.* Писц. кн. новг. зем. I, 295, 1495–1496 гг. *Рыбные ловли на Выгу реке на Золотце шесть участков, да на усть-Выга река у моря шесть поездов.* А. Солов. м., 130, 1556 г. *Продали есмя [Ульяна Есипова дочь с сыном] ... поллука своего угодья в Кемии реке, промеж Кемскою волостью, и забор и поездную воду, и приколки по своему полулуку.* Мат. ист. Кар., 196, 1566 г.

**Единицы, называющие части рыболовных угодий:** доля, жеребей, лук, участок. *И в малых речках красной рыбы ловля во всем двенадцатая доля.* Сб. Кольск., 96, 1658 г. *Се яз, Максим Пантелеев сын, кемлянин, продал есми соловецкому строителю Меркурию в Кеме реке, и во всех реках, и по морскому берегу, и по тоням своего угодья рыбные ловли лук.* А. Солов. м. 1, 234, 1571 г. *Да у них же угодья в рыбных ловлях участок по Григорьеву письму Волосатого.* Мат. ист. Кар., 313–314, 1590 г.

Вышеназванные лексемы часто употреблялись в сочетании со словами *половина, треть, четверть (четь, четвертина), треть, полтрети, шестина, девятина* и другими. Например: *Да выше*

того колу остров усть-Ояти реки и под тем островом вопчая ловля рыбная <...> и в той ловле великого князя крестьян Ояцкие волости половина, а другая половина Отенского монастыря. Писц. кн. новг. зем. I, 295, 1495–1496 гг. Ондреевская ... четверть тони, а четверть в той тони николская Вяжицкого монастыря. А дают ту тоню ис пятые рыбы. Писц. кн. новг. зем. I, 286, 1495–1496 гг.

Рассмотрим детальнее лексемы, называющие части рыболовных угодий в конструкциях исчисления рыболовных угодий в северно-русских памятниках письменности.

**Лук.** В Словаре XI–XVII вв. один из омонимов лексемы имеет значение ‘единица исчисления размеров угодий (земельного, сенокосного, рыболовного)’ и приводится цитата: *Пожаловали-деи ихъ на море в рѣке в Умбѣ рыбную ловлю пятью луки <...> и последние того прикупили они в той же рѣке в Умбе пять луковъ рыбные жѣ ловли; а осталосѣ-деи нашихъ черныхъ рыбныхъ дватцать два лука.* Сл. XI–XVII вв.: Гр. Двин. 1, 868, 1578 г. В Пермском словаре слово отмечено в значении ‘единица исчисления размеров угодий’, не указано, каких угодий и нет примеров с рыболовецкой лексикой. В Словаре Академии российской 1847 года с пометой *стар.* приводится значение ‘В Северной Руси и особенно в Беломорье: мера земляных угодий’. В Словаре Кочина слово *лук* отмечено в сочетании *лук земли*. При попытке определить содержание этой меры были встречены такие объяснения: в примечаниях к сборнику Актов Соловецкого монастыря слово *лук* объясняется таким образом ‘единица земельного обложения; мера земли’. В *Солов. м.* 1 *лук земли = 3,5 десятины = 2 обжи. Обжа — с/х участок, который мог обработать один человек на одной лошади. В Солов. м. обжа — 1,7 десятины. А в примечании к Писцовым книгам новгородских земель: обжа — 5 десятин.; лук — окладная единица в тех местностях, где основой крестьянского хозяйства были промыслы.*

Самое раннее употребление слова *лук* в качестве исчисления рыболовных участков в наших материалах отмечено в актах Соловецкого монастыря: *Се яз, Максим Никонов сын <...> продал есми в монастырь на Соловки <...> три лука в Варзуги реки своей ловли промеж своих сусед варзужан, куде сам яз ловил.* А. Солов. м., 161, 1559 г.

Слово *лук* отмечено в сочетании со словом *ловля*: *Пол-лука в Шуе реки во всех ловлях.* А. Солов. м., 232, 1571 г. Чаще всего лек-

сема *лук* употреблялась со словосочетанием *рыбная ловля*: *Продад есми <...> угодьа лук рыбные ловли*. А Солов. м., 225, 1570 г.

Кроме того, лексема *лук* встретилась в конструкциях исчисления рыболовного угодьа со словом *забор*, называющим рыболовное орудие: *Приказываю [Старица Марья Соловецкому монастырю] вам в Кеме в заборе <...> без трети лук, меж волощаны, и на море ловлю*. А. Солов. м., 47, 1546 г.

А также в сочетании с лексемами *река*, *тоня*, называющими рыболовные угодьа: *А заложил [Алексей Максимов сын Дымного] есми ему [Власу Васильеву сыну] <...> поллука в реки и на море по рекам, где кемляне ловят*. А. Солов. м., 162, 1560 г. *Продад есми [Старец Федорий Иванов сын] <...> своего угодьа промеж волощаны, в Кемь реке, и во всех реках, и во всех тонях в морских и во всех угодьях, куды сам ловил и владел поллука вдернь без выкупа*. Мат. ист. Кар., 221, 1572 г.

Таким образом, можем отметить, что лексема *лук* для исчисления рыболовных угодий активно употреблялась на севере древнерусского государства.

**Доля.** Для наименования части рыболовного угодьа в памятниках письменности отмечено также слово *доля*. В основном словари дают эту лексему в значении ‘часть чего-либо’.

Для наименования части рыболовного угодьа лексема *доля* употребляется только в северных памятниках письменности: [О продаже рыбного улова в реке Поное] *Се яз <...> священник Ияков Козмин сын <...> запродад есми <...> церковные четверти свою долю <...> на пять лет*. Сб. Кольск., 71, 1631 г.

Встречается лексема *доля* и в сочетании с наименованием рыболовного угодьа *рыбная ловля*: [Угодьа Печенского монастыря]: *В рыбных ловлях красной рыбы семги доля побольше чети, в четверти половина да в другой четверти две доли рыбной ловли*. Сб. Кольск., 96, 1658 г. *Продад есми [Иван Семенов сын Андронов] <...> рыбную ловлю восьмую долю во всей реке Керети и в двух заборах и во всякой ловли в речной и в харовной*. А. Солов. м., 103, 1578 г. *И в малых речках красной рыбы ловля во всем двенадцатая доля*. Сб. Кольск., 96, 1658 г.

А также с другими названиями рыболовных угодий: *гаровные места*, *река*, *озеро*, *тоня*: *Се яз Ананья Максимов сын, Пялесмозерской лопин, продад есмь <...> в Тириберки угодьа своего осьмую долю в землях и в реках и в озерах и в тонях*. Сб. Кольск., 38, 1578 г. Про-

дали есми [Филипп Петров сын Шолутков с женой] <...> в Тириберской губе в реках и в тонях и в гаровных местех красной рыбы ловли и на тех реках в бобровых ловлях во всем между лопарями другунатцатую долю. Сб. Кольск., 41, 1607–1608 гг.

Слово *доля* отмечено также в конструкциях со словом *лук*: 6-ю долю лука рыбные ловли в Кемии реке и во всех рыбных ловлях. Мат. ист. Кар., 291, 1586 г. 8-я доля лука рыбные ловли во всех ловлях. Мат. ист. Кар., 261, 1578 г.

**Жеребей.** В значении ‘доля, пай, часть’ отмечается словарями, в Словаре Академии российской 1847 года, приводится еще значение ‘участок, доставшийся по жеребью’.

Нами отмечено употребление этой лексемы для исчисления рыболовных угодий в севернорусских памятниках письменности в сочетании со словами *вода, озеро, тоня*: Дал [Василий Яковль сын Воронина] есми <...> луги с озером, что мой жеребей, и полозера. АСЭИ 1, 45, 1417–1427 гг. Да на Свери ж вода Третницкая, и в той воде владыце половина, а другая половина великого князя Огафоновская да Яковлевская Левонтиева, в той половине Огафоновская два жеребья, а Левонтеевская треть. Писц. кн. новг. зем. II, 298–299, 1495–1496 гг. А противу Покрова Пречистые тоня Береска, и в той тони великого князя три жеребья: полтони Юрьевская, а четь Васильевская Балакишина, а четь тое тони своеземца Микифорика Данилова. Писц. кн. новг. зем. I, 96, 1499–1500 гг.

**Участок.** Зафиксировано употребление в анализируемых конструкциях и слова *участок*, которое в Словаре Академии российской 1847 года имеет значение ‘небольшая часть или доля чего-л. (участок земли)’. В Словаре Кочина представлено значение ‘владение, доля в земельных и в водных угодьях’. В Пермском словаре это — ‘часть земельной площади, используемая с какой-л. целью’.

Наиболее раннее употребление лексемы *участок* в конструкциях исчисления рыболовных угодий отмечено в Материалах по истории Карелии в сочетании с лексемами *море, вода*: Се купи <...> в Сороке реке и на море в выгу два участка в земли и в воде. Мат. ист. Кар., 101, 1419–1420 гг. Также слово *участок* встречается в памятниках письменности Кольского полуострова: А промышляти мне Фторому да Кузмы на том взгодьи тремя участки с четвертью; а Шестому да Семену да Федору тремя участки; а Логину да Микулы полутретьими участки; а Семену Верецагину участком с четвертью. Сб. Кольск., 43, 1610 г.

Лексема *участок* отмечена в конструкции со словосочетаниями *рыбная ловля, красной рыбы семги ловля*, обозначающими рыболовные угодья: *Рыбные ловли на Выгу реке на Золотце шесть участков, да на усть-Выга река у моря шесть поездов*. А. Солов. м., 130, 1556 г. *Да у них же угодья в рыбных ловлех участок по Григорьеву письму Волосатого*. Мат. ист. Кар., 313–314, 1590 г. *Под падуном красной рыбы семги ловля участок*. Сб. Кольск., 97, 1658 г. *Да в Уры речки меншиои в тонях десятои участок ловли красной рыбы семги*. Там же, 98, 1658 г. *И в тонях рыбныя ловли участок*. Там же, 98, 1658 г. *Да Палеостровского монастыря игумену з братиею на Выгу въ Золотце рыбную ловлю по льду участок*. Барсов, Палеостров, 174, 1686 г.

Слово *участок* употреблялось и в сочетаниях со словом *ез*, например, в Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси: *Се яз, князь Михайло Андреевич, пожаловал есми игумена Касьяна Кирилова монастыря с братьею: что из езы на Шохсне на реце, Никольской ез, да Чарьсинским езом, да Вособским езом, и в тех их трех езах нет участка никому*. АСЭИ II, 70, 1448–1470 г. *А что мои два участка в Римбучьском езу и яз тѣм бл(а)гословил своих детей*. Там же, 104, 1455–1475 гг.

Таким образом, можно видеть, что рассмотренные нами лексемы употреблялись в северной части русского государства, в местах, где активно проводился рыбный промысел, причем слова *лук* и *доля* — в районе Беломорья, слово *жеребей* — на северо-востоке и северо-западе Руси, слово *участок* — в Беломорье, на северо-западе и на северо-востоке Руси.

#### ИСТОЧНИКИ

- А. Солов. м. — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI веков. Акты Соловецкого монастыря: 1479–1571 гг. и 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон Л., 1988–1990.
- АСЭИ I, II — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.: в 3 т. М., 1952–1954.
- Барсов, Палеостров — *Барсов Е. Б.* Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае: С грамотами и другими письменными памятниками // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. М., 1868. С. 19–222.
- Мат. ист. Кар. — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

- Писц. кн. новг. зем. I, II — Писцовые книги новгородских земель. Т. 1. М., 1999. Т. 2. СПб., 1999.
- Сб. Кольск. — Сборник материалов по истории Кольского полуострова: В XVI–XVII вв. // Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 28. Серия северная. Л., 1930.
- Словарь XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011 (продолжающееся издание).
- Словарь Пермский — Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в. / сост. Е. Н. Полякова. Вып. 3. Пермь, 1993–2001.
- Словарь Академии российской, 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Кн. 1, 11. СПб., 2001.
- Словарь Кочина — *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней Руси. М.; Л., 1937.

## РЕФЛЕКСЫ ПРОЦЕССА УДЛИНЕНИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В ЛЕКСИКЕ РУССКИХ ГОВОРОВ (О > А)

*Аннотация.* В статье представлена большая группа русской лексики, испытавшей преобразование гласного *о* в первом предударном слоге в связи с рецессией ударения, переход *á < о*. Изменение такого рода объясняется воздействием неродственных языков, в частности, прибалтийско-финских.

Устанавливаются формальные отношения описываемых слов с исходными лексемами, а также характер семантических связей между ними. Выделяются ареалы бытования лексики, совпадающие, в основном, с древней финно-угорской территорией. Делается попытка установить причины описываемого явления.

*Ключевые слова:* языковые контакты, диалектная лексика, ареальные явления.

Изменение гласного среднего подъема после твердого согласного, т.е. преобразование *о > а*, подобно известному явлению перехода гласного *е > а* после мягких согласных с одновременным переносом ударения на первый или предшествующий слог, описанному В. В. Колесовым как заонежское «яканье»<sup>1</sup>. Относительно новые сведения в лексикографических работах последнего времени позволяют уточнить, что «яканье» характерно не только для заонежских, но и для многих других говоров, соприкасающихся с неродственными языками. Ср. данные СРНГ и ПОС<sup>2</sup>: *гняздиться* 'расти группами, семьями (о грибах)' Вл. Пск., *слязать* Ряз. Ряз., *кляветник* Вят., *бѣгом* 'бегом, быстро' Добр. Перм., *дрясва* Вин., Лен. Арх. и общеизвестные слова *гнздитьсь*, *слзать*, *клеветник*, *бѣгом*, *дресва*, а также *зѣпать* 'кричать, орать' Пушкин., Н.-Рж. Пск.,

<sup>1</sup> Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53–58.

<sup>2</sup> Географические пометы словарей не изменяем, в некоторых случаях добавляем указание на отношение пометы к области (типа Оп. Пск., а не Оп.).

© Л. П. Михайлова, 2012

Моск., Курск., Ряз., Пск., Пенз., Твер., Саратов., Оренб., Калуж., Воронеж. и *зепать* 'то же' Пск., Калуж., Твер., Влад., Смол., Пенз., Саратов., Иркут. Изменение *o* > *a* зафиксировано на значительно большей территории в сравнении с переходом 'е в 'а.

Задача статьи — описание лексических единиц русских говоров, в которых отражено удлинение звука *o*, его переход в *a*, их формального и семантического соотношения с исходной лексемой, ареальная характеристика перехода; выявление предположительных причин процесса *o* > *a*.

Материалом исследования стали данные областных словарей, в которых описываемые лексические единицы представлены то в виде вариантов к исходной лексеме, то в качестве самостоятельного слова. Следует заметить, что в значительном по объему списке слов, иллюстрирующих указанную замену, отражены два основных явления: 1) переход безударного гласного *o*- в *á*- при одновременной перетяжке ударения на первый слог, 2) переход ударного гласного *ó*- в *á*- без смещения ударения. В статье мы уделим внимание переходу, сопровождаемому переносом ударения на предшествующий слог: *o*- > *á*-. Оба признака — и перенос ударения на первый слог, и изменение гласного — могут быть отнесены к так называемым экстенциальным, т.е. возникшим под влиянием неродственного языка в условиях длительных этнических контактов<sup>3</sup>. О процессе удлинения гласного *o* говорим условно, так как по результату он напоминает именно древний процесс перехода \**ō* > *a*.

Экстенциальная лексическая единица (ЭЛЕ) — это общеизвестное или диалектное слово, подвергшееся воздействию со стороны фонетической системы иноструктурного языка и изменившее в связи с этим внешний облик. В русских говорах Севера и Северо-Запада, соседствующих в течение длительного времени с прибалтийско-финскими языками, наблюдается значительное количество необычных слов, которые отличаются от исходных лексем отдельными признаками фонетического характера. При сопоставлении обычной для литературного языка или говора лексики и лексики с указанным переходом выявляется необходимость учитывать ха-

<sup>3</sup> Более подробно см.: Михайлова Л. П. Экстенциальные фонетические варианты как фактор преобразования лексической системы // *Humaniora Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XIII: Развитие и вариантность языка в современном мире.* 1 / отв. ред. П. Кюльмоя. Тарту, 2010. С. 148–165.

рактен преобразований. По отношению к исходному слову статус ЭЛЕ может быть различным. Материалы диалектных словарей позволяют выделить две группы ЭЛЕ: 1) фонетико-акцентологические варианты исходного слова, т. е. адаптированные под произносительные особенности воздействующего языка диалектные слова, функционирующие в говоре; 2) новые лексемы, образованные от фонетико-акцентологических вариантов экстенциального характера.

1. Фонетико-акцентологические варианты отличаются от слов, функционирующих в русском языке — литературном или диалектном, — во-первых, ударением (как правило, на предшествующем слоге), во-вторых, произношением ударного гласного *-á-* в соответствии с безударным *-о-*.

### 1. Варианты литературного (общеизвестного) слова

Диалектные произносительные варианты литературных, просторечных и других общеизвестных слов могут по-разному соотноситься со словом-источником как в формальном, так и в содержательном отношении.

1.1. Приведем примеры ЭЛЕ, аналогичных по семантике литературному слову, отличающиеся от последнего только одним звуком и ударением. Этот разряд ЭЛЕ можно считать собственно фонетическими вариантами общеизвестных слов.

Большей частью это слова, в которых ударение переносится на первый слог с предшествующего слога: *ла́скут* 'обрезок ткани, лоскут' Черепов. Новг. (СРНГ XVI: 278), *кра́халь* 'утка крохаль' Лен., Мач. Якут. (СРГЯ III: 35), *га́лик* 'голик, веник из прутьев с опавшими листьями' Лен. Якут. (СРГЯ II: 4), *ма́крица* 'травянистое сорное растение с лежачими стеблями и мелкими белыми цветами, растущее в сырых местах; мокрица' Ст. Новг. (НОС V: 67), ср. *лоску́т, кроха́ль, голи́к, голéц, мокри́ца*. Видимо, сюда же относится и слово *а́бжа* Ржев. Твер., Новорж. Пск. (СРНГ I: 189 — с отсылкой к слову *обжа́*), ср. *обжа́* 'оглобля у сохи; рукоятка у плуга или сохи' (БАС VIII: 120). Отмечены и случаи переноса с третьего слога на предшествующий: *жала́стливый* 'жалостливый' Моск. Моск. (СРНГ IX: 62), ср. *жалостли́вый*; *хра́мать* 'хромать' Новг., Чуд., Др. Новг. (НОС XII: 25), ср. *хрома́ть*.

Реже наблюдается перетяжка ударения на начальный слог с третьего слога: *га́ловня* 'головня, головешка' Красн. Арх. (АОС IX:

33), **ма́росить** ‘моросить (о дожде)’ Добрян. Перм. (СРНГ XVII: 376), ср. *головня́, мороси́ть*. Вероятно, это явление имеет более широкое распространение, так как оно не всегда представлено в лексикографических источниках. Например, в фольклорных записях А. А. Шахматова по Олонецкой губернии 1886 г. — д. Великая Губа Петрозаводского уезда — в сказке «По лаптю куре, по куряти гусё» зафиксирован вариант **на́чевать** ‘ночевать’: «Пуститя-тко на́чевать». — «А на́чной ла́дно, нацлегу с собой не но́ся»<sup>4</sup>, ср.: *ночевáть*. Подобный процесс наблюдается в префиксальных образованиях, при этом ударным становится корневой гласный: **загра́моздить** ‘загромоздить’, **загра́моздиться** ‘загромоздиться’ Пск., Осташк. Твер. Влад. (СРНГ X: 26; ПОС XI: 155), ср. *загромозди́ть, -ся*.

В дополнение к указанным добавим лексему: **на́вина** ‘земля, которую раньше не вспахивали, целина’ Остр. Пск. (ПОС XXI: 361), ‘лесное место, расчищенное под пашню’ Верхне-Тоем., Пинеж. Арх. (СРНГ XIX: 167), ср. в том же или близком значении *новина́* Гарин. Свердл., Пск., *новина́* Пинеж. Арх., Беломор., Коми АССР, Перм., Каргоп. Арх., Горьк., Пск. *разделя́вать новины́* ‘засеивать пашню, расчищенную в лесу’ Пестов. Новг. (СРНГ XXI: 253–254), *новина́* ‘никогда не паханная земля; новь, целина’ (БАС VII: 1351).

**1.2.** В некоторых лексемах могут развиваться собственно диалектные лексико-семантические варианты, географически смежные с первоначально возникшими фонетическими вариантами литературных слов, сохраняющими общеизвестную семантику. В этом отношении показательна лексема **га́лый**, функционирующая в смоленских говорах в трех значениях: 1. ‘голый, раздетый’ Красн. Смол., 2. ‘лишенный растительности, голый’ Росл. Смол., ‘безлесный’ Росл., Дем. Смол., 3. ‘светло-желтого цвета’ Смол., Ярц. Смол. (ССГ XI: 198); ср.: *го́лый*. Последнее из них узко диалектное — д. Ульхово Ярц., д. Бельчевицы, д. Горюпино Смол. (там же).

Еще больший семантический пучок наблюдается в лексической группе с корнем **ка́рыст-** (< *кору́ст-*) в некоторых псковских говорах: **ка́рысть** ‘чувство удовольствия, радость’ Н.-Рж., Пыт. Пск. (ПОС XIV: 28), ср. *кору́сть* ‘выгода, польза’ Эст., Желачек, ‘доход, прибыль’ Яросл. (СРНГ XV: 36), ‘зависть’ Пск. (ПОС XV: 293),

<sup>4</sup> Фольклорное наследие А. А. Шахматова / подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2005. С. 214.

Осташк. Твер (СРНГ XV: 36); **ка́рыстно** ‘зажиточно, обеспеченно’ Пыт. Пск. (ПОС XIV: 28); ср.: *коры́стно* ‘хорошо’ Великоуст. Волог., Вят., Перм., Свердлов., ‘много’ Великоуст. Волог., Перм., Свердлов., Иркут., ‘полезно’ Тихв. Новг. (СРНГ XV: 34–35); **ка́рыстный** 1. ‘обеспеченный, зажиточный’ Пыт. Пск., 2. перен. ‘с хорошим настроением, радостный’ Пыт. Пск. (ПОС XIV: 28); ср.: *коры́стный* 1. ‘завистливый’ Пск. Пск., 2. ‘приятный на вид, красивый’ Пуст. Пск. (ПОС XV: 293). Составители ПОС — диалектного словаря полного типа — выделяют эти лексемы как самостоятельные, ориентируясь на значительный семантический отрыв от слов с гласным [о]. В целом группа слов с *ка́рыст-* и *коры́ст-* иллюстрирует сложные переходы и переплетения общеизвестных и диалектных семантических компонентов. Лексические единицы с [á] выступают в качестве вариантов то к литературным словам, то к диалектным.

Дифференциальные областные словари могут содержать вариант к семантическому диалектизму, например: **та́лочь** ‘полоскать белье’ Пуд. Карел. (СРГК VI: 437); ср.: *толóчь* ‘ударяя (пестом), очищать от грязи, стирать’ Лод., Подп. Ленингр., Плес. Арх., Пуд. Карел., Волог. Волог. (СРГК VI: 475); **на́вина** ‘лесное место, расчищенное под пашню’, **па́года** ‘ненастье’, ‘ветреная погода’ Сукс. Перм. (СРГСУ III: 104); ср.: *погóда* ‘плохая погода, непогода, ненастье’ широко в русских говорах (СРНГ XXVII: 297). Однако это не исключает возможного наличия экстенциального варианта к тому же слову в общеизвестном значении.

1.3. В дополнение к приведенным фактам заметим, что известное литературное слово может подвергаться некоторой фонетической переработке в диалектных условиях, т. е. на его базе образуется фонетический диалектизм, от которого, в свою очередь, возможно появление экстенциального варианта; ср.: **ка́лия** ‘колея’ Кириш., Тихв. Ленингр., Пуд. Карел. (СРГК II: 319), **ка́лья** ‘ухаб, выбоина на дороге’ Пудож. Олон., Олон., Сев.-Двин., Ленингр. (СРНГ XIII: 9) и *колея*, *колья* ‘след от колес, колея’ Печ. Пск. (ПОС XV: 118).

Фонетические и морфологические различия экстенциальной единицы, семантически привязанной к общеизвестной лексеме, могут касаться не одного звука, что наблюдается в группе ЭЛЕ, соответствующих просторечному слову *о́рава*: **áрева**, **áрево** ‘большое количество людей, толпа, орава’, **áрево** ‘большое количество детей в семье’ Уст. Арх. (СРГС I: 20–22), **арóва** ‘толпа’ Яросл. (ЯОС I: 23;

СРНГ I: 277), **арова́** ‘большое количество людей, толпа, орава’ Мез. Арх. (СРГС I: 22).

**1.4.** Особую группу составляют слова, в которых проявляется не один экстенциальный признак, а более. В частности, в контактных зонах с языками агглютинативного строя, в которых обычно не допускается стечения согласных в начале слова<sup>5</sup>, происходит модификация русской лексики за счет преобразования анлаута, в частности, появляется эпентетический гласный, разделяющий начальные согласные звуки, — чаще звук [o], реже [a], [y]: *вонерёд* < *вперёд*, *гору́сть*, *гару́сть* < *грусть*, *гаверста́*, *говерста́*, *гуверста* < *гверста́*<sup>6</sup>. Вставной безударный гласный [o] при перетяжке на него ударения может переходить в [a]. Яркий пример отражения указанный двух процессов — данные ярославского областного словаря. Ядерная сема ‘грусть, печаль’ реализуется в следующих словах, известных ярославским говорам: **га́русть**, **га́русь**, **га́русский**, **га́рустный** Ростов., **га́русный** Гавр.-Ям., Углич., **га́рустно** Борисоглеб. (ЯОС III: 70). Там же бытуют и слова с безударным гласным [a]: **гару́стный** ‘грустный, печальный’ Борисоглеб., **гару́стить** ‘грустить, тосковать, унывать’ Борисоглеб., Ильин., Ростов., Яросл., Ильин.-Хован. Иван., ‘наводить уныние, портить настроение пустыми разговорами, досаждать’ Гавр.-Ям., Курб., Переслав., Петров., Поших., Ростов., ‘надоедать’ Борисоглеб., Петров., Ростов. (ЯОС III: 70); ср.: *гору́сть* ‘грусть’, *гору́стить* ‘досаждать чем-л.; наводить на кого-л. уныние, грусть’, *гору́стный* ‘грустный, скучный’, *гору́стно* ‘грустно, скучно’ Ростов. (СРНГ VII: 72). Исходным словом выступает общеизвестное *грусть*, с которым «дважды экстенциальные» диалектные варианты *га́русть* и другие удерживают прочную семантическую связь.

## 2. Варианты диалектного слова

Значительно большее количество слов, в которых произносится ударный гласный [a] в соответствии с обычным для говора [o]

<sup>5</sup> Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 119; Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 26.

<sup>6</sup> См.: Михайлова Л. П. О степени влияния иноязычной фонетической системы на русскую лексику Севера и Северо-Запада // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2010. Вып. 11. С. 37, 43–44.

с параллельным переносом ударения на начальный или предшествующий слог, возникло на базе **диалектного** исходного слова. Имея в виду реальное совпадение значений исходной и экстенциальной лексических единиц, приведем толкование значений только последних, во избежание повторов (хотя при этом формулировки толкований дословно совпадают исключительно редко). Более существенным в описании исследуемого материала представляется ареальное бытование обеих лексем, по этой причине географические пометы сохраняем.

**2.1.** Выделяется относительно компактная западная зона. Самое большое количество лексем отмечено в псковских говорах. Здесь также наблюдаются разные группы экстенциальных единиц в их отношении к семантике и структуре исходного слова. В сравнении с последним это прежде всего единицы с минимальными изменениями; ср.: **залáмать** 'захламить чем-л., замусорить' Гд., Кр., Печ., Аш., Оп., Пушк. (ПОС XI: 284) и **заломáть** 'завалить буреломом' Вл., Остр., Стр. (ПОС XI: 308); **захвáрастить** 'завалить, замусорить хворостом' Тор. Твер., 'замусорить' Дед., Печ. и **захворостíть** Пуст., Остр., Дн., Н.-Рж. (ПОС XII: 227); **кля́хтать** 'издавать бульканье, булькать' Пушк. (ПОС XIV: 178) и **клохтáть** 'издавать особые глухие повторяющиеся звуки, когда (курица) высиживает яйца или ходит с цыплятами' Гд., Сл., Дн. (ПОС XIV: 221); **коля́бушка** 'небольшое круглое выпечное изделие, булка' Беж. (ПОС XIV: 351), 'небольшая булочка из сдобного теста' Казаки-некрасовцы (Сердюкова, 107) и **колобу́шка** 'круглый ржаной хлебец' Дед., Дн., Локн. (ПОС XIV: 383); **ка́лкуха** 'растение лопух' Гд. (ПОС XIII: 426) и **колкúха** 'сорная трава с колючками (чертополох, лопух, осот)' Аш., Беж., Дед., Дн., Кр., Н.-Рж., Остр., Пл., Порх., Пуст., Сош., Стр., Слан. (ПОС XIV: 378); **ка́лки** 'удлиненные сережки' Беж. (ПОС XIII: 427) и **ко́лки** Пск. (ПОС III: 427), **колтúчки** Оп., **колто́чки** Палк., Пск. (ПОС XV: 102), **ка́лткий** 'удлиненный (?)' Аш. (ПОС XIII: 427); **кору́мный** 'откормленный, упитанный, жирный (о скоте, домашней птице)' Беж., Дед. (ПОС XV: 257) и **кору́мной** Аш., Беж., Дед., Дн., Кар., Кр., Н.-Рж., Оп., Остр., Палк., Порх., Пск., Пушк., Сл., Слав., Сош. (ПОС XV: 257); **кору́мщик** 'человек, который направляет движение. находясь на корме, рулевой' Гд., Пск., Сер. (ПОС XV: 259) и **кору́ми́к** Гд., **кору́ми́чик** Пск. (ПОС XV: 259); **кря́коль** 'сук, сучок дерева' Остр. (ПОС XVI: 65; СРНГ XV: 165) и **кряко́ль** 'неровные куски льда' Кондоп. Карел., 'корень, остаток

испорченного зуба' Кондоп., Медв., Пуд. Карел. (СРГК III: 22–23), бранно *крóкаль* 'о беззубом человеке' Петрозав. Олон. (СРНГ XV: 273), *кроколі́ться* 'давать ветви, ветвиться, разветвляться' Оп. (ПОС XVI: 188); *ла́сица* 'самка лося' Остр. (ПОС XVI: 513) и *лоси́ца* Нев., Стр., Печ., Беж., Пуст., Тер., Гд., Остр. (ПОС XVII: 185); *ка́линка* 'корова, находящаяся в брачном периоде на втором году жизни' Гд., Слан. (ПОС XIII: 422) и *колéнка* 'корова, отелившаяся первый раз' Ляд., *ко́линка* 'корова, отелившаяся в возрасте двух лет' Гд., Дед., Дн., Пск., Сер., Стр. (ПОС XIV: 376); *ка́былка* 'приспособление, к которому привязывается верхний конец сети при плетении, починке' Межа Эст. (ПОС XIII: 371) и *кобы́лка* 'петля, узелок в ниченках, получающиеся при тканье холста' Стариц. Твер., Твер., Пск., Смол. (СРНГ XIV: 21); *ма́ркотно* 'тошно, неприятно' Гдов. Пск. (СРНГ XVII: 375) и *морко́тно* 'неприятно, грязно' Мезен. Арх., 'об ощущении тошноты' Ворон., Орл., Кубан., Терск., 'неприятно, противно' Калин. (СРНГ 18: 267); *гора́жник* 'огороженное место для скота под открытым небом' Гд. (ПОС VII: 90) и *горожні́к* Гд. (ПОС VII: 129).

К этой группе можно отнести и слово *кола́зник* 'приспособление из жердей и плоских планок в риге для сушки снопов' Гд. Пск. (ПОС XIV: 351), в котором, помимо указанного смещения ударения и перехода гласных, употребляется звонкий согласный в соответствии с обычным глухим (что следует относить также к экстенциальным признакам); ср.: *колосни́кі* 'жерди, на которых сушат снопы в овине' Гд., Пск. Пск. (ПОС XV: 86), *колосні́к* 'решетчатый настил из жердей, на котором сушат рыболовецкие снаряды' Петрозав. Олон., Костром. (СРНГ XVIII: 175).

Приведем данные тверских говоров; ср.: *ва́ять* 'выть, плакать' Осташк. Твер. (СРНГ IV: 79; Селигер I: 128) и *во́ять* Петергоф., Лужск. Петерб., Пск., Твер., Вят., *во́ять* Онеж., Олон., Арх., Курск. (СРНГ V: 169); *да́лбанка* 'гроб': «Грабы' дэлали да́лбанки, ва́лят у помéшшык люббе дэрево. У на́шгва пра́дедь была́ да́лбънка» Тор. Твер. (ПОС VIII: 124) и *долба́нка* 'улей, выдолбленный из цельного куска дерева, колода' Вл. Пск. (ПОС VIII: 124); *бра́дник* 'вид сети' Пен. Твер. (Селигер I: 64), 'сеть для ловли рыбы' Вел. Смол. (ССГ I: 239) и *бродні́к* Дем. Новг., Пен., Ост. Твер. (Селигер I: 69), Вел., Вяз., Дух., Ельн., Росл., Смол., Хисл., Шум. Смол. (ССГ I: 254); *бора́вина* 'небольшой участок леса на болоте; бор' Ост. Твер. (Селигер I: 60) и *борові́на* Костром., Калин., Горьк. (СРНГ III: 104).

В западную зону входят и смоленские, а также некоторые другие южнорусские говоры. Ср.: **бра́нец** ‘трава, растущая на болоте, в сырых местах’ Саф., Вел. Смол. и *бронéц* ‘то же’ Вел., Дор., Дух., Росл., Рудн., Саф. Смол. (ССГ I: 239, 255), ‘растение *Lycopodium annotinum* L., сем. плауновых, плаун годичный’ Волог., Смол., названия других растений Волог., Никол., Кадн. Волог., Перм., Шенк. Арх., Мосал. Калуж., Ворон. (СРНГ III: 194); **ко́равяк** ‘коровий навоз’ Курск. и *коровя́к* Курск., Калуж., Смол., Калин., Том. (СРНГ XIV: 309, 356); **па́лица** 1. ‘деревянная полка возле печи’ Дор., Смол. Смол., ‘полка для посуды’ Ребрихин. Алтай, 2. ‘настенный деревянный шкафчик для посуды’ Глинк., Мон., Росл. Смол. (ССГ VIII: 9), ‘небольшой шкафчик с полками для посуды’ Ребрихин. Алтай и *поли́ца* ‘посудная полка’ Бийск. Алтай (СРНГСиб. III: 168, 356); **па́ддонки** ‘остатки при сбивании масла, пахта’ Калин. (СРНГ XXV: 126) и *поддо́нки* Чуд. Новг. (СРНГ IV: 627); **па́ддоска** ‘железная планка снизу оси для предохранения ее от стирания’ Вел., Вяз., Глинк., Дем., Дух., Ельн., Мон., Новод., Поч., Росл., Саф., Ярц. Смол. (ССГ VIII: 6), **па́ддоски** ‘подполосья’ Мосал. Калуж. (СРНГ XXV: 126) и *поддо́ска, по́ддоска* ‘железная пластина, врезанная под тележную ось или под концы ее для прочности’ Твер., Смол., Калуж., Яросл., Новг., Костром., Волог., Арх., Тул., Тамб., Ворон., Сиб., Пск. (СРНГ XXVII: 395); **па́дсвинка** ‘подсвинок (женская особь)’ Новод. Смол. (ССГ VIII: 7) и *подсви́нка* ‘молодая свинья’ Мон. Смол. (ССГ VIII: 128), ‘поросенок по второму году’ Гребен. Терск. (СРНГ XXVIII: 174); **па́дсвинок** ‘подсвинок’ Дор., Мон. Смол. (ССГ VIII: 7) и *подсви́нок* ‘годовалый поросенок’ Смол., Курск. (СРНГ XXVIII: 174); **па́дтелка** ‘годовалая, еще не отелившаяся телка’ Смол., Гаг., Ельн., Мон., Поч., Росл., Хисл., Шум. Смол., уменьш. **па́дтелочка** Саф. Смол., **па́дтелок** ‘подтелок’ Поч., Смол. Смол. (ССГ VIII: 7), ‘годовалый теленок’ Смол. (СРНГ XXV: 135) и *подте́лка* ‘телка в возрасте одного-двух лет’ Новг., Калин., Ряз., Терск., Кубан., Оренб., *подте́лок* ‘корова, отелившаяся в первый раз’ Новосибир. (СРНГ XXVIII: 213–214); **презла́дейка** ‘злодейка; недоброжелательная женщина’ Смол. (СРНГ XXXI: 82) и *злоде́йка*; **па́кол** ‘кадушка, бочка’ Ярц. Смол. (ССГ VIII: 9) и *поко́л* ‘то же’ Глинк., Мон. Смол. (ССГ VIII: 151).

**2.2.** Описываемое явление наблюдается в говорах севернорусской территории; ср.: **да́гада** ‘догадка, понимание’ Онеж. Арх. (АОС X: 230) и *дога́да* Пин. Арх. (АОС XI: 234); **да́полна** ‘много, большое количество’ Пин. Арх. (АОС X: 261) и *дополна́* Вил., Вин.,

В.-Т., Карг., Кон., Красн., Леш., Нянд., Онеж., Плес., Прим., Холм. Арх. (АОС XI: 437); **па́дволока** 'пространство между потолком и крышей' Беломор. (СРНГ XXV: 126), 'чердак' С.Низ. Печора (СРНП II: 4) и *подволо́ка* Белом., Кем., Лоух., Пуд. Карел., Тер., Канд. Мурман., Онеж. Арх., Баб., Волог., Кад., Вашк., Чер., Уст. Волог., Сол., Чуд. Новг., Кириш. Ленингр. (СРГК IV: 617), *пóдволока* 'чердак над жилой частью дома' Печор. (СРНП II: 66); **па́перва** 'сначала' Печор. Арх. (СРНГ XXV: 204) и *поперва́* Ворон., Дон., Новосиб., Иркут., *попéрва* Камышл. Перм. (СРНГ XXIX: 302); **потáчина** 'заболоченное, топкое место' Кирил. Волог. (СРГК V: 108) и *поточи́на* Под., Бор., Новг., Валд., Лычк., Мал., Пест. Новг. (НОС VIII: 156); **га́лица** 'брюква' Сямж. Волог. (СРГС III: 11) и *голи́ца* М.-Реч. Волог. (СРГС III: 70); **бора́ница** 'борона' Медв. Карел. (СРГК I: 96) и *боронни́ца* Олон., *борóнница* Кондоп., Медв., Пуд. Карел. (СРГК I: 100), Повен. Олон. (СРНГ III: 117); **бра́дец** 'рыболовная сеть, бредень' без указания места — Карел.? и *бродéц* Выт., Лод., Карг., Кондоп., Новг., Онеж., Пест., Плес., Подп., Пуд., Тихв., Уст., Чаг., Чуд. (СРГК I: 104, 115); **га́лубать** 'сильно хотеть, желать чего-л.' Олон. (СРНГ VI: 117) и *голуба́ть* Олон. (СРНГ VI: 332); **та́перешний** 'существующий, имеющий место теперь, в настоящее время' Прион. Карел. (СРГК VI: 440) и *топéрешний* Подп. Ленингр. (СРГК VI: 483); **па́цепка** 'цепочка' Яросл. (СРНГ XXV: 298) и *поцёпка* 'цепочка; цепь' Яросл., Влад., Вят., Волог., Арх., Беломор., Перм., Свердл. (СРНГ XXX: 369); **са́мцы** 'обрешетины, которые кладутся на стропила крыши' Яросл. (СРНГ XXXVI: 114) и *соми́цы* Арх., Волог., Калинин., Свердл. (СРНГ XXXIX: 314). Добавим сюда же и **пала́груздь** 'съедобный гриб — груздь' Масл., Молог., Мышк., Углич. Яросл. (ЯОС VII: 78); ср.: *полугру́здь* 1. 'гриб желтый груздь' Сок. Волог., 2. 'груздь невысокого качества, переросший груздь' Тот. Волог. (СВГ VII: 144), *полугрузды* мн., ед. *полугру́зд* 'грибы грузди' Новос. Орл. (СОГ X: 122). В слове **пала́груздь** отражен перенос ударения на предшествующий слог с переходом (y >) o > á.

В некоторых говорах Урала и Сибири также представлены подобные варианты: **ка́туль** 'берестяное ведро, обычно ходят за ягодами, грибами, шишками' Гарин. Свердл. (СРНГ XIII: 133), ср. *коту́ль* 'сума путников и пастухов' Пск., Осташк. Твер., 'мешок для провизии' Пск. (СРНГ XV: 114); **сатáрить** 'неразумно, нерасчетливо тратить, расходовать что-л.' Свердл., Убин. Новосиб., Новосиб., Тюмен. (СРНГ XXXVI: 151), ср. *сотóрить деньгами* 'сорить деньгами,

тратить деньги в большом количестве' Урал., *соторить* 'смешивать рожь и ячмень при помолу' Сольвыч. Волог. (СРНГ XL: 75). Слово **сáтар** 'о том, кто неразумно, нерасчетливо тратит деньги' Индигирка Якут. (СРНГ XXXVI: 151), образовавшееся от экстенциальной единицы, по имеющимся данным, функционирует в качестве самостоятельной лексемы изначально, так как не имеет соответствующего исходного равного по фонемному составу и структуре слова.

Обратим внимание и на тот факт, что отдельные слова имеют географическую привязку к разным единицам диалектного членения, например: **пáйма** 'пучок, прядь (волос)' Ряз. Ряз. (СРНГ XXV: 154), 'поставленная в форме конуса треста' Углич., **пáймышко** 'то же' Переслав. Яросл. (ЯОС VII: 78), ср. *поймó* 'горсть колосьев' Елец. (СРНГ XXVIII: 355). В словарях иногда не указывается место бытования лексемы: **пáсконный** 'конопляный' (СРНГ XXV: 255), ср. *поскóнный*.

**2.3.** Вариант диалектного слова, помимо перехода **á < о**, может также обладать дополнительными приметами фонетического характера, например чередованием *o/e*; ср.: **пáлева** 'отходы после обмолота овса, мякина' Подп. Ленингр. (СРГК IV: 376) и *полóва* 'мякина' Рылъск., Судж. Курск., Курск., Орл., Ворон., Южн., Ростов., Краснодар., Ставроп., Брян., Калуж., Смол., Пск., Зап., Моск., Калин., Новг., Яросл., Пенз., Тамб., Тул., Влад., Ряз., Нижегород., Киров., Перм., Чкал., Новосиб., Краснояр., Алт., Амур. (СРНГ XXIX: 86). Иногда экстенциальный вариант фразеологически связанный. Например, **áвия**, производное от *овiя*, *овéя* 'отходы при веянии зерна' Баб. Волог. (СРГК IV: 130), известно в устойчивом обороте *городить áвию* 'говорить вздор, глупости' Тихв. Ленингр. (СРГК I: 16), предполагаемое семантическое преобразование именного компонента сочетания: 'отходы при веянии зерна' > 'что-л. негодное' > 'отбросы' > 'чепуха'; **áпрак** в сочетании *áпраку нет* 'нет сил' Караг. Перм. (СПГ I: 11); ср.: *прок* 'физические возможности действовать, делать что-л.' Калин., 'уменье; способность' Пинеж. Арх., Пск. Пск. (СРНГ XXXII: 151), *óпрак* и *опрáк* 'равновесие' Перм. (СРНГ XXIII: 291).

### 3. Новые слова, производные от ЭЛЕ

Значительна по объему группа экстенциальных единиц, которые не имеют в говоре точной параллели без перехода **á < о** (типа **кáбылка** < *кобы́лка*), т. е. непосредственной исходной лексемы. Исходная производящая основа содержится в других словах, имеющих

более широкий ареал и функционирующих в говорах без фонемно-акцентологического отрыва от «родного» этимологического гнезда.

К новым словам, имеющим экстенциальную производящую основу, относятся аффиксальные образования. Путь их возникновения может быть представлен схемой: исходная литературная или диалектная основа, не испытавшая внешнего воздействия → модифицированная основа (с признаком *á < o*) → новое слово, образовавшееся с помощью аффиксов.

**3.1.** Приведем примеры новых ЭЛЕ, этимологически связанных с первоначальной производящей основой литературного слова, точнее — с его корнем. Ср.: **бра́дница** ‘та, которая ходит пешком’ Медв. Карел. (СРГК I: 104) и *бродэнь* ‘бродяга, нищий’ Подп. Ленингр., Пуд. Карел. (СРГК I: 115), *бродить*; **зава́дница** ‘о женщине, которая будоражит, заставляет действовать других’ Тер. (СРГК II: 89) и общеизвестное *заводить* ‘приводить в движение, пускать в ход (механизм)’, *заводила*; **ова́дица** ‘половодье’ Онеж. Арх. (СРГК IV: 128) и *обводенеть* ‘покрыться водой поверх льда (о реке, озере)’ Кольск. Арх. (СРНГ XXII: 9), *обводнить*; **ова́дчина** ‘летнее время, обычно в июле, когда много оводов’ Онеж. Арх. (СРГК IV: 128) и *оводница* Баб., Кад., Чер. Волог. (СРГК IV: 131), *овод*; **па́стовать** ‘соблюдать установленный церковью пост, поститься’ Низ. Печора и *пóстовать* Б., З., Зм., Л., КРч., М., СЩ., Тр., У-Ц. Низ. Печора (СРНП II: 13, 124), *пост*; **па́резка** ‘лекарственная трава (?)’, применяемая в народной медицине’ Новосиб. (СРГСиб. III: 174) и *порéзная трава* ‘подорожник’ Бурят., ‘тысячелистник’ Бурят. (СРГСиб. III: 398), *порéз*; **кола́бушек** ‘небольшой круглый хлебец, каравай’ Дон., Курск., Ворон., Тамб., Тул., Ряз. (СРНГ XIV: 147) и *колобо́к*; **ва́ключье** ‘место между приворотным углом рыболовного устройства и выемкой, где невод тянут с помощью ворота’ Ост. Твер. (Селигер I: 82) и *оклю́чье* ‘уключина’ Арх., *оклю́чинья* ‘то же’ Медвежьегор. КАССР (СРНГ XXIII: 129), литературное *уклю́чина*.

Новые производные могут составлять словообразовательное гнездо. Яркая иллюстрация этого — гнездо с преобразованным корнем слова *коля́* в псковских говорах: ‘углубление от колес на дороге, колея’, ‘яма, рытвина на дороге’ — **ка́лева** Остр., Печ. и образования от него — **ка́левина** Остр., Кач., Остр., Палк., Пыт., Сл., **ка́левинка** Палк., **ка́левица** Остр., **ка́левый** Остр., **ка́левье** Остр., Палк., **ка́ливо** Пск., **ка́лина** Печ. (ПОС XIII: 414–422); ср.: *колева́* Пск., *колеви́на* ‘дорожная колея’ Пск. (ПОС XIV: 358).

3.2. Некоторые новые слова с экстенциальным признаком настолько отделились от литературного корнеслова, что их производящая основа может считаться собственно диалектной. Примером может служить слово **са́бара** ‘надоедливый, назойливый, навязчивый человек’, **са́барить** ‘надоедать кому-н., приставать к кому-н., навязываться’ Прион. Карел. (СРГК V: 619). Семантическая связь с *собор* ‘компания, сборище’ Тер. Мурман. (СРГК VI: 195) кажется очевидной, актуализируется один из периферийных компонентов: ‘сборище’ > ‘шум, крик как помеха, неприятность’ > ‘надоедливое поведение’ > ‘надоедливый человек’. В глаголе *соборить* отмечено конкретное значение ‘мчаться, ехать зигзагами’ Медв. Карел. (СРГК VI: 195), за которым просматривается более абстрактное — ‘нарушать порядок’. Другие подобные лексемы: **а́бодье** ‘ясный солнечный день’ Арх. (СРНГ I: 190); ср.: (?) *ободнёть* ‘отогреться, согреться при лучах солнца’ Пск., Осташк. Твер. (СРНГ XXII: 155); **а́корье** ‘обгорелые деревья после пала, гари’ Арх. (СРНГ I: 227); ср.: *окорёнок* I. ‘комель’ Южн., ‘обрубок дерева’ Медын. Калуж., ‘обломок, корень зуба’ Вохом. Костром. (СРНГ XXIII: 153). Лексема **га́рнуть** ‘сильно, звучно ударить чем-л. твердым’ Олон. (СРНГ VI: 146), по всей вероятности, связана с *громнуть* без указания места, *гро́мнуть* ‘сильно ударить’ Пск., Осташк. Твер. (СРНГ VII: 150). Преобразования данных семантически близких слов можно объяснить, во-первых, появлением вставного гласного в начальном сочетании согласных, во-вторых, переходом **á** < **о** с передвижкой акцента: *громнуть* < *гормнуть* > *га́рнуть*.

#### 4. Варианты служебных слов

Наряду со знаменательными словами экстенциальным признаком **á** < **о** обладают и некоторые служебные слова, что в основном объясняется единством произносительного комплекса, в который входит служебное и знаменательное слово. Это прежде всего односложные слова; ср.: **пра** предлог ‘вдоль’ Пудож. Олон. (СРНГ XXXI: 49) и *про* предлог с винительным падежом — употребляется для указания на место действия; за чем-н., позади чего-н. Пуд. Карел. (СРГК V: 232); **пай** — неопред. частица в контекстах типа «*Пай знай* когда, я не знаю» Прион., Медв. Карел., Лод., Подп. Ленингр. (СРГК IV: 371) и *пой* в сочетаниях *пой знай*, *пой ведай* ‘неизвестно, неведомо’ и др. Медв., Пуд., Кем., Кондоп. Карел. (СРГК V: 36); *поди знай* ‘неизвестно’ Медв., Пуд. Карел., Выг. Волог., Тихв., Лод. Ле-

нингр. (СРГК IV: 634); **ват** частица ‘вот’, «употребляется в значении частицы ведь» Соликам. Перм. (СРНГ IV: 67) и *вот*.

Примеры двусложных служебных слов: **áто** частица ‘вот’ Пуд. Карел., **áта** частица — употребляется при указании на какое-н. действие Медв. Карел. (СРГК I: 23), ср. *от* указ. частица ‘вот’ Стариц. Твер., Новг., Арх., Яросл., Йонав. Лит. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР, Омск., Том., Новосиб. (СРНГ XXIV: 108); **káли** предл. ‘около, вблизи’ Пуд. Карел. (СРГК II: 318); ср.: *кóло* предл. ‘то же’ Выг. Волог., Медв. Карел., Подп., Тихв. Ленингр. (СРГК II: 399); **пáколь** временной союз ‘до тех пор пока’ Томск. (СРГСиБ. III: 165), ср. *покуль*.

Перенос ударения на первый слог связывается с влиянием неродственных языков, в частности, карельского, о чем писал А. А. Шахматов: «В Петрозаводском и Повенецком уездах под карельским влиянием произошел перенос ударения с конца слова на его начало (*тóпор, óкно, гóворить, мýжик, мóлодой*), а местами с таким переносом связывается изменение гласных *e* и *o*, перенесших на себя ударение, в дифтонги *ea, oa*, чуждые вообще русскому языку, но свойственные карельскому, вместо чего дальше и просто *a* (*нэасу, пóапа, тóапор, нýсу, пáпа, тáпор*)»<sup>7</sup>. Исследователь отмечал сильное, даже разрушительное действие на звуки и формы языка, какое оказывает «влияние соседних языков через посредство возникающей в результате тесного с ними общения двуязычности»<sup>8</sup>.

Надо полагать, что указанная А. А. Шахматовым причина изменения **’e > ’a, o > a** может относиться непосредственно к говорам Заонежья, где особенно активен первый процесс, но широкая территория, на которой представлены рефлексy удлинения **o**, его переход в **a**, указывает на необходимость поиска и других причин описываемых изменений. По всей вероятности, усиление гласного первого слога в связи с рецессией ударения, обусловленной влиянием соседних неродственных языков, вызывает и «удлинение всего гласного по сравнению с соседними неударенными слогами»<sup>9</sup>. Вряд ли стоит относить описанный переход **á < o** к древ-

<sup>7</sup> Шахматов А. А. Русская диалектология: лекции / под ред. Б. А. Ларина. С приложением очерка «Древнейшие судьбы русского племени». СПб., 2010. С. 35.

<sup>8</sup> Там же. С. 34.

<sup>9</sup> Щерба Л. В. Об ударении // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 176.

нейшему периоду, когда «система праславянского вокализма характеризовалась наличием долгих и кратких гласных»<sup>10</sup>. Можно предположить, что это явление имеет истоки в далеком прошлом, но связывается с особенностями акцентологической системы прибалтийско-финских языков, которая характеризовалась главным ударением на первом слоге<sup>11</sup>: при заимствовании из русского языка гласный **о** первого слога, становясь ударным, удлинялся и переходил в **а**. Прибалтийско-финское **а**, соответствующее русскому **о**, нашло отражение в ранних заимствованиях; ср.: карел. *aprakka*, *abrakka* из рус. *обрóк*, лив. *vabad* из рус. *свобóда*, фин. *tappara*, карел. *tappara*, водск. *tappoga*, эст. *taper* из рус. *топóр* (SKES) и др.<sup>12</sup> Время контактов славян и прибалтийских финнов относят к VIII в. н.э., «непосредственно после распада общеславянского единства в связи с продвижением северо-восточной части славянства на территории, занятые финно-уграми»<sup>13</sup>.

Надо полагать, древнее явление, отмечаемое в заимствованиях, было перенесено на русскую лексику, которая в период перехода прибалтийских финнов на русскую речь подверглась соответствующей переработке, а затем местами, в русских говорах, до настоящего времени контактирующих с прибалтийско-финскими языками, которые, кроме вепсского, сохраняют долгие гласные<sup>14</sup>, стала неотъемлемой частью русской диалектной лексической системы. Описанный переход **á** < **о**, распространенный на бывшей финно-угорской территории, входит своей частью в большое число явлений предшествующего состояния, характерного для периода «перехода к иной монокультуре и в языке и в материальной культуре»<sup>15</sup>, наступившего после периода билингвизма в языке.

---

<sup>10</sup> Бернштейн С. Б. Сравнительная грамматика славянских языков: 2-е изд. М., 2005. С. 230.

<sup>11</sup> Лаанест А. Прибалтийско-финские языки. С. 29.

<sup>12</sup> См. примерь: Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. С. 26.

<sup>13</sup> Там же. С. 27.

<sup>14</sup> Лыткин В. И. Сравнительная фонетика... С. 177.

<sup>15</sup> [Герд А. С.] Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: северо-Запад России: Славяне и финны / под общ ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 416.

## СПИСОК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПОМЕТ

Алт.	— Алтайское
Алтай	— Алтайский край
Амур.	— Амурское
Арх.	— Архангельская область (губерния)
Аш.	— Ашевский район Псковской области
Б.	— д. Бык, Низовая Печора
Баб.	— Бабаевский район Вологодской области
Баб. Волог.	— Бабушкинский район Вологодской области
Беж.	— Бежаницкий район Псковской области
Белом.	— Беломорский район Республики Карелия
Беломор.	— Беломорский район Республики Карелия
Бийск.	— Бийский район Алтайского края
Бор.	— Боровичский район Новгородской области
Борисоглеб.	— Борисоглебский район Ярославской области
Брян.	— Брянская область
Бурят.	— Республика Бурятия
Валд.	— Валдайский район Новгородской области
Вашк.	— Вашкинский район Вологодской области
Вел.	— Велижский район Смоленской области
Великоуст.	— Великоустюжский район Вологодской области
Верхне-Тоем.	— Верхне-Тоемский район Архангельской области
Вил.	— Вилегодский район Архангельской области
Вин.	— Виноградовский район Архангельской области
Вл.	— Великолукский район Псковской области
Влад.	— Владимирская область (губерния)
Волог.	— Вологодская область
Волог. Волог.	— Вологодский район Вологодской области
Ворон.	— Воронежская область
Вохом.	— Вохомский район Костромской области
В.-Т.	— Верхне-Тоемский район Архангельской области
Выт.	— Вытегорский район Вологодской области
Вяз.	— Вяземский район Смоленской области
Вят.	— Вятская губерния
Гавр.-Ям.	— Гаврилов-Ямский район Ярославской области
Гаг.	— Гагаринский район Смоленской области
Гарин.	— Гаринский район Свердловской области
Гд.	— Гдовский район Псковской области
Гдов.	— Гдовский район Псковской области
Глинк.	— Глинковский район Смоленской области
Горьк.	— Горьковская (ныне Нижегородская) область
Гребен. Терск.	— Гребенские казаки Терской области
Дед.	— Дедовичский район Псковской области
Дем. Новг.	— Демянский район Новгородской области
Дем. Смол.	— Демидовский район Смоленской области
Дн.	— Дновский район Псковской области
Добр.	— Добрянский район Пермской области

Добрян.	— Добрянский район Пермской области
Дон.	— Донское (по р. Дону)
Дор.	— Дорогобужский район Смоленской области
Др.	— Дрегельский район Новгородской области
Дух.	— Духовщинский район Смоленской области
Елец.	— Елецкая область
Ельн.	— Ельнинский район Смоленской области
З.	— д. Загривочная, Низовая Печора
Зап.	— Западное
Зм.	— д. Замежная, Низовая Печора
Иван.	— Ивановская область
Ильин.	— Ильинский район Ярославской области
Ильин.-Хован.	— Ильинско-Хованский район Ивановской области
Индиگیرка	— по р. Индиگیرке, Якутия
Иркут.	— Иркутская область
Йонав.	— Йонавский район Литовской ССР
Йыгев.	— Йыгевский район Эстонской ССР
Кад.	— Кадушский район Вологодской области
Кадн.	— Кадниковский уезд Вологодской области
Казакн-некрасовцы	— станицы, расположенные по верхне-среднему течению р. Дон (Краснодарский край и Ставропольский край)
Калин.	— Калининская (ныне Тверская) область
Калуж.	— Калужская область (губерния)
Камышл.	— Камышловский район Свердловской области
Канд.	— Кандалакшский район Мурманской области
Кар.	— Карамышевский район Псковской области
Караг.	— Карагайский район Пермской области
Карг.	— Каргопольский район Архангельской области
Каргоп.	— Каргопольский район Архангельской области
Карел.	— Республика Карелия
КАССР	— Карельская АССР
Кач.	— Качановский район Псковской области
Кем.	— Кемский район Республики Карелия
Кирил.	— Кирилловский район Вологодской области
Кириш.	— Киришский район Ленинградской области
Киров.	— Кировская область
Кольск. Арх.	— Кольский уезд Архангельской губернии
Кон.	— Коношский район Архангельской области
Кондоп.	— Кондопожский район Республики Карелия
Корач.	— Корачевский (Карачевский) район Брянской области
Костром.	— Костромская область (губерния)
Кр.	— Красногородский район Псковской области
Красн. Арх.	— Красноборский район Архангельской области
Красн. Смол.	— Краснинский район Смоленской области
Краснодар.	— Краснодарский край
Краснояр.	— Красноярский край
КРЧ.	— д. Коровий Ручей, Низовая Печора

Кубан.	— Кубанская область
Курб.	— Курбский район Ярославской области
Курск.	— Курская область
Л.	— д. Левкинская, Низовая Печора
Ленингр.	— Ленинградская область
Лен.	— Ленский улус Республики Саха (Якутия)
Леш.	— Лешуконский район Архангельской области
Лит. ССР	— Литовская ССР
Лод.	— Лодейнопольский район Ленинградской области
Локн.	— Локнянский район Псковской области
Лоух.	— Лоухский район Республики Карелия
Лужск.	— Лужский район Ленинградской области
Лычк.	— Лычковский район Новгородской области
М.	— д. Мыза, Низовая Печора
Мал.	— Маловишерский район Новгородской области
Масл.	— Масловский район Ярославской области
Мач. Якут.	— Мача Олёкминского улуса Республики Саха (Якутия)
Медв.	— Медвежьегорский район Республики Карелия
Медвежьегор.	— Медвежьегорский район Республики Карелия
Медын.	— Медынский уезд Калужской губернии
Межа Эст.	— Межа Эстонской ССР
Мез.	— Мезенский район Архангельской области
Мезен.	— Мезенский район Архангельской области
Молог.	— Мологский район Ярославской области
Мон.	— Монастырщинский район Смоленской области
Мосал.	— Мосальский уезд Калужской губернии
Моск.	— Московская область
Моск. Моск.	— Московский район Московской области
М.-Реч.	— Междуреченский район Вологодской области
Мурман.	— Мурманская область
Мышк.	— Мышкинский район Ярославской области
Нев.	— Невельский район Псковской области
Нижегор.	— Нижегородская область (губерния)
Низовая Печора	— Бассейн р. Печоры и ее притоков Пижмы, Цильмы и Нерицы
Никол.	— Никольский район Вологодской области
Новг.	— Новгородская область
Новг. Новг.	— Новгородский район Новгородской области
Новод.	— Новодугинский район Смоленской области
Новорж.	— Новоржевский уезд Псковской губернии
Новос.	— Новосильский район Орловской области
Новосиб.	— Новосибирская область
Н.-Рж.	— Новоржевский район Псковской области
Нянд.	— Няндомский район Архангельской области
Олон.	— Олонецкая губерния
Омск.	— Омская область
Онеж.	— Онежский район Архангельской области

Оп.	— Опочецкий район Псковской области
Оренб.	— Оренбургская область (губерния)
Орл.	— Орловская область (губерния)
Ост.	— Осташковский район Тверской области
Осташк.	— Осташковский район Тверской области
Остр.	— Островский район Псковской области
Палк.	— Палкинский район Псковской области
Пен.	— Пеновский район Тверской области
Пенз.	— Пензенская область (губерния)
Переслав.	— Переславский район Ярославской области
Перм.	— Пермская область (губерния)
Пест.	— Пестовский район Новгородской области
Пестов.	— Пестовский район Новгородской области
Петерб.	— Петербургская область (губерния)
Петергоф.	— Петергофский уезд Петербургской губернии
Петров.	— Петровский район Ярославской области
Петрозав.	— Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Печ.	— Печорский район Псковской области
Печор.	— Печорское (по р. Печоре)
Пин.	— Пинежский район Архангельской области
Пинеж.	— Пинежский район Архангельской области
Пл.	— Плюсский район Псковской области
Плес.	— Плесецкий район Архангельской области
Повен.	— Повенецкий уезд Олонецкой губернии
Под.	— Поддорский район Новгородской области
Подп.	— Подпорожский район Ленинградской области
Порх.	— Порховский район Псковской области
Поч.	— Починковский район Смоленской области
Пошех.	— Пошехонский район Ярославской области
Прим.	— Приморский район Архангельской области
Прион.	— Прионежский район Республики Карелия
Пск.	— Псковская область (губерния)
Пск. Пск.	— Псковский район Псковской области
Пуд.	— Пудожский район Республики Карелия
Пудож.	— Пудожский уезд Олонецкой губернии
Пуст.	— Пустошкинский район Псковской области
Пушк.	— Пушкинский район Псковской области
Пыт.	— Пыталовский район Псковской области
Ребрихин.	— Ребрихинский район Алтайского края
Ржев.	— Ржевский район Тверской области
Росл. Смол.	— Рославльский район Смоленской области
Ростов.	— Ростовский район Ярославской области
Рудн.	— Руднянский район Смоленской области
Рыльск.	— Рыльский уезд Курской губернии
Ряз.	— Рязанская область (губерния)
Ряз. Ряз.	— Рязанский район Рязанской области
Сарат.	— Саратовская область (губерния)

Саф.	— Сафоновский район Смоленской области
Свердл.	— Свердловская область
Сев.-Двин.	— Северо-Двинское (по р. Северной Двине)
Сер.	— Середкинский район Псковской области
Сиб.	— Сибирское
Сл.	— Славковский район Псковской области
Слав.	— Славковский район Псковской области
Слан.	— Сланцевский район Ленинградской области
Смол.	— Смоленская область (губерния)
Смол. Смол.	— Смоленский район Смоленской области
С.	— д. Скитская, Низовая Печора
Сок.	— Сокольский район Вологодской области
Сол.	— Солецкий район Новгородской области
Соликам.	— Соликамский район Пермской области
Сольвыч.	— Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Сош.	— Сошихинский район Псковской области
Ст.	— Старорусский район Новгородской области
Стариц.	— Старицкий район Тверской области
Стр.	— Стругокрасненский район Псковской области
Судж.	— Суджанский уезд Курской губернии
Сукс.	— Суксунский район Пермской области
СЦ.	— д. Сергеево Щелье, Низовая Печора
Сямж.	— Сямженский район Вологодской области
Тамб.	— Тамбовская область (губерния)
Тарт.	— Тартуский район Эстонской ССР
Твер.	— Тверская область (губерния)
Тер.	— Терский район Мурманской области
Терск.	— Терская область
Тихв.	— Тихвинский район Ленинградской области
Тихв. Новг.	— Тихвинский уезд Новгородской губернии
Тот.	— Тотемский район Вологодской области
Том.	— Томская область (губерния)
Тор.	— Торопецкий район Псковской области
Тр.	— д. Трусово, Низовая Печора
Трубч.	— Трубчевский уезд Орловской губернии
Тул.	— Тульская область (губерния)
Тюмен.	— Тюменская область
Убин.	— Убинский район Новосибирской области
Углич.	— Угличский район Ярославской области
Урал.	— Уральское
Уст. Арх.	— Устьянский район Архангельской области
Уст. Волог	— Устюженский район Вологодской области
У-Ц.	— с. Усть-Цильма, Низовая Печора
Хисл.	— Хиславичский район Смоленской области
Холм. Арх.	— Холмогорский район Архангельской области
Чаг.	— Чагодощенский район Вологодской области
Чер.	— Череповецкий район Вологодской области

Черепов.	— Череповецкий уезд Новгородской губернии
Чкал.	— Чкаловская область
Чуд.	— Чудовский район Новгородской области
Шенк.	— Шенкурский район Архангельской области
Шум.	— Шумяцкий район Смоленской области
Эст. ССР	— Эстонская ЭССР
Южн.	— Южное
Яросл.	— Ярославская область
Ярц.	— Ярцевский район Смоленской области

#### ИСТОЧНИКИ

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой: Вып. 1–13. М., 1980–2010. Вып. IX, 1996; Вып. X, 1999; Вып. XI, 2001 (продолжающееся издание).
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. VII, 1958; Т. VIII, 1959.
- НОС — Новгородский областной словарь / отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000. Вып. V, 1994. Вып. VIII, 1994. Вып. XII, 1995.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными: вып. 1–22. Л.; СПб., 1967–2011. Вып. III, 1976; вып. VII, 1986; вып. VIII, 1990; вып. XI, 1995; вып. XII, 1996; вып. XIII, 2003; вып. XIV, 2004; вып. XV, 2004; вып. XVI, 2004; вып. XVII, 2005; вып. XXI, 2009 (продолжающееся издание).
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007. Вып. VII, 1997.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь / гл. ред. А. С. Герд: вып. 1–4. СПб., 2003–2010. Вып. I. СПб., 2003 (продолжающееся издание).
- Сердюкова — *Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 2005.
- СОГ — Словарь орловских говоров / науч. ред. Т. В. Бахвалова: вып. 1–15. Вып. X. Орел, 1999.
- СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. М. Борисовой, К. Н. Прокошевой: вып. 1–2. Вып. I. Пермь, 2000.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд: Т. 1–6. Т. I. СПб., 1994; т. II. СПб., 1995; т. III. СПб., 1996; т. IV. СПб., 1999; т. V. СПб., 2002; т. VI. СПб., 2005.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005. Т. II. 2005.
- СРГС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–5. Екатеринбург, 2001–2011. Т. I, 2001; т. III, 2005.

- СРГСиб. — Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Вып. III. Новосибирск, 2001.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: т. 1–7. Свердловск, 1964–1988. Т. III. Свердловск, 1981.
- СРГЯ — *Дружинина М. Ф.* Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: учеб. пособие. Вып. 1–4. Якутск, 1997–2007. Вып. II, 2002.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–43. М.; Л.; СПб., 1965–2010. Вып. I. М.; Л., 1965; вып. II, 1966; вып. III, 1968; вып. IV, 1969; вып. V, 1970; вып. VI, 1970; вып. VII, 1972; вып. IX, 1972; вып. X, 1974; вып. XIII, 1977; вып. XIV, 1978; вып. XV, 1979; вып. XVI, 1980; вып. XVII, 1981; вып. XIX, 1983; вып. XXI, 1986; вып. XXII, 1987; вып. XXIII, 1987; вып. XXIV, 1989; вып. XXV, 1990; вып. XXVII, 1992; вып. XXVIII, 1994; вып. XXIX, 1995; вып. XXX, 1996; вып. XXXI, 1997; вып. XXXII, 1998; вып. XXXVI, 2002; вып. XXXIX, 2005; вып. XL, 2006 (продолжающееся издание).
- ССГ — Словарь смоленских говоров: вып. I–XI. Вып. I. Смоленск, 1974; вып. VIII, 1998; вып. XI, 2005.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991. Вып. III, 1984; вып. VII, 1988.
- SKES — *Toivonen Y. H., Itkonen E., Toki A. J., Peltola R.* Suomen kielen etymologinen sanakirja: O. I–VII. Helsinki, 1955–1981. O. I, 1955; O. IV, 1969; O. V, 1975.

## ABSTRACTS

### ***Gerd A. A. Shakhmatov's «Russian dialectology» — our tasks and our possibilities»***

The paper presents a detailed review of the book «A. A. Shakhmatov's "Russian dialectology"» edited with comments by prof. B. A. Larin and prepared for printing by I. S. Lutovinova. The paper discusses and specifies the subject of historical dialectology compared with other sciences.

*Keywords:* A. Shakhmatov, B. Larin, history of language, dialectology, geography.

### ***Puritskaya E. The Dialectal Subcorpus of the Russian National Corpus as a source for studying the lexical dynamics of a dialect***

The article looks at the possibilities of The Dialectal Subcorpus of the Russian National Corpus to examine the transformation of dialects, as well as the functioning of the literary Russian words in dialectal speech. The Subcorpus allows tracing the use of language in popular speech. Observations are focused on the words in the lexical-semantic field of «speaking».

*Keywords:* lexicology, dialectology, Russian National Corpus.

### ***Dmitriev A. Ingermanland historic-cultural area in the light of new documental evidence (adapted from «Baltiska fogderäkenskaper» collection)***

The article deals with the issue of administrative-territorial division of the territory between the Narva river and the Ladoga lake in the 80s of the XVI century. The sources involved are new documents unknown to a large circle of historians and toponymists. These are documents in «Baltiska fogderäkenskaper» collection, stored in the State Archive of Sweden (Stockholm). Special attention, in particular, is paid to changes in the structure of graveyard names of Vodskaya fifths and boundaries of these graveyards. It is also considered the problem of formation a new administrative unit within the Swedish state — Ingria — during the period from 1583 to 1590 years. Supplementary material is the following: royal charters, letters, instructions, within we analyze mainly the title of the King of Sweden — Johan III. In the title, as it is known, some elements of place names are reflected. Based on the analysis of the documents in the collection «Baltiska fogderäkenskaper» it is made the conclusion about other boundaries, which Ingria had in 1583-1590, as well as a «bias» of the boundaries of Vodskaya fifths during the Swedish administration. All results are supported by rich toponymic material.

*Keywords:* place-names, graveyard names, administrative-territorial division, historic-cultural area, Ingermanland, Vodskaya fifths.

**Lunkova E. Word-formational types of the concrete nouns in smolensk dialects (based on the material of the from-substantive derivation)**

This article is about the dialect derivation, description of the system suffix from-substantive concrete nouns in smolensk dialects is in the centre of attention. This description is given through word-formational types with parallel establishment of the parts of dialect types and its peculiarities.

*Keywords:* dialectology, smolensk dialects, word-formational type.

**Yatskevich L. Derivation potential of pronouns in the Vologda dialects**

Derivation potential of pronouns in the Vologda dialects is considered on a basis of large material. Morphemic and not morphemic modes of words derivation of different parts of the speech derived from pronouns are defined.

*Keywords:* Vologda dialects, derivation potential, pronouns.

**Kartysheva M., Nefedova E. Arkhangelsk, the path of the road**

The article examines the semantic field 'road' on the material of Arkhangelsk dialects: semantic features of the omni-motivated nominations of 'roads' are defined, semantic potential of lexemes 'road' (дорога), 'path' (путь), 'portage' (волок) is characterized, which is manifested in their derivatives of metonymic and metaphorical meanings, and also mytho-poetical notions of 'path' and 'road' are revealed.

*Keywords:* the structure of the semantic field 'road', semantics, compatibility.

**Kachinska I. Kinship terminology and world of plants (the case of Arkhangelsk Region dialects)**

Kinship terms are a connotative lexical group, which is characterized by regular metaphorical transfer to a variety of areas, including the field of plants. Drawing on the data from the Arkhangelsk Region dialects the author examines how kinship terminology is carried over to the plant world, how concepts of male and female are used. In particular she considers the derivatives of the following concepts: *family, clan; mother, grandmother, grandfather; stepmother, stepson, stepdaughter; widower, mother-in-law.*

*Keywords:* kinship terminology, connotative lexicon, names of plants, Arkhangelsk dialects.

**Panina J. Word *праздник* in Arkhangelsk's dialects: semantics and compatibility**

This paper is devoted to the operation of all-Russian word *праздник* in Arkhangelsk's dialects, its lexical meanings, verbal and attributive compatibility.

*Keywords:* all-Russian word, compatibility, semantics.

**Bunchuk T. Pea in the Language and Traditional Culture of the Russian North**

In the article the linguo-mental image of the pea in the folk culture is described basing on the analysis of the North Russian dialectal lexis and phraseology as well as folk and ethnographic data. In the Russian North tradition the pea — as one of the culture vegetative code symbols — has the following conceptual features: «masculine»

(and the related «erotic», «hard», «top»), «ancestor» (and the related «beginning / end», «family», «ancient», «afterworld»). In the article the author has made an attempt to interpret the origin of some North Russian and common Russian idioms.

*Keywords:* concept, symbol, folk culture, pea.

**Zorina L. Vologda dialectal good-wishing phrases in the cow milking situation**

The article gives the analysis of Vologda dialectal good-wishing phrases fixed in the cow milking situation. Special attention has been given to their semantics, symbolic meanings and structural organization. Description of peasant etiquette idiomatic expressions enlarge our ideas on culture of local inhabitants and peculiarities in realization of communicative principle of politeness in their everyday life.

*Keywords:* folk speech etiquette, good-wishing phrases in the cow milking situation.

**Popova A. The noun *zhakra*: an origin, semantics, derivation connections in the national dialects.**

The article is devoted to research of an origin of a noun *zhakra* functioning in the vologodsky dialects. The noun hasn't been fixed in any dictionaries of literary language and of national dialects. By means of analysis of its formal and semantic connections with other, related dialectal lexemes, a way of semantic evolution from the starting, ancient word *zhagra*, which designating primary one of weapon details, till the observed word *zhakra*, which nominates an instrument of a shoemaker's dairly use, follows in the article. Directions of semantic evolution of a lexeme *zhagra* are studied and representation of items of a dialect word-formation cluster with a root *zhagr-* is given in the article.

*Keywords:* northern Russian dialects, semantics, derivation cluster, internal form, noun *zhakra*.

**Borisova O. Dialect neologisms in the light of time**

On the material of Kuban dialects the signs of dialect neologisms are clarified, taking into account the factor of the historical time of birth of words actual and nonactual neologisms are distinguished.

*Keywords:* dialect neologism, actual neologism, nonactual neologism, historical time of the birth of words, onomasiological processes.

**Myznikov S. Reverse Finno-Ugric borrowings in the Russian dialects of the North**

The article deals with the problems of Russian loanwords in Finno-Ugrian languages, which have penetrated back into Russian dialects.

*Keywords:* reverse borrowings, Finno-Ugric languages, Russian dialects of the North.

**Gaidamashko R. About Finno-Ugric lexicon of northern Russian dialects in Russian dialects of the Perm region (on the base of the material of thematic group «Landscape»)**

The article is devoted to finding a finno-ugric lexicon of Northern Russian dialects in Russian dialects of the Perm region (on the base of the material of thematic group «Landscape»). Brief comparative, historical and etymological analysis of twenty-five lexemes that, hypothetically, stem from Finno-Ugric languages, showed that some lexemes are not yielded to precise etymologization. This indicates, on the one hand, the antiquity of adoption of the lexemes by Russian language, and on another, that not all of the Finno-Ugric languages or dialects, that served as a sources for Russian lexemes, have survived to our days. Overall, the study confirmed the basic thesis about Northern Russian roots of the dialects of the Perm region and allowed to allot the two areas from where the Kama river basin was being settled actively — Russian North-West and North Dvina and Mezen basins.

*Keywords:* Russian dialects of the Perm region, Northern Russian dialects, lexicon of landscape, finno-ugric lexicon, etymology.

**Brodsky I. Zoosemisms meaning «cow», «pig», «bull», «calf» in finno-permic plants' names**

In Finno-Ugric languages there are different composite plants' names which structure includes names of animals (zoosemisms). There are also some simple phytonyms, which are motivated with zoosemisms. In this article the author examines plants' names which structure includes names of horned cattle in the Finno-Permic languages (the branch of Finno-Ugric languages excluding the Ugric branch).

The structure of Finno-Permic plants' names includes gender (*a cow, a bull*) and age (*a calf, a heifer*) varieties of common horned cattle names. Together with a determinant of a nomination class (for example, *flower, grass*) they form semantic models, which appear to be similar in Finno-Permic languages. Most widespread is the model «cow mushroom». Models like «zoosemism + the name of a part of an animal's body» are rather extended also, for instance, «cow tongue», «bull tongue» and «cow nipple». The majority of models are present in the Baltic-Finnish languages only while others can also be found in other related languages, for example, «cow mushroom», «cow tongue», «bull flower».

The models specified have appeared in languages with which Finno-Permic languages have had historical contacts. These models can name the same plants: for example, the model «cow grass» in Russian and Estonian languages names *tetterwort* (*Chelidonium majus*), the model «cow mushroom» refers in Baltic-Finnish, Permic, Germanic, Baltic and Russian languages to identical mushrooms (mostly *Boletus*). Such coincidences in certain cases can speak in favour of language contacts.

*Keywords:* nomination of phytonyms, zoosemisms, Finno-Ugric languages, language contacts.

**Karamysheva L. Constructions of enumeration of fishing wetlands in the monuments of XV–XVII centuries**

In the article, we consider fishing terminology in Russian language from the XV–XVII centuries. For analyses, were chosen terms used for enumeration of fishing wetlands and combinations with it.

*Keywords:* catching, fishing terms, old Russian memorial of the writing.

***Mikhailova L. Reflexes of the process of lengthening of vowel sounds in lexicon of Russian dialects (o > a)***

The article presents a large group of Russian vocabulary, has experienced the transformation of the vocal o in the first syllable in the position before the stress in connection with the recession of the stress, the transition  $\acute{a} < o$ . A change of this kind is due to the influence of non-related languages, in particular, the Baltic- Finnish.

The formal relations of the described words with the original lexemes establishes, as well as the nature of the semantic relations between them. The areas of the distribution of vocabulary identifies, which coincide in the main with the ancient finno-ugric territory. An attempt to establish the causes of the described phenomena is made.

*Keywords:* language contacts, dialectal vocabulary, the area of the phenomenon.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Борисова Ольга Геннадиевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Кубанского государственного университета. E-mail: ganevika@rambler.ru

**Бродский Игорь Вадимович** — кандидат филологических наук, доцент кафедры уральских языков, фольклора и литературы Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. E-mail: kodima@mail.ru

**Бунчук Татьяна Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии филологического факультета Сыктывкарского государственного университета. E-mail: tnbunchuk@mail.ru

**Гайдамашко Роман Валентинович** — аспирант Института лингвистических исследований РАН. E-mail: gaidamashko@gmail.com

**Герд Александр Сергеевич** — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: msk.philol@mail.ru

**Дмитриев Александр Владиславович** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: avd84@rambler.ru

**Зорина Людмила Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: lyudmila.zorina@gmail.com

**Карамышева Любовь Михайловна** — кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, сотрудник Института русского языка и культуры, сектор «Русский язык в специальных целях». E-mail: ljuba0208@mail.ru

**Картышева Мария Сергеевна** — аспирантка кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета. E-mail: kartyshewa@yandex.ru

**Качинская Ирина Борисовна** — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: kacza@rambler.ru; kacza@yandex.ru

**Лунькова Екатерина Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ttf32lunkova@yahoo.com; rina4@yandex.ru

**Михайлова Любовь Петровна** — кандидат филологических наук, доцент Карельского государственного педагогического университета. E-mail: posnm87@bk.ru

**Мызников Сергей Алексеевич** — доктор филологических наук, зав. Словарным отделом Института лингвистических исследований РАН. E-mail: myznikovs@rambler.ru

**Нефедова Елена Алексеевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета. E-mail: eanefedova@gmail.com

**Панина Жанна Александровна** — аспирантка кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: zhanna.panina@gmail.com.

**Попова Анна Ростиславовна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Орловского государственного университета. E-mail: Btv-orel@yandex.ru; StudioAA2001@yandex.ru

**Пурицкая Елизавета Владиславовна** — кандидат филологических наук, научный сотрудник Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: purichi@list.ru

**Яцкевич Людмила Григорьевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного педагогического университета. E-mail: VAYatskevich@yandex.ru

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Герд А. С.</i> «Русская диалектология» А. А. Шахматова — наши задачи и наши возможности .....	3
<i>Пурицкая Е. В.</i> Диалектный подкорпус Национального корпуса русского языка как источник изучения лексической динамики диалекта .....	14
<i>Дмитриев А. В.</i> Ингерманландская историко-культурная зона в свете некоторых новых документальных данных (по материалам собрания “Baltiska fogderäkenskaper”).....	23
<i>Лунькова Е. С.</i> Словообразовательные типы конкретных существительных в смоленских говорах (на материале отсубстантивов).....	40
<i>Яцкевич Л. Г.</i> Словообразовательный потенциал местоимений в вологодских говорах .....	55
<i>Картышева М. С., Нефедова Е. А.</i> Архангельские пути-дороги.....	64
<i>Качинская И. Б.</i> Термины родства и растительный мир (по материалам архангельских говоров) .....	83
<i>Панина Ж. А.</i> Праздник в архангельских говорах: семантика и сочетаемость.....	97
<i>Бунчук Т. Н.</i> Горох в языке и традиционной культуре Русского Севера.....	117
<i>Зорина Л. Ю.</i> Вологодские диалектные благопожелания в ситуации доения коровы.....	134
<i>Попова А. Р.</i> Существительное <i>жáкра</i> : происхождение, семантика, словообразовательные связи в народных говорах.....	150
<i>Борисова О. Г.</i> Диалектные неологизмы через призму времени .....	158
<i>Мызников С. А.</i> Обратные финно-угорские заимствования в севернорусских говорах .....	171
<i>Гайдамашко Р. В.</i> О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт»).....	181
<i>Бродский И. В.</i> Зоосемизмы — названия коровы, быка, теленка в составе финно-пермских фитонимов .....	206
<i>Карамышева Л. М.</i> Конструкция исчисления рыболовных угодий в памятниках письменности XV–XVII веков.....	221
<i>Михайлова Л. П.</i> Рефлексы процесса удлинения гласных звуков в лексике русских говоров (o > a) .....	228
Abstracts .....	250
Сведения об авторах.....	255

## CONTENS

<i>Gerd A. A. A. Shakhmatov's «“Russian dialectology” — our tasks and our possibilities»</i> .....	3
<i>Puritskaya E. The Dialectal Subcorpus of the Russian National Corpus as a source for studying the lexical dynamics of a dialect</i> .....	14
<i>Dmitriev A. Ingermanland historic-cultural area in the light of new documental evidence (adapted from «Baltiska fogderäkenskaper» collection)</i> .....	23
<i>Lunkova E. Word-formational types of the concrete nouns in Smolensk dialects (based on the material of the from-substantive derivation)</i> .....	40
<i>Yatskevich L. Derivation potential of pronouns in the Vologda dialects</i> .....	55
<i>Kartysheva M., Nefedova E. Archangelsk, the path of the road</i> .....	64
<i>Kachinska I. Kinship terminology and world of plants (the case of Arkhangelsk Region dialects)</i> .....	83
<i>Panina J. Word <i>праздник</i> in Archangelsk's dialects: semantics and compatibility</i>	97
<i>Bunchuk T. Pea in the Language and Traditional Culture of the Russian North</i> ...	117
<i>Zorina L. Vologda dialectal good-wishing phrases in the cow milking situation</i> ..	134
<i>Popova A. The noun <i>zhakra</i>: an origin, semantics, derivation connections in the national dialects</i> .....	150
<i>Borisova O. Dialect neologisms in the light of time</i> .....	158
<i>Myznikov S. Reverse Finno-Ugric borrowings in the Russian dialects of the North</i> .....	171
<i>Gaidamashko R. About Finno-Ugric lexicon of northern Russian dialects in Russian dialects of the perm region (on the base of the material of thematic group «Landscape»)</i> .....	181
<i>Brodsky I. Zoosemisms meaning “cow”, “pig”, “bull”, “calf” in finno-permic plants' names</i> .....	206
<i>Karamysheva L. Constructions of enumeration of fishing wetlands in the monuments of XV–XVII centuries</i> .....	221
<i>Mikhailova L. Reflexes of the process of lengthening of vowel sounds in lexicon of Russian dialects (o &gt; a)</i> .....	228
Abstracts .....	250
List of authors .....	255

Научное издание

СЕВЕРНОРУССКИЕ ГОВОРЫ

*Выпуск 12*

Редактор *Л. А. Карпова*  
Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Подписано в печать 31.05.12. Формат 60×84 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 15,05. Тираж 000 экз. Заказ

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.  
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.